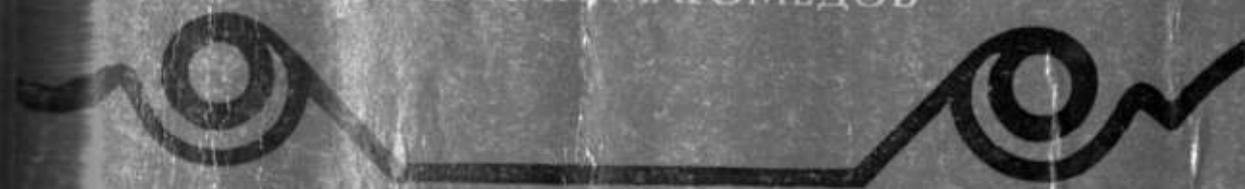

1 р., 23 в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

С. О. ХАНМАГОМЕДОВ

ЛЕЗГИНСКОЕ
НАРОДНОЕ
ЗОДЧЕСТВО

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

О. А. ШВИДКОВСКИЙ

Б. 762587

ПРЕДИСЛОВИЕ

Архитектура Кавказа по праву занимает почетное место в истории мирового зодчества. Однако до недавнего времени в поле зрения историков архитектуры попадали главным образом давно выявленные и тщательно изученные памятники архитектуры Армении и Грузии. В последние годы проведена большая работа и по исследованию архитектуры Азербайджана.

Хуже обстоит дело с изучением художественной культуры народов Северного Кавказа, в том числе и Дагестана. Это относится не только к архитектурному наследию. Так, например, лишь в самые последние годы получило широкое признание мастерство гончаров аула Балхар, а переводы на русский язык открыли для многих читателей сокровища народной поэзии Дагестана. Дагестан — один из своеобразнейших художественных центров Кавказа, и дальнейшее изучение его культуры может принести еще много неожиданных открытий.

Архитектура горного Дагестана, можно сказать, была буквально заново открыта лишь в послевоенные годы. Если архитектурные памятники Дербента привлекали внимание исследователей уже в XVIII—XIX вв., то выявление памятников народной архитектуры горных районов Дагестана началось лишь в самое последнее время.

До Великой Отечественной войны обследование архитектурных памятников Дербента и горных районов Дагестана вел Н. Б. Бакланов. Собранные им материалы частично опубликованы в подготовленном научно-исследовательским Институтом архитектуры Всероссийской Академии художеств первом выпуске серии «Архитектурные памятники Дагестана» (Ленинград, 1935). К сожалению, этот первый выпуск так и остался единствен-

ным. В нем были опубликованы обмеры лишь нескольких объектов.

Изданная в 1931 г. книга А. С. Башкирова «Искусство Дагестана» посвящена резному камню (в основном селения Кубачи) и касается архитектуры лишь попутно.

Систематическое изучение народной архитектуры горного Дагестана началось только после Великой Отечественной войны. В 1945 и 1946 гг. экспедициями Академии архитектуры СССР и Института этнографии Академии наук СССР был собран большой и художественно ценный материал по аварскому народному зодчеству Гунибского, Чародинского, Кахибского, Ахвахского, Боталхского и Буйнакского районов. Частично материалы этой экспедиции были опубликованы в статьях руководителя архитектурной группы Г. Я. Мовчана.

В 1949 и 1950 гг. Московский архитектурный институт организовал две экспедиции в Южный Дагестан. Были обследованы архитектурные памятники Дербента, а также лезгинских, табасаранских и агульских селений районов: Касумкентского, Хивского, Табасаранского, Агульского и Курахского. Собранные материалы частично опубликованы участниками экспедиций Г. Н. Любимовой и С. О. Хан-Магомедовым в книге «Народная архитектура Южного Дагестана» (табасаранская архитектура) и в ряде статей.

Затем в 1952 и 1953 гг. во время научных командировок нами изучались архитектурные памятники лезгинских, рутульских, цахурских и лакских селений районов: Рутульского, Ахтынского, Докузпаринского, Кулинского и Лакского, а в последующие годы проводилась работа по обследованию архитектурных памятников Дербента и Горной стены. Собранный материал был частично опубликован

в ряде статей и книге С. О. Хан-Магомедова «Дербент» (Москва, 1958).

* * *

В Южном Дагестане живет пять народностей лезгинской группы — собственно лезгины, агулы, рутульцы, табасаранцы и цахуры. Каждый из этих народов имеет свой язык, свои обычаи, свои национальные особенности культуры и архитектуры. Практически у всех этих народов архитектура в прошлом не вышла из стадии народного зодчества. Высокие горные хребты, разнообразие природно-климатических условий, деление Дагестана на феодальные владения и «вольные общества» способствовали развитию и сохранению национальных особенностей архитектуры этих отдельных народов.

Небольшая территория Южного Дагестана, примыкающая короткой стороной к Каспийскому морю, а длинной — к главному Кавказскому хребту, делится в поперечном направлении на ряд природных зон. Если ехать от берега моря до высокогорных районов, то можно за несколько часов побывать и почти в субтропиках, и на альпийских лугах.

В середине XIX в. народная архитектура Южного Дагестана достигла своего расцвета, ее отдельные национальные школы имели местные особенности — конструкции, тип жилого дома, характер композиции фасада, архитектурные формы, орнамент. Причем различие природных условий существенно повлияло на особенности народной архитектуры отдельных районов Южного Дагестана.

Так, например, в зоне нижних предгорий (лезгинские селения) теплый климат, пологий рельеф, отсутствие строительного камня и нехватка леса привели к распространению саманного жилого дома с обилием балконов и галерей. Архитектурный декор здесь ограничивался несложными порезками подбалок, столбиков и консолей карнизов.

В зоне верхних предгорий (табасаранские и частично лезгинские селения) умеренный климат, гористый рельеф, мягкий, хорошо поддающийся обработке строительный камень, леса с такими строительными породами дерева, как бук, дуб, граб и орех, способствовали появлению совершенно иной архитектуры. Жилые дома здесь обычно имеют большую лоджию и возводятся из тесанного камня с фигурными каменными деталями; широко применяется в строительстве дерево и не только в качестве чисто конструктивных элементов, но и как отделочный материал. Например,

оконные и дверные коробки делают с широкими, обращенными на фасад резными деревянными плоскостями. Поэтому именно в табасаранской архитектуре получило наибольшее развитие искусство орнаментальной резьбы по дереву с разнообразным рисунком типа «плетенка».

В горной зоне Южного Дагестана (лезгинские, агульские, рутульские и цахурские селения) климат суровый, рельеф сильно пересеченный, основной строительный материал — твердый, с трудом поддающийся обработке камень. Дома здесь строились из необработанного камня, с глухими фасадами. В большей части горной зоны (в основном в лезгинских и агульских районах) резкий дефицит строительного леса вызвал широкое использование в конструкциях междуэтажных перекрытий и проемов арок и сводов. Дерево (привозное) применялось лишь как необходимый конструктивный материал, и искусство художественной обработки развивалось по пути выработки наиболее выразительных форм таких тектонических деталей, как подбалка и консоль. Орнаментальное же искусство оказалось менее развитым и ограничивалось варьированием мотива геометрической розетки.

В другой части горной зоны (в рутульских и цахурских селениях), где имелось достаточное количество хорошего строительного леса, искусство художественной обработки дерева было сосредоточено в основном в интерьере. Народные мастера создали здесь применявшуюся и в лезгинских селениях оригинальную конструктивно-декоративную пространственную систему перекрытия парадной комнаты жилого дома с выразительными формами подбалок и широко применяли своеобразный растительно-геометрический орнамент.

Народное зодчество отдельных народов Дагестана имеет свои особенности. Поэтому на данной стадии изучения архитектурного наследия Дагестана целесообразно публиковать монографические исследования, посвященные архитектуре отдельных крупных народов (аварцев, лезгин, даргинцев, лакцев, кумыков, табасаранцев, агулов, рутульцев, цахуров, андо-дидойских народов). Такая работа фактически уже начата изданием книги по табасаранской архитектуре. Этой книгой, посвященной лезгинскому зодчеству, продолжается публикация новых материалов по народной архитектуре Дагестана.

В 1949, 1950 и 1952 гг. автором было обследовано 42 лезгинских селения, в которых обмерено 75 жилых домов (кроме того, частич-

но обмерено и зарисовано более 160), 36 хозяйственных построек, 16 мечетей, 32 мавзолея, 11 родников, 14 мостов и т. д. Кроме того, обмерены, зарисованы, эстампированы и сфотографированы сотни резных каменных и деревянных деталей (в том числе во многих разрушенных, подорванных или перестроенных зданиях)¹.

Обследование территории Дагестана с целью выявления и изучения архитектурных сооружений еще далеко нельзя считать законченным. Необходимо зафиксировать и ввести в научный обиход еще многие представляющие художественную ценность произведения народного зодчества. Однако работа эта до последнего времени ведется недопустимо медленными темпами. В различных селениях имеется множество художественно ценных построек народной архитектуры. Их необходимо взять на учет в самый короткий срок. Дело в том, что большинство построек народного зодчества представляют собой жилые дома, и вполне естественно, что сейчас они заменяются новыми, при этом часто разрушаются многие представляющие художественный интерес постройки.

Речь идет не о том, чтобы непременно сохранять все постройки народной архитектуры, — это, конечно, невозможно. Сохранять необходимо наиболее выдающиеся постройки. В большинстве же построек архитектурно-

художественный интерес представляют лишь планировка, общая композиция фасада, форма или орнаментальная обработка того или иного архитектурного элемента. Такие постройки достаточно будет зафиксировать (обмерить, сфотографировать, зарисовать, описать). Вообще надо отметить, что по отношению к изучению народной архитектуры метод фиксации наиболее необходим, так как ознакомление на месте со многими памятниками народного зодчества для широких кругов архитекторов и всех интересующихся народным искусством практически невозможно из-за разбросанности их по различным, подчас очень отдаленным и труднодоступным селениям, особенно это относится к горным районам.

Поэтому фиксация памятников народного зодчества и их публикация является одной из важных задач нашей архитектурной и искусствоведческой науки. Однако задача эта выполняется плохо.

Многие произведения народного зодчества бесследно пропадают так и не дождавшись своих исследователей.

О том, какие художественные сокровища таятся в недрах еще неисследованной народной архитектуры, свидетельствует пример изучения архитектуры Дагестана, где за послевоенные годы были выявлены сотни совершенно новых, неизвестных до последнего времени замечательных памятников народного зодчества, среди которых одно из первых мест занимают произведения лезгинских мастеров.

¹ В сборе материала принимали участие В. А. Марценюк (1949 г.), Г. Н. Любимова (1950 г.) и М. Б. Чернышов (1952 г.).

ЛЕЗГИНИСТАН

(историко-географический очерк)

Районы, населенные лезгинами (Лезгинистан), расположены в Южном Дагестане.

Древнейшие сведения о Дагестане относятся к первым векам до нашей эры, когда народы Южного Дагестана совместно с соседними народами Закавказья входили в состав Кавказской Албании¹. На территории Дагестана на берегу Каспийского моря проходил в прошлом торговый путь, связывавший Переднюю Азию с Восточной Европой. Здесь у города Дербента Кавказские горы всего ближе подходят к морю, оставляя узкий трехкилометровый проход. Борьба за этот Дербентский проход, которая велась между государствами Передней Азии и кочевниками южных степей Восточной Европы, в продолжение многих веков влияла на исторические судьбы народов Дагестана.

Начиная с IV в. нашей эры на территории Дагестана велась борьба между Сасанидской Персией и хазарами. Границей Персидского государства на севере служили Дербентская крепость² и линия крепостей в горах к западу от Дербента³. В VII в. в Дагестане появились арабы, господство которых здесь длилось несколько веков. В XI в. Дагестан был завоеван сельджуками. В конце XIV в. через Дагестан прошли полчища Тамерлана.

«Древнейшие известия о лезгинах, — пишет А. И. Лавров, — мы находим у античных авторов, которые упоминают о живущем на

восточном Кавказе народе «лезги». Арабские авторы IX—X вв. знали в южном Дагестане «царство лекзов». Нашествие арабов в Дагестане в VII—VIII вв. сопровождалось насильственным обращением лезгин в ислам. Находки куфических надписей в селениях Ахты и Зрых позволили считать, что эти, как, очевидно, и многие другие лезгинские селения, возникли до XIV в.»⁴. Со второй половины XV в. борьба за Дагестан шла уже между Турцией и Персией. С начала XVII в. в Дагестане установилось политическое господство Персии.

Дагестанские народы, угнетаемые завоевателями, неоднократно восставали против своих поработителей. Историки сообщают о многочисленных восстаниях народов Южного Дагестана (лезгин, цахуров, рутульцев, табасаранцев и др.) против иранских и турецких захватчиков.

Большое значение для установления близких отношений между Россией и Дагестаном имел восточный поход Петра I (1722 г.), в результате которого большая часть Дагестана была временно присоединена к России.

Окончательно Дагестан был присоединен в 1806 г.

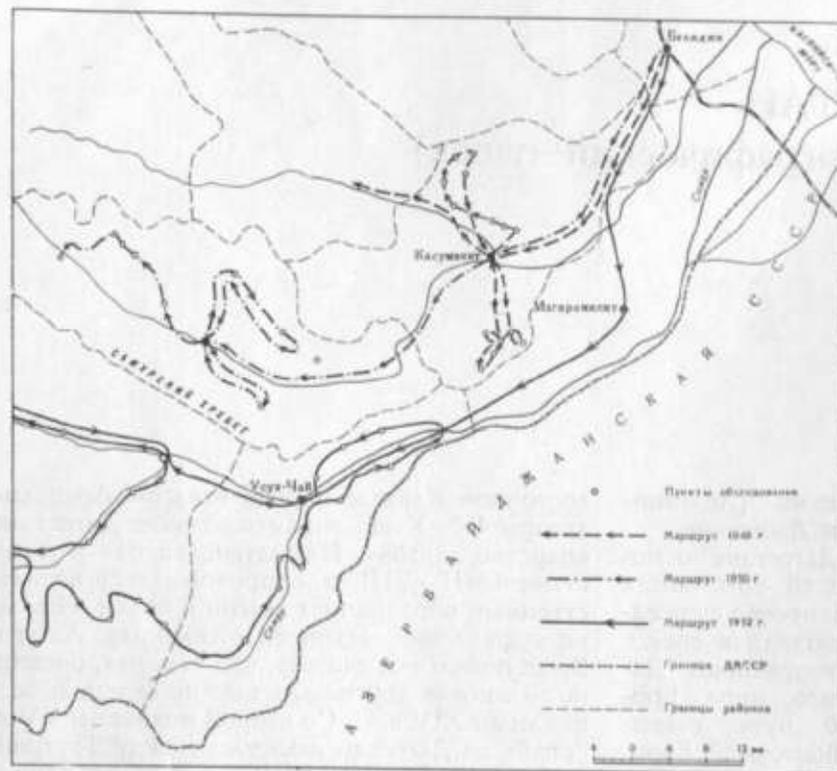
В XVIII в. и начале XIX в. Дагестан в политическом и социально-экономическом отношении представлял собой очень пеструю картину. На его территории насчитывалось несколько десятков феодальных владений и так называемых «вольных обществ».

⁴ А. И. Лавров. Лезгины. — Сб. «Народы Дагестана». М., 1955, стр. 103. В другой работе А. И. Лавров сообщает, что девять надписей, сделанных куфическим шрифтом (XI—XIII вв.), обнаружены также в селении Кочхюр (А. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. — Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XVII. М. — Л., 1951, стр. 373).

¹ «История Дагестана», т. I. Махачкала, 1967, стр. 105—117; К. В. Трезвер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М. — Л., 1959.

² С. О. Хан-Магомедов. Дербент. М., 1958; его же. Стены и башни Дербентской крепости. — «Архитектурное наследие», № 17. М., 1964, стр. 121—146.

³ С. О. Хан-Магомедов. Раннесредневековая Горная стена в Дагестане. — «Советская археология», 1966, № 1, стр. 227—243.

Южный Дагестан. Маршруты экспедиций 1949, 1950 и 1952 гг.

С. В. Юшков считает, что политическому объединению Дагестана мешало «крайне слабое развитие денежных, товарных отношений, почти полная разобщенность племен в высокогорной части», что «исключало для него возможность, по крайней мере в XI—XVIII вв., превращения в единое феодальное государство». Попытки отдельных «крупных феодалов овладеть всем Дагестаном, которые делались до XIX в., окончились неудачей, слишком отсутствовали экономические предпосылки для такого объединения, слишком действовали центробежные силы»⁵.

Феодальные владения были более или менее однородны по этническому составу, объединяя основную массу населения той или иной народности и являясь для нее центром притяжения. По племенному признаку создавались

⁵ С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. До русского завоевания. — «Ученые записки Свердловского Гос. педагогического института», вып. I, 1938, стр. 82—83. См. также Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957 и Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

и «вольные общества», а также союзы «вольных обществ». Возникновение таких государственных образований у отдельных народностей Дагестана облегчалось тем, что большинство этих народностей расселено на компактных и однородных в природном отношении территориях.

В более сложных условиях находились лезгины, которые на протяжении многих веков были политически раздроблены, чему немало способствовало природное деление их территории. Земледелие в Южном Дагестане развито главным образом в зоне предгорий и является, как правило, поливным. Так, земледелие составляет основное занятие населения в Касумкентском и Магарамкентском районах. Довольно значительно развито земледелие и в долине Самура, которую по типу сельскохозяйственного производства можно приравнять к предгорным районам. Своеобразие истории Дагестана, где в течение веков приморская низменность была ареной постоянных войн между иноземными захватчиками, боровшимися за обладание Дербентским проходом, привело к тому, что плотность населения в горной части Дагестана значительно выше

чем в равнинной. В настоящее время делается многое для того, чтобы изменить неравномерность расселения в районах Дагестана. Жители ряда горных аулов переселяются на равнинные земли, пригодные для развития земледелия, причем некоторые аулы переселяются целиком, другие частично.

Большое распространение в прошлом имели в Дагестане кустарные промыслы; до революции в них было занято до 10—15% населения. При отсутствии необходимого количества пахотной земли кустарные промыслы были для дагестанских народов одним из главных источников существования; многие изделия дагестанских кустарей расходились по всему Кавказу и даже за его пределами.

Ю. В. Маргграф связывает развитие кустарных промыслов в Дагестане с длительной вооруженной борьбой горцев за свою независимость. «Вследствие непрерывных войн, — пишет он, — ...обрабатывающая промышленность... отовсюду изолированная, должна была поневоле сосредоточиться, главным образом, на изготовлении предметов ближайшей необходимости: одежды, обуви, оружия и т. п. — для своего собственного употребления, помимо всякого внешнего спроса. Это же непрерывное осадное положение горского населения заставило его локализовать свою обрабатывающую промышленность в более горных, недоступных для врагов местностях»⁶.

Лезгины — один из наиболее крупных народов Дагестана. Лезгинский язык является одним из литературных дагестанских языков и имеет три основных диалекта — кюринский (основа лезгинского языка), ахтынский (самурский) и кубинский⁷, причем границы распространения этих диалектов соответствуют как естественно-географическому членению территории, населенной лезгинами, так и бывшему политическому делению края. Поэтому лезгины издавна делятся на три группы: 1) ахтынцы, населяющие правую сторону долины среднего Самура (Докузпаринский, Ахтынский и частично Рутульский районы Дагестанской АССР), 2) кюринцы, населяющие левую сторону Самура и бассейны рек Курах-Чай и Гюльгеры-Чай (Курахский, Касумкентский, Магарамкентский и частично Хивский районы Дагестанской АССР), и 3) кубинцы, живущие по правой стороне нижнего Самура (Азер-

⁶ Ю. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882, стр. XXXVII.

⁷ Ч. А. Мейданова. Лезгинский язык. — В кн. «Языки народов СССР», т. IV. М., 1967, стр. 542.

байджанская ССР — районы Кусарский, Кубинский и Худатский»⁸.

В настоящей книге рассматривается народная архитектура лезгин, живущих на территории Дагестанской АССР, т. е. архитектура кюринцев и ахтынцев.

Сведения начала 1870-х годов дают такую картину численности лезгинского населения: Дагестанская область — 171 селение, 14 126 дворов, 79 823 человека, в том числе кюринцев (Кюринский округ) — 128 селений, 8268 дворов, 43 445 человек и ахтынцев (Самурский округ) — 43 селения, 5858 дворов, 36 378 человек; Бакинская губерния — кубинцев (Кубинский уезд) — 28 641 человек⁹.

По переписи 1926 г. было зарегистрировано 101 977 лезгин, постоянно проживающих в Дагестанской АССР, что составляло 12,4% населения республики¹⁰. Всего же в стране насчитывалось в то время 134 тыс. лезгин¹¹. Согласно переписи 1959 г., в СССР насчитывалось 223 129 лезгин, в том числе в Дагестане 108 615 человек (10,2% всего населения республики), а в Азербайджане 98 211 человек (2,7% всего населения Азербайджанской ССР)¹².

Р. М. Магомедов считает, что термин «Лезгинистан» в средние века применялся для названия всего Дагестана; в основе его образования лежало имя древнедагестанского племени «леги», а позднее «леги», «леки». Начиная с позднего средневековья, термин «Лезгинистан» и «легины» закрепляются за южнодагестанской территорией. Дальнейшая история термина «Лезгинистан» связана с образованием лезгинской народности¹³.

⁸ О кубинских лезгинах см.: М. М. Икхлов. Кубинские лезгины. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. II. Махачкала, 1957, стр. 199—209; А. В. Саркисов и М. Н. Иванов. Некоторые типы народного жилища Кубинского и Кусарского районов. — В кн. «Памятники архитектуры Азербайджана». Москва — Баку, 1946; В. П. Кобычев. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. (глава «Жилище лезгин»). — «Труды Института этнографии АН СССР», т. LXXIX. М.—Л., 1962, стр. 55—57 и др.

⁹ А. В. Комаров. Народонаселение Дагестанской области. — «Записки Кавказского отделения Русского географического общества», кн. VIII, 1873, стр. 20—21, 48.

¹⁰ «Районированный Дагестан». Махачкала, 1930, стр. XIV.

¹¹ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.» ЦСУ, М., 1926, стр. 363—365.

¹² «Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года». Сводный том. М., 1962, стр. 184, 202, 207.

¹³ Р. М. Магомедов. Происхождение названия Лезгинистан. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. IX. Махачкала, 1961, стр. 56—57.

Районы, населенные дагестанскими лезгинами, граничат на западе с территорией рутульцев (Рутульский район Дагестанской АССР), на севере — с территорией агулов (Агульский и частично Курахский районы), табасаранцев (Хивский и Табасаранский районы) и дербентских азербайджанцев, на юге — с территорией, населенной азербайджанскими лезгинами (кубинцами).

В средней части долины Самура с давних времен существовали не подчинявшиеся ханской власти три «вольных общества»: Докуз-Пара (название тюркское: «докуз» — девять, «пара» — кусок, часть), объединившее девять селений и несколько выселков; Ахты-Пара (по названию главного селения этого общества — Ахты), объединившее 12 селений; Алты-Пара («алты» — шесть), объединившее шесть селений и несколько выселков. Кроме того, шесть лезгинских (ахтынских) селений входили в состав Рутульского общества.

«Вольное общество» управлялось старшиной или кадием (духовным лицом). «Кроме старшин и кадиев, — пишет П. А. Брюханов, — в селениях вольных обществ были выбранные или привлеченные по старшинству карты (старики) ... Представители светской власти — старшина и выбранные карты решали судебные дела, управляли обществом на основании адатов-обычаев, а духовные лица — кадии — разбирали и решали тяжбы по шариату»¹⁴.

Р. Г. Маршаев, анализируя классовые отношения в Ахтыпаринском обществе, пришел к выводу, что «термин „вольное общество“ не приемлем при определении уровня развития населения Ахты-Пары в XVIII — начале XIX в., так как он не соответствует социально-экономической и политической структуре общества. Ахтыпаринское общество в XVIII — начале XIX в. не было вольной, демократической родоплеменной организацией, объединяющей равноправных членов. В нем еще задолго до XVIII в. шел процесс имущественного расслоения, в результате которого ахтынские аксакалы и бахтияры, богатые уздени и представители мусульманского духовенства заняли господствующее положение»¹⁵. Об идеализации

¹⁴ П. А. Брюханов. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в I-й четверти XIX века. — «Сб. трудов Пятигорского Гос. педагогического института», вып. I, 1947, стр. 159—160.

¹⁵ Р. Г. Маршаев. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного общества» в XVIII — начале XIX в. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. III. Махачкала, 1957, стр. 121.

«вольных обществ» некоторыми историками и этнографами, называвшими их демократическими республиками, пишет также Х. М. Хашаев¹⁶.

Вторая часть лезгинской территории, населенная кюринцами, — Кюра — была открыта для нападения извне, и именно здесь в первую очередь закреплялись захватчики, приходившие с юга к Дербентскому проходу. Кюринцы подчинялись временами и частично Кубинским, Казикумухским или Дербентским ханствам. В конце XVIII в. из части Казикумухского ханства было образовано особое Кюринское ханство с центром в селении Курах, просуществовавшее с перерывами до начала 1860-х годов, входя в состав России¹⁷. Третья часть территории, на которой живут лезгины, входила в состав Кубинского ханства. Это владение не было чисто лезгинским по своему составу, и лезгины не являлись там главенствующей народностью.

Таким образом, лезгины не имели в прошлом единого государственного образования или даже менее крупного политического объединения.

Первое время после присоединения к России в Дагестане были сохранены некоторые старые феодальные владения, в том числе Кюринское ханство и самурские «вольные общества»¹⁸. Затем на территории всего Дагестана было введено новое управление. Дагестан был разделен на девять округов, которые в свою очередь делились на наибства (позднее наибства были заменены участками). Из территорий самурских «вольных обществ» в 1839 г.¹⁹ был учрежден Самурский округ.

¹⁶ Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1967, стр. 237.

¹⁷ «В конце XVIII в. Ших-Мардан, член Казикумухского дома, получил в управление на ханских правах часть Казикумухского ханства и, таким образом, образовал особое Кюринское владение, скоро впрочем снова присоединенное к ханству. Снова Кюринское ханство было восстановлено в противовес Сурхай-Хану-Куи-Бутою Казикумухскому в 1812 г. главнокомандующим русскими войсками в Грузии» (Е. И. Козубский. Взгляд на судьбу Дагестана. — «Дагестанский сборник», вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 175).

¹⁸ Вплоть до 1839 г. самурские общества сохранили свое самоуправление и, как сообщает Е. И. Козубский, «никогда ни один русский не был до того времени в верхних частях Самура» («Дагестанский сборник», вып. I, стр. 182—183).

¹⁹ В Ахтах была построена русская крепость, развалины которой сохранились и до настоящего времени (Центральный Гос. военно-исторический архив, ф. ВУА. № 19452 — план укрепления Ахты; С. Новоселов. Рассказ об осаде укрепления Ахты. — «Русский художественный листок», 1851, № 15 и 18).

В 1862 г. был образован Кюринский округ, территория которого включала в себя бывшее Кюринское ханство и Южную Табасарань.

Административное деление, существовавшее в Дагестане при царизме, не только не учитывало этнических и исторически сложившихся границ, но намеренно разделяло отдельные народности Дагестана, включая части их территории в несколько округов и избегая создания округов с однородным по этническому составу населением. Так было, например, с даргинскими, табасаранскими и лезгинскими землями. Поэтому в состав Самурского округа входили лезгинские, рутульские и цахурские селения, а в состав Кюринского округа — лезгинские, табасаранские и агульские селения.

После установления Советской власти в Дагестане было введено новое районирование, одной из главных целей которого было разрешение в Дагестане национального вопроса и создание районов с однородным (однородным) населением²⁰. Лезгинские селения были объединены в несколько районов. Кюринские селения вошли в состав Касумкентского, Магарамкентского, Курахского и частично Хивского районов. Ахтынские селения вошли в состав Ахтынского и Докузпаринского районов (в состав Докузпаринского района вошло также несколько кюринских селений).

Лезгинские районы Дагестана отличаются большим разнообразием природных условий. Они вытянуты поперек природных зон Южного Дагестана от моря до высокогорных пастбищ.

Территория бывших самурских «вольных обществ», расположенная в пределах горной зоны, ограждена со всех сторон высокими хребтами и доступна лишь по долине Самура. С севера, со стороны кюринских земель, возвышается Боковой хребет; с юга, со стороны Азербайджана, поднимаются вершины Главного Кавказского хребта; с востока, со стороны кубинских земель, расположены гора Шах-Даг и ее отроги; с запада, со стороны ру-

²⁰ «Районированный Дагестан», стр. 8.

Административно-территориальное деление Дагестанской АССР за годы Советской власти неоднократно уточнялось и к началу 1950-х годов (период обследования автором памятников архитектуры) позволило «по возможности, образовать аднонациональные районы и тем самым улучшить обслуживание населения, приблизив к нему государственный аппарат» (М. А. Казанбиев. Административно-территориальное устройство Дагестанской АССР. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. VII. Махачкала, 1960, стр. 132).

тульских земель, возвышается один из отрогов Главного хребта. Второй отрог Главного хребта с вершиной Шалбуз-Даг делит территорию бывших лезгинских самурских обществ на две части и служит водоразделом двух главных притоков Самура — рек Ахты-Чай и Чехы-Чай, причем бассейн реки Ахты-Чай был в прошлом территорией «вольных обществ» Ахты-Пара и Докуз-Пара, а бассейн реки Чехы-Чай принадлежал «вольному обществу» Алты-Пара. С территорией бывшего «вольного общества» Алты-Пара в природном отношении может быть объединен кюринский магал Чиле, который отделен от нее только руслом Самура, в то время как от западной части Кюры его отделяет Боковой (Самурский) хребет.

Западная часть Кюры (магалы²¹ Курах и Кабир и кюринские селения магала Рича), лежащая в пределах горной зоны, занимает бассейн реки Курах, расположенный между Боковым хребтом и его отрогом.

Основная часть восточной Кюры расположена между нижним течением рек Гюльгеры-Чай и Самура в полосе нижних предгорий (магалы Картас, Стал, Гюджа). Часть селений магала Стал (Орта-Стал, Ашага-Стал и Юхари-Стал) расположена по левому берегу Гюльгеры-Чай и граничит с бывшей территорией Южно-Табасаранского майсумства, куда входили в прошлом кюринские аулы группы Дерек-Кам и магала Ахмар, примыкающие к зоне верхних предгорий и лежащие в бассейне реки Карчаг-Су, притока Рубаса. Зона приморской низменности в пределах лезгинских районов Дагестана занимает лишь дельта рек Самура и Гюльгеры-Чай (восточная часть Магарамкентского района).

Рельеф зоны нижних предгорий (Касумкентский и большая часть Магарамкентского районов) представляет собой сильно размытые невысокие хребты (холмы), почти без выхода каменных пород на поверхность, и широкие речные долины. В зоне верхних предгорий (районы Хивский и частично Касумкентский) местность более гористая, хребты — из меловых известняков и древних песчаников. Средняя высота селений предгорной зоны над уровнем моря 350—550 м.

²¹ «Несколько селений, по историческим, этнографическим или топографическим причинам, имеющие общие интересы, составляют магал; одно из селений считается главным, и к началу его обращаются за решением разных общественных дел» (А. В. Комаров. Списки населенных мест Дагестанской области. — «Сборник статистических сведений о Кавказе», т. I. 1869, стр. 83).

Горная зона лезгинской территории (Курахский, Ахтынский и Докузпаринский районы) покрыта хребтами, сложенными из непрочных темных глинистых сланцев с прослоями и выходами крепких песчаников; изредка встречаются известково-доломитовые массивы (например, вершина горы Шалбуз-Даг и др.). Долины рек широкие, а склоны гор не обрывисты, так как глинистые сланцы легко размываются. Высота селений над уровнем моря колеблется от 1000 до 2400 м. В Докузпаринском районе находится одно из самых высоких на Кавказе селений Куруш, расположенное на высоте 2415 м над уровнем моря.

А. Пастухов, посетивший Куруш в 1893 г., называет его «высочайшим селением на всем Кавказе» и сообщает, что по одному местному преданию, — селение основано в далекие времена выходцами из Аравии, корейшитами, по другому — турками, что в Куруше насчитывается 718 домов и 4664 жителя. «Зимой в Куруше, — пишет А. Пастухов, — выпадает почти всегда такой глубокий снег, что заносит все улицы и сравнивает дома, и тогда обитатели каждой сакли прорывают в снегу шахту и через нее сообщаются с внешним миром. Сообщение же с соседями, а также с источниками, в которых берут воду, производится по верху домов. Сношение с соседними селениями совсем почти прекращается»²².

В зависимости от высоты местности над уровнем моря климат Южного Дагестана изменяется от почти субтропического в дельте Самура до зоны вечных снегов на западе. Лезгинские земли вытянуты поперек ландшафтных зон Дагестана, поэтому здесь можно наблюдать большое разнообразие рельефа, климата и растительности. Особенно разнообразны в зависимости от ландшафтной зоны тепловый режим и количество осадков.

Приморская низменность имеет жаркий климат. Здесь, особенно в дельте Самура, растут густые, перевитые лианами, высокоствольные леса²³.

Климат нижних предгорий — теплый и сухой. Лесов здесь мало, преобладают кустарники. Климат верхних предгорий — сравни-

тельно влажный и прохладный. Здесь сосредоточены основные лесные массивы Дагестана (бук, граб, дуб, клен, ясень, липа). В горной зоне лесов почти нет, климат здесь сухой и умеренно прохладный. В высокогорье, на склонах Главного и Бокового хребтов, климат холодный, более влажный. Лесов здесь нет; в этих местах находятся лучшие луга для летних пастбищ.

Большое влияние на своеобразие и развитие лезгинской архитектуры оказывают местные строительные материалы. В зоне нижних предгорий, где нет выходов на поверхность каменных пород, основным строительным материалом служит саманный кирпич. Строительного леса здесь тоже мало, но близость дельты Самура с ее лесами позволяет легко подвозить лес оттуда. В ряде селений, расположенных на берегах рек, в качестве стенового материала используют крупную речную гальку. Встречаются также постройки из плетеньки, обмазанной глиной.

В зоне верхних предгорий повсюду имеются мягкий песчаник, меловой известняк и ракушечник, легко поддающиеся теске. Здесь же есть в изобилии строительный лес таких высококачественных пород, как дуб, бук и др.

В горной зоне лезгинских земель почти нет строительного леса. Строительный камень в горной зоне — очень твердый постелистый песчаник, с трудом поддающийся обработке. Кое-где, однако, встречаются выходы на поверхность более мягкого камня. В долине Самура многие дома строятся из речной гальки, часто с последующим обмазыванием фасадов глиной; кроме того, здесь не так остро ощущается дефицит строительного леса, так как именно долина Самура и есть та основная артерия, по которой доставляется лес как из дельты, так и с верховьев (от Рутула). В ряде мест горной зоны, где пологие склоны Главного Кавказского хребта покрыты размытыми породами (глинистыми сланцами) и где мало выходов на поверхность хорошего строительного камня, при возведении стен используют смешанную конструкцию: первый этаж делают из камня, а второй — из саманного кирпича, причем снаружи весь фасад обмазывают глиной. Такая техника кладки стен домов распространена в селениях бывшего «вольного общества» Алты-Пара.

Основное занятие населения лезгинских районов как в прошлом, так и теперь — сельское хозяйство. Особенно развито отгонное животноводство, причем удельный вес животноводства возрастает по мере повышения территории над уровнем моря, т. е. в направ-

лении с востока на запад. Из лезгинских районов овцеводство больше всего развито в Курахском, Ахтынском и Докузпаринском районах, где имеется обилие летних пастбищ.

Учитывая все факторы (экономические, природные, хозяйственные и др.), так или иначе влияющие на своеобразие лезгинской архитектуры и прежде всего на тип жилища, можно разделить территорию, населенную лезгинами (в пределах Дагестана), на две части: 1) предгорная зона (Касумкентский и Магарамкентский районы) и 2) горная зона (Курахский, Ахтынский и Докузпаринский районы).

В горной зоне значительно дольше сохранялись пережитки патриархально-родовых отношений. Это отмечает, например, С. В. Юшков. «Одной из основных особенностей общественно-экономического строя народов Дагестана до завоевания их царизмом, — пишет он, — является крайняя пестрота укладов на сравнительно небольшой территории. Естественно, что те части Дагестана, которые удалены от побережья, расположены на главном кавказском хребте и его высоких отрогах, которые не могут поддерживать связи с внешним миром по узким тропинкам в продолжение всего года, где земледелие невозможно, эти части характеризуются более примитивным общественным строем»²⁴.

По сравнению с предгорной зоной горные районы были менее доступны для захватчиков; климат горной зоны более суров, а рельеф — более пересеченный; в горной зоне основная отрасль хозяйства — животноводство, а в предгорной — земледелие; в горной зоне основной местный строительный материал — камень, при резком дефиците строительного леса, а в предгорной — саманный кирпич и лес, который здесь не столь дефицитен.

В свою очередь эти основные части лезгинской территории можно разделить на более мелкие районы, учитывая их местные особенности.

Обследованные селения предгорной зоны можно разделить на три основные группы: 1) селения бывших магалов Гюгджа (обследованы селения: Шихикент, Буткент, Хтун и Зухрабкент) и Картас (обследованы селения Касумкент, Испик и Гезеркент), входившие в состав Кюринского ханства; 2) селения группы Дерек-Кам (обследованы селения Куркент, Нютюг, Екендиль, Зизик, Карчаг), входившие в майсумство Южно-Табасаранское; 3) группа селений магала Стал

(обследованы селения Ашага-Стал, Юхари-Стал, Орта-Стал), входивших раньше в Кюринское ханство, но расположенных рядом с селениями группы Дерек-Кам и отделенных от других кюринских селений рекой Гюльгеры-Чай (архитектура этой группы селений занимает промежуточное положение между архитектурой селений магалов Картас и Гюгджа и архитектурой селений группы Дерек-Кам).

Архитектура селений группы Дерек-Кам развивалась под сильным влиянием табасаранского зодчества верхних предгорий²⁵.

Характерным для лезгинской архитектуры является строительство магалов Картас и Гюгджа, расположенных в нижних предгорьях. Кроме чисто стилистического различия жилых домов этих селений и селений группы Дерек-Кам (композиция фасада, форма деревянных деталей, орнамент резьбы по дереву), имеется существенное различие в самих типах жилых домов и основных строительных материалах: в одном случае саманный кирпич (магалы Картас и Гюгджа), в другом — мягкий песчаник (группа Дерек-Кам). В селениях левобережной части магала Стал тип жилого дома близок к основному типу саманного дома предгорной зоны, однако, здесь помимо саманного кирпича в качестве стенового материала применяют речную гальку (часто обмазанную глиной) и песчаник.

Мягкий, почти жаркий климат, пологий рельеф с обилием широких долин и наличие плодородных почв способствовали развитию в зоне нижних предгорий земледелия, которое стало здесь основной отраслью сельского хозяйства.

Обследованные селения горной зоны можно разделить на три большие группы, причем это деление в основном совпадает с природным, бывшим политическим и современным административным делениями.

Первая группа селений — это селения Ахтынского района, расположенные в бассейне реки Ахты-Чай и входившие в прошлом в «вольные общества» Ахты-Пара (обследованы селения Ахты, Курукал, Смугул, Фий, Маза) и Докуз-Пара (обследованы селения Джигжиг, Ихир). К этой группе примыкает селение Хрюк (того же района), расположенное в долине Самура и входившее раньше в Рутульское «вольное общество». Основной

²² А. Пастухов. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шалбуз-Даг. — «Землеведение», кн. II. М., 1894, стр. 39—42. См. также: «Высочайшие места Дагестанской области». — «Терские ведомости», № 1, 1903; Павлович. Заметки о Куруше. — «Дагестанская правда», № 159 (4261) от 11 июля 1936 г.

²³ Ф. Ф. Симоневич писал в 1796 г.: «От Самура до Кусар-чая простирается по морскому берегу густой дубовый деловой лес» (в кн.: «История, география и этнография Дагестана». М., 1958, стр. 142).

²⁴ С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 66.

²⁵ Архитектура селений группы Дерек-Кам была подробно охарактеризована в посвященной табасаранскому зодчеству кн.: Г. Н. Любимова и С. О. Хан-Магомедов. Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956.

строительный материал в селениях Ахтынского района — камень (песчаник, трудно поддающийся обработке), строительный же лес очень дефицитен. Особенно резко ощущается недостаток леса в высокогорных селениях, расположенных вдали от долины Самура, по которой лес доставлялся с верховьев Самура (от Рутула) и из дельты.

Вторая группа селений — это селения Докузпаринского района, расположенные в бассейне реки Чехы-Чай и входившие в прошлом в «вольное общество» Алты-Пара (обследованы селения Куруш, Микрах, Микрах-Казмалар, Текипиркент, Каладжух, Усух-Чай, Кара-Кюре, Мака). Основные стеновые строительные материалы в этой группе селений — камень и саманный кирпич (цоколь или весь первый этаж выкладывают из камня, а второй этаж — из кирпича); недостаток строительного леса здесь ощущается не так остро, как в высокогорных селениях Ахтынского района. К этой группе примыкает несколько селений бывшего магала Чиле, входившего в прошлом в Кюринское ханство (обследованы селения Докузпаринского района Гапцах, Филя, Гоган). Здесь основными строительными материалами также являются саманный кирпич и камень (сравнительно легко поддающийся обработке песчаник); лес здесь менее дефицитен, чем в высокогорных районах.

Третья группа селений — это селения Курахского района, расположенные в бассейне

реки Курах-Чай и входившие в прошлом в магалы Курах (обследованы селения Курах, Хпедж, Урсун, Шимихюр, Юхари-Мака), Кабир (обследовано селение Кочхюр) и Рича (обследовано селение Гельхен) бывшего Кюринского ханства. Основной строительный материал в этой группе селений — камень (с трудом поддающийся обработке песчаник), при резком дефиците строительного леса.

Общность исторических, социально-экономических, хозяйственных и климатических условий способствовала тому, что во всех селениях горной зоны был создан единый тип жилого дома. Различия же между жилыми домами трех основных групп селений заключается, главным образом, в своеобразии конструктивных и композиционных приемов, зависящих в основном от характера местных строительных материалов и от некоторых местных особенностей быта населения. Кроме того, на своеобразии народного зодчества того или иного лезгинского района горной зоны не могло не повлиять соседство других народов. Так, Ахтынский и Докузпаринский районы граничат с Азербайджаном (куда в прошлом перегоняли из этих районов скот на зимние пастбища и уходило на заработки большинство мужчин), а Ахтынский район, кроме того, расположен рядом с Рутульским районом (населенным рутульцами и цахурами). Курахский же район граничит с районами, населенными агулами и табасаранцами.

ПОСЕЛЕНИЯ ЛЕЗГИН

В Южном Дагестане в прошлом не было городов, за исключением Дербента¹, занимавшего особое положение в качестве крепости и расположенного на территории, где закреплялись захватчики и проживало в основном некоренное дагестанское население.

Вот как объясняет это обстоятельство С. В. Юшков: «Ни в одной стране Западной и Восточной Европы не наблюдалось такого исключительного преобладания натуральной ренты, как в Дагестане... это преобладание свидетельствует о крайне слабом развитии денежных товарных отношений. Можно сказать, они были в самом зачаточном виде. Даже Русь IX в. в этом отношении превосходила Дагестан XIII—XVIII вв., особенно горные его части. Отсюда не будет неожиданностью тот факт, что в Дагестане, кроме Дербента, никаких городов в русском или западноевропейском смысле не было. То, что обычно называлось городом, были типичными аулами, где только небольшая часть населения занималась торговлей и ремеслом, а остальная часть была типичными узденями крестьянами»².

Лезгинские селения представляют собой крупные аулы с развитыми кустарными промыслами.

В последние годы в Дагестане выявлено несколько поселений энеолита (медно-каменного века)³. Одно из них — Ходжалкалин-

ское — расположено на лезгинской территории. Эти поселения обнаружены в основном на приморской низменности вблизи рек. Они занимают вершины нескольких холмов — естественных или зольных. Один из холмов с более мощным культурным слоем является основным. В. Г. Котович считает, что неправы те исследователи, которые отмечают укрепленный характер дагестанских энеолитических поселений, основываясь на том, что они располагались на холмах с крутыми склонами высотой 8—10 м. «Однако значение данного обстоятельства, — пишет он, — по нашему мнению, сильно преувеличено. Расположение холмов с поселениями на открытых участках древних морских и речных террас, отличающихся к тому же ровным, слабо расчлененным рельефом, фактически обеспечивало беспрепятственный доступ к ним со всех сторон»⁴.

Дальнейшие археологические исследования, разумеется, помогут найти правильный ответ на этот вопрос. Однако при оценке степени защищенности от нападения энеолитических поселений следует, по-видимому, учитывать примитивную военную «технику» того периода и не сравнивать природные условия приморской части Дагестана только с горными районами, где в обороне селения естественные склоны действительно часто играли решающую роль.

Древние поселения на приморской низменности были защищены, кроме естественных склонов холмов, и искусственными оборонительными валами или стенами. Так, например, по сообщению Е. И. Козубского, «в полувер-

¹ Некоторые исследователи (например, В. Г. Котович) считают, что до сооружения Дербентской крепости южнее ее существовал более древний город (центр «княжества Чога»), который отождествляется ими с городищем Топрах-Кала (см. «Очерки истории Дагестана», т. I. Махачкала, 1957, стр. 33).

² С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. — «Ученые записки Свердловского Гос. педагогического института», вып. I. 1938, стр. 76—77.

³ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. М., 1961, стр. 32.

⁴ В. Г. Котович. К истории дагестанского поселения и жилищ на ранних этапах медно-бронзового века. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. XII (серия историческая). Махачкала, 1964, стр. 180.

сте к востоку от сел. Кирка (Магарамкентский район.— С. Х.) на южном склоне горного кряжа расположен большой курган — Цавар-кунд — продолговато-овальной формы; величина по окружности у подошвы $\frac{1}{4}$ версты, окружность плоскости вершины около 200 шагов; по окружности вершина имеет фундамент стены, а в середине фундамент бывшей некогда на вершине кургана постройки, вероятно, квадратной формы... В расстоянии одной версты к западу от сел. Юхари-Яраг (Магарамкентский район.— С. Х.) имеется курган Келс-кунд...: на нем развалины башни⁵. Остатки крепостных стен сохранились и у селения Ходжалкала (Магарамкентский район)⁶.

Лезгинские селения делятся на три типа: 1) «хуьр» (селение), 2) «казмаляр» (отселки, выселки), 3) «оба»⁷.

Названия многих лезгинских аулов состоят из собственнического имени с окончанием *хуьр* (произносится *хюр*), причем в официальных документах лезгинское слово *хуьр* часто заменяется тюркским — *кент*. Р. Гайдаров, опубликовавший интересное исследование о топонимике названий лезгинских селений, считает, что слово *хуьр*, обозначающее в современном лезгинском языке *аул*, могло в прошлом иметь значение «дом, жилище» или совмещать в себе оба значения (дом, аул)⁸. По его мнению, замена лезгинского слова *хуьр* на тюркское *кент* объясняется тем, что в прошлом азербайджанский язык был средством общения лезгин с другими народами, в том числе и с русскими, поэтому на картах закрепились названия с окончанием *кент*.

Анализируя названия аулов, Р. Гайдаров приходит к выводу, что наиболее древние из современных лезгинских селений расположены в горных районах⁹. В горных районах находятся и наиболее крупные лезгинские аулы¹⁰. Так, например, селение Ахты уже в

конце XVIII в. состояло из 600 дворов, а в начале XIX в. — 800 дворов¹¹. Во второй половине XIX в. ахтынский аул в среднем имел в два с половиной раза больше жителей, чем кюринский (соответственно — 846 чел. и 339 чел.).

Борьба иноземных захватчиков за Дербентский проход ставила приморские районы Южного Дагестана в положение часто оккупируемых территорий. Поэтому естественно, что лезгинское население с давних времен селилось в горных районах. Именно здесь и до сих пор живет большая часть дагестанских лезгин, здесь расположены многие древние лезгинские селения¹², здесь в прошлом были созданы зачатки лезгинской государственности — самурские «вольные общества», и, конечно, в первую очередь именно здесь должна была развиваться самобытная национальная лезгинская культура, в том числе и народное зодчество.

Несмотря на большое разнообразие исторических и природных особенностей различных районов горной зоны, населенных лезгинами, архитектура их селений имеет много общего и в то же время существенно отличается от архитектуры предгорных районов.

Большинство горных селений было основано в глубокой древности и в продолжение многих веков служило крепостями, в которых укрывалось население; это отразилось как на планировке самого селения, так и на облике жилого дома. Горные районы меньше, чем предгорные, подвергались оккупации завоевателями. Удаленность горных районов от основных дорог¹³ и крупных городов способ-

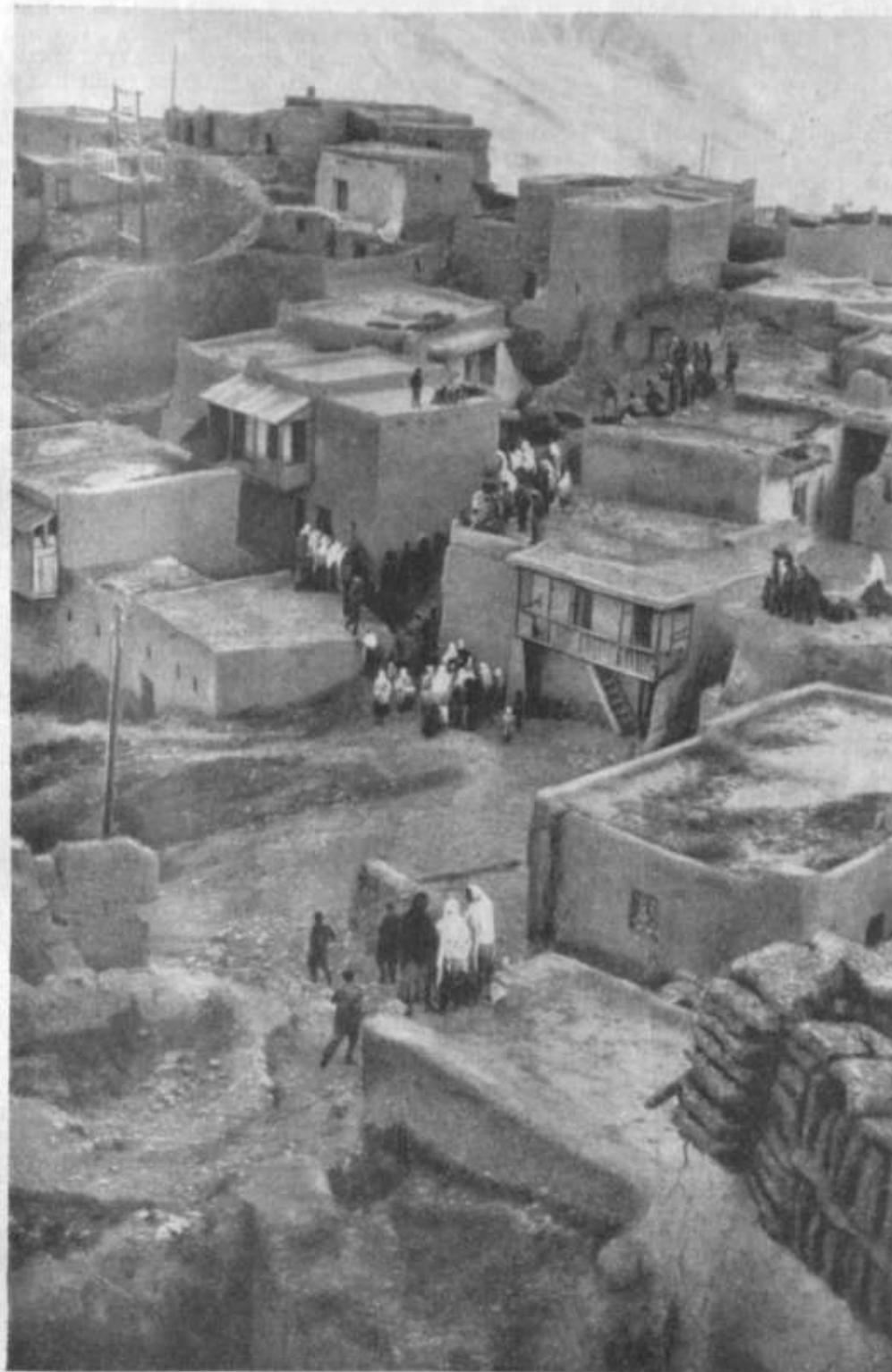
населения Дагестана в XIX в., он приходит к выводу, что «в Дагестане господствовала малая семья и существовали относительно крупные населенные пункты» (Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1967, стр. 15 и 17).

¹¹ «История, география и этнография Дагестана». М., 1958, стр. 150 и 335.

¹² Согласно археологическим данным (Макинский могильник Докупаринского района) поселения существовали здесь еще в VII—IV вв. до н. э. («Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 20—21; В. Г. Котонич. Новые археологические памятники Южного Дагестана.— В кн. «Материалы по археологии Дагестана», стр. 139—145).

По преданию, с. Ахты основано в VI в. н. э. («История, география и этнография Дагестана». М., 1958, стр. 363—364).

¹³ В 1846 г. русскими войсками на Кавказе было начато строительство Военно-Ахтынской дороги, которая должна была соединить лезгинские районы Дагестана с Закавказьем. Были проделаны значительные работы (например, пробит туннель на участке от Ахты до Хнова), но дорога эта не стала важным транспортным путем и не повлияла на экономическое

3. Часть селения Куруш

⁵ Е. И. Козубский. Заметки о памятниках и остатках старины в Дагестанской области.— «Дагестанский сборник», вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 160—161.

⁶ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана.— «Материалы по археологии Дагестана» Махачкала, 1959, стр. 197.

⁷ С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX—начале XX в.— «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. VI. Махачкала, 1958, стр. 233—248.

⁸ Р. Гайдаров. О названиях лезгинских аулов.— «Ученые записки Дагестанского Гос. университета», т. XIII. Махачкала, 1963, стр. 113.

⁹ Там же, стр. 126—127.

¹⁰ Х. М. Хашаев считает, что «процесс образования больших селений происходил в горах Дагестана не позднее XIII—XIV вв. н. э.». Анализируя данные о

сторон стенами, и на всех выходящих из деревни дорогах непременно устроены ворота. Ворота во всех вообще аулах на ночь запираются, и при них ночью имеется караул, человек из четырех. Караул этот помещается в башне, выстроенной при воротах со внутренней стороны. Кроме того, в аулах, ближайших к неприятелю, располагаются ночью секретеры, которые должны сейчас же извещать деревню, если что-нибудь заметят... В недавнее время в Даргинском округе и Мехтулинском ханстве по всем дорогам были расположены на высотах, удобных для обозрения местности, башни, занимаемые днем и ночью караулом из ближайших деревень. Деревни, расположенные в оврагах, не строятся по подошве их в длину, но сакли всегда лепятся одна над другой по одному какому-нибудь скату его, представляя таким образом вид амфитеатра»¹⁴.

Другой автор XIX в., Ф. И. Гене, дает такое описание горного аула: «Дагестанцы живут большими селениями, тесно построенными, и большей частью для жительства выбирают гребни гор при соединении двух речек, омывающих подошвы оных, располагая дома свои по обе стороны гребня амфитеатром, так что каждый верхний дом обстреливает нижний. Обыкновенно имеют в селениях своих только два выхода, стараясь для сего избрать самые крепкие от природы места, кои нередко обороняются башнями или стенами; таким образом, каждая деревня составляет крепость, представляющую весьма крепкую оборону»¹⁵.

Дома в старых лезгинских селениях расположены так тесно, что почти не остается места для дворов; улицы очень узкие и часто проходят под домами. Можно привести высказывания одного путешественника, посетившего лезгинские районы Дагестана в середине XIX в.: «Улицы в Ахтах довольно узки. В нескольких местах аула над улицами сделаны крыши или построены вторые этажи домов»¹⁶.

А вот как описывает горные лезгинские аулы другой путешественник, посетивший Южный Дагестан в начале XX века: «Сакли в этом ауле (Мискинджа — С. Х.) нагромождены в хаотическом беспорядке: улицы сплошь да рядом пересекают дворы домов... пришлось выписывать зигзаги между аульными саклями, пока, наконец, выбравшись из

¹⁴ Н. Абельдеев. Заметки о домашнем быте дагестанских горцев. — Газета «Кавказ», 1857, № 50—51.

¹⁵ Ф. И. Гене. — Сведения о горном Дагестане. 1935—1936 гг. — В кн. «История, география и этнография Дагестана», стр. 346.

¹⁶ Н. Вучетич. Четыре месяца в Дагестане. — Газета «Кавказ», 1864, № 75.

аула...». «...Аул Куруш расположен на восточном отроге горы Шалбуздага. По виду это обыкновенный дагестанский аул: сакли расположены по склону рядами один над другим, так что часто крыши нижней сакли служат полом для верхней. Улицы узки, грязны, извилисты»¹⁷.

Интересно, что на камнях кладки стен жилых домов и мечетей встречаются высеченные рисунки, изображающие лабиринты, или, как их называют местные жители, «крепости» (см. рис. 91, фиг. 4). В лабиринте как бы выражена основная идея планировки селения-крепости: он имеет лишь один вход извне и много запутанных ходов, ведущих к центру. Такова же, в принципе, и планировка старого селения-крепости: селение обычно располагается на крутых склонах горы, ограждается во всех сторон каменными стенами или глухими фасадами жилых домов, имеет один или два входа, запирающихся двойными воротами, а улицы его узки, извилисты и часто проходят под вторыми этажами домов.

Примером селения-крепости может служить аул Кочхюр Курахского района. В настоящее время селение сильно разрослось. Его древняя часть помещается на высокой горе, имеющей с трех сторон крутые склоны и лишь с одной стороны подход. Дома в старой части селения буквально лепятся один к другому. Дорога, ведущая к селению, проложена по такому крутому склону, что ее подпирают каменными столбами, а само полотно дороги, состоящее из деревянного настила, висит над обрывом. Гора, на которой расположена старая часть селения Кочхюр, с трех сторон окружена речками, через которые перекинута арочные мосты. Выразителен силуэт старой части селения, слагающийся из расположенных уступами жилых зданий.

Старая часть селения Гельхен расположена на гребне высокого вытянутого холма с крутыми боковыми склонами между двумя речками, у места их слияния. Аул тянется полосой вдоль по течению рек и состоит из одной узкой улицы, проходящей по гребню холма, застроенной с обеих сторон жилыми домами, стоявшими вплотную друг к другу, на боковые склоны холма они выходят своими глухими фасадами первых этажей. Эта улица большей частью идет под домами, а сами дома из-за страшной тесноты строились уз-

¹⁷ К. М. Курдов. Высочайшее селение Кавказа. — Иллюстративное приложение к газете «Кавказ», 1905, № 1, стр. 1—2. О том, что «улицы в Куруше узкие, кривые и ... грязные» сообщает и А. Пастухов («Землеведение», кн. II. М., 1894, стр. 42—43).

кими с наизвлеченными на одну ось небольшими помещениями. Здесь же среди домов размещалось несколько мечетей. С обоих концов улица запиралась двойными воротами, и аул в случае необходимости превращался в неприступную крепость»¹⁸.

Кочхюр и Гельхен дают примеры аулов-крепостей, где отдельные сооружения (оборонительные башни, дома-крепости) не играли решающей роли в обороне, но все селение являлось единой крепостью, окруженной неприступными крутыми склонами, быстрыми горными речками, стенами и глухими каменными фасадами домов.

Е. И. Козубский пишет: «В Дагестане больших аулов довольно много, но все они крепости; большая же часть населения живет и там в маленьких деревушках по несколько домов с башнями, наклепанных, как птичьи гнезда, по ребрам скал и горным карнизам. Дагестанские аулы надо брать штурмом, карабаясь по отвесной тропинке, под градом пуль и камней сбрасываемых со скал»¹⁹.

Однако не всегда рельеф местности позволял сделать селение действительно неприступной крепостью. В этом случае в селениях возводились связанные или не связанные между собой отдельные оборонительные сооружения — дома-крепости и оборонительные башни. Такие селения расположены обычно на более пологом рельефе, чем селения, описанные выше. Они также обносились каменными стенами, но главную роль в их обороне играли башни. Так, например, в 0,5 км от селения Капир (Курахский р-н) сохранились остатки фундаментов стен и башен крепости «Мерки-Кала»²⁰. В ауле Шимихюр башня играла роль своеобразной цитадели, она расположена за пределами аула на вершине холма.

Существовала крепость и в крупнейшем лезгинском селении Ахты. В настоящее время от нее остались лишь незначительные следы на склоне горы Келесхев²¹. Однако со-

¹⁸ Л. В. Панек пишет, что «в селениях Луткуи, Гельхен сохранились следы различных типов оборонительных сооружений» (Л. В. Панек. Работа Южного отряда Дагестанской экспедиции. — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», IV, 1948, стр. 54).

¹⁹ «Дагестанский сборник», вып. I, стр. 176—177. Е. И. Козубский сообщает также, что в селении Каадажух сохранились остатки крепости (там же, стр. 162).

²⁰ М. И. Исаков. Указ. соч., стр. 202.

²¹ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. — «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. XVII. М. — А., 1961, стр. 374.

Л. В. Панек сообщает, что в Ахтах сохранились остатки двух оборонительных башен, а в с. Луткуи

хранившиеся в Ахтах древние надписи позволяют считать, что крепость существовала уже в XI—XIII вв.²² Одна из надписей (куфическая) сообщает, что «крепость построил Аш-ла-рах, сын...», другая (также куфическая), — что «владелец крепости Дираб-р-Сиб», третья (датируемая XV в.), — что «владелец крепости ширван-шах Халлила-Улла».

Районы приморской изменности и нижних предгорий стали интенсивно заселяться в XVIII—XIX вв., хотя многие аулы, расположенные в этих районах, имеют многовековую историю. В средние века в этих районах были селения с развитым ремесленным производством. Так, например, недалеко от селения Испик (Азербайджан) в развалинах древнего селения («Кала») найдены остатки бирюзовой расписной керамики XII—XIV вв. и приспособления для ее производства²³.

Селения в зоне нижних предгорий расположены, как правило, на пологих южных склонах, и в них нет той тесноты и скученности, которые характерны для горных аулов (рис. 4).

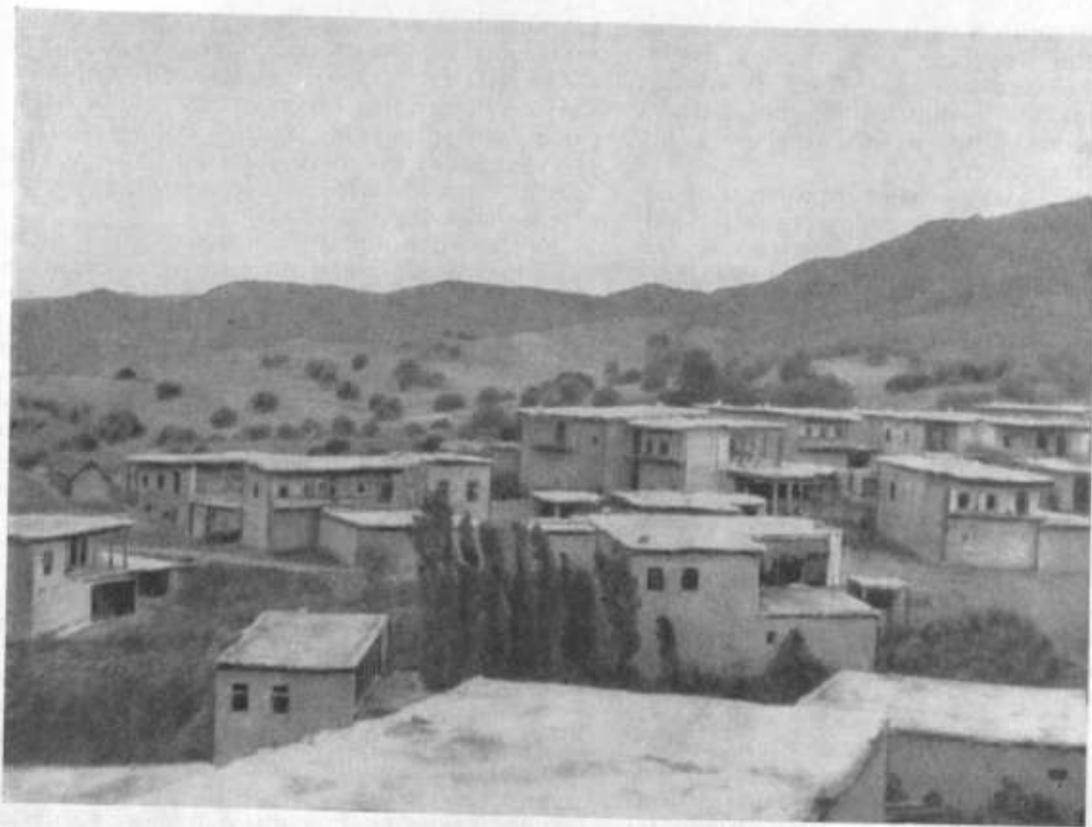
«Каждое лезгинское селение, — пишет Р. Г. Маршаев, — состояло из нескольких кварталов, представлявших собой в древние времена поселения большой родственной группы, насчитывавшей от 10 до 30 и более дворов. Такие родственные группы, которые охватывали близких и дальних родственников, назывались тухумами»²⁴. Термином «тухум» (или «тохум») в Дагестане называется патро-

имеются следы стен, окружавших селение (Л. В. Панек. Жилище лезгин. — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», т. IV, 1948, стр. 132).

²² Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 374, 375, 377; Л. И. Лавров. Археологические разведки в Дагестане в 1947 и 1950 г. — «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. XIV, 1953, стр. 261; Н. Ханьков. Археологическое известие. — Газета «Кавказ», 1850, № 53; В. А. Крачковская. Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике. — «Эпиграфика Востока», II. М. — А., 1948, стр. 29; А. Н. Генко. Ахтинские тексты. — «Доклады АН СССР», 1926, стр. 17—18. По данным местной хроники «Ахты-наме», можно считать, что в Ахтах существовала и более древняя крепость (А. Бакиханов. Гулистан-Ирам. — «Труды Общества обследования и изучения Азербайджана», вып. 4. Баку, 1926, стр. 49). А. Ф. Десмон писал в 1839 г., что близ Ахтов «на крутой горе по левую сторону реки Ахты-Чай» около горячих минеральных источников сохранились остатки небольшой крепости, построенной персами в VI в. (А. Ф. Десмон. Исторические сведения о Самурском округе. 1839 г. — В кн.: «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», стр. 363).

²³ Э. В. Кизильская и А. С. Иванов. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959, стр. 42.

²⁴ См. «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. III. Махачкала, 1957, стр. III.

4. Часть селения Буткент

нимия, т. е. родственная группа, состоящая из нескольких семей, образовавшихся в результате разделения одной большой семьи. «Патронимия на Кавказе, — пишет М. О. Косвен, — в прошлом обычно занимала отдельное селение, иногда большая патронимия жила в нескольких смежных небольших селениях или поселках, наконец, в более позднее время патронимия большей частью занимала отдельный квартал в селении»²⁵.

Позднее каждый квартал (магал — «мягале») объединял несколько тухумов. Каждая патронимия имела в пределах квартала небольшую площадь — ким, иногда это крытая площадка, где собирались члены тухума для решения своих внутренних дел. Кроме того,

имелись общеквартальные кимы, расположенные перед квартальными мечетями. И, наконец, каждое селение имело общий ким — по возможности обширную площадь перед главной мечетью (Джума-мечетью), где мужчины аула на общих сходках решали сообща все важные вопросы. В обычные дни, когда на кимах не происходило сходок, они представляли собой своего рода мужские клубы, где мужчины, сидя на каменных скамьях, проводили время в разговорах, выполняя мелкую ручную работу²⁷.

Л. Б. Панек, обследовавшая лезгинские районы в 1946 г., пишет: «В некоторых селениях в мягале живут только сородичи... В ряде случаев родственный принцип в квартале нарушен, и население его носит смешанный характер. Более сильные роды и селения принимали иногда под свое покровительство жителей более слабого селения. Иногда это по-

²⁷ Л. Б. Панек. Жилище лезгин, стр. 138—139; Н. Вучетич. Указ. соч., № 75.

кровительство было совершенно безвозмездным, иногда же оно осуществлялось на определенных условиях»²⁸.

Некоторые крупные селения образовались в прошлом из нескольких небольших, населенных отдельными (или несколькими) патронимиями. В целях совместной обороны (в частности, в период нашествия Надир-шаха на Дагестан) эти мелкие селения объединились в одно, причем в новом крупном селении каждая патронимия занимала отдельный квартал. Каждая патронимия представляла собой воинскую единицу общеродового и общепатронимного военного ополчения. Если селение имело боевые башни, то они, как правило, принадлежали отдельным патронимиям. Часто не только все селение, но и каждый ее квартал, занятый патронимией, представлял собой крепость — единый комплекс с внутренними проходами по нижним этажам²⁹. Патронимии имели свои святилища, свои отдельные участки на кладбище³⁰. Так, например, в Курахе жило в прошлом девять патронимий; пять из них занимали отдельные кварталы, а четыре тохума жили в двух общих кварталах³¹. Это, по-видимому, объясняется тем, что селение Курах, по преданию, возникло из семи мелких селений, следы которых до сих пор сохранились в недалеком расстоянии от Кураха³². В Центральном Государственном военно-историческом архиве хранится снятая русскими топографами в 1819—1820 гг. карта Дагестана в крупном масштабе. На этой карте Курах изображен окруженным сплошной стеной с тремя воротами³³. Эта крепость была сооружена местным населением до присоединения Дагестана к России. В декабре 1811 г. Курахская крепость была штурмом взята русскими войсками. Крепость в это время имела 19 башен, в ней находилось более тысячи человек гарнизона с 5 пушками³⁴.

Л. И. Лавров, рассматривая горные лезгинские селения, различает три основные части таких селений, отличающиеся характером планировки и застройки и относящиеся к различным периодам. Старые кварталы расположены в верхней части селения. Для

них характерна теснота застройки (дома-крепости) и отсутствие зелени. Средняя часть горного лезгинского селения, расположенная на менее крутом склоне, возникла позднее. Именно в этой части селений во второй половине XIX в. появились торговые и ремесленные заведения, жилые дома кулаков-барановодов, учреждения местной администрации и т. д. Дома здесь уже не имели крепостного облика, характерного для жилищ древних кварталов. Нижняя группа кварталов в горных лезгинских селениях появилась в начале XX в., однако наибольшее развитие она получила после Великой Октябрьской социалистической революции. Эти кварталы, как правило, расположены на ровном месте; жилые дома в них имеют обширные дворы с зеленью. В этой части селений в годы Советской власти были выстроены школы, больницы, клубы, причем в ряде селений (например, в районных центрах) нижняя часть селения превышает по числу жителей среднюю и верхнюю части.

В некоторых селениях, например, в «селении Ахты» многие жители имеют жилье в верхней или средней части селения, где живут зимой, и дом с садом в нижней части, куда переезжают на лето»³⁵.

Второй тип лезгинского селения — «казмаляр» значительно более позднего происхождения, чем «хуьр». «Казмаляр», — пишет С. Месяц, — слово не лезгинское, хотя и распространено в районах, населенных лезгинами, и происходит от татарского (тюркского. — С. Х.) «казма» — что значит землянка. В прошлом казмалярами называли «зимовники», расположенные вдали от аулов, главным образом, на Прикаспийской равнине, куда часть населения горных и предгорных аулов спускалась со своим скотом на зимний период... Здесь устраивались временные постройки (жилые и хозяйственные), обыкновенно вырытые в земле («казма»).... Немногие же аулы имели казмаляры вблизи своих же аулов...»³⁶. Такие казмаляры (расположенные вблизи основных аулов) имеют много общего как по характеру планировки и застройки, так и по времени возникновения с нижними частями горных аулов.

Первое время казмаляры действительно представляли собой только «зимовники», и

²⁸ Л. Б. Панек. Работа южного отряда Дагестанской экспедиции. — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», IV, 1948, стр. 53—54.

²⁹ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 40—41.

³⁰ Там же, стр. 42.

³¹ С. С. Агаширова. Указ. соч., стр. 233—248.

³² Л. Б. Панек. Жилище лезгин, стр. 132—133.

³³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19451.

³⁴ Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII—XX вв. М., 1968, стр. 162.

³⁵ Л. И. Лавров. Лезгин. — Сб. «Народы Дагестана», М., 1955, стр. 110—112.

³⁶ С. Месяц. Кюринский округ. Казмаляры. — «Плановое хозяйство Дагестана», Махачкала, 1929, № 1, стр. 59.

²⁵ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 35.

²⁶ Термин «магал» имеет в Дагестане двойное значение: 1) группа селений, объединенных исторической, этнографической и природной (топографической) общностью, и 2) часть селения (квартал), имеющая свою мечеть.

земли вокруг них использовались лишь под зимние пастбища. Позднее на казмалярах появляется земледелие. Большинство семей сначала вело два хозяйства — в основном ауле и на казмалярах, однако постепенно часть населения оседала в казмалярах на постоянное жительство. Многие казмаляры давно уже стали самостоятельными аулами с постоянным населением, иногда даже превышающим население основного аула.

Казмаляр является как бы филиалом основного аула, он расположен на землях этого основного аула: на зимних пастбищах (на плоскости) или вблизи него (на более пологом рельефе в районе садов и посевов). При-

чем казмаляр обычно носит то же название, что и основной аул с добавлением слова «казмаляр». Так, например, в Докузпаринском районе в двух километрах от селения Микрах на пологом склоне правого берега реки Чехы-Чай расположено селение Микрах-Казмаляр.

Третий тип лезгинского поселения — «оба» (на тюркских языках это слово означает «кибитка», «шатер»), так же, как и большая часть казмаляров, возник на плоскости. Однако в отличие от казмаляров «оба» основывались не выходцами одного аула, а жителями различных аулов, работавшими батраками на ханской или бекской земле.

НАРОДНОЕ ЖИЛИЩЕ

ЖИЛЬЕ ДОМА КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX в.

Материал, собранный по народному жилищу нижних предгорий, позволяет довольно подробно проследить развитие саманного лезгинского жилого дома в связи с изменением социально-экономических условий в дагестанском ауле XVIII—XIX вв.

Как уже отмечалось, основной строительный материал в зоне нижних предгорий — саманный кирпич, дерево — применяется лишь в конструкциях перекрытий. Применяемый в настоящее время саманный кирпич имеет размеры примерно 40×20×15 см. В старых постройках кирпич более тонкий. Это различие в размерах старого и современного кирпича помогает определять позднейшие пристройки к старым домам и реконструировать здания в их первоначальном виде.

Кладка стен саманных построек ведется на глиняном растворе с перевязкой швов в каждом ряду (рис. 5). Толщина стен старых домов в 2 кирпича; в новых домах толщина стен меньше и равна 60—70 см (т. е. 1,5 кирпича). Размеры саманных кирпичей не стандартны, поэтому, во избежание неравномерности в толщине стены, продольные вертикальные швы делают шириной до 8 см. Варьируя ширину этого шва, строители добиваются одинаковой толщины стены на всем ее протяжении. Поперечные же швы имеют обычно ширину 2—3 см. Ниши в жилых комнатах и кормушки в помещениях для скота делают глубиной в 1 кирпич (т. е. 40 см), оставляя наружную стенку толщиной в полкирпича (т. е. 20 см). Дымоходы каминов делают шириной в полкирпича; с наружной и внутренней стороны оставляют стенки также в полкирпича. Нижние части стен саманных домов, особенно в селениях магала Стал,

часто выкладывают из речной гальки. Внутренние перегородки и стены крытых дворов делают из плетенки, обмазанной глиной.

Балки и прогоны перекрытия как над первым, так и над вторым этажом опираются на деревянные прокладки, которые укладываются на всю толщину стены по периметру дома на уровне перекрытий. Балки перекрытия

5. Конструкция каминного нового жилого дома в с. Испик

второго этажа выпускаются наружу и образуют карниз с выносом до 50—60 см. По балкам делают настил из жердей или досок, сверху настилают солому и насыпают слой глины и земли толщиной 25—30 см, которую тщательно уплотняют¹. Интересной особенностью конструкций перекрытия в зоне нижних предгорий является обычай класть балки перекрытия над первым этажом плашмя (в то время как во втором этаже балки перекрытия всегда кладутся на ребро). Над дверными и оконными проемами делают деревянные перемычки из нескольких брусков.

Наружные стены жилых домов обмазывают глиной, внутренние стены обмазывают лишь в жилых комнатах, а в помещениях для скота (первый этаж) саманную кладку оставляют открытой. Внутренние стены жилых помещений почти всегда побелены (мелом или белой глиной), наружные стены дома обычно остаются небелеными.

Наиболее древний жилой дом нижних предгорий обследован в селении Зухрабкент (дом Рыфьева). Дом построен в конце XVIII—начале XIX в. и в настоящее время частично разрушен или перестроен. Восстановить его первоначальный облик удалось после тщательного изучения на месте остатков первоначальной постройки².

Как и все лезгинские дома нижних предгорий, дом Рыфьева двухэтажный (рис. 6, 1). Первый этаж состоит из «П»-образного в плане хлева и небольшого крытого дворика, в который ведет дверь с улицы. Из второго дворика по лестнице можно подняться на открытую террасу второго этажа (позд-

нее она была сделана крытой, с галереями на торцах), по сторонам которой расположены две большие жилые комнаты (площадью около 50 кв. м каждая). Каждая комната дома Рыфьева имела по два угловых камина. По аналогии с другими домами можно считать, что в каждой комнате жили две родственные семьи (женатые братья), имевшие отдельные очаги. Окон в стенах не было, жилые помещения освещались небольшими отверстиями в потолке, которые в случае дождя закрывались сверху плоскими камнями.

Дом Рыфьева свидетельствует о родовых пережитках в дагестанском ауле того времени. В нем жила большая семья, состоявшая фактически из нескольких семей, так как женатые сыновья продолжали жить в отцовском доме. Хозяйство семьи было общим.

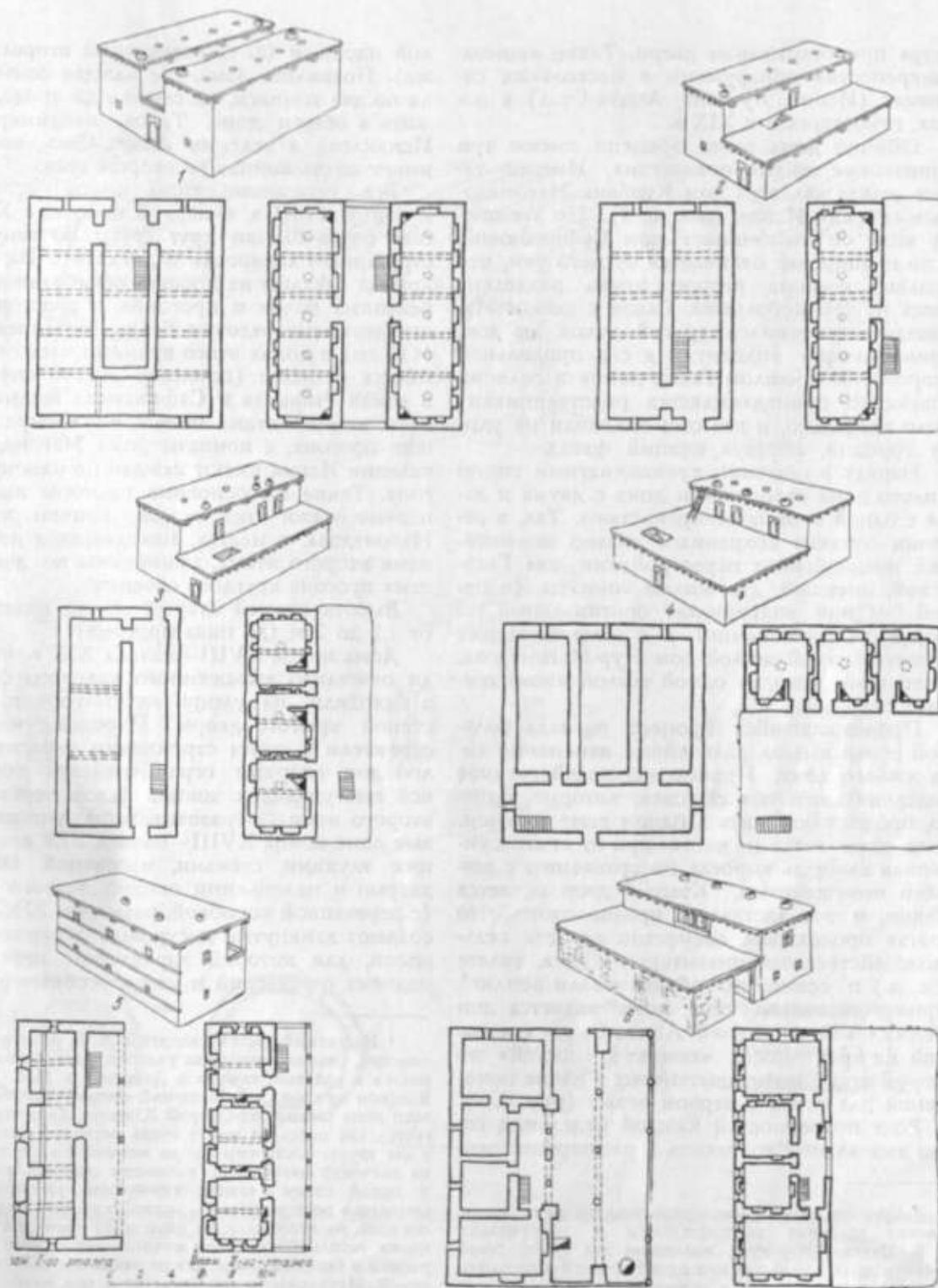
Более общий тип дома для большой семьи представляет собой дом с одной жилой комнатой. Примером может служить дом Сафихановой в том же селении Зухрабкент (рис. 6, 2), который в первом этаже имеет хлев, а во втором — обширную жилую комнату. К первому этажу пристроен крытый дворик с выходом по лестнице на второй этаж. Этот дом, как и дом Рыфьева, выходит на улицу короткой стороной, а длинной примыкает к другим подобным домам. Жилой дом с одной большой комнатой на втором этаже является отправной точкой развития саманного жилища лезгин в XIX в., в то время как дом Рыфьева составляет исключение и как бы состоит из двух соединенных вместе жилых домов.

Дальнейшее развитие жилого дома отражает процесс постепенного распада большой семьи. Первым шагом в изменении планировки дома было разделение большого помещения второго этажа на ряд маленьких комнат (по 12—14 кв. м каждая), в которых жили женатые сыновья. Однако в первом этаже сохраняется единое помещение для скота, что указывает на общность хозяйства.

Интересна планировка этих маленьких жилых комнат второго этажа. Они так же, как и все жилые помещения старых домов, не имеют окон в стенах, а освещаются верхним светом. Внутри, около входной двери, каждая комната имеет небольшую стенку, отделяющую нечто вроде маленьких сеней размером 1×1 м. За этой стенкой в углу располагается камин. По рассказам стариков, такая стенка предохраняла семью, сидящую перед очагом, от выстрелов в дверь (междоусобные распри, обычай кровной мести и т. д.), а также защищала огонь в камине от

¹ Взаимопомощь при строительстве дома у лезгин связана прежде всего с устройством кровли. «Когда дом почти закончен, — пишет А. Б. Панек, — и остается только внутренняя отделка жилища, а также засыпка земли крыши, хозяин объявляет у себя «мель» (помочи). Накануне он приглашает всех соседей и родственников принять участие в этом домашнем празднике. Все приходит нарядно одетые. Пришедшие гости, главным образом женщины, должны копать землю и носить ее в мешках на крышу. Работа идет с большим подъемом, под музыку. В этот вечер хозяин устраивает для всех присутствующих хорошее угощение» (А. Б. Панек. Жилище лезгин. — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», IV, 1948, стр. 144). «Постройка дома у лезгин, — пишет С. С. Агаширинова, — была большим, радостным праздником, который сопровождался рядом процедур и был связан с рядом обычаев и поверий» (С. С. Агаширинова. Очерки материальной культуры лезгин в конце XIX — начале XX в. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. IV. Махачкала, 1958, стр. 260).

² Обмеренные старые дома в большинстве случаев искажены позднейшими переделками; на таблицах они даны в реконструкциях.

6. Развитие саманного жилого дома:

1 — дом Рыфьева в с. Зухрабкент; 2 — дом Сафихановой в с. Зухрабкент; 3 — дом Магомедова в с. Испик; 4 — дом Меджидовой в с. Ашага-Стал; 5 — дом Гаджикеримовой в с. Юхари-Стал; 6 — дом Бабаева в с. Гезеркент

ветра при открывании двери. Такие «комнаты-крепости» обнаружены в нескольких селениях (Испик, Буткент, Ашага-Стал) в домах, относящихся к XIX в.

Обычно дома этого времени имеют три одинаковые жилые помещения. Именно таким домом является дом Курбана Магомедова в селении Испик (рис. 6, 3). По внешнему виду он напоминает дом Сафихановой, а по планировке отличается от него тем, что большая комната второго этажа разделена здесь на три небольшие. Рядом с домом Магомедова сохранился другой такой же дом, примыкающий вплотную к его продольной стороне. В прошлом таких домов в селении (очевидно, принадлежавших родственникам) было несколько, и все они выходили на улицу торцами, образуя единый фасад.

Наряду с обычным трехкомнатным типом жилого дома строились и дома с двумя и даже с одной «комнатой-крепостью». Так, в селении Буткент сохранился сильно искаженный позднейшими перестройками дом Гасановой, имевший две жилые комнаты (в одной из них сохранился оригинальный по форме угловой камин), а в селении Испик имеется старый жилой дом Нур-Магомедова, состоящий всего из одной жилой «комнаты-крепости».

Продолжавшийся процесс распада большой семьи вызвал дальнейшее изменение типа жилого дома. Происходит хозяйственное выделение женатых сыновей, которые, однако, продолжают жить в одном доме с отцом. Хлев разделяется на части: при этом его суммарная площадь выросла по сравнению с жилыми помещениями. Крытый двор остается общим, и это заставляет предположить, что братья продолжали совместно владеть сельскохозяйственным инвентарем (соха, телега и т. д.) и совместно обрабатывали землю³. Примером такого типа дома является дом Меджидовой в селении Ашага-Стал, состоящий из трех жилых «комнат-крепостей» во втором этаже и трех вытннутых в плане помещений для скота в первом этаже (рис. 6, 4).

Рост потребностей каждой отдельной семьи вызвал необходимость в расширении жи-

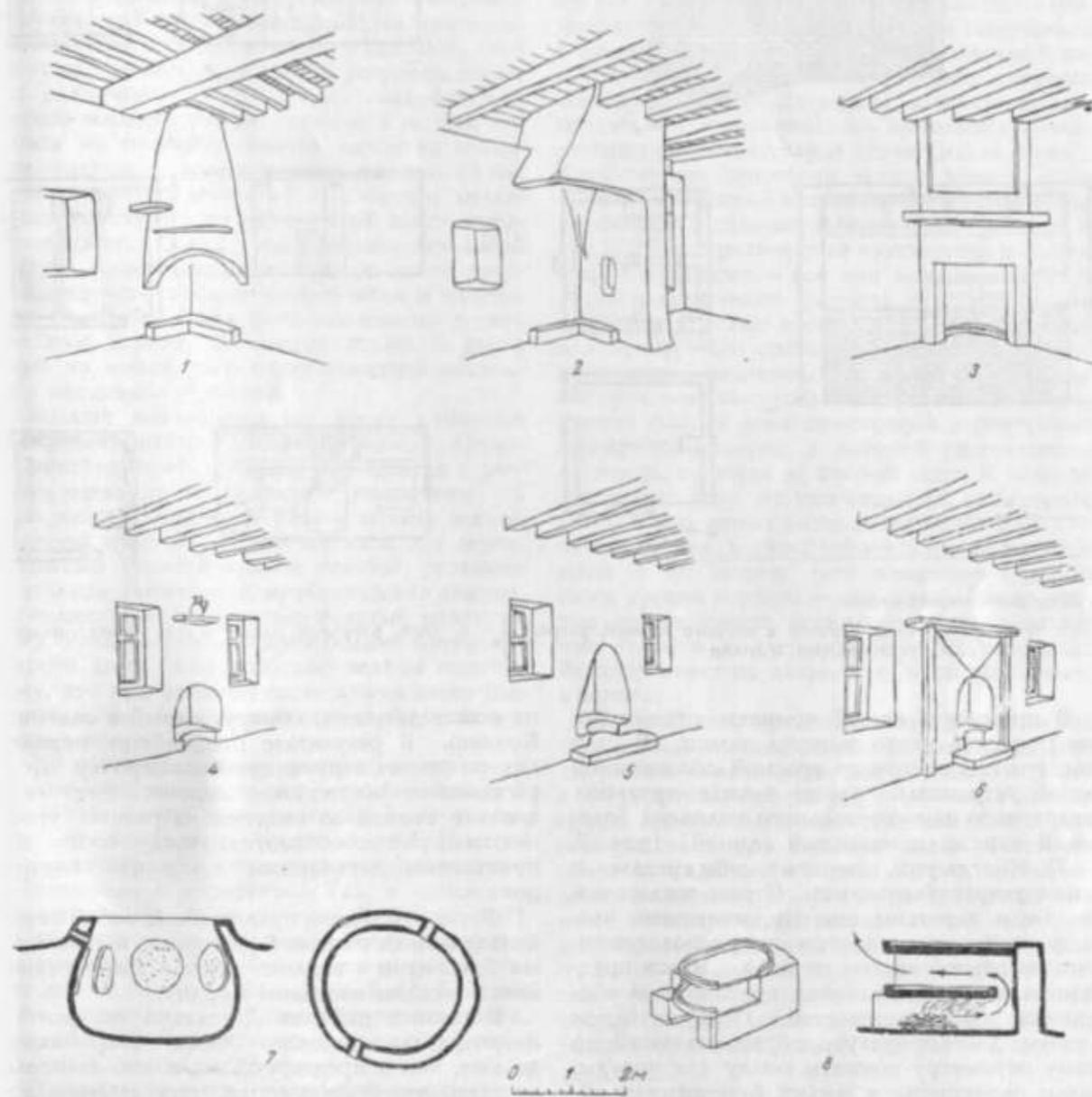
лой площади (т. е. помещений второго этажа). Появились дома, где каждая семья имела по две комнаты, но семьи еще продолжали жить в общем доме. Таков, например, дом Исмаилова в селении Ашага-Стал, который имеет шесть комнат во втором этаже.

Все описанные типы домов относятся к концу XVIII в. и первой половине XIX в.; они очень близки друг другу по типу конструкций, планировке и деталям⁴. Их перекрытия сделаны из хорошо обработанных деревянных балок и прогонов и дощатого настила; кроме рядовых балок (сечением 20×15 см) в домах этого времени часто применялись прогоны (сечением 60×30 см). Так, в домах Рыфьева и Сафиханова жилые комнаты второго этажа имеют по четыре больших прогона, а комнаты дома Магомедова в селении Испик имеют каждая по одному прогону. Такие же основные прогоны имеют и первые этажи этих домов, причем в доме Магомедова, в местах, находящихся под стенами второго этажа, применены по два толстых прогона круглого сечения.

Высота этажей старых домов колеблется от 1,7 до 2 м (до низа прогона).

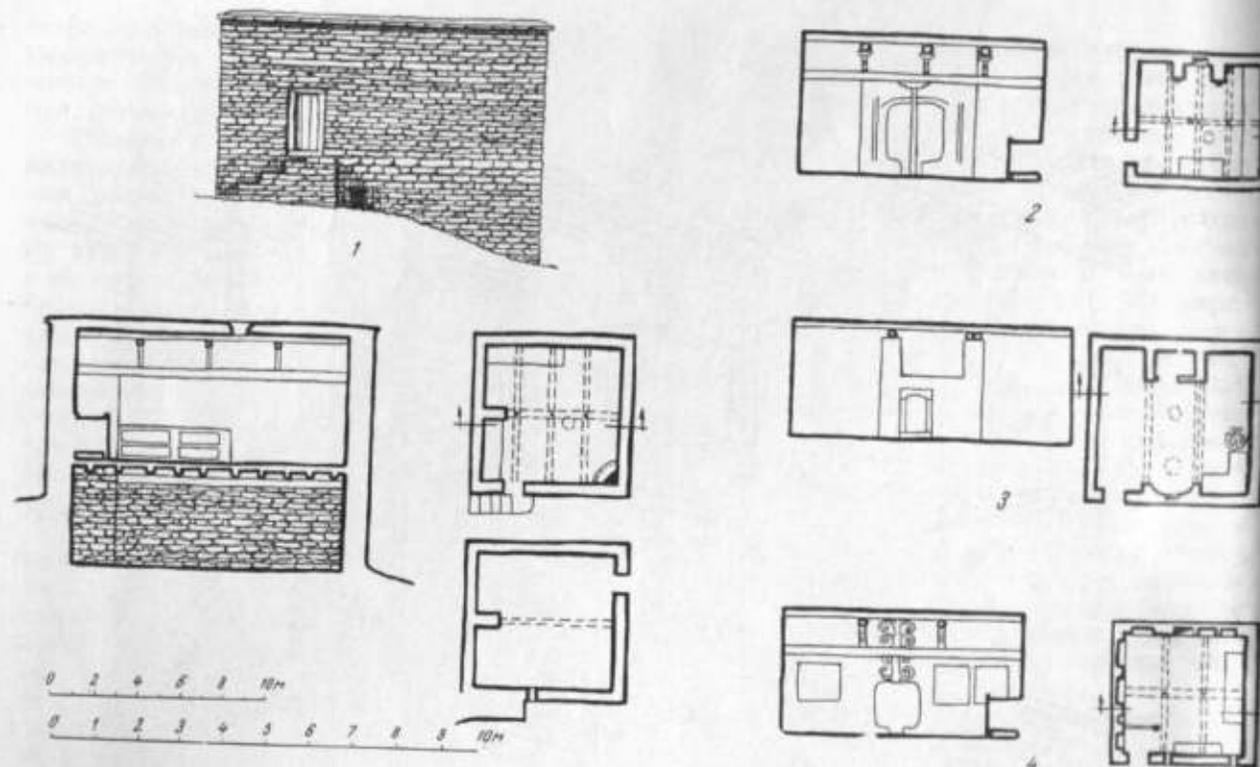
Дома конца XVIII—начала XIX в. не имели отчетливо выраженного главного фасада, а выходили на улицу либо торцом, либо стеной крытого двора. Народные мастера-строители в своем стремлении украсить жилой дом снаружи ограничивались обработкой выступающих концов балок перекрытия второго этажа, образующих карниз. Жилые дома конца XVIII—начала XIX в. со своими глухими стенами, массивной входной дверью и маленькими окнами первого этажа (с деревянной коробкой, размером 20×20 см) создают замкнутый и суровый образ жилища эпохи, для которой характерны пережитки родовых отношений и междоусобные распри.

⁴ Известный русский писатель А. А. Бестужев-Марлинский, разжалованный за участие в восстании декабристов в рядовые, служил в Дербенте в 1830—1834 гг. В одном из своих произведений он дает описание жилого дома нижних предгорий Южного Дагестана: «Дагестанские поселяне живут очень опрятно; дома всегда в два яруса; построены где из нежженого кирпича, где из плетеной мазанки, но выбелены снаружи и внутри. У одной стены — камин, выходящий углом; кругом комнаты в рост человека — лепной карниз, уставленный посудой, на полу, если не паласи, то очень чистые циновки, гасиль. Окон почти никогда нет, потому что все работы и беседы происходят на открытом воздухе, даже зимой. Мусульманин заботится не о том, чтобы видеть, но чтобы не быть видимым — это основное правило не только его архитектуры, но и всей жизни». (А. А. Бестужев-Марлинский. Сочинения, т. 2. М., 1958, стр. 373).

7. Камин и печи саманских домов:

1—3 — угловые камин старых домов; 4—6 — камин новых домов; 7 — печь (тондыр) для выпечки чуреков; 8 — печь (хар) для выпечки лаваша

8. Дома для большой семьи:

1 — с. Фий, фасад, план первого и второго этажей, разрез; 2 — с. Фий, разрез и план; 3 — с. Маза, разрез и план; 4 — с. Смугул, разрез и план

В интерьере жилой комнаты старых домов почетное место занимал камин. В углу комнаты над очагом из красной обожженной глины устраивали навес в виде круглого, квадратного или треугольного колокола (плетеный каркас, обмазанный глиной) (рис. 7, 1—3). Иногда угол комнаты как бы срезался, и в нем устраивался камин. Стены жилых домов были изрезаны нишами, имевшими часто неодинаковые размеры и располагавшимися на разной высоте от пола. Ниши предназначались для хранения кувшинов и постельных принадлежностей. Под потолком в стене делался уступ, образывавший по всему периметру комнаты полку для посуды. Балки перекрытия в жилых помещениях обмазывали нефтью для предохранения от гниения, поэтому потолки в старых домах обычно почти черного цвета (этому способствовал и дым от очага). Стены, как правило, белились, а пол покрывался яркими коврами и паласами.

В горных лезгинских районах древних домов-крепостей почти не сохранилось. Некоторое представление о жилищах этого ти-

па может дать дом, обнаруженный в селении Кочюр. В результате позднейших переделок он имеет запутанную планировку. Дом расположен на крутом склоне, имеет несколько этажей со входами на разных уровнях, которые сообщаются между собой по приставным деревянным лестницам внутри дома.

Фасад этого дома представляет собой стену с маленькими окнами-бойницами и навесными балконами в верхних этажах (по деревянным консолям настланы жерди).

В горных районах Дагестана пережитки патриархально-родового быта сохранялись дольше, чем в предгорной зоне, что зависело от утвердившегося в горах натурального хозяйства с низким уровнем техники. Здесь сохранились датируемые XVIII в. и началом XIX в. дома для большой семьи такого же типа, как аналогичные дома предгорной зоны. Они, как правило, двухэтажные, причем первый этаж предназначен для скота, а второй состоит из одной обширной комнаты, служившей одновременно и кухней, и кладовой, и жильем.

Примером может служить дом в селении Фий (рис. 8, 1), который имеет на втором этаже квадратное в плане жилое помещение площадью почти 40 кв. м, освещаемое через отверстие в потолок. В углу комнаты — большой очаг (камин), предназначенный для приготовления пищи и обогрева дома; у одной из стен стоят лари с зерном, у другой устроены полки для различных хозяйственных надобностей. Высота жилой комнаты — около 3 м. Дом выложен из необработанного камня на глиняном растворе; толщина стен — около 60 см. Конструкции перекрытий в основном аналогичны конструкциям перекрытий домов предгорной зоны. Фасад дома представляет собой глухую каменную стену с небольшим дверным проемом входа во второй этаж и маленьким окошком хлева, расположенного в первом или, вернее, цокольном этаже. К двери входа на жилой этаж ведет каменная лестница в несколько ступеней.

Больше внимания в это время народные мастера-строители уделали интерьеру. Помимо оригинальной системы перекрытия с резными деталями на потолке (подробнее об этом ниже), большую роль в облике жилой комнаты играли деревянные лари для зерна, покрытые орнаментальной резьбой, стоявшая на полках глиняная и металлическая посуда, висевшее на стене оружие и яркие ковры на полу. Роль ковров в общем облике интерьера старого дома была особенно велика еще потому, что при верхнем свете лучше всего был освещен пол, а стены помещения были погружены в полумрак.

Но композиционным центром интерьера в старом однокамерном жилище для большой семьи был камин, помещавшийся в углу комнаты или посредине одной из стен. По своим размерам камин был весьма значителен и доминировал в интерьере. Так, в одном из старых домов того же селения Фий (рис. 8, 2) камин занимал по высоте всю стену, а ширина его превышала 2,5 м. Таков же камин и в старом доме в селении Маза (рис. 8, 3). Камин часто украшался лепным узором из глины, как это сделано, например, в одном из домов селения Смугул (рис. 8, 4).

Площади жилых помещений в упомянутых домах: в селениях Фий и Смугул приблизительно 30 кв. м, в селении Маза — около 45 кв. м. Интересно отметить, что в жилой комнате дома в селении Маза между двумя внутренними поперечными стенами-контрфорсами выделено небольшое помещение для кладовой, высота которого равна половине высоты второго этажа.

ЖИЛЫЕ ДОМА СЕРЕДИНЫ XIX в.

Проникновение в XIX в. в лезгинские районы товарно-денежных отношений способствовало ускорению распада большой семьи². Процесс этот продолжался ряд веков и завершился в целом к середине XIX в., когда основной хозяйственной единицей в предгорных и горных селениях Южного Дагестана, населенных лезгинами, была сравнительно небольшая хозяйственно самостоятельная семья (малая семья). Характерным примером такого дома в зоне нижних предгорий может служить дом Гаджикеримовой, в селении Юхари-Стал (рис. 6, 5 и рис. 9). В его планировке чувствуется влияние старой традиции, — все три комнаты второго этажа одинакового размера и наизаны на одну ось. Однако первый этаж имеет новую планировку. Он состоит из одного большого помещения, разделенного двумя короткими поперечными выступами на три отсека. К дворовому фасаду дома пристроена двухэтажная деревянная галерея, в которой расположена лестница, ведущая на второй этаж. К галерее примыкает двор, но уже не такой, как крытые дворы в описанных выше домах конца XVIII — начала XIX в., а значительно больший по площади и по высоте (его покрытие поднято выше уровня первого этажа дома). Такие крытые дворы имеют несколько рядов деревянных столбов, поддерживающих их покрытие. Во двор ведет не дверь, как в старых домах, а ворота.

Крытый двор предназначался для хранения сена и сельскохозяйственного инвентаря (соха, телега, молотильные доски и др.), а также для приготовления пищи, особенно в летнее время. Здесь помещались оригинальные устройства очаги для выпечки хлеба. В зависимости от вида хлеба и способа его приготовления различают два вида печей. Первый вид печи (тондыр) представляет собой вырытую в земле яму диаметром до 1 м (рис. 7, 7). Изнутри ее обмазывают красной глиной и обжигают (или же вкапывают в землю глиняный сосуд). Иногда печь выступает над землей; тогда в ее стенах делают отверстие (отдуши-

² «Современная семья у лезгин, — пишет А. И. Лавров, — состоит чаще всего из пяти-восьми человек. В состав ее, кроме отца, матери и детей, входят родители мужа или жены, часто несовершеннолетние братья и сестры жены или мужа, одинокие невестки. В селении Курах еще в первые годы Советской власти была семья, состоявшая из 30 человек. Но вообще большие семьи у лезгин бывали редкостью уже во второй половине XIX века» (А. И. Лавров. Лезгинцы. — Сб. «Народы Дагестана». М., 1955, стр. 114—115).

9. Дом Гаджикеримовой в с. Юхари-Стал

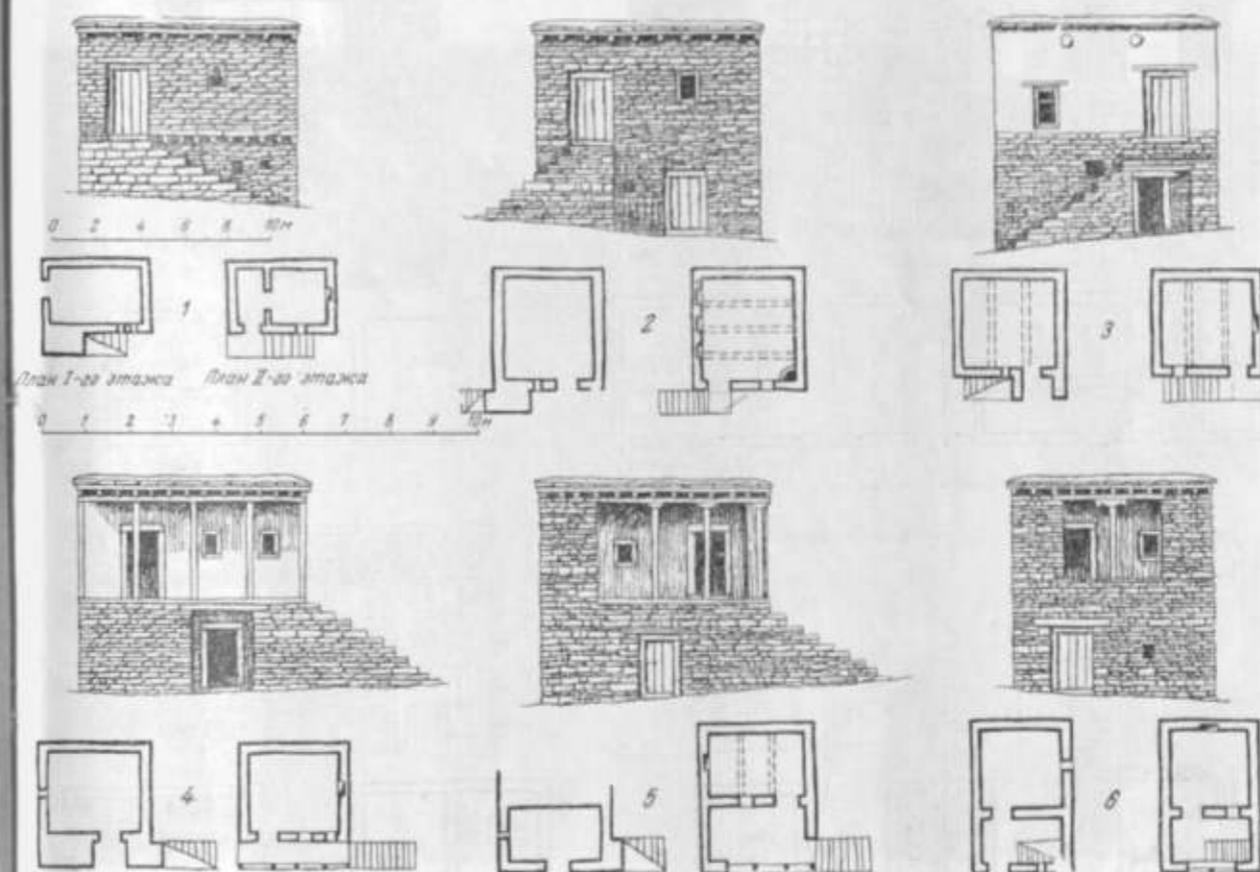
ну). В таких печах пекут чуреки: их прилепляют на разогретые стенки печи, после чего яму сверху закрывают. Второй тип печи — «хар» (рис. 7, 8) имеет следующее устройство: хлеб, лежащий на обожженной плите, обогревается снизу и сверху огнем, разведенным под этой плитой. В такой печи пекут лаваш.

В домах этого типа впервые в архитектуре лезгинского жилого дома нижних предгорий появились окна. Так, в доме Гаджикеримовой каждая жилая комната второго этажа имеет по одному окну на уличном фасаде, а угловые комнаты имеют еще по одному окну, выходящему на боковые фасады (позднее сделано два окна).

Интересен уличный фасад дома Гаджикеримовой. Он очень прост по композиции, но в то же время выразителен и хорошо отражает как внутреннюю планировку дома, так и его конструктивную основу. Деревянные прокладки стены вынесены здесь на лицевую плоскость стены и, кроме конструктивной,

играют еще и художественную роль. Всего на фасад выходят четыре прокладки. На нижнюю установлены коробки окон первого этажа. На среднюю опираются балки междуэтажного перекрытия, а на фасаде она как бы обозначает границу между первым и вторым этажом. Третья прокладка объединяет большие окна второго этажа, а четвертая, верхняя, является частью карниза, состоящего из семи больших деревянных фигурных консолей, которые представляют собой концы прогонов перекрытия второго этажа (балки перекрытия опираются на прогоны, из которых три уложены поперек комнат, а остальные четыре заложены в поперечные стены).

Оконные проемы дома Гаджикеримовой не имели остекления и закрывались двумя резными ставнями каждый. Интересны дверные засовы этого дома, устроенные в желобе (который проходит в толще стены) и запирающие сразу две соседние комнаты. Это дает возможность запирать изнутри кунацкую (где обычно никого нет), находясь в другой ком-

10. Дома для малой семьи (фасады, планы первого и второго этажей):

1 — с. Курах; 2 — с. Фий; 3 — с. Ихир; 4—5 — с. Фий; 6 — с. Джиг-Жиг

нате. Часто в домах этого времени бывает устроен запор, позволяющий запирать изнутри помещения для скота (первый этаж), находясь в одной из комнат второго этажа (в том случае, если двери первого и второго этажей находятся одна над другой).

Этот тип дома второй половины XIX в. является переходным от старого дома к развитым типам домов для отдельной хозяйственно самостоятельной семьи. Он уже имеет окна, галерею, крытый двор, пристенные (а не угловые) каминные и т. д.

Дом Гаджикеримовой (характерный для селений магала Стал) представляет интерес и как связующий элемент между каменными домами селений группы Дер-Кам и саманными домами нижних предгорий. Этот дом, имея саманную конструкцию стен и планировку, характерную для саманных домов, носит на себе следы влияния каменной архитектуры селений группы Дер-Кам: вывод на

фасад деревянных прокладок, трехчастное деление фасада (три окна), способ обработки концов балок (звездка с гирькой) и т. д.

Простейшим типом жилища для малой семьи в горных районах является двухэтажный дом с небольшим помещением во втором этаже (площадью 10—15 кв. м), служившим одновременно жильем, кладовой и кухней. Освещался второй этаж в этих домах уже окнами, устроенными в стенах. С появлением окон изменяется и внешний облик дома. Примерами такого простейшего типа жилого дома для малой семьи могут служить дома в селениях Курах и Фий (рис. 10, 1 и 2), на главные фасады которых выходят окна и двери обоих этажей (на второй этаж ведет каменная лестница).

Требования быта, климата и удобства ведения личного хозяйства привели в XIX в. к распространению нового типа жилища для малой семьи — дома с лоджией на втором

11. Типы домов XIX в. (фасады, планы первого и второго этажей):
 1-2 - с. Маза; 3 - с. Куруш (жилой дом и сарай; первый этаж для скота, второй - для сена);
 4-5 - с. Ахты; 6 - с. Смугул

12. Дом Нороевой в с. Куруш

этаже. Типы сохранившихся до нашего времени домов XIX в. можно расположить в ряд, который показывает постепенное изменение жилого дома от постройки с наружной лестницей, ведущей на второй этаж, до дома с лоджией. Эти дома могут дать некоторое представление о том, как постепенно был выработан тип дома с лоджией, ставший в середине XIX в. в горных районах господствующим. Первым шагом явилось расширение верхней площадки наружной каменной лестницы, под которой устраивали вход в хлев (рис. 10, 3). Затем площадка лестницы была расширена на всю ширину фасада, и над ней устроили навес на деревянных столбах (рис. 10, 4). Используя рельеф местности, в отдельных случаях помещение для скота стали делать под этой площадкой, значительно ее расширив (рис. 10, 5). Наконец, появляется законченное решение с лоджией (рис. 10, 6), в котором хлев для скота помещается под жилой комнатой второго этажа, а под лоджией второго этажа устроено нечто вроде коридора, в ко-

торый ведет входная дверь с улицы и откуда попадают в помещение для скота и, по лестнице, на второй этаж.

Структура жилищно-хозяйственного комплекса малой семьи⁶ зависит от профиля сельского хозяйства горной зоны, основной отраслью которого является скотоводство. Поэтому в комплексе построек отдельной семьи издавна выделялись три вида помещений, различных по назначению: жилье (к'ивад), хлев (цур), сарай для сена (муьц).

⁶ В настоящей работе рассматриваются только жилые дома, служившие основным жилищем каждой семьи. Однако следует отметить, что в лезгинских районах существует и ряд типов временных или сезонных жилищ. Прimitивные сооружения возводились для чабанов на горных пастбищах. На более близких пастбищах (для коров) сооружались из камня двухкамерные хижины «кума». На зимнем пастбище (на плоскости) устраивали землянки «казна» (из саманного кирпича и бревен). В садах (селения Ахты, Хрюк и др.) также имеются небольшие постройки из саманного кирпича («кума») или шалаши. (Подробнее об этих примитивных типах построек см. у А. В. Панаева. Жилище лезгин, стр. 146-148).

13. Жилой дом в с. Маза

У различных народов Дагестана, как отмечалось выше, эти помещения по-разному объединяются между собой; от характера этого объединения зависят тип жилого дома, его планировка и внешний облик. Наиболее распространенным в Дагестане типом организации жилищно-хозяйственного комплекса является такой, при котором жилье и хлев объединяются в одной двухэтажной постройке (первый этаж — хлев, второй — жилье); сарай для сена возводится как отдельная постройка и размещается за селением вместе с другими сараями для сена (как это принято, например, у табасаран) либо в общем объеме с жилым домом (как чаще всего встречается у лезгин). Часто в горных лезгинских селениях такой сарай для сена вплотную пристраивается к жилому дому под общим карнизом и составляет вместе с жилым домом единую постройку (рис. 11, 1).

Каждый вид помещений жилищно-хозяйственного комплекса имеет свои специфические особенности, зависящие от его назначе-

ния и влияющие на внешний облик постройки. Так, жилые помещения выходят на фасад, как правило, лоджиями и сравнительно большими окнами с деревянными коробками; хлев — небольшими оконными проемами-щелями; сарай для сена — большими проемами под потолком, предназначенными для проветривания сена. Поэтому по внешнему виду постройки можно безошибочно определить, что это — жилой дом, хлев или сарай для сена. По-разному сочетаясь между собой, жилые помещения, хлев и сарай образуют постройки, различные по типу, планировке и внешнему облику. Например, у агулов часто встречаются трехэтажные дома, в которых первый этаж предназначен для скота и, следовательно, представляет собой глухую стену с небольшими окошечками, второй этаж используется как сарай для сена и имеет на фасаде большие проемы, а третий — жилой, с лоджией или окнами.

Иногда первый этаж в лезгинском двухэтажном жилом доме бывает занят только са-

раем для сена (рис. 11, 2) или же имеет два помещения — сарай для сена и хлев⁷. Встречаются в лезгинских селениях горной зоны и такие жилищно-хозяйственные комплексы, где хлев и сарай объединены в двухэтажную постройку (первый этаж — хлев, второй — сарай для сена), а жилые помещения — в одноэтажном здании с лоджией; таков, например, дом Нороевой в селении Куруш (рис. 11, 3; рис. 12). Такая организация жилищно-хозяйственного комплекса более характерна для старых построек цахуров, а у лезгин она встречается сравнительно редко.

В селениях долины Самура распространены дома, где часть первого этажа занята крытым двором. Примером такого дома является дом Абдулгалимова в селении Ахты (рис. 11, 4)⁸.

Даже в тех случаях, когда хлев и сарай для сена размещаются в отдельных постройках, жилые дома иногда делают двухэтажными; так бывает, например, когда первый этаж занят проходом улицы либо проездом во двор, как, например, в одном из домов селения Ахты (рис. 11, 5)⁹, или когда оба этажа — жилые, причем в первом этаже обычно живут зимой, а во втором — летом (рис. 11, 6).

Как уже отмечалось, для лезгин наиболее характерно объединение в одной постройке жилья и хлева (первый этаж — хлев, второй — жилье), в то время как сарай для сена строится отдельно, рядом с жилым домом.

Для жилых домов горной зоны с ее климатом более умеренным, чем в предгорной зоне, лоджия удобнее галереи и навесного балкона, так как, сохраняя достоинства галереи и бал-

⁷ «Дома лезгин большей частью каменные, двухэтажные, — пишет Н. Вучетич. — В нижних этажах устраивают саманик (замечание автора статьи: саманики — места для складки самана; саман — мелкая солома, употребляемая на Кавказе для корма скота) и помещают скот, а верхние составляют жилища хозяев» (Н. Вучетич. Газета «Кавказ», 1864, № 76). Автор статьи проехал из Закатала через аулы, населенные цахурами и рутульцами, в Ахты и затем в Куруш; под именем «лезгин» он подразумевает всех дагестанцев, однако при описании жилых домов Н. Вучетич имеет в виду прежде всего дома в лезгинском селении Ахты.

⁸ В кладке главного фасада этого дома над дверным проемом имеется камень с датой 1171 г. хиджры (1757—1758 гг.).

Еще одну арабскую срыательную надпись XVIII века, обнаруженную З. А. Никольской в стене жилого дома в Ахтах, опубликовал А. И. Лавров. Надпись гласит: «Построил этот дом Абд-ал-Гани б. Муалла Хаджи Яз-Али с помощью мастера Хаджи Ибрахима в дату пророка 1184 [год]». Дата соответствует 1770—1771 гг. (А. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII—XX вв., М., 1968, стр. 524).

⁹ В кладке фасада этого дома имеются два камня с надписями; на одном из них (слева от входа) — дата 1277 г. хиджры (1860—1861 гг.).

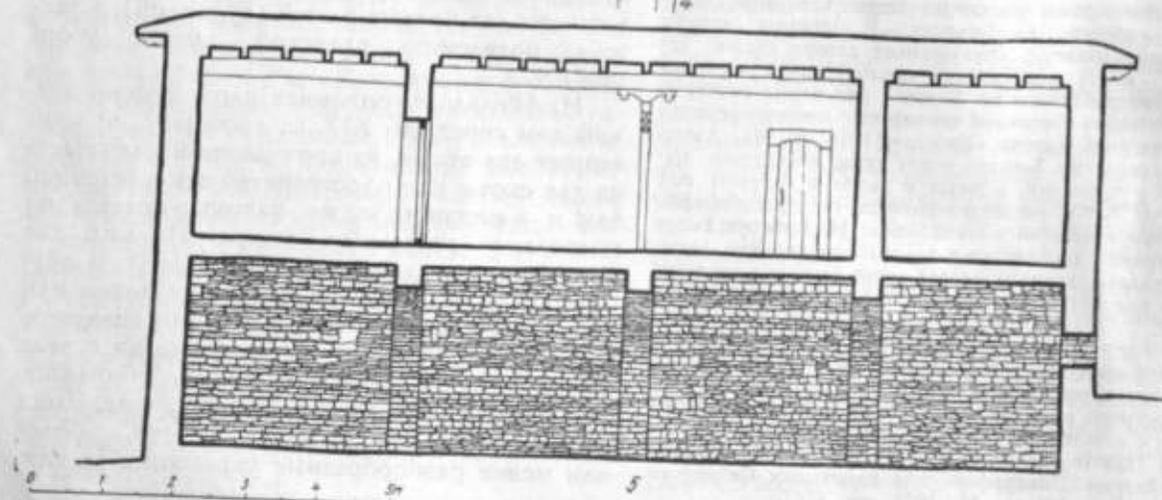
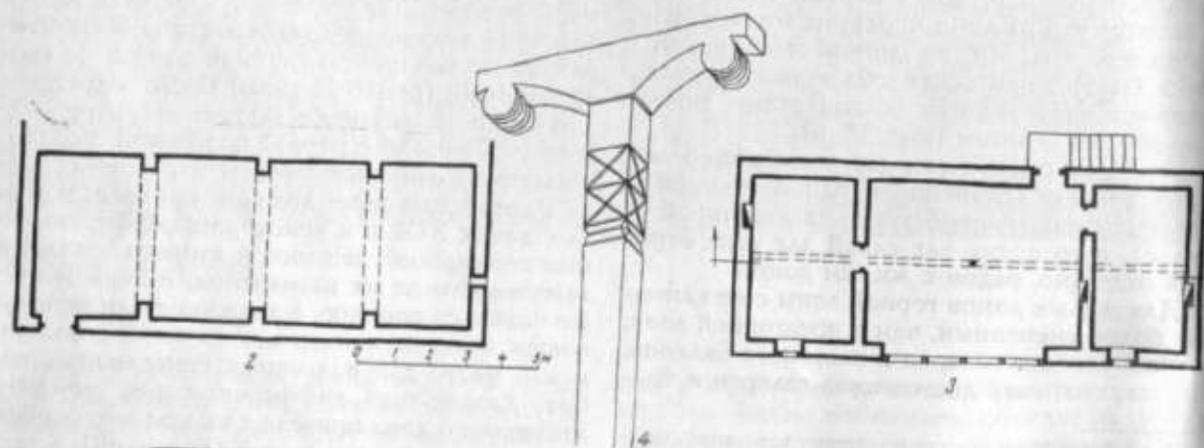
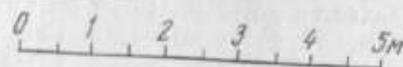
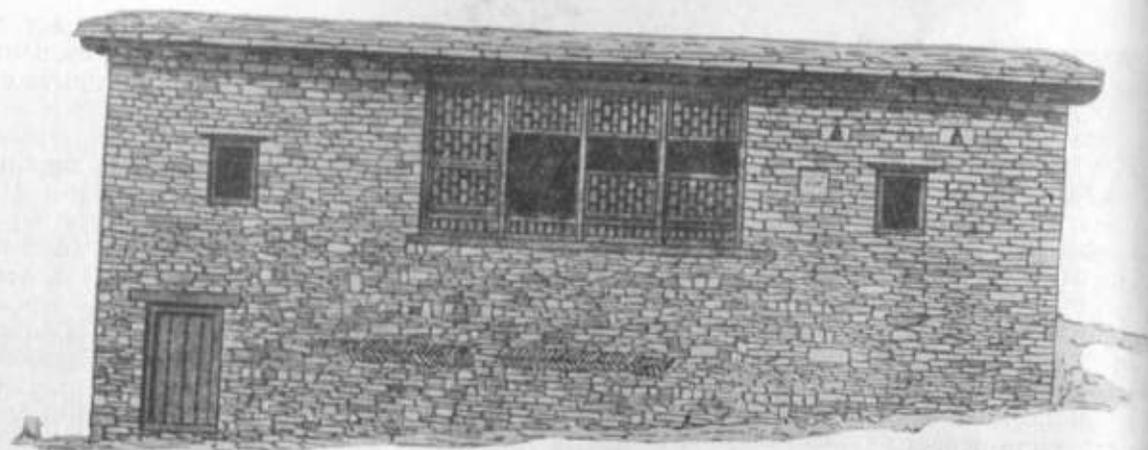
кона, она имеет перед ними то преимущество, что как бы является в некоторой степени частью интерьера и с трех сторон закрыта от ветра (рис. 13).

Наиболее открыта наружу лоджия, фасадный проем которой сделан во всю ее ширину и высоту (в таком проеме имеется один или несколько столбиков, поддерживающих перекрытие). Однако чаще встречается лоджия, проем которой уменьшен по бокам за счет небольших стенок, а в нижней части — ограждением высотой в 50—70 см, деревянным (иногда сквозным, из баясин) или каменным. Такая лоджия, в особенности с глухим ограждением, скорее напоминает комнату с большим оконным проемом. Во многих домах лоджии используются круглый год, а проемы их в этом случае имеют подъемные ставни, позволяющие в зависимости от времени дня и года больше или меньше раскрывать внутреннее пространство лоджии наружу. Например, в доме Таджибова в селении Курах (рис. 14) лоджия, оборудованная такими ставнями, сделана на всю глубину дома и по своей площади (около 25 кв. м) превосходит обе жилые комнаты вместе взятые; в центре лоджии стоит столб с резной подбалкой, поддерживающей основной прогон перекрытия¹⁰.

Распространение лоджий привело в жилых домах XIX в. к некоторой дифференциации помещений первого и второго этажей в зависимости от их назначения: в первом этаже появился коридор, а лоджию стали использовать и как кухню, и как летнюю спальню, и как место для различных ремесленных работ. Дальнейшая дифференциация помещений жилого дома привела к выделению особой комнаты для приема гостей (кунацкой), а также к появлению кладовой, кухни, уборной и т. д.

Н. Абельдяев, описывая дагестанский жилой дом середины XIX в., сообщает, что он «имеет два этажа, из коих нижний назначается для скота. Все пространство как в верхнем, так и в нижнем этаже разгораживается на несколько отдельных сакель. Из них для жилья назначается только одна сакля. В других саклях помещаются женатые сыновья или же сакли заменяют амбары: в них складывается саман, яблоки и проч. Одна из сакель всегда остается свободной и чисто убирается. Это нечто вроде гостиной — кунцакая. Здесь принимаются почтеннейшие гости. ...более или менее разнообразные украшения (в ком-

¹⁰ В кладке главного фасада этого дома имеется камень с датой 1373 г. хиджры (1856—1857 гг.).

14. Дом Таджикова в с. Курах:

1 — фасад; 2 — план первого этажа; 3 — план второго этажа; 4 — столб лоджии; 5 — разрез

нате. — С. X.) бывают только у богатых. Бедные же не только их не имеют, но у них недостает часто и кунацкой. Они теснятся в одной сакле, имея впрочем все в том же виде, как и у богатых, только вместо украшений ценных висят бутылки, глиняные чашки и проч...»¹¹.

В середине XIX в. наиболее распространенным становится тип дома, имеющего во втором этаже две комнаты и лоджию. Богатые дома отличаются большим набором помещений, более тщательной каменной кладкой (иногда из тесанного камня), хорошо выполненными деревянными конструкциями перекрытия над вторым этажом с использованием дорогого привозного леса, а также обилием резных деревянных деталей как на фасаде, так и в интерьере. Однако наиболее добротно построенные дома с художественно выразительными фасадами и интерьерами часто принадлежали самим мастерам-строителям.

Интересным примером развитого типа жилого дома середины XIX в. может служить дом Куджаева в селении Маза (рис. 15). Первый этаж этого дома состоит из большого коридора и четырех помещений для скота. Во втором этаже расположены следующие помещения: большая лоджия (17 кв. м), размещенная над коридором первого этажа и связанная с ним лестницей (верхняя половина проема лоджии закрыта деревянными щитами); жилая комната (16 кв. м), имеющая камин, ниши в стенах и освещаемая через отверстия в потолке; кладовая (12 кв. м), где стоят обмазанные глиной плетеные сосуды с зерном (также освещается через потолок); кухня (12 кв. м), которая освещается небольшим окном, выходящим на боковой фасад; лучше всего освещена выходящая двумя большими окнами на фасад комната для гостей (кунацкая). Высота помещений первого этажа равна примерно 2 м, второго — 2,8 м.

Фасад дома Куджаева сложен из необработанного камня, на фоне которого хорошо выделяются тщательно выполненные деревянные детали (коробка и створки двери, консоли карниза, столбики лоджии, коробки окон). Камень кладки фасада — небольшого размера, высота рядов равна в среднем 10 см.

Интересны различные варианты планировки основного типа жилого дома середины XIX в., отличающиеся друг от друга тем, как связываются между собой и с улицей помещения второго и первого этажей. В наиболее простом варианте первый и второй этажи

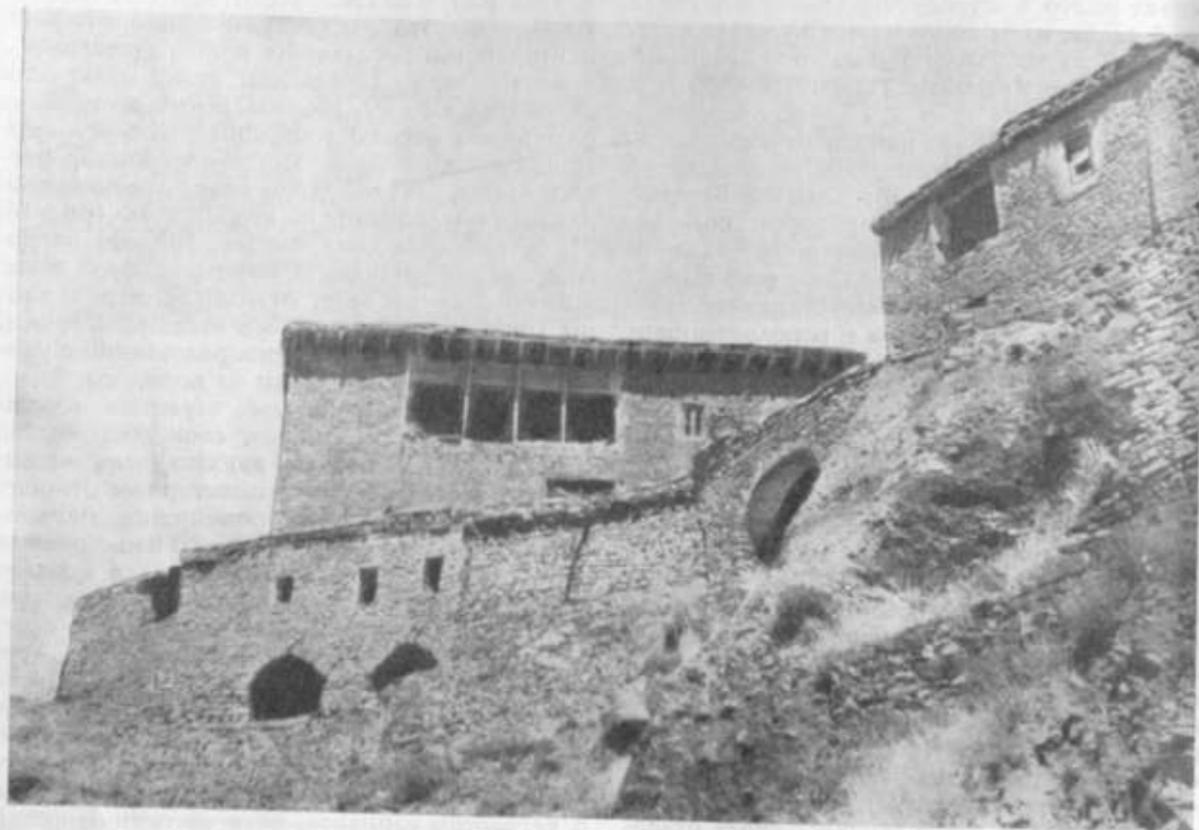
изолированы друг от друга и имеют отдельные входы, причем во второй этаж ведет каменная лестница (рис. 16, 1). К этому варианту близок другой, в котором входы в первый и второй этажи сделаны непосредственно с уровня земли (когда дом стоит на крутом склоне, рис. 16, 2). Наиболее распространена планировка жилого дома, при которой имеется всего один вход с улицы — в коридор первого этажа, откуда двери ведут в помещение для скота, и лестница на второй этаж (рис. 16, 3). Встречаются дома, где из коридора первого этажа можно попасть лишь во второй этаж, а в первый этаж ведет отдельная дверь с улицы (рис. 16, 4); иногда же часть помещений первого этажа связана непосредственно с улицей, а другая имеет входы из коридора.

Рассмотренные четыре варианта планировки жилых домов имеют свои достоинства и недостатки. В первых двух случаях несомненно положительным в санитарном отношении является то, что помещения первого (хлев) и второго (жилье) этажей изолированы друг от друга, но такая планировка создает некоторые неудобства для хозяев, так как при ней затруднен уход за скотом, особенно в ненастную погоду и холодное время года. Третий вариант имеет всего один вход (общий для людей и для скота) и внутреннюю связь первого и второго этажей; при такой планировке в жилых помещениях приходится проходить через коридор, загрязняемый скотом. В четвертом варианте, хотя часть помещений для скота и бывает соединена с коридором, неудобно наличие двух отдельных входов.

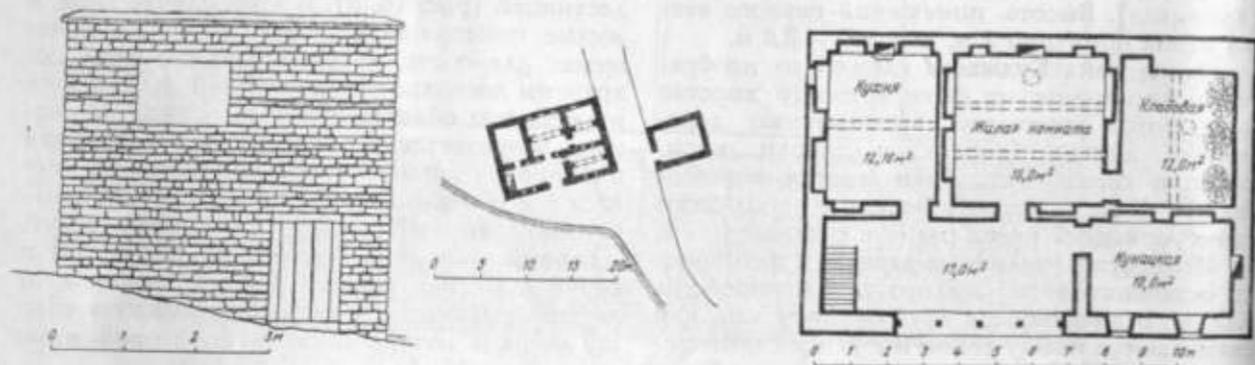
Наиболее удачна планировка, при которой коридор первого этажа и лоджия второго этажа имеют самостоятельные входы с улицы (на второй этаж ведет лестница) и в то же время связаны между собой внутренней лестницей (рис. 16, 5). В этом случае вход в жилые помещения отделен от входа в помещение для скота, но одновременно здесь сохранены достоинства внутренней связи обоих этажей, что облегчает хозяевам уход за скотом. Встречается, хотя и очень редко, такая планировка жилого дома, при которой имеется всего один вход с улицы, ведущий в небольшой крытый двор, откуда двери ведут: в первый этаж дома (помещение для скота) и сарай для сена, стоящий рядом с домом, а по лестнице можно подняться на плоскую крышу двора и оттуда попасть во второй этаж дома (рис. 16, б)¹².

¹¹ Газета «Кавказ», 1857, № 80—81.

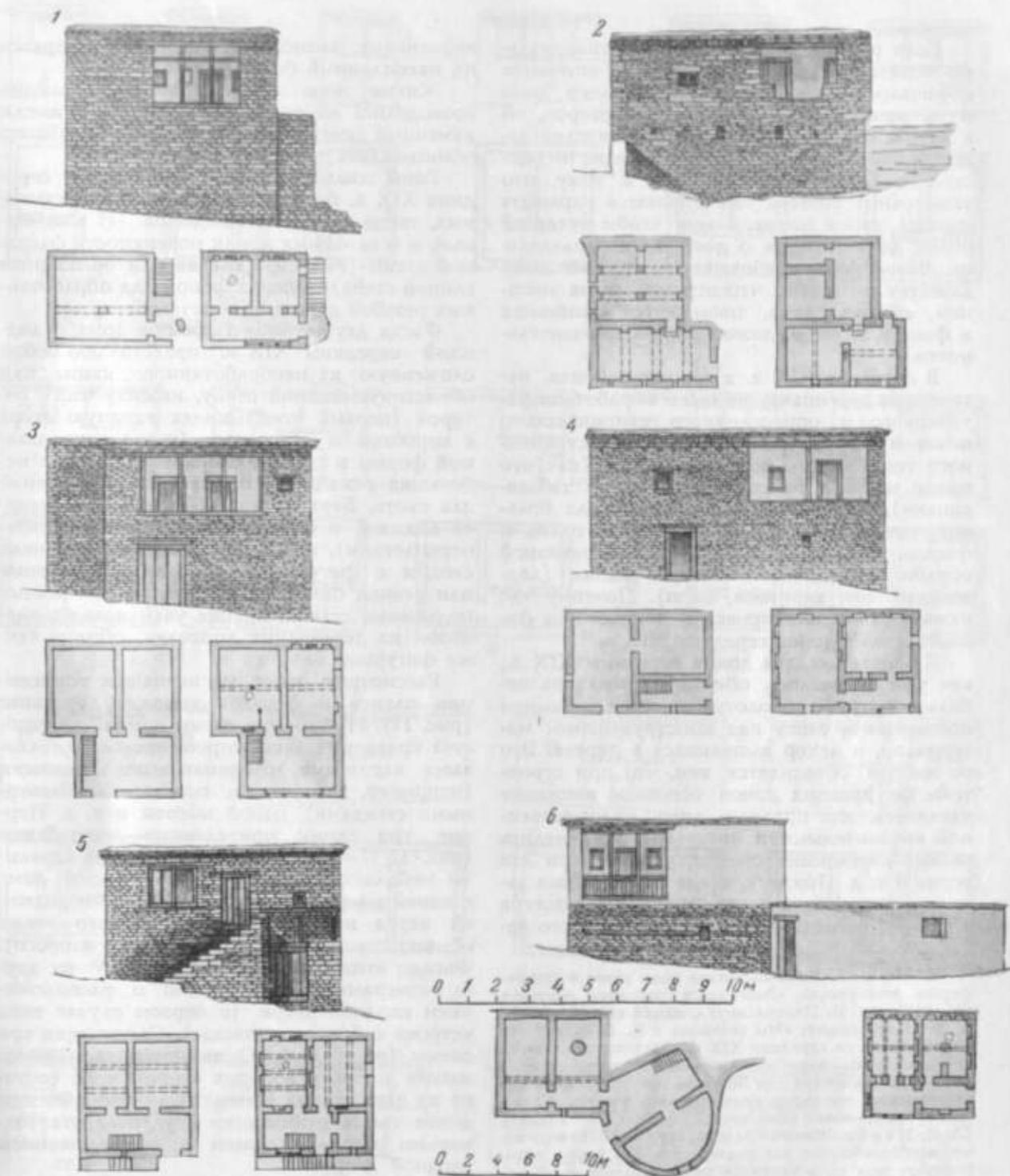
¹² Один из домов такого типа (в с. Джиг-Жиг) построен в 1901—1902 гг.

15. Дом Куджаева в с. Маза: общий вид; фасад сарая для сена; генплан участка; план второго этажа жилого дома

15. Дом Куджаева в с. Маза: общий вид; фасад сарая для сена; генплан участка; план второго этажа жилого дома

16. Типы домов с лоджиями (фасады, планы первых и вторых этажей):

1 — с. Кочхюр; 2 — с. Шинихюр; 3 — с. Курах; 4 — с. Маза; 5 — с. Фила; 6 — с. Куруш

Если раньше при господстве патриархально-родовых отношений основное внимание обращалось на утилитарность жилого дома и на привлекательность его интерьеров, то в XIX в. социальное расслоение жителей дагестанского аула, увеличивавшееся имущественное неравенство привели к тому, что зажиточные хозяева уже стремятся украшать фасады своих домов с тем, чтобы внешний облик дома говорил о достатке его владельца. Возрастают требования к техническому качеству и отделке, что отражается на внешнем облике дома, повышается внимание к фасаду, к его художественной выразительности.

В середине XIX в. в горных районах, населенных лезгинами, не было выработано устойчивого и определенного канонического плана и фасада для широко распространенного типа жилого дома с лоджией (как это имело место в районах, населенных табасаранами). Сложились лишь общие для большинства селений основные черты плана и фасада, а также композиции и декоративной обработки отдельных частей здания (лоджий, входов, карнизов, окон). Поэтому так разнообразны планировки и композиции фасадов жилых домов середины XIX в.¹³

Каменная кладка домов середины XIX в., как уже отмечалось, обычно состояла из небольших грубо околотых камней. Камнем пользовались лишь как конструктивным материалом, а декор выполнялся в дереве. Это во многом объясняется тем, что при строительстве древних домов основное внимание уделялось, как правило, лишь художественной выразительности интерьера, где имелись резные деревянные столбы, резные лари для зерна и т. д. Поэтому, когда встала новая задача украшения фасада, народные мастера в первую очередь использовали для этого де-

¹³ Эта мысль была высказана нами ранее в автореферате диссертации «Лезгинское народное жилище» (М., 1955, стр. 8). Полемизируя с нашей точкой зрения, А. Б. Панек пишет: «Мы согласны с С. О. Хан-Магомедовым, что «к середине XIX в. в лезгинских горных районах не было выработано единого типа архитектуры жилого дома», но считаем большим преувеличением его утверждения, что «здесь насчитывались десятки и даже сотни различных композиций фасада и плана» (А. Б. Панек. Жилище лезгин, стр. 151). По-видимому, необходимо еще раз подчеркнуть, что речь в автореферате шла не о «сотнях» типов жилища, а об отсутствии у лезгин каноничной композиции плана и фасада жилого дома (как это было, например, у табасаранцев); это привело при ограниченном количестве вариантов типов жилища практически к неограниченному количеству композиционных схем фасада и плана.

коративные возможности дерева, опираясь на накопленный большой опыт.

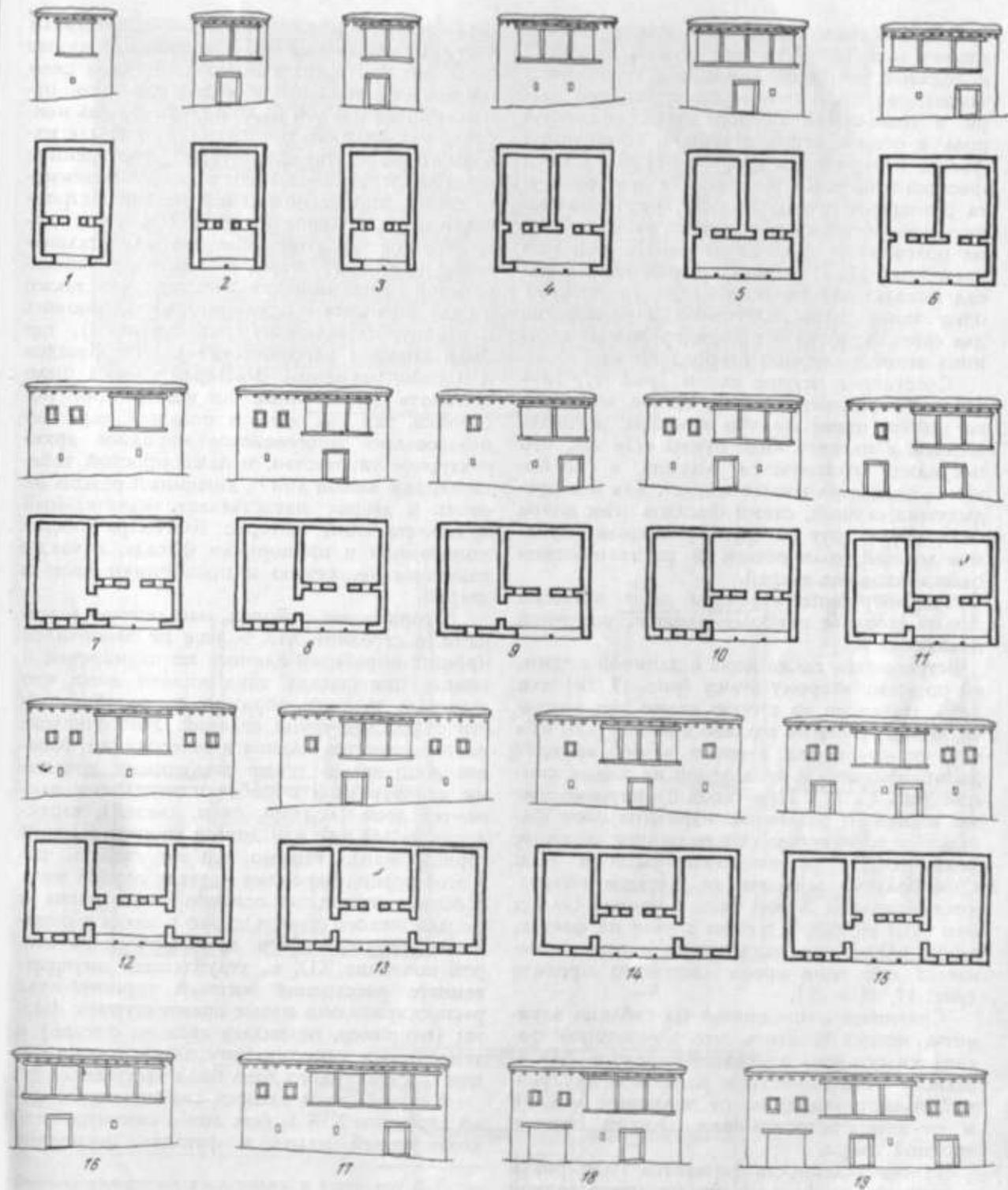
Жилые дома Докузпаринского района возводились из саманного кирпича и имели каменный цоколь; при этом фасады обычно обмазывались глиной.

Типы жилых домов горной зоны в середине XIX в. были одинаковы как для каменных, так и для саманных домов. И в каменных, и в саманных домах поверхность фасадной стены (каменная кладка или обмазанная глиной стена) служила фоном для обработанных резьбой деревянных деталей.

Фасад двухэтажного жилого дома с лоджией середины XIX в. представлял собой сложенную из необработанного камня или обмазанную глиной стену, нижняя часть которой (первый этаж) имела входную дверь с коробкой и створками (часто оригинальной формы и с декоративной резьбой) и небольшие окна-щели, освещавшие помещения для скота. Верхняя часть фасада была занята лоджией и окнами (иногда с наборными переплетами), причем лоджия часто имела столбы с фигурными подбалками, точеные или резные балясины парапета, либо резные подъемные ставни. Здание увенчивалось карнизом на деревянных консолях, обычно также фигурных.

Рассмотрим основные варианты композиции планов и фасадов домов с лоджиями (рис. 17). На таблице схемы домов для удобства сравнения даны упрощенно: с одинаковыми карнизами, с одинаковыми лоджиями (например, все лоджии показаны с барьерными стенками), одной высоты и т. д. Первые три схемы, приведенные на таблице (рис. 17, 1-3), представляют собой варианты небольшого двухэтажного жилого дома с одной комнатой на втором этаже и лоджией перед ней (планировка первого этажа обычно аналогична планировке второго). Фасады этих домов отличаются друг от друга размерами проема лоджии и расположением входной двери (в первом случае вход устроен с бокового фасада). Следующие три схемы (рис. 17, 4-6) являются вариантами жилых домов, у которых второй этаж состоит из двух жилых комнат и лоджии. Фасады домов также отличаются друг от друга размерами проема лоджии и расположением входной двери.

Все первые шесть схем дают примеры домов, где во втором этаже на фасад выходит лишь лоджия, а жилые комнаты расположены за ней. Следующие пять схем (рис. 17, 7-11) дают варианты жилых домов, имею-

17. Схемы фасадов и планов вторых этажей домов с лоджиями. Пояснения см. в тексте

щих две жилые комнаты во втором этаже, причем окна одной из них выходят на фасад с лоджией. Композиция фасада становится богаче, так как, кроме лоджии, входной двери и окон-щелей первого этажа, большую роль в общей художественной композиции фасада играют окна второго этажа. Схемы фасадов этих домов отличаются друг от друга размерами проема лоджии, расположением и количеством окон второго этажа, а также положением входной двери. На одной из схем (рис. 17, 11) приведен дом, где на фасад выходят две входные двери, из которых одна ведет непосредственно в помещение для скота, а другая — в коридор, откуда лестница ведет в лоджию второго этажа.

Следующие четыре схемы (рис. 17, 12—15) дают варианты жилых домов, имеющих во втором этаже по три комнаты, расположенные в плане в виде буквы «П» так, что посередине оказывается лоджия, а по бокам — окна двух жилых комнат. Как и в предыдущих случаях, схемы фасадов этих домов отличаются друг от друга размерами проемов лоджий, количеством и расположением окон и входных дверей.

Рассмотренные варианты дают примеры жилых домов с наиболее распространенной планировкой.

Встречаются также дома с длинной лоджией по всему второму этажу (рис. 17, 16) или дома, имеющие во втором этаже три комнаты, расположенные в плане в виде буквы «Г» так, что на фасад второго этажа выходят длинная лоджия и окна одной из жилых комнат (рис. 17, 17). При такой планировке также возможны различные варианты схем фасадов в зависимости от величины лоджии, количества и расположения окон и т. д. Своеобразные композиции фасадов получаются, если под домом сделан проход (улица или вход во двор); в этом случае на фасаде, кроме одного или двух входов в дом, оказывается еще один проем сквозного прохода (рис. 17, 18 и 19).

Сравнивая приведенные на таблице варианты, можно заметить, что композиция фасада жилого дома с лоджией середины XIX в. зависит от сложности и характера внутренней планировки дома, от величины лоджии и от взаиморасположения лоджии, окон и входной двери.

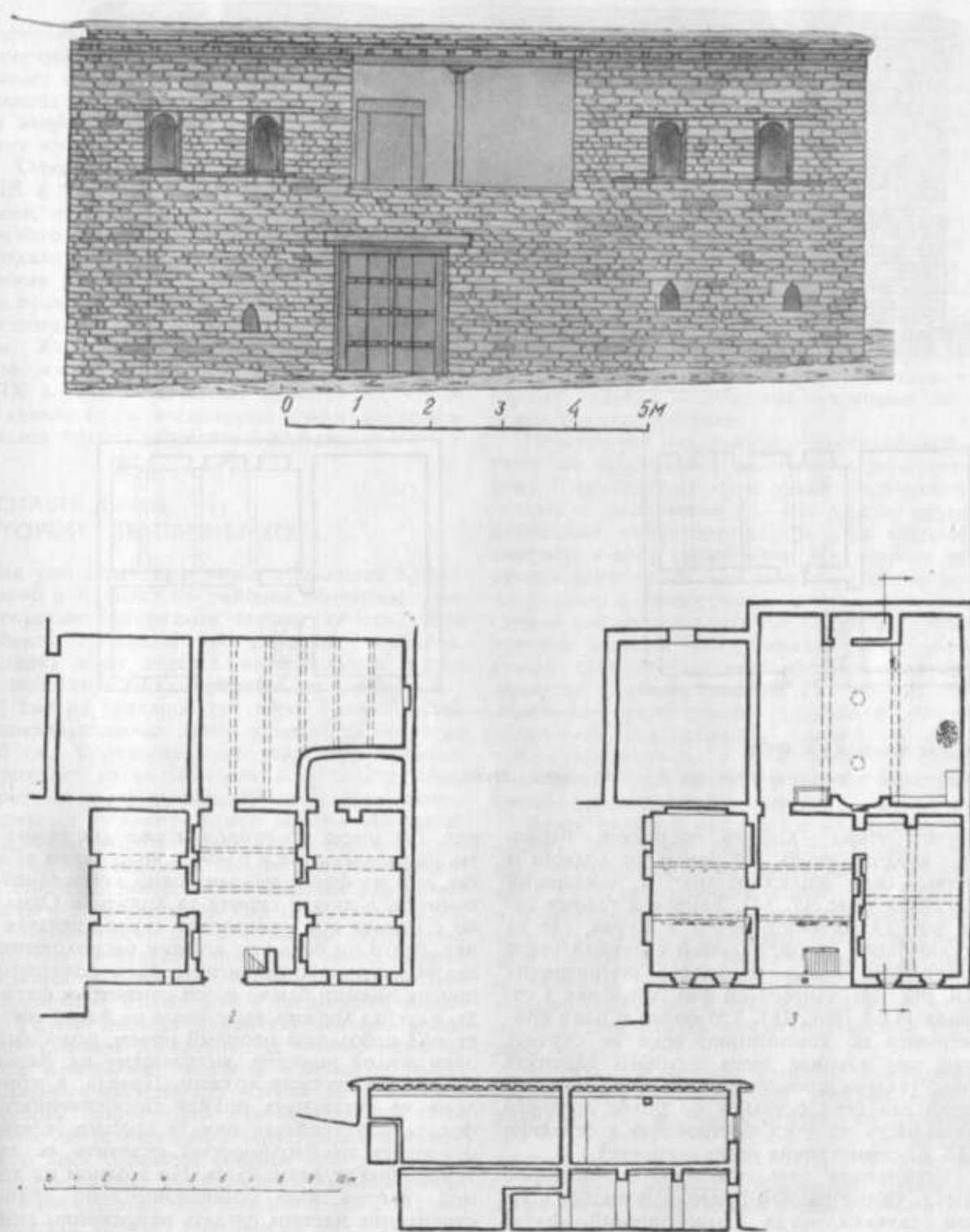
Многочисленность вариантов планировки и композиции фасадов жилых домов горной зоны середины XIX в. имела свои положительные и отрицательные стороны. Положительным было то, что народные мастера, не

связанные общепринятой схемой, создавали часто оригинальные по композиции жилые дома. Но при отсутствии канонических схем создать полноценный в художественном отношении жилой дом было под силу лишь наиболее талантливым мастерам, так как для народного зодчества характерно постепенное накопление технического и художественного опыта многих поколений мастеров-строителей и закрепление традицией всего лучшего, что создают отдельные наиболее талантливые зодчие. Поэтому, например, в табасаранской народной архитектуре (а также в ряде лезгинских селений, примыкающих к району, населенному табасаранами), где были созданы канонические схемы фасадов и планов, народным мастерам легче было создавать законченные по композиции постройки, так как здесь в большей мере использовалось многовековое народное архитектурное творчество, и даже простой табасаранский жилой дом¹⁴, лишенный резьбы на окнах и дверях, представляет значительный художественный интерес благодаря общей композиции и пропорциям фасада, а также взаиморасположению и пропорциям окон и дверей.

В горных же районах, населенных лезгинами, в середине XIX в. еще не закончился процесс выработки единого по планировке и композиции фасада типа жилого дома, что зависело, главным образом, от разобщенности отдельных групп селений. Многочисленность вариантов планов и композиций фасадов дополнялась также различными приемами декоративной обработки отдельных элементов дома (лоджий, окон, дверей), характерными для той или другой группы селений горной зоны. Можно все же сказать, что в этот период народные мастера горной зоны в общем нащупали основной тип плана и фасада жилого дома. Однако в связи с социально-экономическими изменениями во второй половине XIX в., углублением имущественного расслоения жителей горного аула распространились новые архитектурные формы (например, появилась арка на фасаде) и тенденция к единому типу плана и композиции фасада жилого дома была заглушена.

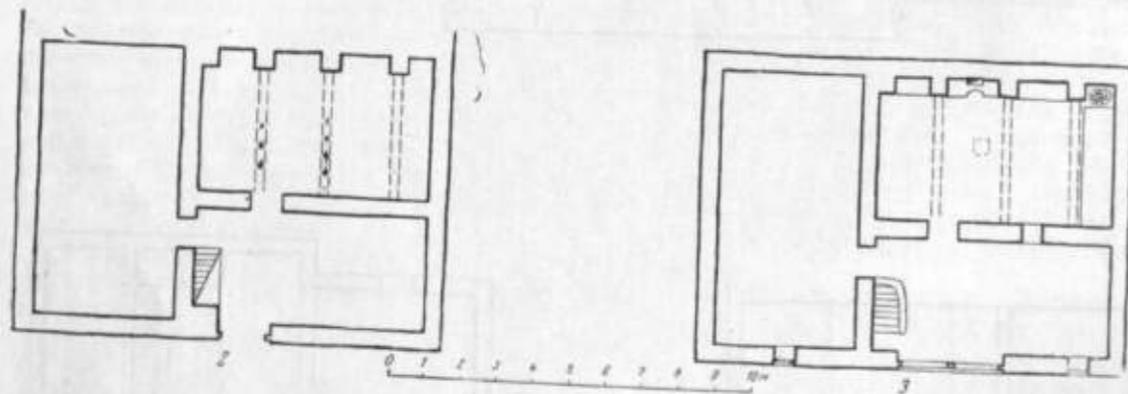
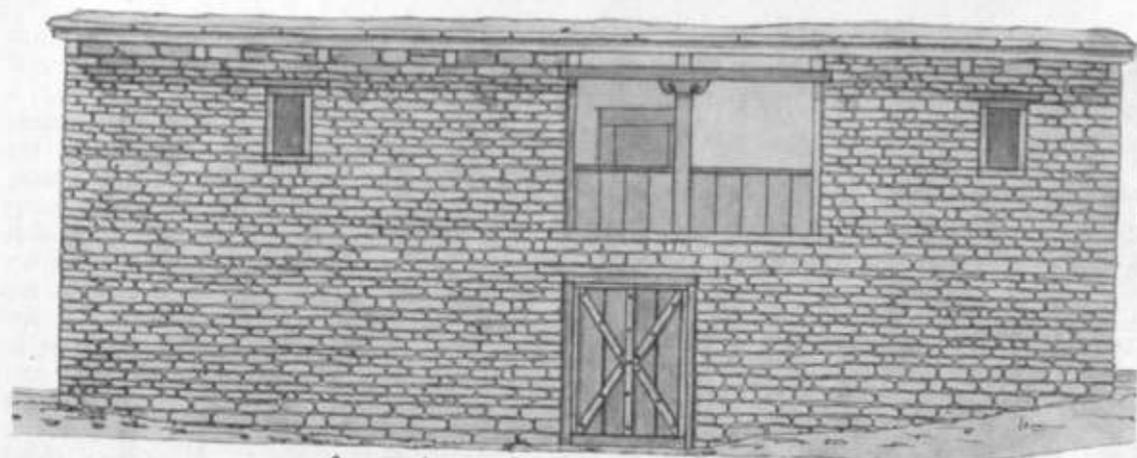
Намечавшимся единым типом жилого дома середины XIX в. был дом с симметричной композицией плана и фасада: посередине

¹⁴ В том числе и жилые дома лезгинских селений группы Дере-Кам, например, дом Абдулаева из селения Зизик (Г. Н. Любимова и С. О. Хан-Магомедов. Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956, стр. 8—14).

18. Дом Латифова в с. Маза:

1 — фасад; 2 — план первого этажа; 3 — план второго этажа; 4 — разрез

19. Дом Аскерова в с. Фий:

1 — фасад; 2 — план первого этажа; 3 — план второго этажа

второго этажа — лоджия, посредине первого — входная дверь, по бокам от лоджии и двери — окна жилых комнат и помещений для скота (рис. 17, 14). Близок к такому типу дом Таджибова в селении Курах, где за исключением двери, ведущей в первый этаж, композиция плана и фасада симметрична (см. рис. 14). Интересен дом Латифова в селении Маза (рис. 18). Его фасад и план симметричны по композиции, если не считать того, что входная дверь немного сдвинута влево (задняя комната и примыкающий к ней сарай для сена остались от более древнего дома; часть же дома, построенная в середине XIX в., симметрична по планировке).

Стремление сделать общую композицию фасада симметричной приводило иногда к таким случаям, когда симметричный фасад скрывал за собою асимметричный план. Так, например, дом Аскерова в селении Фий (см.

рис. 19) имеет во втором этаже две комнаты, расположенные в плане в виде буквы «Г» так, что на фасад выходит окно лишь одной комнаты, а другая скрыта за лоджией. Однако с фасада дом производит такое впечатление, будто по бокам от лоджии расположены два проема лоджии ближе к оси симметрии фасада, а стенка лоджии, выходящая на фасад, имеет еще небольшой оконный проем, подобный окну жилой комнаты, выходящему на фасад по другую сторону лоджии. Правда, в этом доме не достигнута полная симметричность фасада, а устройство окна в лоджии можно объяснить необходимостью осветить ее затемненную угловую часть. Но в одном из домов селения Маза совершенно явно видно стремление мастера сделать непременно симметричный фасад вопреки асимметричному плану. В композиции фасада этого дома все

подчинено симметрии, и даже входная дверь помещена точно в центре, хотя обычно она бывает сдвинута к краю лоджии (последнее зависит от расположения лестницы, ведущей на второй этаж: она делается ближе к другому краю лоджии).

Однако, несмотря на то, что в середине XIX в. в горных районах, населенных лезгинами, не было выработано единого канонического типа жилого дома, народные мастера создали полноценные в архитектурном отношении постройки, лучшие примеры которых по праву можно считать замечательными достижениями лезгинской народной архитектуры. Характерной чертой композиции фасадов жилых домов горной зоны середины XIX в., как отмечалось, является то, что и в каменных и в саманных домах декорировались только деревянные детали.

ЖИЛЫЕ ДОМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Как уже отмечалось выше, в селениях Курахского и Ахтынского районов основным строительным материалом служит камень. Это обычно — твердый постелистый песчаник. Кладка стен ведется из небольших грубо обработанных камней (высота рядов 8—14 см) на глиняном растворе. Толщина стен каменных жилых домов колеблется от 40 до 60 см. Горизонтальные швы, как правило, проходят насквозь через всю кладку стен; другими словами, каждый ряд кладки выкладывается из камней одной высоты. Но разница между высотами различных рядов кладки фасада жилого дома бывает довольно значительна (например, самый высокий ряд может быть в 3—5 раз выше самого низкого ряда).

Конструкция перекрытий на деревянных прогонах и балках в каменных домах горных селений в основном подобна конструкции перекрытия жилых домов предгорной зоны.

Резкий дефицит строительного леса в горных районах Дагестана (не только населенных лезгинами) издавна направляла мысль народных мастеров-строителей на поиски каменных конструкций для перекрытий. Особенно остро ощущался недостаток строительного леса большого сечения при устройстве междуэтажных перекрытий жилых домов. Для перекрытия над вторым, жилым этажом (плоская кровля) еще можно было употреблять местный строительный лес небольшого сечения (почти жерди) в сочетании с несколькими привозными балками большого

сечения, но для междуэтажного перекрытия, которое выдерживало большую нагрузку (в комнатах второго этажа, например, стояли большие лари с зерном и т. д.), требовался дорогой привозной лес. Перевозка же строительного леса в горные районы была в прошлом затруднена из-за отсутствия удобных дорог.

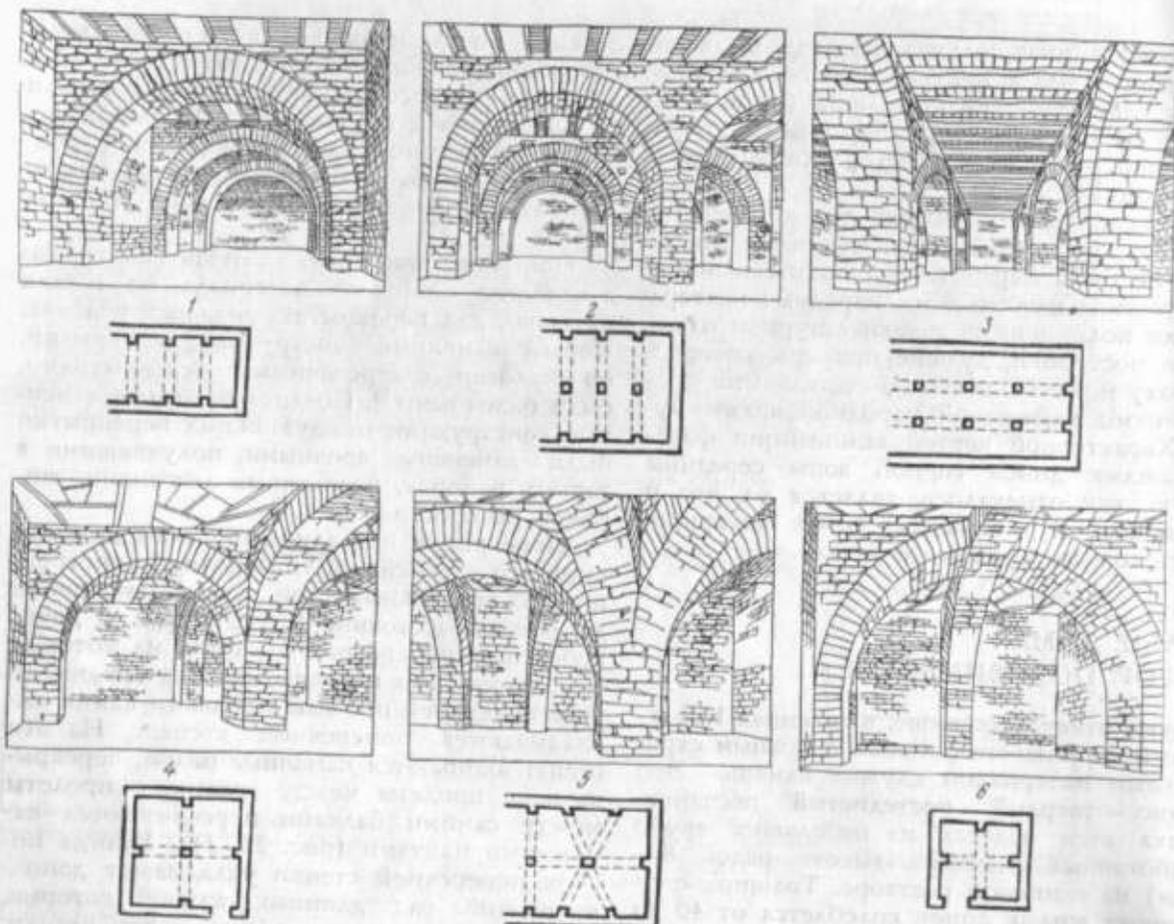
Попытки применить камень не только в качестве стенового материала, но и как материал для перекрытий, делались издавна. Первые каменные конструкции перекрытий, по аналогии с деревянными перекрытиями, были балочными¹⁵. Позднее балочные каменные конструкции междуэтажных перекрытий были заменены арочными, получившими в горных районах, населенных лезгинами, широкое распространение.

Перекрытие над длинным узким помещением это простейший тип арочной конструкции. У продольных стен такого помещения делают на расстоянии 1,5—2 м друг от друга небольшие поперечные выступы, на которые опираются арки перекрытия. Над арками до уровня верхней постели замкового камня выкладываются поперечные стенки. На эти стенки опираются каменные балки, перекрывающие пролеты между арками, а пролеты между самими балками перекрываются каменными плитами (рис. 20, 1). Иногда по верх поперечной стенки укладывают дополнительный ряд длинных камней, которые, консольно выступая с обеих сторон стенки, уменьшают пролеты между арками, перекрываемые каменными балками.

Более сложной получается система перекрытия широкого помещения с помощью двух поперечных арок, опирающихся посредине пролета на общий столб (рис. 20, 2), или перекрытие по одному или двум рядам арок (аркады), идущим параллельно продольным стенам (рис. 20, 3). Выбор того или иного варианта обычно зависит от планировки второго этажа, так как во втором этаже стены и перегородки возводят над арками первого этажа.

Иногда квадратное в плане помещение перекрывают оригинальной арочной конструкцией со столбом в центре, на который

¹⁵ Таковые, например, междуэтажные перекрытия средневековой оборонительной башни в селении Хоредж Курахского района (см. С. О. Хан-Магомедов. Арочные конструкции в архитектуре Дагестана. — «Архитектурное наследие», № 11, М., 1958, стр. 54; его же. Оборонительные сооружения Южного Дагестана. — «Архитектурное наследие», № 18, М., 1969).

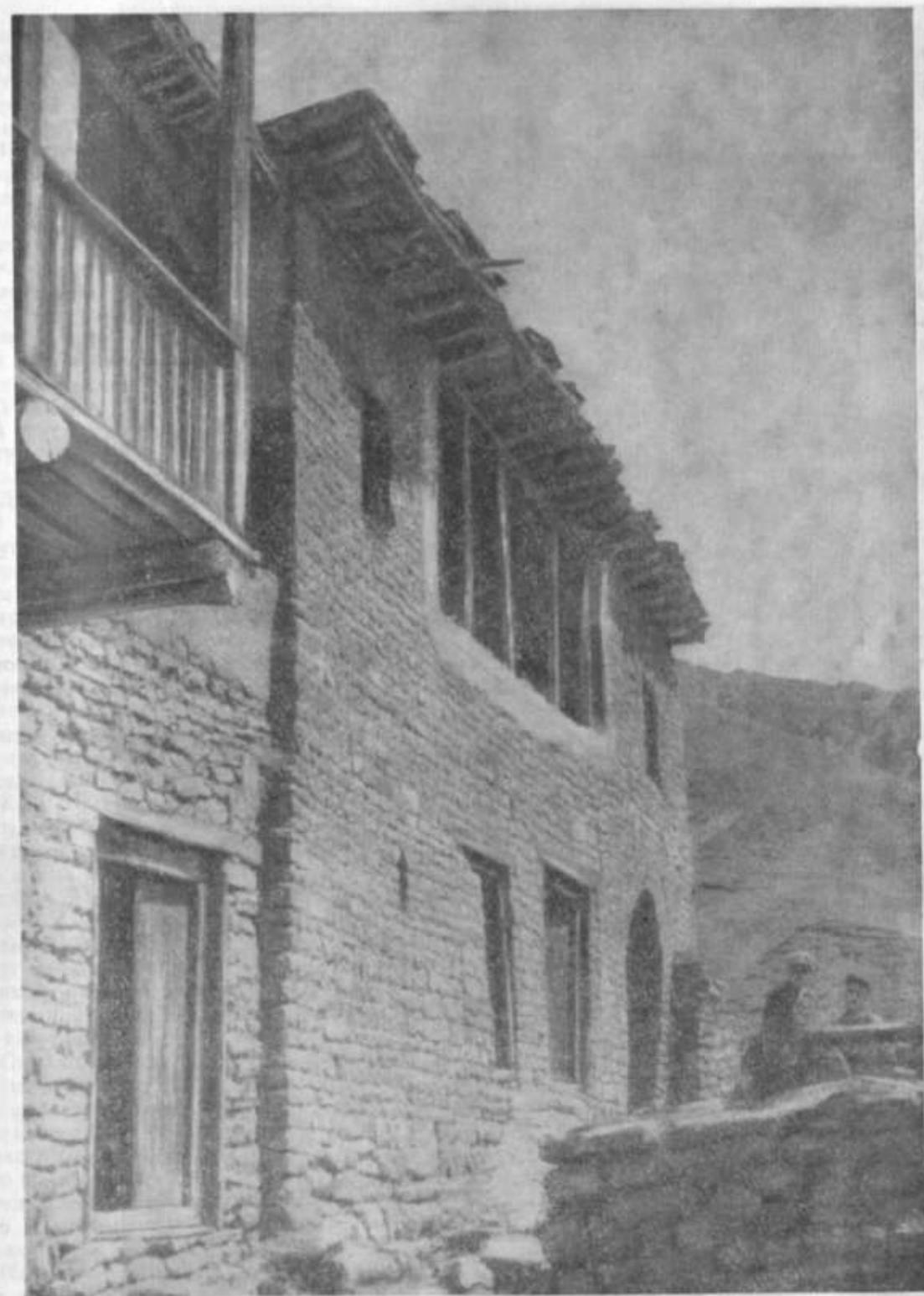
20. Арочные конструкции перекрытия.
Пояснения см. в тексте

опираются пятью четырех арок (рис. 20, 4). Арки в этом случае делают помещение на четыре квадратные ячейки, которые перекрываются посредством постепенного перекрытия углов каменными плитами. Такая конструкция перекрытия отсеков отдаленно напоминает перекрытие типа грузинского «дарбази».

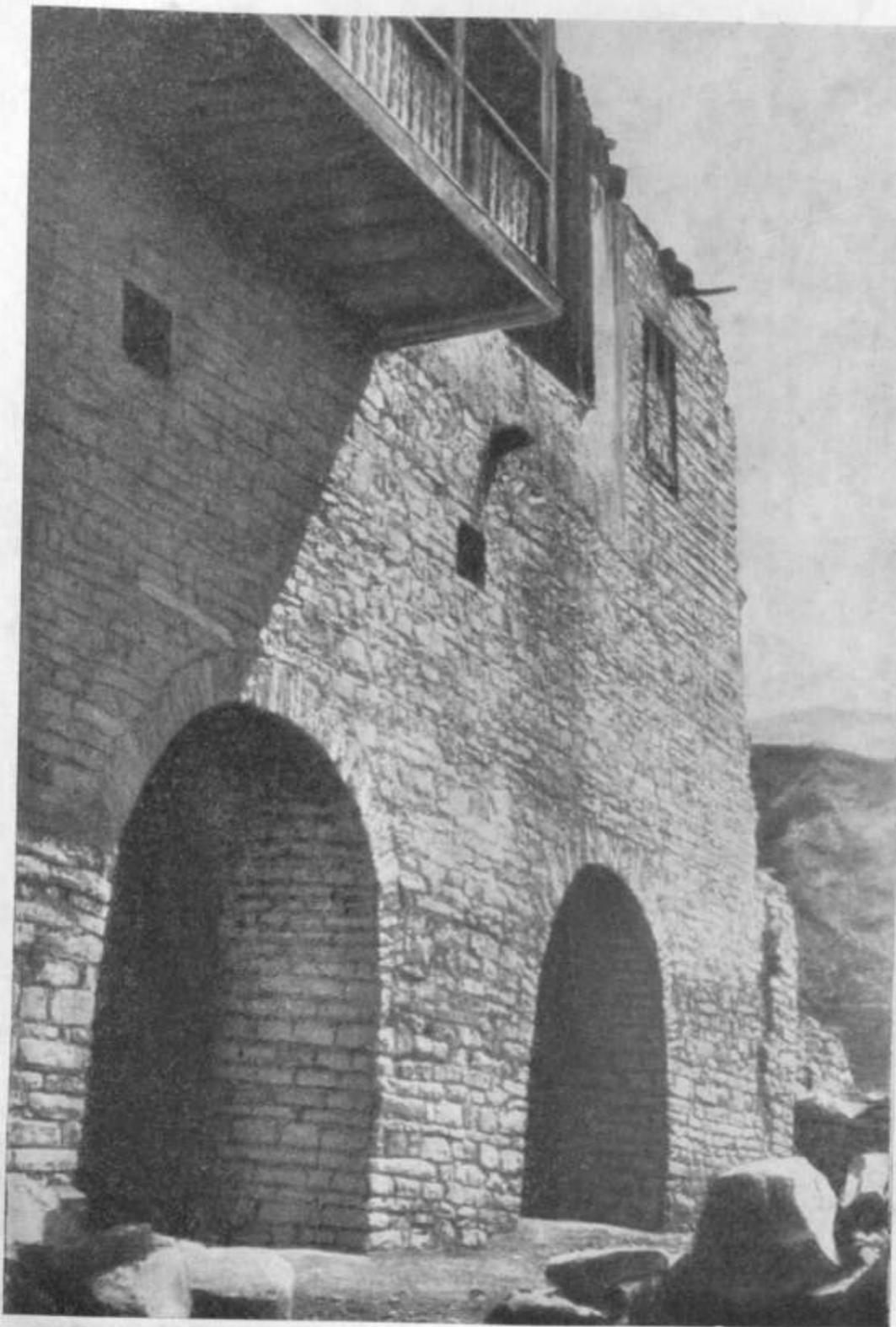
М. Ильина, анализируя древнейшие типы жилищ Закавказья, пришла к выводу, что жилища с перекрытием типа «дарбази» (зально-сводчатые постройки) были широко распространены в прошлом в Закавказье. «Древнейшие типы жилищ народов Северного Кавказа, — пишет М. Ильина, — еще очень мало исследованы, но мы допускаем возможность близости типов жилищ по ту и эту сторону Кавказского хребта. ... Не заходя пока на север от хребта в поисках аналогий зально-сводчатых жилищ, мы, во всяком случае,

к югу от хребта, в Закавказье наблюдаем и единство архитектурных форм древнейшего жилища для патриархальной стадии развития семьи»¹⁶. Предположение Ильиной о связи на территории всего Кавказа зально-сводчатого типа жилищ с «патриархальной стадией развития семьи» не подтверждается материалами по дагестанской народной архитектуре. В Дагестане у отдельных народов были выработаны различные типы жилищ для большой семьи. Верхний свет устраивался и в дагестанских домах, но перекрытие типа «дарбази» в жилых помещениях пока не обнаружено. Отдельные аналогии с «дарбази», встречающиеся в каменных конструкциях междуэтажных перекрытий Дагестана,

¹⁶ М. Ильина. Древнейшие типы жилищ Закавказья. — «Сообщения Института истории и теории архитектуры», вып. 5, М., 1946, стр. 13.

21. Жилой дом в с. Маза

22. Дом Гаджиева в с. Джиг-Жиг

объясняются не столько близостью стадийного развития семьи, сколько общими конструктивными задачами (необходимостью перекрыть большой пролет короткими балками).

Иногда, хотя и очень редко, встречаются конструкции перекрытия, при которых на один столб, установленный в центре помещения, опираются сразу шесть арок (рис. 20, 5). Редко встречается и еще более оригинальная арочная конструкция перекрытия небольшого квадратного в плане помещения с помощью двух крестообразно пересекающихся арок, которые опираются на выступы противоположных стен и имеют в месте пересечения общие замковые камни (рис. 20, 6).

Таковы основные типы арочных конструкций перекрытия, которые до сих пор широко бытуют в горных районах Дагестана, в том числе в лезгинских районах.

Долгое время арка применялась в народной архитектуре Дагестана как чисто конструктивный элемент. В качестве конструктивного элемента появилась арка сначала и на фасаде жилого дома. В условиях тесной застройки старых горных селений улицы часто проходят под вторыми этажами жилых домов, и перекрытия над такими улицами делаются обычно арочными. Крайняя арка этого арочного перекрытия выходит на фасад жилого дома и как бы обрамляет проход улицы, являясь одновременно частью композиции фасада этого жилого дома (рис. 21).

Как конструктивный элемент арка встречается на фасаде жилого дома и тогда, когда дом стоит на крутом склоне горы и его фасадная стена на значительную высоту является подпорной стенкой, которую облегчают введением в нее арок. Таков дом Гаджиева в селении Джиг-Жиг (рис. 22). Его нижняя часть высотой около 3 м служит подпорной стенкой, примыкающей к скалистому склону. В подпорной стенке сделаны две арочные ниши глубиной до 2 м.

Однако арка на фасаде жилого дома в качестве обрамления прохода улицы под домом или арочной ниши в подпорной стене — сравнительно редкое явление. Большое значение имело появление арки на фасаде в виде оконного и дверного проемов, что было связано с улучшением техники обработки камня и привело к значительному изменению внешнего облика дома.

Народные мастера, освоив художественные возможности камня, создают жилые дома с фасадами из тесанной кладки, с арками, с резными каменными деталями. В связи с

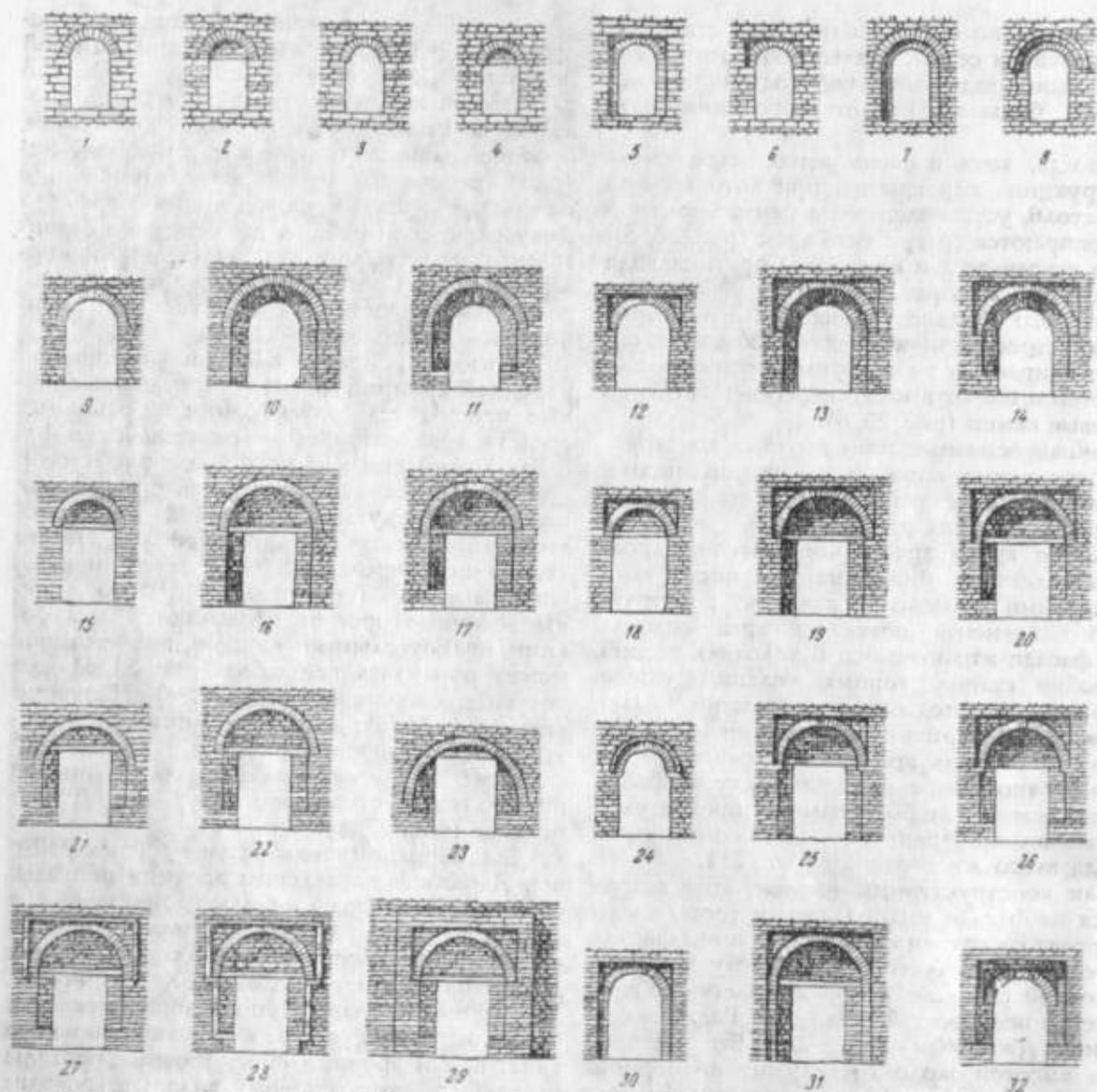
этим в районах каменного строительства искусство обработки дерева отходит во второй половине XIX в. на второй план и быстро развивается искусство обработки камня (появляются карнизы с каменными консолями, профилированные пояски и т. д.). Этому немало способствовало широкое применение на фасаде арочных форм; в то же время в Докузпаринском районе, где основным строительным материалом служит саманный кирпич, искусство резьбы по дереву продолжало развиваться и достигло своего расцвета именно во второй половине XIX в.

Во второй половине XIX в. в дагестанской народной архитектуре полуциркулярные арочные проемы становятся одним из основных средств архитектурной выразительности фасадов лезгинских жилых домов горной зоны.

Встречаются два основных типа арочных окон: полуциркулярные (рис. 23, 1) и с прямоугольным проемом под аркой (рис. 23, 2), при этом иногда пролет арки делается меньше ширины проема (рис. 23, 3 и 4). Часто арочные оконные проемы обрамляются неглубокими прямоугольными нишами, причем ниша может обрамлять все окно (рис. 23, 5) или только его верхнюю часть, т. е. собственно арку (рис. 23, 6); иногда и сами ниши делаются арочной формы (рис. 23, 7). Встречаются также окна с архивольтом, состоящим из нескольких выступающих друг над другом поясков (рис. 23, 8).

Для народной архитектуры горных районов Дагестана характерны арочные порталы, оформляющие входы в жилые дома, мечети и другие сооружения. Они получили особенно широкое распространение в горных районах Дагестана во второй половине XIX в. Форма, пропорции и размеры порталов отличаются большим разнообразием вариантов основного типа. Как и арочные окна, арочные порталы могут быть двух основных видов: с арочным проемом под арочной нишкой (арка в этом случае играет роль разгрузочной конструкции). Они и являются простейшими вариантами арочного дагестанского портала (рис. 23, 9 и 15). Вторая разновидность арочных порталов — это порталы в арочных нишах, глубина которых обычно равна примерно 40 см (23, 10 и 16).

Третья разновидность — это порталы со «скамьями». В этом случае арочная ниша не доходит до порога на 40–50 см, образуя по бокам дверного проема своеобразные каменные скамейки (рис. 23, 11 и 17). Такие порталы со скамейками характерны для селения Хрюк (Ахтынский район).

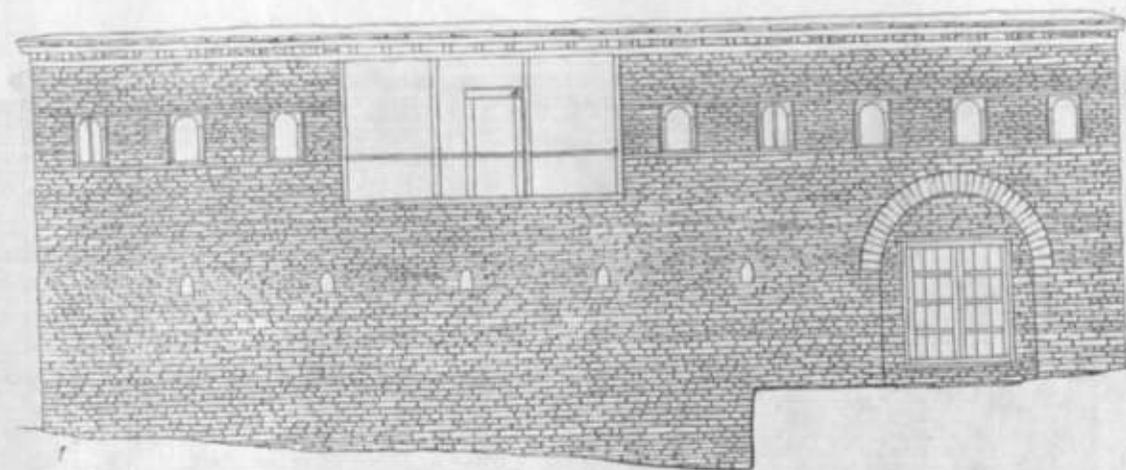
23. Арочные окна и порталы (схемы).

Полнения см. в тексте

Наконец, все описанные выше типы арочных порталов с арочными или прямоугольными дверными проемами иногда имеют прямоугольную нишку вокруг арки. Такая прямоугольная нишка, стороны которой касательны к внешней кривой арки в замке и пятах, очень характерна для дагестанской народной архитектуры. Глубина такой нишки значительно меньше глубины основной арочной ниши портала и равна обычно 5 см (рис. 23, 12-14 и 18-20). Порталы с прямоугольной нишкой и скамейками характерны для селений Курах-

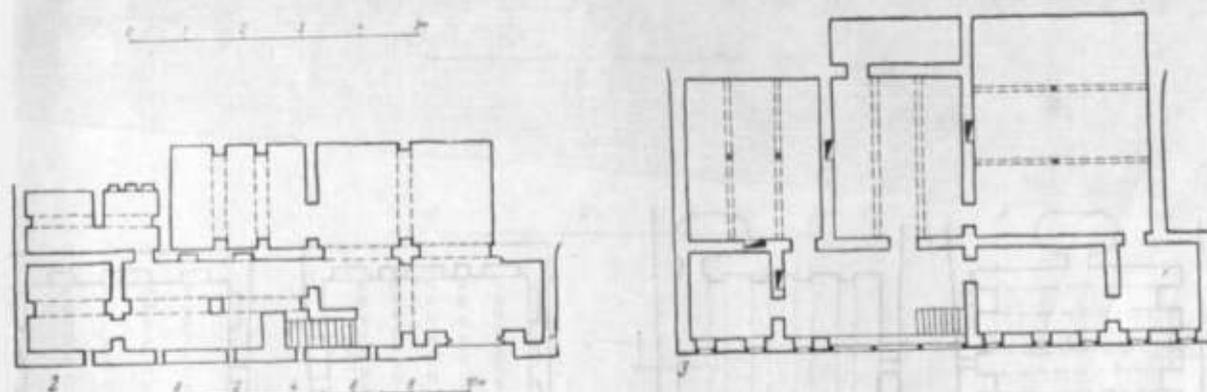
ского района, а порталы с прямоугольной нишкой без скамеек — для высокогорных селений Ахтынского района.

На таблице (рис. 23) для наглядности все порталы показаны одинаковых пропорций и одного размера, в то время как в постройках народной архитектуры размеры и пропорции арочных порталов сильно варьируются (обычно пролет арки портала равен 1,5-2 м). Так, например, арочный портал с прямоугольным проемом, арочной нишей и скамейками по бокам выглядит стройным по своим

24. Дом Гюлянстова в с. Маза:

1 — реконструкция фасада; 2 — план первого этажа; 3 — план второго этажа

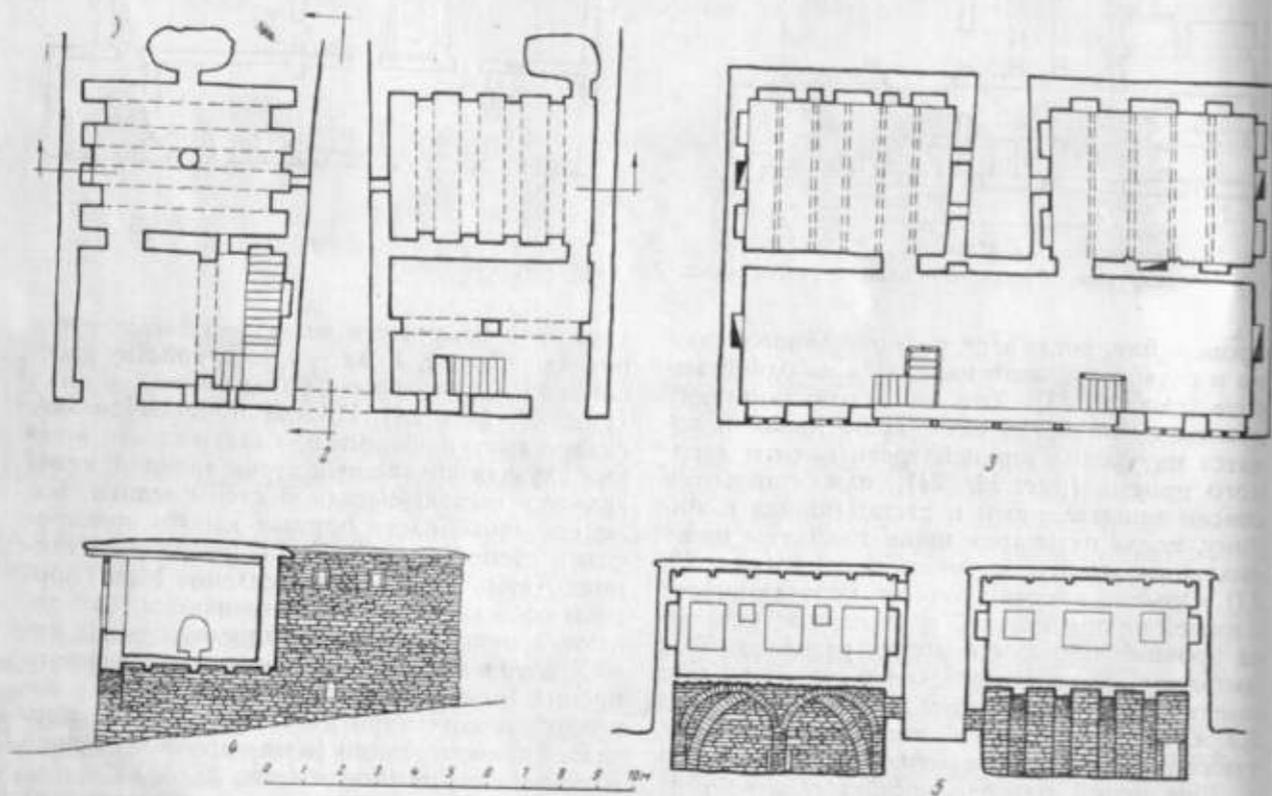
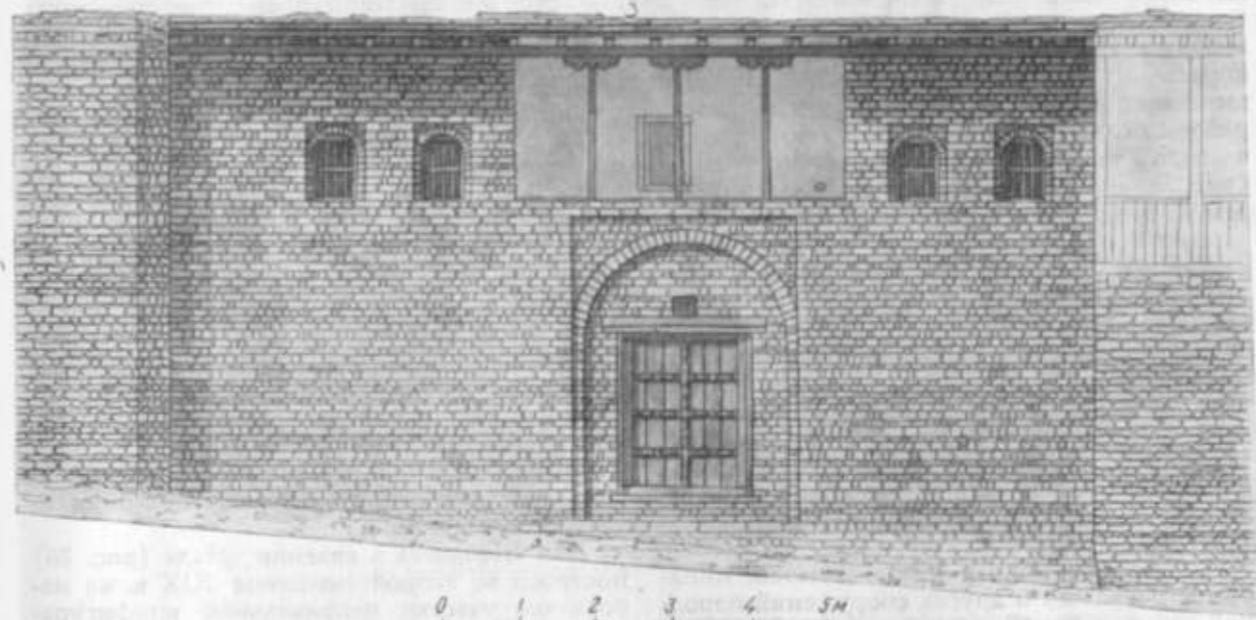
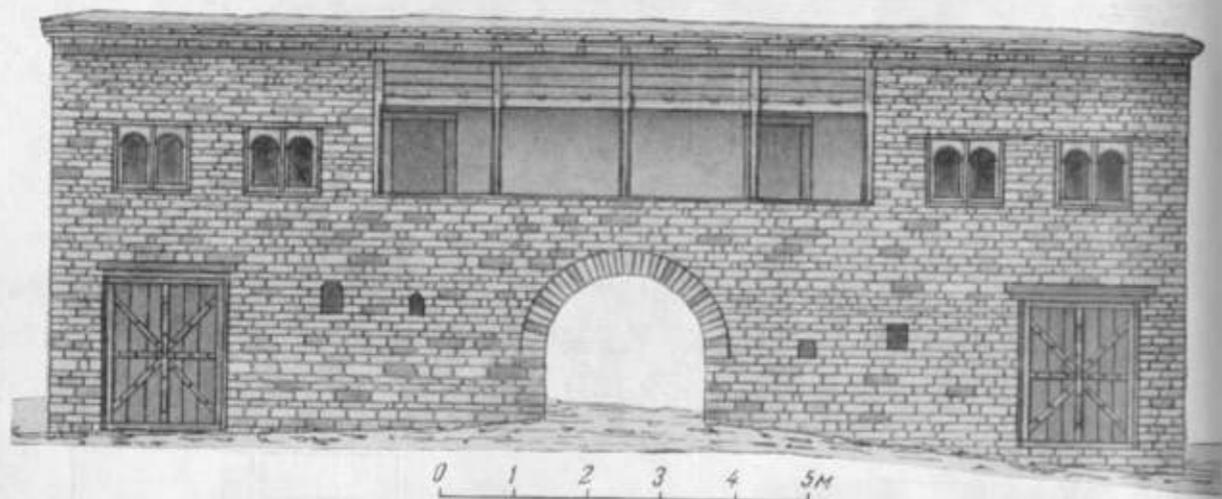

пропорциям, когда верх прямоугольного проема и пята арки ниши находятся на одной высоте (рис. 23, 22). Тот же портал выглядит приземистым, когда пята арки ниши находится на уровне верхней трети высоты дверного проема (рис. 23, 21), или становится совсем придавленным и расплывшимся в ширину, когда пята арки ниши находится ниже половины высоты дверного проема (рис. 23, 23). Обычно высота арочного портала вместе с нишей не превышает 3 м. Однако встречаются арочные порталы больших размеров. Так, например, один из порталов в селении Хрюк имеет более 4 м высоты, а пролет его равен 3,2 м. Глубина арочной ниши этого портала также необычна — она равна 186 см.

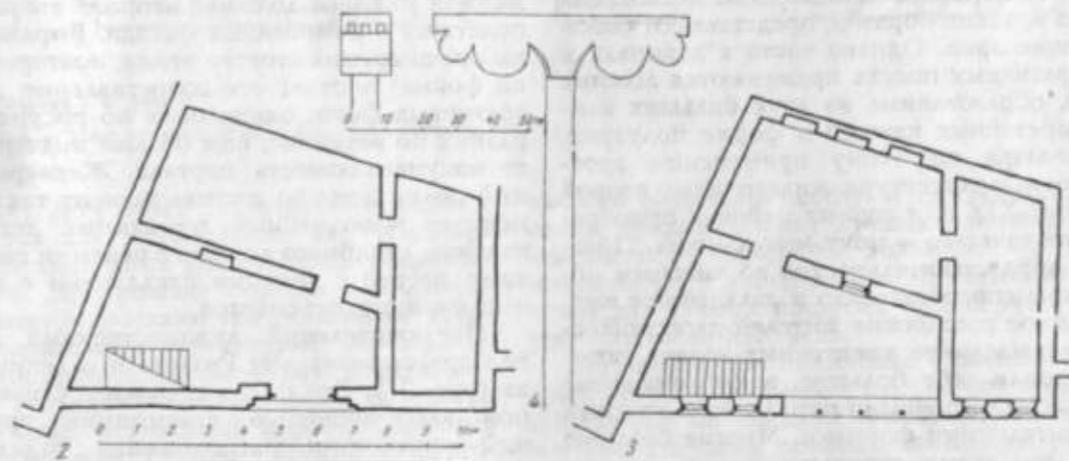
Еще одной разновидностью общего типа являются порталы, где нижние клинья арок опираются на консольные камни; при этом пролет арки меньше ширины дверного проема или ширины ниши (рис. 23, 24-25). Встречаются порталы, где прямоугольная ниша во-

круг арки получается не за счет заглабления портала в стену, а благодаря устройству своеобразного каменного обрамления портала (рис. 23, 27 и 28). Иногда порталы делают сильно выступающими из кладки стены; в таких случаях внутренняя стена арочной ниши является частью фасадной стены здания, все же остальные части портала как бы пристроены к стене (рис. 23, 29). В некоторых селениях Ахтынского района (селение Маза) порталы со скамейками не применяются. Там делают арочные порталы с прямоугольной нишей, которая доходит до самого низа дверного проема (рис. 23, 30 и 31). Совсем редки в народной архитектуре Дагестана арочные порталы с прямоугольной (а не с арочной) нишей и скамейками по бокам (рис. 23, 32).

Описанные разновидности дагестанских арочных порталов далеко не исчерпывают всего многообразия этой интересной формы, применяющейся в народной архитектуре Дагестана. Приведенные на таблице порталы

25. Дом Медкеримовых в с. Маза:
1 — фасад; 2 — план первого этажа; 3 — план второго этажа; 4—5 — разрезы

26. Дом Шейдаева в с. Маза:
1 — фасад; 2 — план первого этажа; 3 — план второго этажа; 4 — столбик лоджии

распространены, главным образом, в Южном Дагестане, в том числе в горных районах, населенных лезгинами. Народные мастера с большим художественным тактом вводят иногда в композицию арочных порталов декоративные элементы, еще сильнее подчеркивающие выразительную форму и сущность работы полуциркулярной арки. Так, например, в ряде порталов применены архивольты (рис. 23, 24), резьба на клиньях арки, выделение замкового камня (рис. 23, 25 и 26).

Арочное окно и арочный портал — архитектурные элементы большой художественной выразительности (например, портал дома Омарова в селении Хрюк)¹⁷. В народной архитектуре Дагестана широко применяются не только конструктивные, но и декоративные арочные формы. В арочном каменном декоре, как и в основных арочных формах (окно, портал), обычно используется полуциркулярная (а не стрельчатая) арка, наиболее характерная для дагестанской народной архитектуры.

На фасадах жилых домов, мечетей, минаретов, мавзолеев и других сооружений народной архитектуры Дагестана можно встретить декоративные арочные ниши. Часто такие ниши обрамляют большой камень с надписью и датой постройки сооружения.

Арочные мотивы используются также в карнизах и декоративных поясах на фасадах. Небольшие арочки часто украшают карнизы минаретов. Они сложены здесь из нескольких клиньев и, таким образом, представляют собой настоящие арки. Однако часто в карнизах и в декоративных поясах применяются ложные арочки, образованные из двух больших камней, вырезанных каждый в форме полуарки.

Благодаря широкому применению арочных форм, архитектура жилого дома второй половины XIX в. в горных районах приобрела новое качество — монументальность. Появлению «представительности» во внешнем облике дома способствовало и дальнейшее имущественное расслоение жителей дагестанского аула, выделение зажиточных хозяев, которые строили себе большие, многокомнатные жилые дома с арочными порталами и другими монументальными формами. Многие большие дома в это время строились, как и прежде, несколькими женатыми братьями.

¹⁷ В глубине портала этого дома над дверью имеется камень с надписью и датой 1272 г. хиджри (1855—1856 г.). Однако характер отдельных декоративных деталей дома, (например, переплетов окон) свидетельствует о том, что он был капитально перестроен уже в XX в.

Дом Гюляметова в селении Маза (рис. 24) был построен тремя братьями (позднее к правой стороне был пристроен дом четвертого брата). Дом имеет один вход (арочный портал), все его помещения сообщаются между собой как во втором, так и в первом этаже.

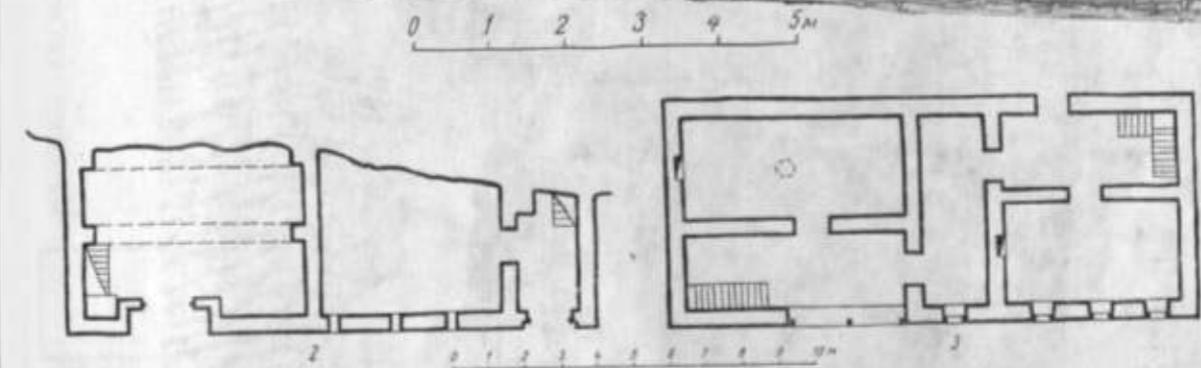
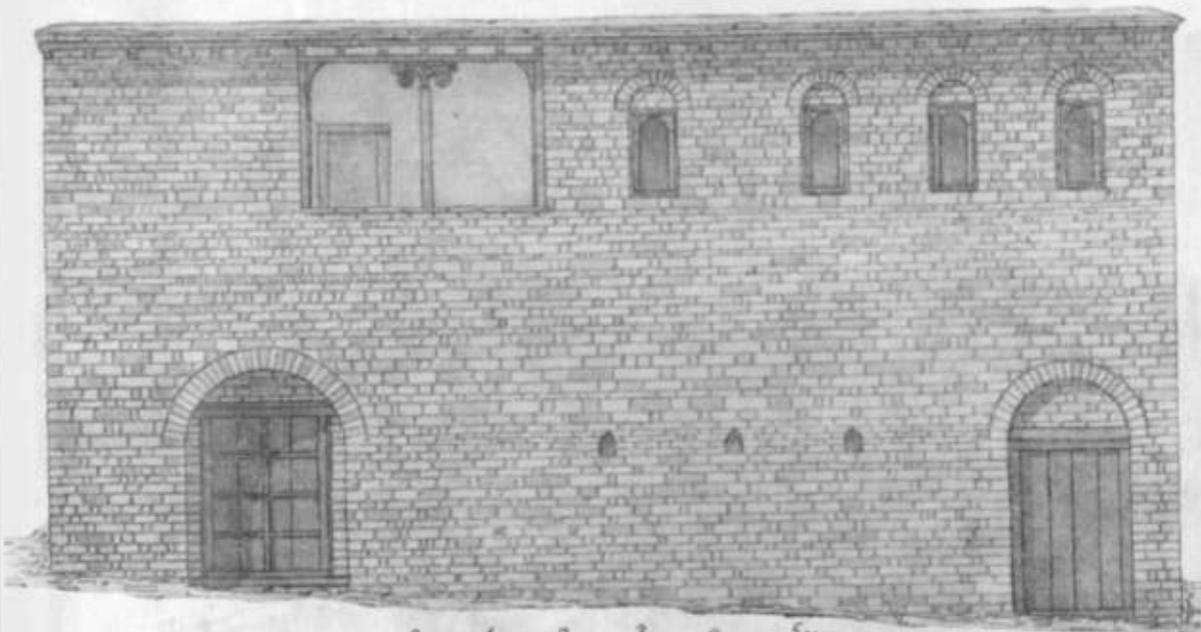
Дом Медкеримовых в том же селении Маза (рис. 25) построен двумя братьями. Это, по существу, два самостоятельных дома с отдельными входами, разделенные улицей. Соединяет обе части этого своеобразного дома лишь лоджия второго этажа, перекинутая над улицей, проход которой обрамлен аркой¹⁸. Получилась интересная симметричная композиция фасада, по оси которого расположены: вверху — лоджия, а под ней — арочное обрамление прохода улицы.

Значительными художественными достоинствами отличались дома, в которых арочные формы сочетались с резными деревянными деталями, подчеркивавшими монументальность постройки.

Дом Шейдаева в селении Маза (рис. 26) построен во второй половине XIX в. на небольшом участке неправильной конфигурации. Главный фасад дома решен симметричным, хотя план асимметричен. В центре фасада дома Шейдаева помещается прямоугольный дверной проем, обрамленный арочной нишей, которая в свою очередь обрамлена неглубокой прямоугольной нишей. Арочный портал, высотой около 4 м вместе с расположенной над ним лоджией второго этажа господствует в композиции фасада. Выразительны арочные окна второго этажа, повторяющие по форме портал; это сопоставление архитектурных форм, одинаковых по рисунку, но разных по величине, еще больше подчеркивает монументальность портала. Жизнерадостный облик дома во многом зависит также от искусно выполненных деревянных деталей: изящных столбиков лоджии с резными подбалками, дверей с резными накладками и ажурных оконных переплетов.

Исключительный художественный интерес представляет дом Ризаева в селении Маза (рис. 27). Его фасад поражает удивительной законченностью композиции при общей асимметрии расположения отдельных архитектурных элементов (лоджии, порта-

¹⁸ Такие переходы над улицей устраиваются не только в с. Маза. «В некоторых горных селениях, — пишет А. И. Лавров, — например, в Ахта, нередко встречаются закрытые переходы, соединяющие вторые этажи двух домов, стоящих на противоположных сторонах улицы. Обычно такими переходами связаны дома близких родственников, имеющих постоянное общение друг с другом» (А. И. Лавров. Лезгины, стр. 113).

27. Дом Ризаева в с. Маза:

1 — фасад; 2 — план первого этажа; 3 — план второго этажа

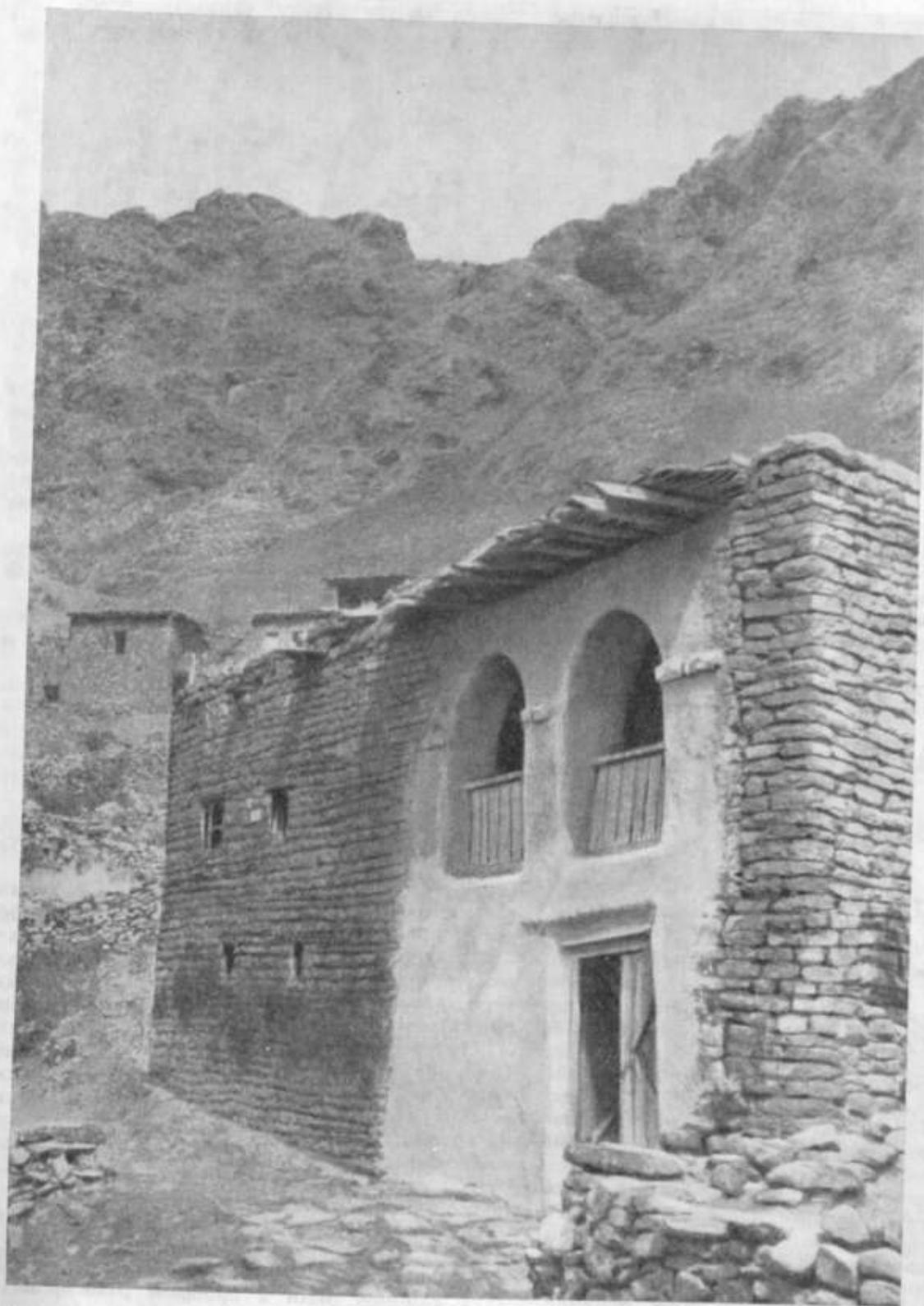
лов, окон). Дом имеет два отдельных входа с улицы, так как в нем жили два семейных брата. Нижняя часть фасада дома обработана строго: два арочных портала и перекрытые ложными арочками три маленькие оконца, освещающие хозяйственные помещения. Все декоративно обработанные деревянные детали сосредоточены наверху: тщательно выполненные деревянные коробки арочных окон; небольшой столбик лоджии с оригинальной по форме подбалкой, покрытой тонкой резьбой; резные консоли карниза.

Пример этой постройки показывает, с каким умением народные мастера применяли в композиции одного и того же дома каменные арочные формы и резные деревянные детали. Именно умелое сочетание монументальных каменных арочных форм, орнамен-

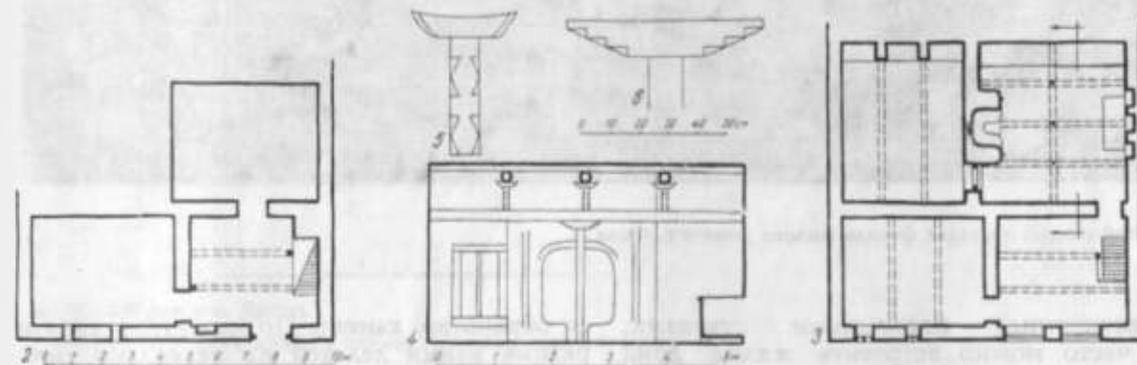
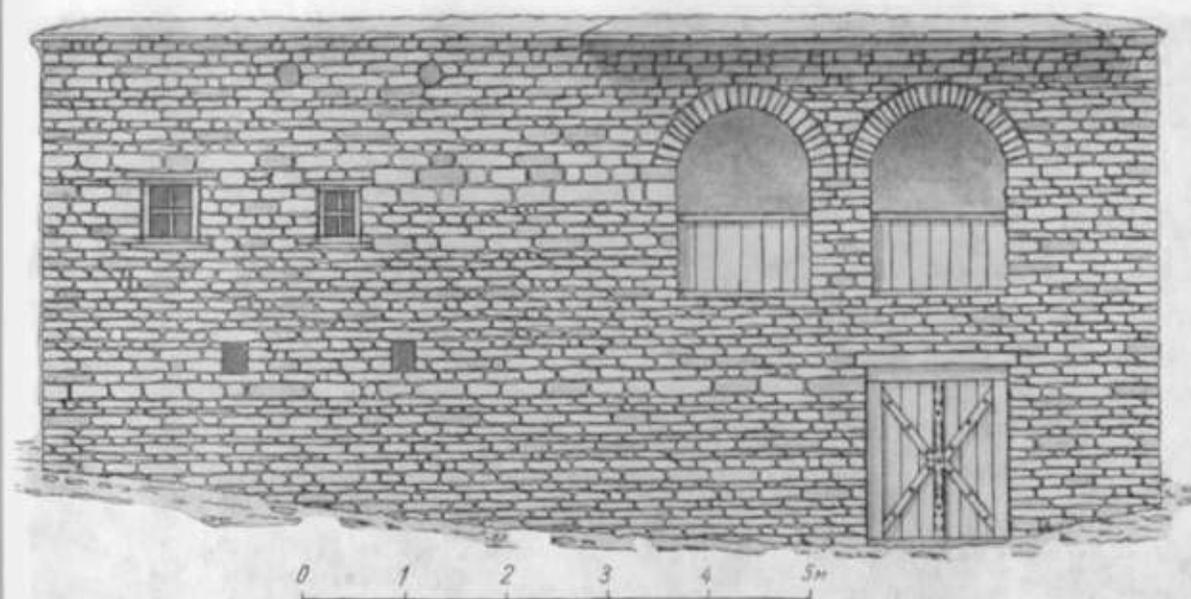
тальной резьбы по дереву и суровой кладки стены придает облику лучших произведений лезгинского народного зодчества ту торжественную приподнятость, которая характерна для лучших построек горной зоны второй половины XIX века.

Интересен дом Раджабова в селении Фий (рис. 28, 29). Посредине проема его лоджии, выходящей на главный фасад, вместо деревянного столбика помещен каменный столб, на который опираются пять двух арок. Такое арочное обрамление лоджии второго этажа жилого дома — редкий случай в народной архитектуре горной зоны.

Каменные жилые дома строятся в горной зоне в двух районах, населенных лезгинами, — Ахтынском и Курахском. Селения этих двух районов были в прошлом разобщены

28. Дом Раджабова в с. Фий

29. Дом Раджабова в с. Фий:

1 — реконструкция фасада; 2 — план первого этажа; 3 — план второго этажа; 4 — разрез; 5—6 — детали

между собой как политически (селения Ахтынского района входили в «вольные общества», селения Курахского района входили в Кюринское ханство), так и географически (граница районов проходит по гребню высокого Бокового хребта). Однако архитектуру этих районов объединяет общность основного строительного материала (камень), конструкции (арка) и композиционных приемов. Надо сказать, что эта общность архитектуры относится прежде всего к внешнему облику жилых домов, в то время как, например, интерьеры жилых домов Ахтынского района более близки к интерьерам соседнего Докузпаринского района. Различие строительных материалов (камень в Ахтынском районе, са-

манный кирпич в Докузпаринском) в этом случае не играет существенной роли, к тому же селения Ахтынского района лучше связаны с селениями Докузпаринского, чем с селениями Курахского района, что и позволило народным мастерам селений этих двух районов выработать общий тип интерьера кунацкой.

Вместе с тем в отдельных группах селений горных районов были выработаны свои местные приемы композиции фасадов жилых домов. Так, например, в архитектуре жилого дома второй половины XIX в. в Курахском районе арочных форм меньше, чем в Ахтынском районе. Для селений этого района характерны жилые дома с лоджиями.

30. Резной камень в кладке фасада жилого дома в с. Физал

закрывающимися подъемными ставнями; здесь часто можно встретить жилые дома второй половины XIX в. подобные домам с лоджиями середины XIX в. Для архитектуры жилых домов Курахского района было также характерно украшение кладки фасада резными камнями.

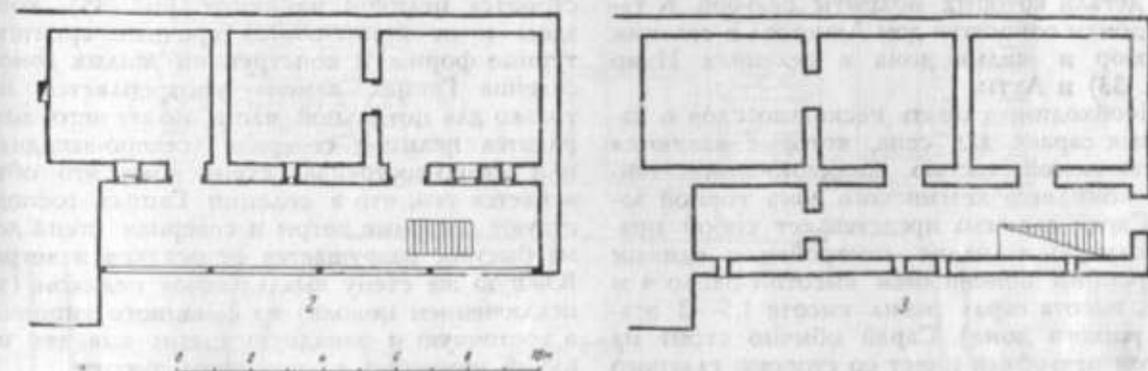
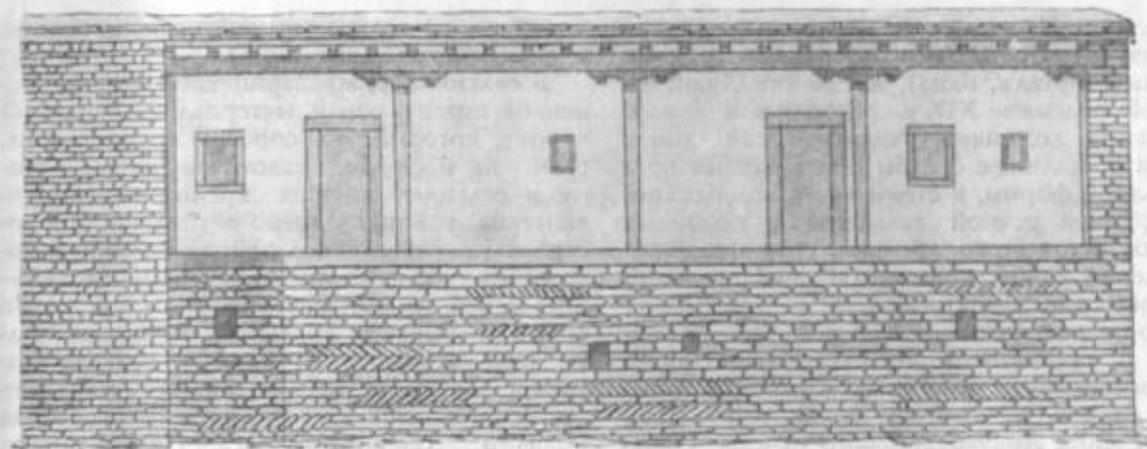
Резные камни известны в архитектуре Дагестана с древнейших времен, однако не каждый резной камень может быть отождествлен с архитектурным декором, в полном смысле этого слова. Многие зависят от того, какое место занимает в общей композиции фасада резной камень, помогает ли он выявлению основных архитектурных элементов фасада (карниза, окон, портала), или же он расположен в случайном месте в кладке стены.

Резьба на камнях в лезгинской архитектуре в зависимости от техники исполнения делится на две группы: контурную и двухплановую. Контурная резьба обычно применяется в селениях, где строительным материалом служит твердый, с трудом поддающийся

обработке, камень. По характеру рисунка резные камни делятся на несколько типов. Простейшими являются рисунки в виде отдельных линий, точек, треугольников и т. д. не составляющих какой-либо правильной фигуры. Затем можно выделить группу с геометрическим орнаментом (продолговатые камни) или центричными рисунками (квадратные камни). Встречаются камни и с растительным орнаментом. Особую группу составляют резные камни с изображением птиц, животных, оседланных лошадей¹⁹, всадников и т. д.²⁰ (рис. 30).

¹⁹ В селении Гапцах в кладке жилых домов имеются два резных камня с изображением оседланных лошадей (в орнаментальном обрамлении). На камнях даты: 1261 г. хиджры (1845 г.) и 1291 г. хиджры (1874—1875 гг.).

²⁰ А. С. Башкиров. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931; А. С. Башкиров. Резьба по камню и дереву в Дагестане. — В сб. «Художественная культура Советского Востока». М.—Л., 1931, стр. 101—115; Б. А. Дорн. Атлас к путешествию по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. СПб., 1895.

31. Жилой дом в с. Хрюк:

1 — фасад; 2 — план второго этажа; 3 — план первого этажа

Многие дома имеют в кладке фасада камни с надписью на арабском языке и датой постройки дома в мусульманском летоисчислении. Надпись и дата в таких камнях бывают вкомпонованы в орнамент, чаще всего растительный, а сам камень обычно помещается над входом или в арочной нише в кладке фасада. Иногда резные камни в кладке фасада служат своеобразной вывеской мастера-ремесленника. На таких камнях бываю изображены орудия производства мастера (например, в кладке фасада дома кузнеца в одном из аулов имеется камень с изображением кузнечного молота и щипцов).

Искусство художественной обработки дерева в селениях Курахского района было развито меньше, чем в селениях Ахтынского и особенно Докузпаринского районов (об этом подробнее ниже).

Надо отметить, что наибольший вклад в каменную лезгинскую архитектуру второй половины XIX в. внесли народные мастера-строители селений Ахтынского района, в особенности высокогорных селений, из которых выделяется селение Маза, где во второй половине XIX в. было построено большое количество жилых домов с интересными в художественном отношении фасадами и интерьерами. Много таких домов сохранилось и в селениях Фий, Джиг-Жиг и Ихир. В этих высокогорных селениях Ахтынского района народные мастера создали замечательные постройки, в которых гармонично сочетаются каменные арочные формы и резные деревянные детали.

Несколько особняком стоит архитектура селения Хрюк (Ахтынского района), которое входило раньше в Рутульское «вольное

общество». Наряду с жилыми домами, в архитектуре которых использовались арочные формы (порталы, окна), в селении Хрюк во второй половине XIX в. строились и дома с большими лоджиями. Лоджии этих домов имели деревянные столбы с подбалками оригинальной формы, а стены часто возводились из крупной речной гальки. Ряд подобных жилых домов этого времени, сохранившихся в селении Хрюк, представляет значительный интерес (рис. 31, 32).

Во второй половине XIX в. в горных районах с каменным строительством получает распространение тип жилого дома с навесным балконом, который более характерен для селений Докузпаринского района. Однако и в селениях Ахтынского и Курахского районов были построены не имевшие арочных форм жилые дома с балконами, деревянные детали которых покрыты резьбой. К таким домам относится дом Ляметова в селении Кючюр и жилые дома в селениях Ихир (рис. 33) и Ахты.

Необходимо сказать несколько слов о каменных сараях для сена, которые являются неотъемлемой частью жилищно-хозяйственного комплекса лезгинского дома горной зоны. Сарай для сена представляет собой прямоугольную в плане постройку с единым внутренним помещением высотой около 4 м (т. е. высота сарая равна высоте 1,5–2 этажей жилого дома). Сарай обычно стоит на крутом рельефе и имеет со стороны главного фасада входную дверь, а на заднем фасаде часто размещается небольшое отверстие (почти на уровне потолка), через которое сарай загружают сеном (из-за крутого склона почва у заднего фасада обычно на несколько метров выше, чем у переднего). Кроме того, сарай имеет еще несколько больших проемов, расположенных в верхней части передней и боковых фасадных стен; эти проемы предназначены для проветривания сена (рис. 34).

Фасады сараев обычно почти симметричны: по оси размещена дверь, сверху — один или несколько проемов. Иногда два сарая, принадлежащие близким родственникам, ставят рядом так, что они образуют как бы единую постройку (рис. 34, 3 и 4). Встречаются сараи, где наверху делают вместо нескольких небольших проемов (рис. 34, 5) один большой проем, напоминающий лоджию жилого дома и, как и лоджия, со столбиком посередине (рис. 34, 7).

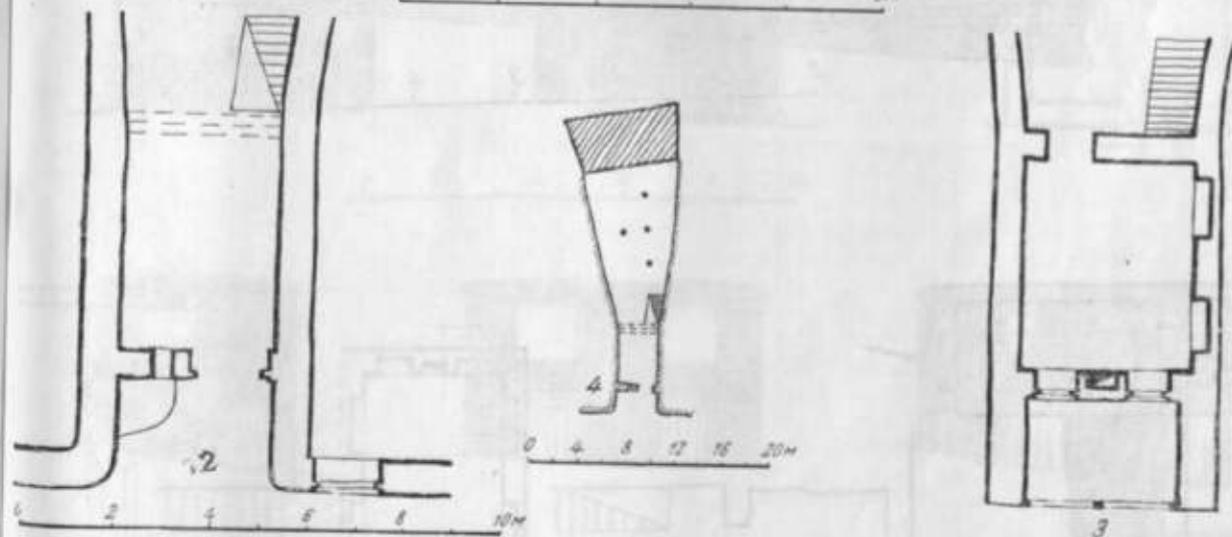
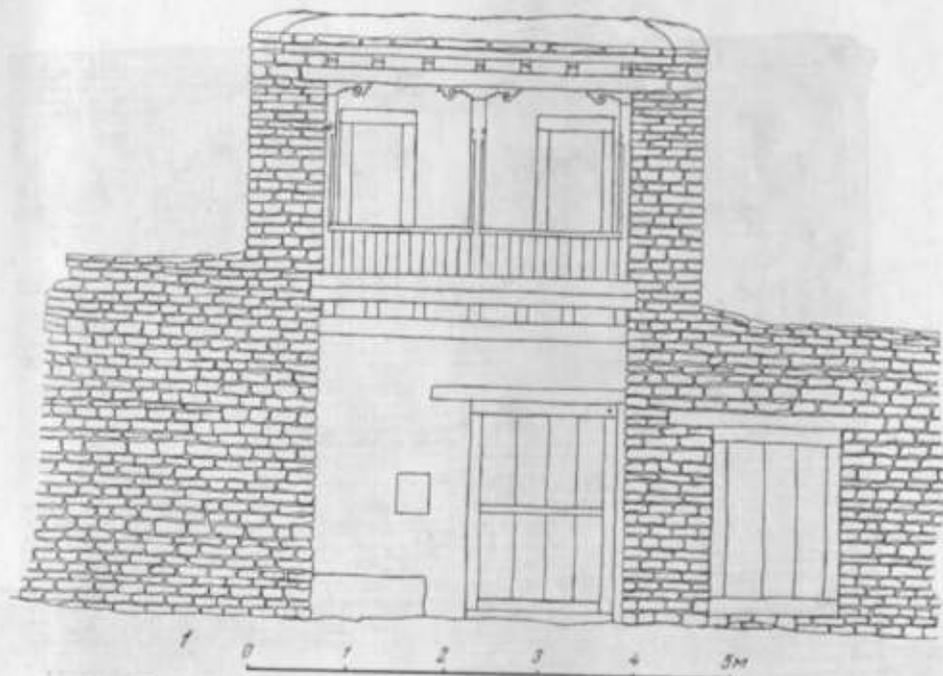
Интересно отметить, что и сейчас в горных районах колхозные сараи для сена стро-

ят так же, но только они значительно больше индивидуальных (рис. 34, 6).

В селениях Докузпаринского района основной строительный материал — саманный кирпич, который по способу изготовления, размерам и форме аналогичен применяемому в селениях нижних предгорий (Касумкентский район). Однако в отличие от построек Касумкентского района саманные дома горных селений имеют высокий (до 1,5–2 м) каменный цоколь. Так строятся дома в селениях бывшего «вольного общества» Альты-Пара: Куруше²¹, Микрахе, Микрах-Казмаляре, Текипиркенте, Каладжухе, Кара-Кюре, Усук-Чае, Мака. В селениях магала Чиле бывшего Кюринского ханства — Гапцахе, Гогане, Филя — в качестве стенового материала более широко применяется камень. Так, в селении Филя большая часть домов строится целиком из камня (рис. 35), хотя здесь и не применяются арочные архитектурные формы. В конструкции жилых домов селения Гапцах камень употребляется не только для цокольной части, но из него возводится целиком северная (северо-западная или северо-восточная) стена дома; это объясняется тем, что в селении Гапцах господствуют северные ветры и северная стена дома быстрее разрушается от осадков и ветра. Южную же стену выкладывают целиком (за исключением цоколя) из саманного кирпича, а восточную и западную стены выводят из камня примерно до половины высоты.

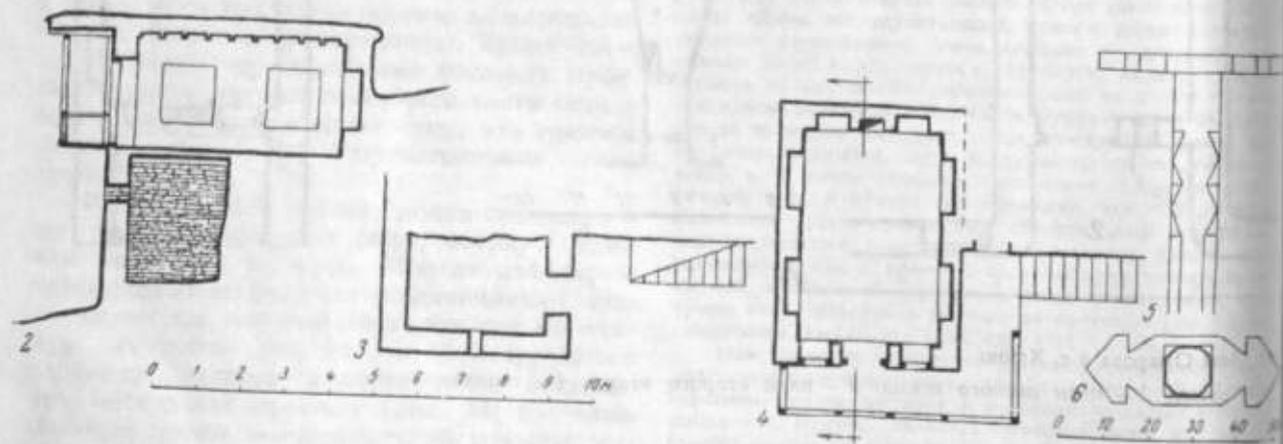
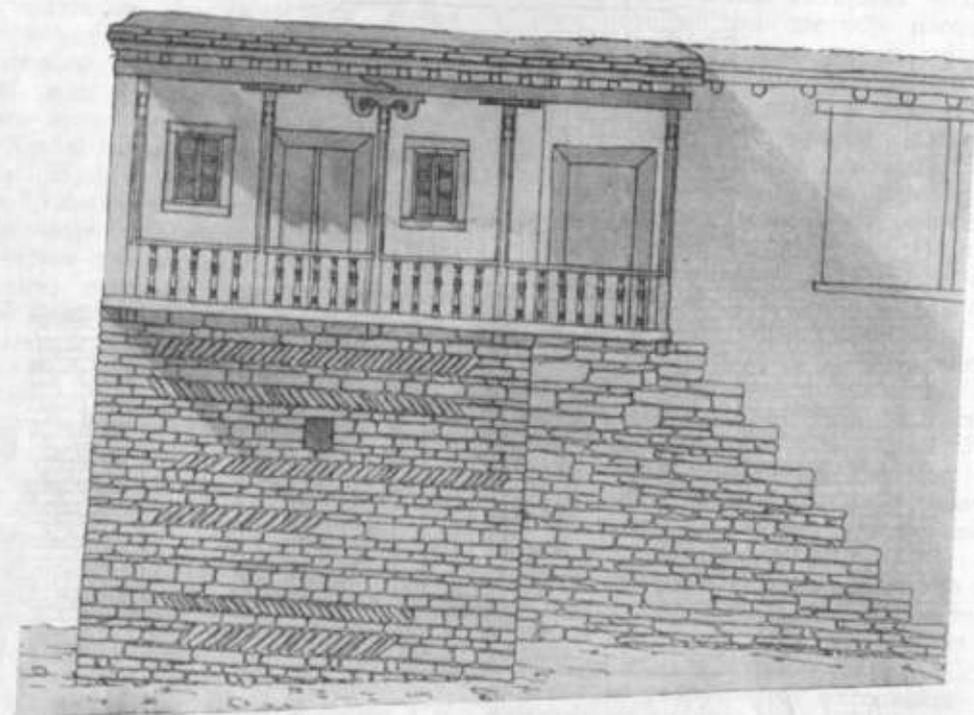
²¹ Интересно привести высказывания А. Пастухова о целесообразности и причинах использования в Куруше для строительства жилых домов саманного кирпича: «Дома все двухэтажные, причем нижние этажи строятся из тесанного камня, верхние же, несмотря на обилие легко поддающегося обработке камня, сооружаются из кирпичей, приготовляемых из смеси глины с саманом (мякиной). Так как в Куруше часто бывают дожди и много выпадает снега, постройка домов из саманных кирпичей, легко разрушающихся от действия влаги, ни в каком отношении не может называться практичной, а если принять во внимание, что под руками находится такой прекрасный строительный материал, как упомянутый камень, то она является совсем неразумным делом и может быть объяснена только привычкой, занесенной курушцами сюда с плоскости, где кроме этого материала другого не имеется» (см. «Землеведение», кн. II, М., 1894, стр. 43).

Нам кажутся аргументы А. Пастухова более убедительными по сравнению с высказанным А. Б. Панкисием, что «недостаток и дороговизна лесного материала в с. Куруш... является причиной того, что здесь дерево заменяют глиной» (А. Б. Панкисий. Работа южного отряда..., стр. 54). Дело в том, что дерево в лезгинской архитектуре применяется в конструкциях перекрытия и не используется в качестве стенового строительного материала. Поэтому оно не может быть заменено глиной.

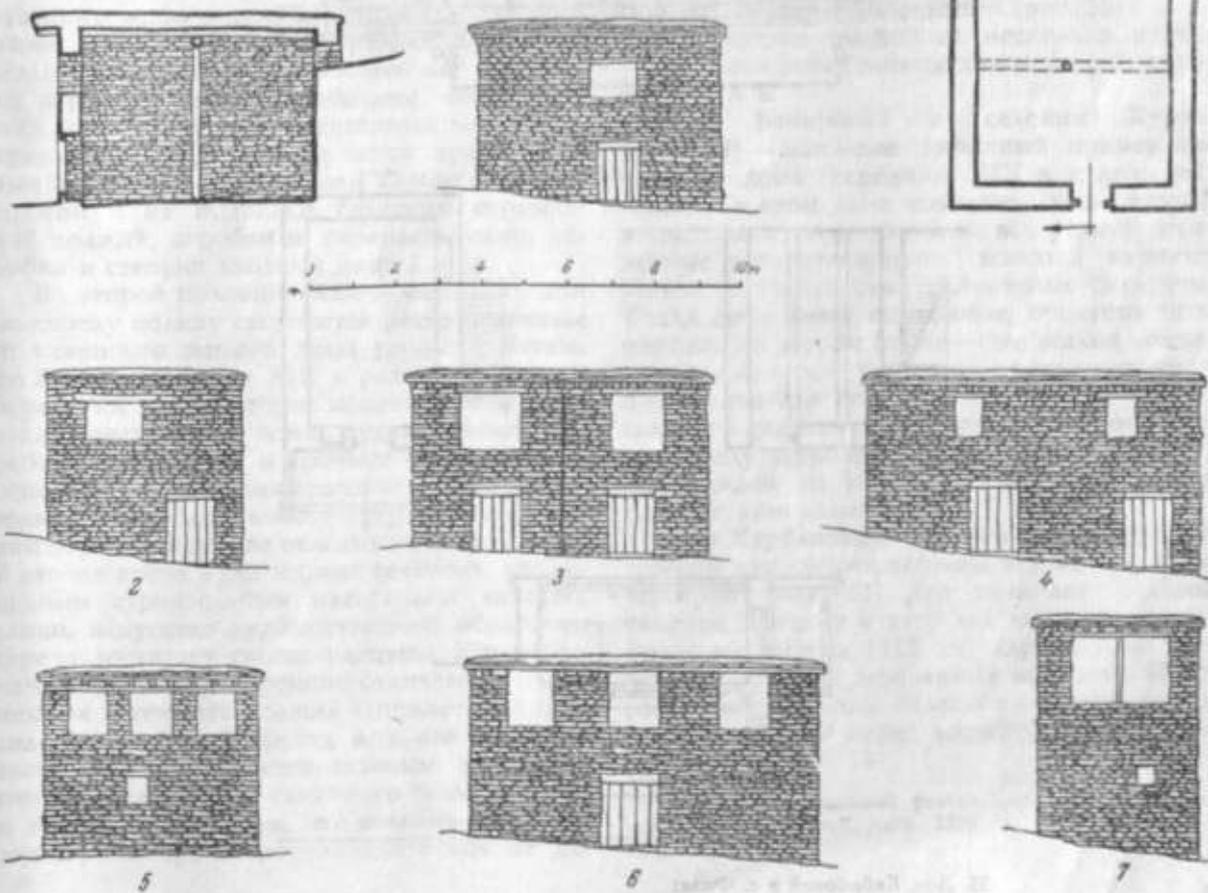
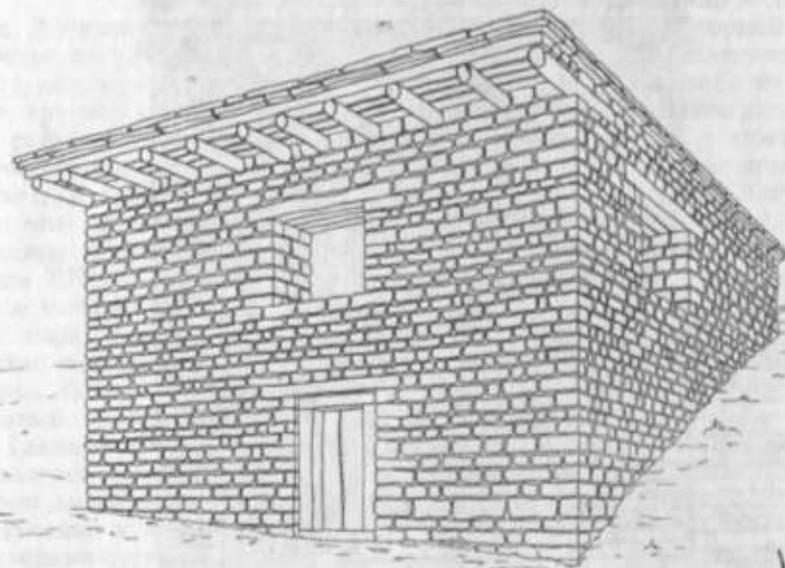
32. Дом Омарова в с. Хрюк:

1 — фасад; 2 — план первого этажа; 3 — план второго этажа; 4 — генплан участка

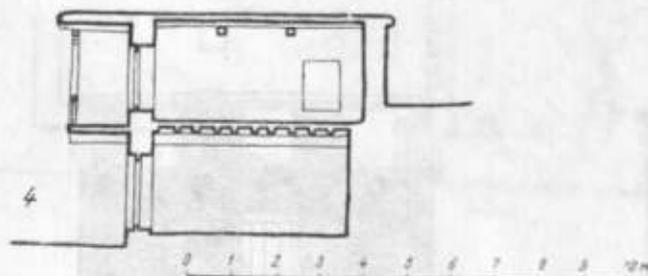
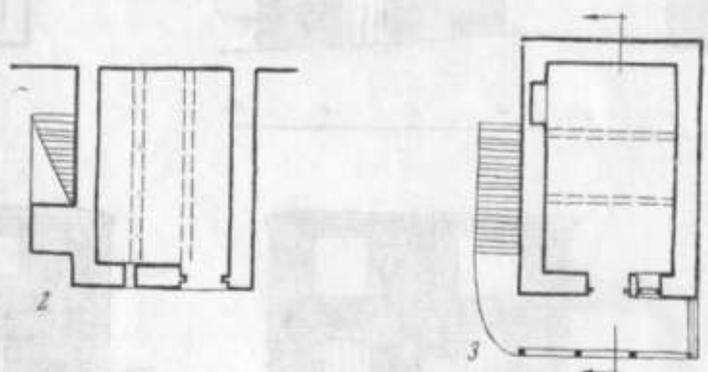
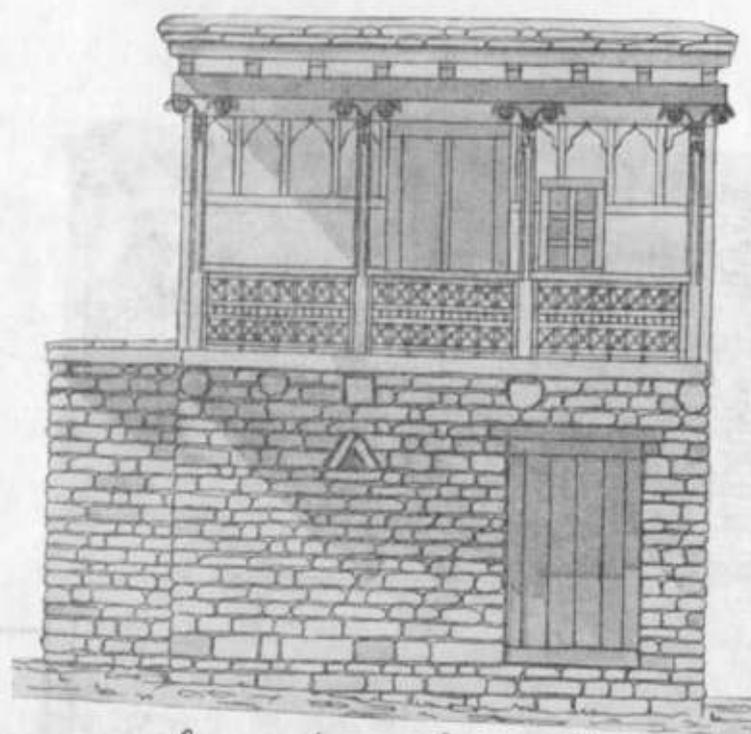
33. Жилой дом в с. Ихир:

1 — фасад; 2 — разрез; 3 — план первого этажа; 4 — план второго этажа; 5 — детали лоджии

34. Сарай для сена:

1 — с. Маза (общий вид, разрез, фасад, план); 2 — с. Маза (фасад); 3 — с. Джиг-Жиг; 4 — с. Маза; 5 — с. Джиг-Жиг; 6-7 — с. Маза

35. Дом Кабибовой в с. Филе:

1 — фасад; 2 — план первого этажа; 3 — план второго этажа; 4 — разрез

Как и дома нижних предгорий, саманные дома Докузпаринского района обмазываются снаружи глиной (вместе с каменным цоколем).

В селениях Докузпаринского района дефицит строительного леса ощущается не так остро, как в селениях Ахтынского и Курахского районов, так как они лучше связаны с предгорными районами, где имеются леса. Поэтому дерево широко используется в различных постройках горных селений Докузпаринского района и в качестве конструкций, и в качестве декоративных элементов.

До середины XIX в. развитие архитектуры саманного и каменного жилых домов горной зоны шло параллельно. И в каменном и в саманном доме основной строительный материал не играл большой роли в создании внешнего облика постройки, потому что кладка стены (камень или обмазанный глиной саман) являлась лишь нейтральным фоном, на котором выделялись резные деревянные детали. Именно к середине XIX в. народными мастерами-строителями Курахского, Ахтынского и Докузпаринского районов и был создан в горных селениях тип двухэтажного жилого дома с лоджией и деревянными деталями. Тогда же развилось замечательное искусство художественной обработки дерева и были выработаны общие для всех горных районов, населенных лезгинами, приемы резьбы и отделки таких архитектурных элементов, как консоли карниза, столбы лоджий и их подбалки, баясины ограждений лоджий, коробки и переплеты окон, коробки и створки входных дверей и др.

Во второй половине XIX в. саманный дом по своему облику становится резко отличным от каменного жилого дома горных районов. Во второй половине XIX в. развитие техники обработки камня в горах привело к тому, что в каменных жилых домах художественно обработанный камень и арочные формы стали основными средствами архитектурной выразительности фасада, а искусство художественной обработки дерева отходит на второй план. В это же время в тех горных селениях, где основным строительным материалом является саман, искусство художественной обработки дерева достигает своего расцвета. Жилые саманные дома этого времени отличаются от каменных и тем, что лоджия занимает, как правило, весь южный фасад или его большую часть. Лоджия является главным элементом композиции фасада саманного жилого дома, и вполне естественно, что именно здесь народные мастера сосредоточили основные де-

коративные средства: разнообразие по форме, покрытые резьбой подбалки столбов лоджии, фигурные консоли карниза и резные баясины ограждений лоджии (рис. 36 а и б). Как и в селениях горной зоны с каменными постройками, в селениях Докузпаринского района, наряду с наиболее широко распространенным типом жилого дома с лоджией, во второй половине XIX в. появляется новый тип дома с навесным балконом (рис. 37).

Говоря о расцвете искусства художественной обработки дерева, следует отметить, что в крупных селениях Докузпаринского района были выработаны свои, местные приемы отделки того или иного деревянного элемента фасада. Так, например, для одного из самых крупных лезгинских селений Куруша характерно применение точеных баясин для ограждения лоджий.

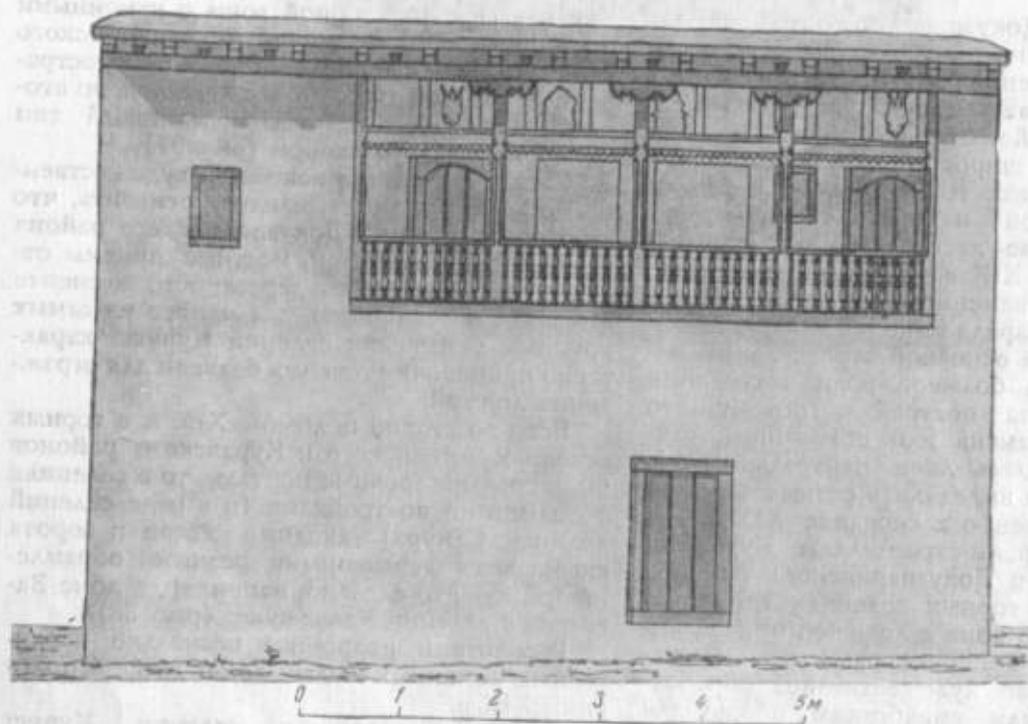
Если во второй половине XIX в. в горных селениях Ахтынского и Курахского районов были созданы арочные порталы, то в селениях с саманными постройками (и в ряде селений долины Самура) входные двери и ворота снабжаются деревянными резными обрамлениями, как это сделано, например, в доме Загидова в селении Каладжух²² (рис. 38).

Рассмотрим подробнее несколько характерных саманных жилых домов второй половины XIX в.

Дом Бабировой в селении Куруш (рис. 39) — наиболее типичный пример саманного дома середины XIX в. с лоджией. Лоджия в этом доме занимает весь второй этаж. Здесь сосредоточены все резные деревянные элементы фасада: консоли карниза, резные подбалки столбов, точеные баясины. Фасад дома имеет спокойные, приятные пропорции. Во втором этаже — две жилые комнаты, одна из них — кунацкая; в первом этаже — помещения для скота. Любопытна одна деталь: посредине обеих комнат второго этажа в полу устроены круглые печи (тондыр); под каждой из них в первом этаже стоят круглые каменные столбы.

Дом Курбанова в селении Кара-Кюре интересен как своим внешним видом, так и интерьером (рис. 40). Дом занимает угловой участок, поэтому у него два главных фасада. Большого выноса (115 см) карниз дома держится на резных деревянных консолях. Интересен своеобразный балкон на резных консолях, устроенный перед лоджией. В этом доме

²² В орнаментальной резьбе деревянного портала этого дома имеется дата 1278 г. хиджры (1861—1862 гг.).

36а. Дом Баширова в с. Куруш (фасад)

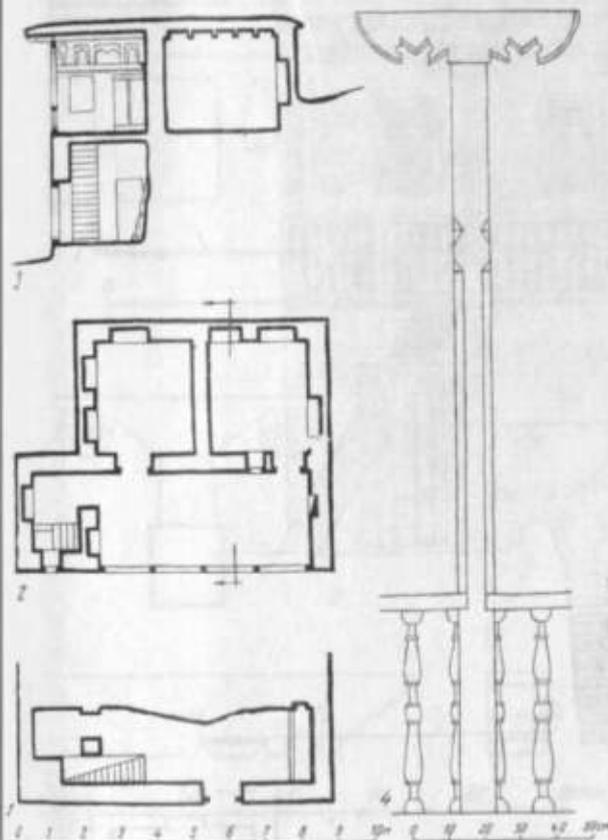
художественно обработаны почти все деревянные детали фасада и интерьера: консоли карниза и балкона, подбалки столбиков лоджии, входная дверь, дверь из лоджии в комнату, детали интерьера. Эта постройка обращает на себя внимание своими пропорциями, деталями, цветовым решением (наружные стены окрашены светло-зеленой глиной, а деревянные части — в темно-красный цвет).

Дом Наметулаева в селении Кара-Кюре (рис. 41) расположен на участке неправильной формы. Его главный фасад изогнут, следуя изгибу улицы. Лоджия второго этажа является композиционным центром всего фасада; слева от нее находится глухая стена, к которой пристроена лестница, ведущая на крышу, справа — на фасад выходят окна кунацкой, имеющие наборные переплеты. Интересна по форме и входная дверь дома. Большой интерес представляют также дома Джабарова, Шахвеледова и Баширова в селении Куруш (рис. 42, 37, и 36а и б), дом Кабибовой

в селении Филя (рис. 35), дом Загидова в селении Каладжух (рис. 38) и др.

Наиболее выдающиеся образцы народного зодчества были созданы во второй половине XIX в. народными мастерами-строителями двух крупнейших селений Докузпаринского района — Куруш²³ и Кара-Кюре.

²³ О жилых домах Куруша Пастухов пишет: «В нижних этажах помещается скотина, а в верхних обитают люди. Крыши домов плоские и состоят из толстого слоя той же смеси глины с саманом. Средняя величина внутреннего помещения дома, занимаемого людьми и состоящего обыкновенно из одной комнаты, такова: 9 аршин длины, 5 аршин ширины и 3 1/2 аршина высоты. Впрочем, помещение постоянно вентилируется никогда не закрывающимися отверстиями: устроенными для выхода дыма окнами, которые обыкновенно без стекол и закрываются только одними ставнями, и дверью, никогда не притворяющейся плотно. Комнаты содержатся довольно чисто; мебели никакой нет, если не считать одной или двух низеньких треугольных табуреточек. Спят на полу» (См. «Землеведение», кн. II. М., 1894, стр. 43).

36б. Дом Баширова в с. Куруш:

1 — план первого этажа; 2 — план второго этажа; 3 — разрез; 4 — детали лоджии

Как уже неоднократно отмечалось выше, в саманных домах основными декоративными элементами являются резные деревянные детали, однако иногда народные мастера применяют лепной глиняный декор, оживляющий гладкую поверхность стены. Этот лепной декор чаще всего помещают внутри лоджии, реже на фасаде.

Так, в доме Курбанова в селении Кара-Кюре на фасаде сделаны своеобразные лепные рамки (см. рис. 40).

Широкое применение каменной арки в народной лезгинской архитектуре не могло не повлиять на лепной глиняный декор саманных жилых домов, основные формы которого часто повторяют каменный арочный декор. В первую очередь это относится к окнам саманных домов, которые, как и окна каменных домов горной зоны, часто обрамляются арочными нишами и поясками. Значительный интерес представляют также штукатурные (глиняные)

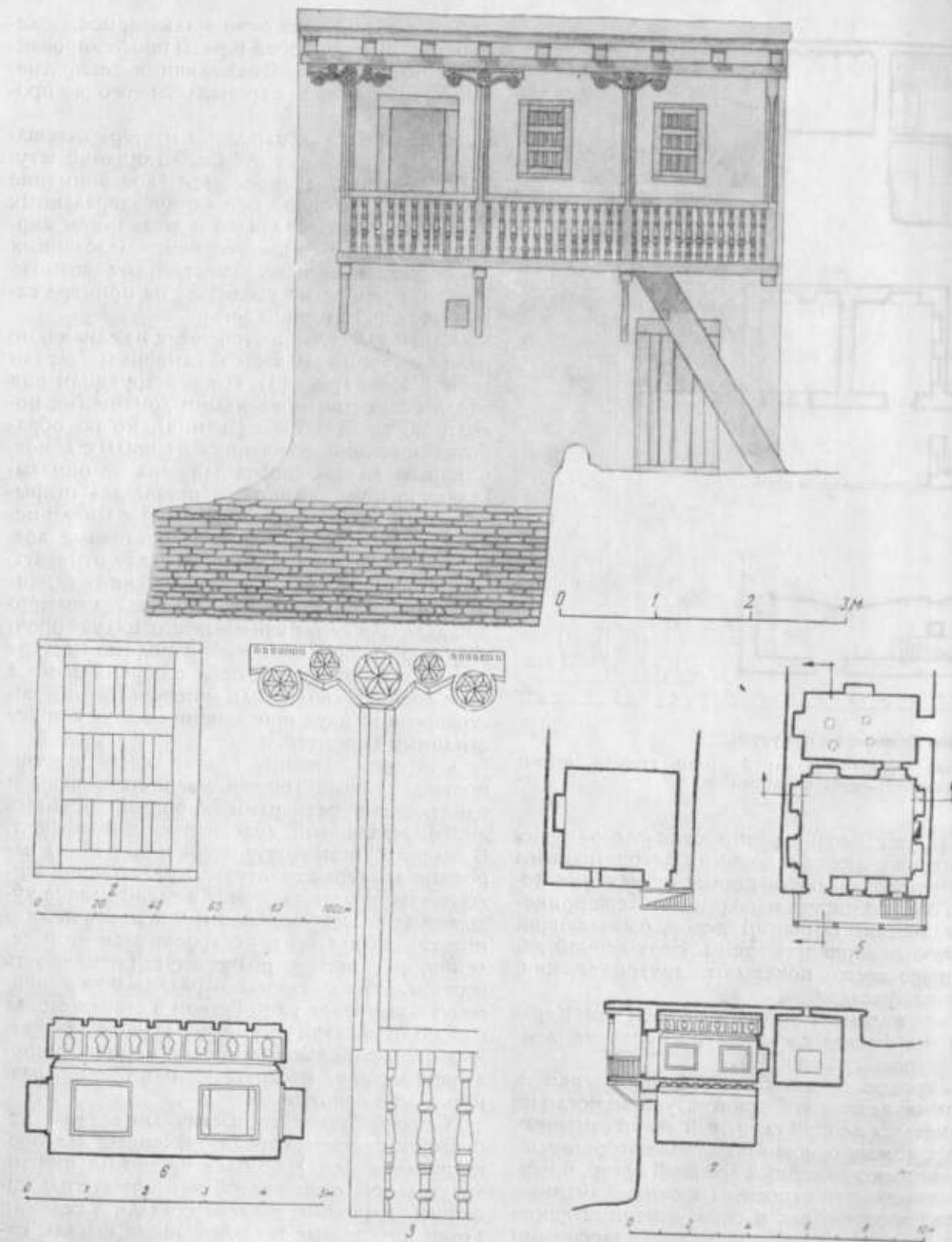
арочные обрамления окон жилых домов, объединенные между собой в ряды профилированными поясками, продолжающими декоративные лепные арочные архивольты того же профиля.

В жилых домах народные мастера скрывают саманную кладку стен под глиняной штукатуркой; они переносят все свое внимание на художественную обработку деревянных элементов фасада. Однако и в саманном кирпиче имеется еще много неиспользованных конструктивных и художественных возможностей, в чем легко убедиться на примере саманных сараев горной зоны.

Сараи для сена, построенные из самана, по плану и форме близки к каменным сараям горной зоны (рис. 43). По конструкции они сходны с саманными жилыми домами (их цоколи также сделаны из камня), но по обработке фасадов отличаются от жилых домов. Саманная кладка сараев для сена не обмазывалась снаружи глиной, а оставалась открытой, что и привело их строителей к мысли использовать художественно-декоративные возможности саманного кирпича. Надо отметить, что и в конструктивном отношении саманный кирпич правильно использовался именно в сараях для сена: учитывая его малую прочность при работе на изгиб, народные мастера делали высокие, узкие окна с перемычками в виде ложных сводов или с перемычками, состоящими из двух прислоненных друг к другу саманных кирпичей.

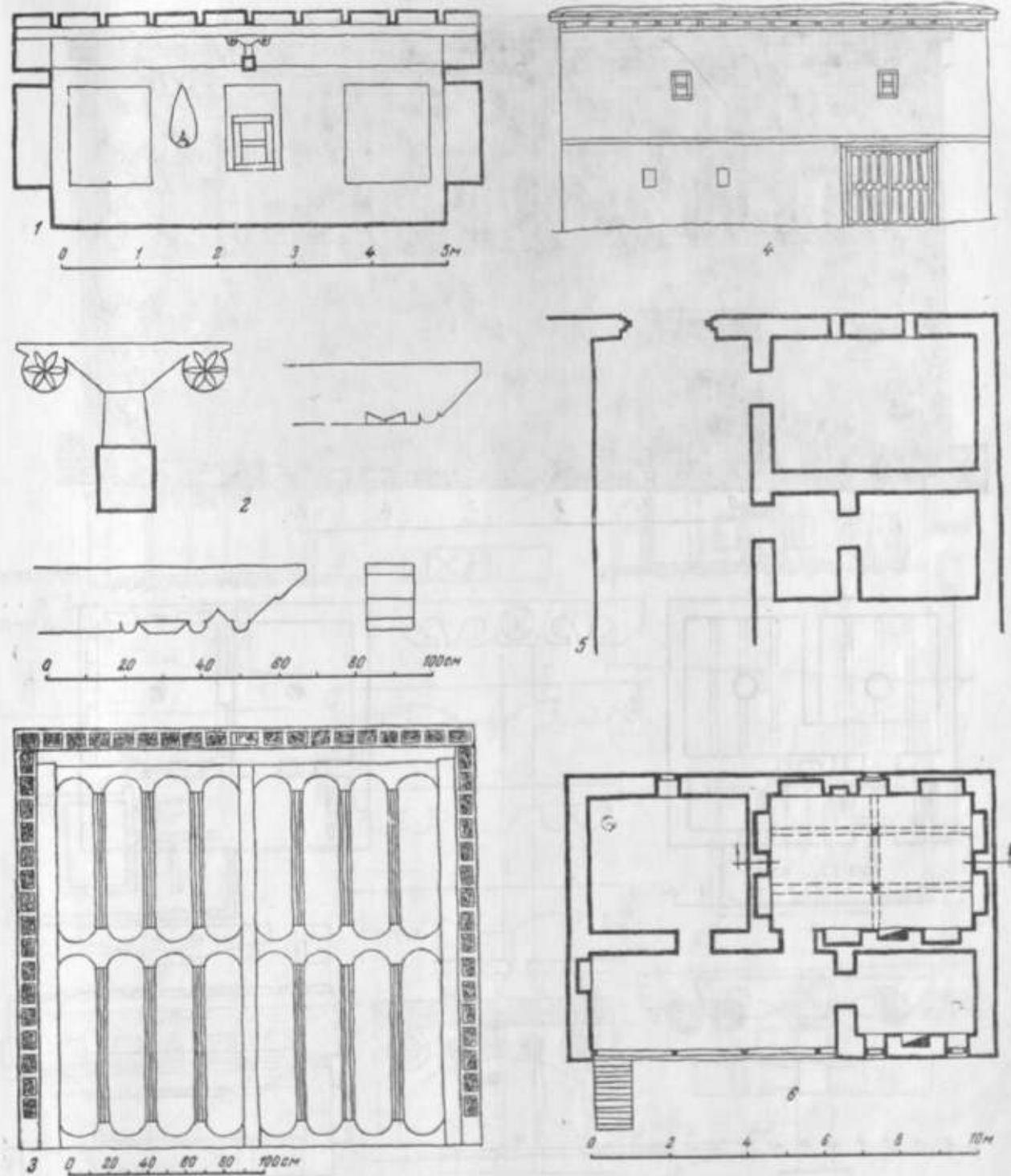
Открытая саманная кладка своей регулярностью, строгой горизонтальностью швов и одинаковыми размерами кирпичей производит определенный художественный эффект. В селении Гоган Докузпаринского района народные мастера-строители сумели очень тонко почувствовать таящиеся в такой кладке художественные возможности. В многочисленных сараях для сена, построенных в этом селении, еще сильнее подчеркнута ритмичность вертикальных и строгая параллельность горизонтальных швов устройством в стенах сараев одного или двух рядов небольших квадратных отверстий высотой в один кирпич, расположенных друг от друга на расстоянии, равном длине кирпича.

Сочетая такие горизонтальные ряды небольших проемов (предназначенных для проветривания сена) с более крупными окнами треугольной, ступенчатой или прямоугольной формы, народные мастера создали в селении Гоган интересные по композиции фасады сараев для сена, придающие улицам этого селения своеобразный облик (рис. 43, 5—7).

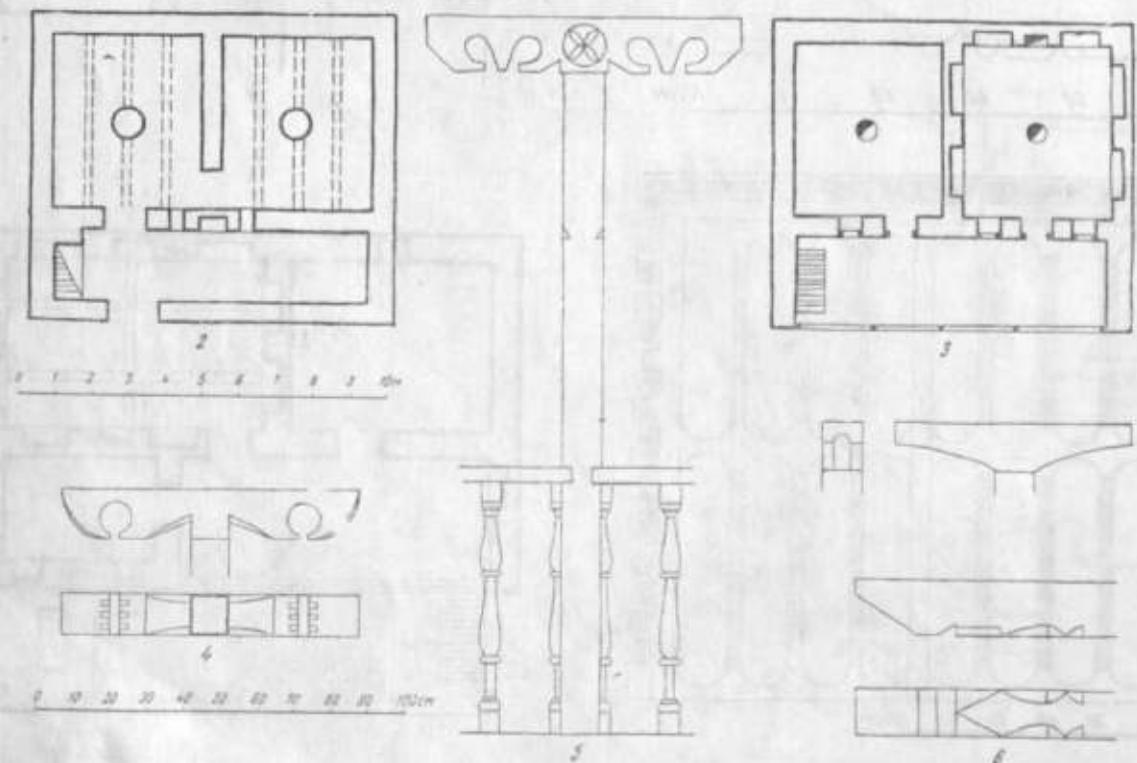
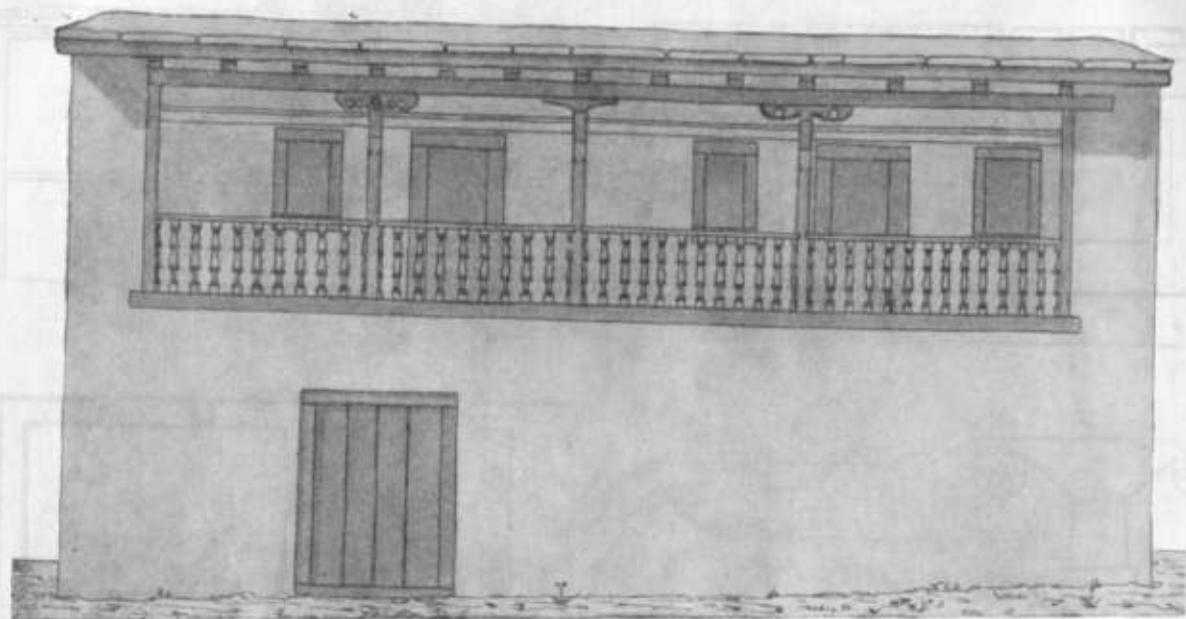
37. Дом Шахвеледова в с. Куруш:

1 — фасад; 2 — окно; 3 — столб лоджии; 4 — план первого этажа; 5 — план второго этажа; 6 — 7 — разрезы

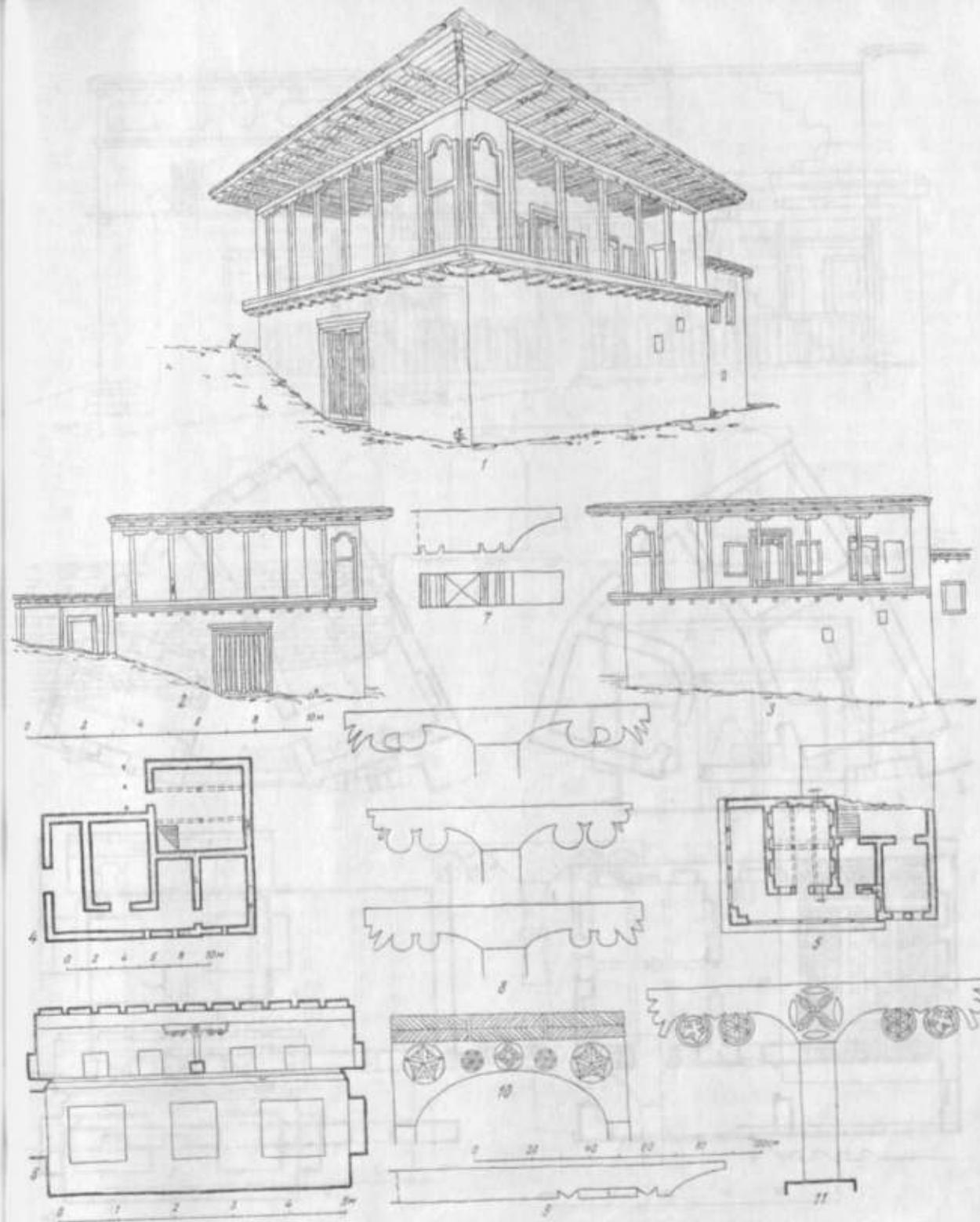
38. Дом Загидова в с. Каладжух:

1 — разрез кунацкой; 2 — столбик перекрытия кунацкой и консоли карниза; 3 — резные ворота; 4 — фасад; 5 — план первого этажа; 6 — план второго этажа

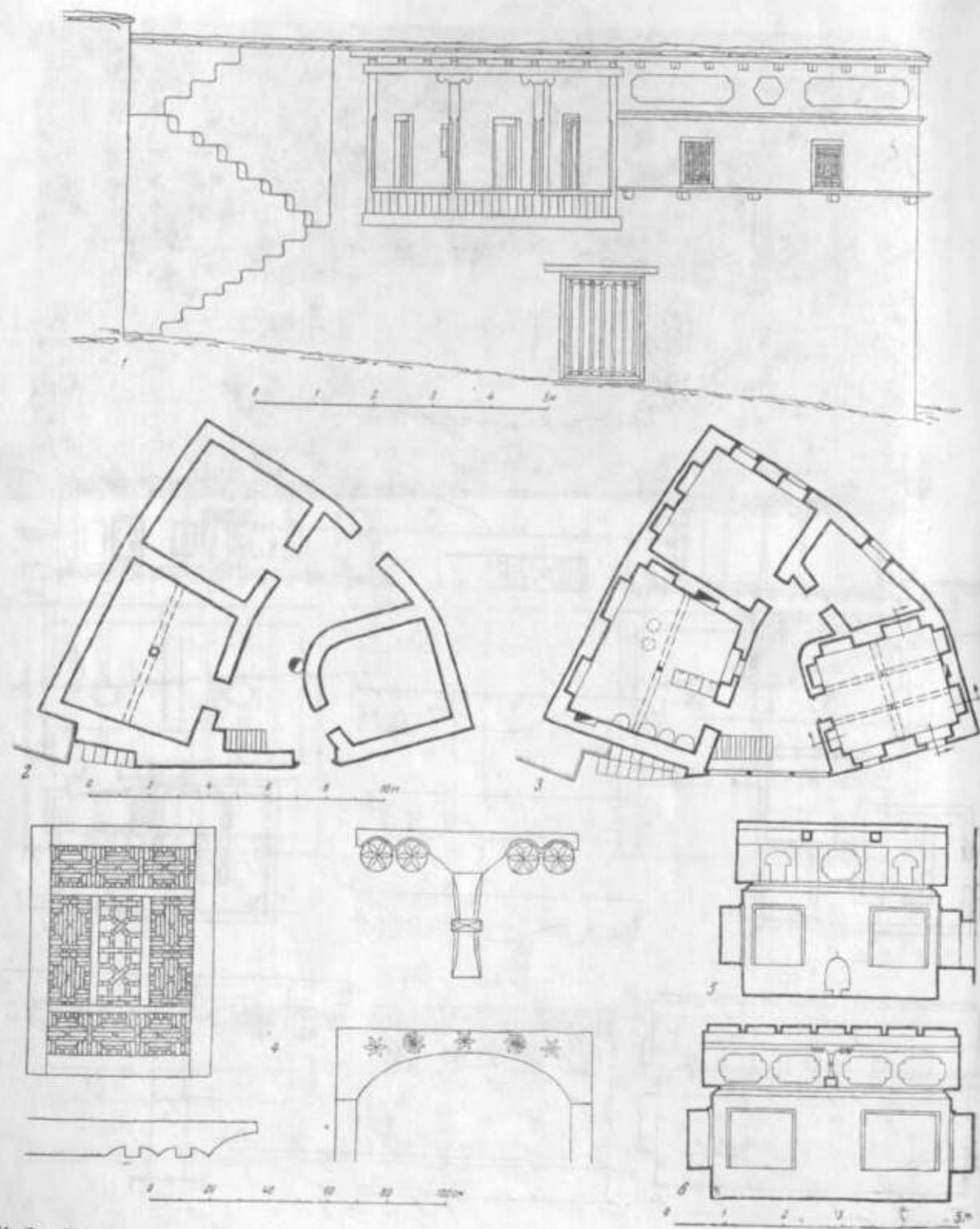
39. Дом Бабировой в с. Куруш:

1 — фасад; 2 — план первого этажа; 3 — план второго этажа; 4—6 — детали лоджии

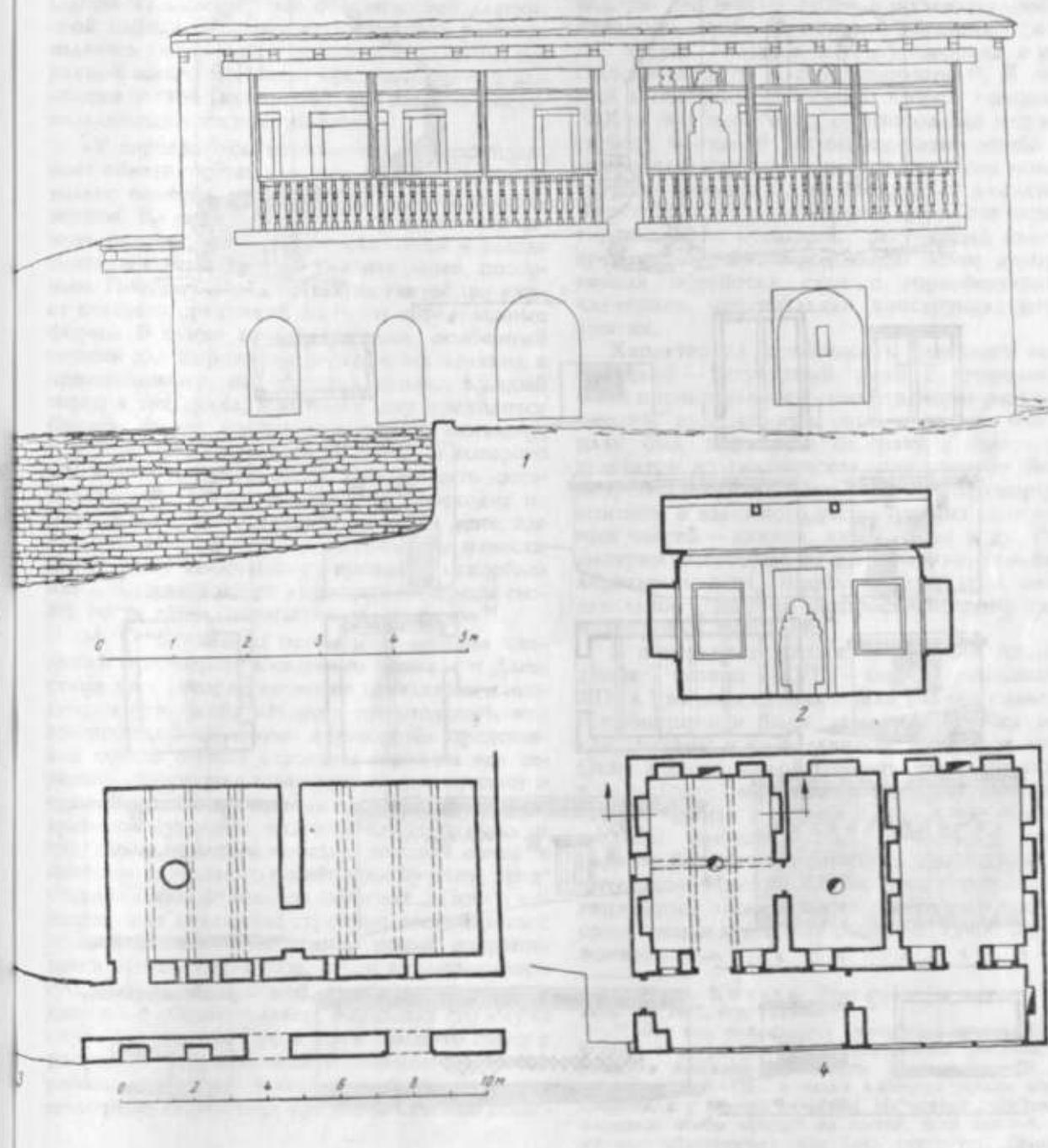
40. Дом Курбанова в с. Кара-Кюре:

1 — перспектива; 2—3 — фасады; 4 — план первого этажа; 5 — план второго этажа; 6 — разрез кунацкой; 7—9 — резные деревянные детали лоджии; 10 — резная дверь; 11 — столбик перекрытия кунацкой

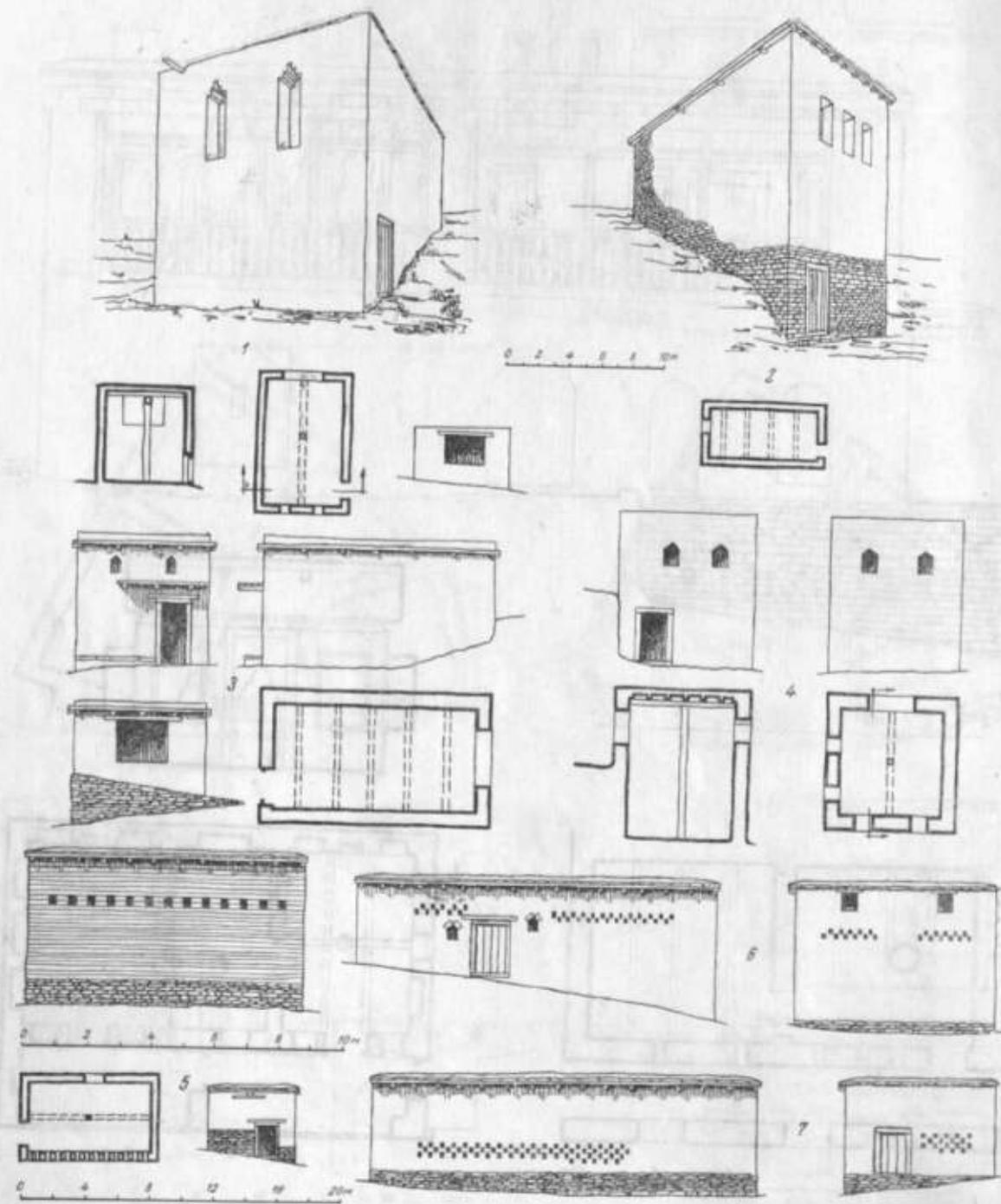
41. Дом Наметулаева в с. Кара-Кюре:

1 — фасад; 2 — план первого этажа; 3 — план второго этажа; 4 — деревянные детали (окно, дверь, столбик перекрытия кунацкой, консоль карниза); 5-6 — разрезы кунацкой.

42. Дом Джабарова в с. Куруш:

1 — фасад; 2 — разрез кунацкой; 3 — план первого этажа; 4 — план второго этажа.

43. Саманные сараны для сена:
 1 — с. Микрах (перспектива, фасад, разрез, план); 2 — с. Мака (перспектива, план); 3 — с. Текипиркент (фасад, план) — построен в 1924—1925 гг.; 4 — с. Кара-Кюре (фасады, план, разрез); 5 — с. Гоган (фасад, боковой фасад, план); 6 — 7 — с. Гоган (фасады и боковые фасады)

ИНТЕРЬЕР ПАРАДНОЙ ЖИЛОЙ КОМНАТЫ (КУНАЦКОЙ)

Одной из характерных особенностей лезгинской народной архитектуры горных районов является выделение в жилом доме особой парадной жилой комнаты, предназначенной для приема гостей (кунацкой), что связано с местным обычаем гостеприимства.

«У горцев... гостеприимство было священной обязанностью каждого. Гость — лицо не только близкое, но и священное, неприкосновенное. Не принять гостя, не угостить его самым радушным образом... считается и всегда считалось делом самым унижительным, позорным. Поэтому обряд принятия гостей сложился вековой практикой в строго определенные формы. В языке горцев находим особенный термин для выражения отношений хозяина к принимаемому им гостю — кунак... Каждый горец в тех аулах, в которых ему приходится бывать, имеет непременно одного камаличу, т. е. близкого знакомого человека, у которого всегда и останавливается. Обязанность останавливаться у своего камаличу переходит из рода в род. Не остановиться в том доме, где останавливались предки, значило бы нанести этому дому величайшее кровное оскорбление... Хозяин должен защищать интересы своего гостя даже своею кровью, жизнью»²⁴.

М. О. Косвен на основании анализа сведений о кунацких Северного Кавказа и Дагестана дает такое объяснение появлению и эволюции кунацкой: «Можно предполагать, что архаический прототип «кунацкой» представляла собою особое строение, одно на все селение, служившее помещением для мужчин и одновременно для приема гостей... С течением времени кунацкая индивидуализировалась и сделалась принадлежностью каждой семьи в качестве отдельного помещения мужчин, представляя собой отдельное строение... Позже кунацкая как отдельное строение соединилась с общим жилым помещением семьи, сохранив здесь все же отдельное, глухо изолированное положение. И, наконец, еще позже кунацкая слилась с общим жильем, образовав его «мужскую половину». При этом в какой-то связи с распадом общинной общины на малые семьи, отдельная кунацкая, тоже — мужская половина, становится преимущественно помещением

своей функции в качестве гостевой особым помещением мужа — хозяина дома»²⁵.

Каждый хозяин стремился сделать свою кунацкую как можно более привлекательной и нарядной, чтобы ее облик и убранство (ковры, посуда, постель и т. д.) говорили о его состоятельности и гостеприимстве²⁶. В горных лезгинских районах во второй половине XIX в. был выработан оригинальный тип интерьера парадной жилой комнаты, одним из наиболее развитых примеров которого может служить комната в доме Мехдиевой в селении Куруш (рис. 44), где хорошо видны все характерные черты кунацкой: регулярный план с ярко выраженной продольной осью; декоративная обработка стен с горизонтальным членением, оригинальная конструкция перекрытия.

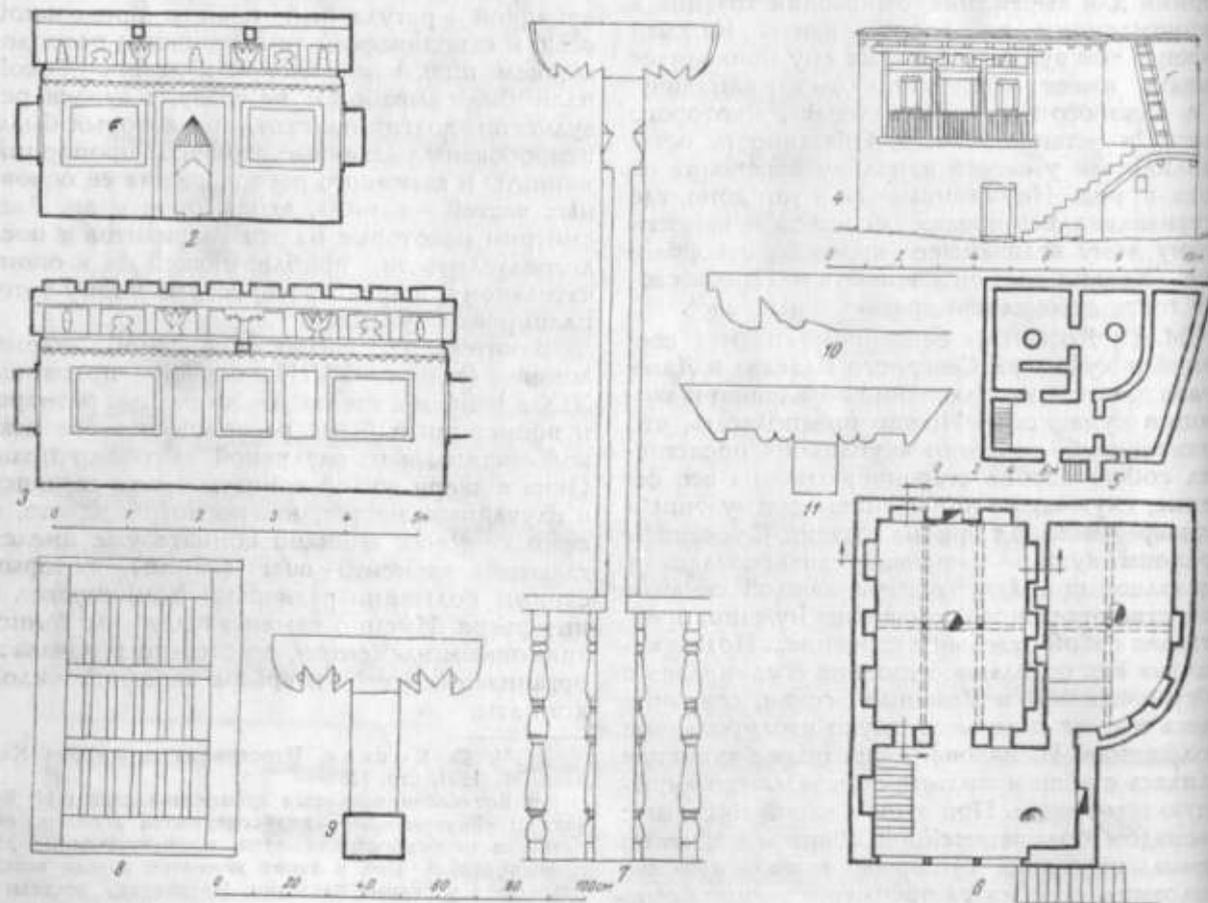
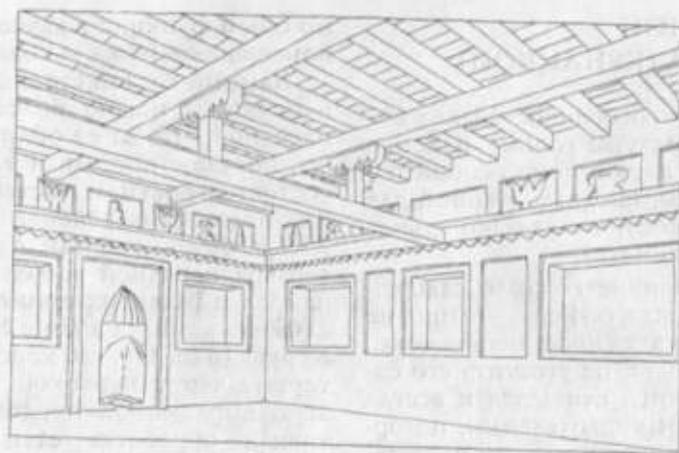
Характерная особенность развитого типа кунацкой — регулярный план с продольной осью и каноническим симметричным расположением ниш, камина, окон и двери. Такой план был выработан не сразу, а явился результатом долгих поисков, при которых были испробованы различные варианты пропорций комнаты и взаимного расположения ее основных частей — камина, входа, окон и др. Рассмотрим некоторые из этих вариантов в последовательности, приближающей их к окончательному, широко распространенному типу планировки кунацкой.

В интерьерах жилых помещений старых домов (конца XVIII — первой половины XIX в.) ниши в стенах имели разные размеры и пропорции и были расположены без всякой системы и на различной высоте от пола. Окна и двери жилой комнаты также делались в случайных местах, но, несмотря на это, в старых домах в жилой комнате уже имелся главный элемент — очаг (камин), который своими большими размерами доминировал в интерьере. Именно камин явился тем композиционным элементом, с которого и началась организация всего интерьера парадной жилой комнаты.

²⁴ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 129.

²⁵ Вот как описывается кунацкая в статье Н. Вучетича: «Внутри помещение содержит довольно опрятно, в особенности комнаты, предназначенные для приема гостей. Пол в таких комнатах устлан всегда коврами, а у бедных паласами. На коврах... постелены подушки, чтобы каждый из гостей, если захочет, тут же мог облокотиться или лечь отдохнуть. Стены и столбы, подпирающие потолок, увешиваются различными оружием. У людей со средствами и у беков под самым потолком вокруг комнаты... идут амбразуры (ниши в стене.— С. Х.), в которых складываются запасные подушки и ковры» (Газета «Кавказ», 1864, № 76).

²⁶ А. Лиллов. Очерк быта кавказских горцев.— В кн. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XIV. Тифлис, 1892, стр. 24—25.

44. Дом Мехдиевой в с. Куруш:

1 — перспектива интерьера кунцацкой; 2-3 — разрез кунцацкой; 4 — фасад; 5 — план первого этажа; 6 — план второго этажа; 7 — столб лоджии; 8 — окно; 9 — столбик перекрытия кунцацкой; 10 — консоль карниза; 11 — столбик перекрытия жилой комнаты

Камин помещали посредине одной из стен, которая, таким образом, получила ось, так как по сторонам камина обычно располагались ниши или окна. Затем народные мастера начали придавать симметрию и другим стенам жилой комнаты. Так, в одном из домов селения Куруш три стены имеют симметричное расположение ниши и камина, хотя каждая стена решена по-своему. В доме из селения Каладжух две противоположные стены комнаты сделаны одинаковыми; здесь уже намечается продольная ось симметрии.

В разобранных примерах еще не было найдено взаиморасположение входной двери и камина: дверь находилась сбоку одной из стен, а камин — то у боковой стены, то у задней, а иногда у той же, где и дверь. В дальнейшем было найдено взаимно увязанное размещение камина и двери: дверь стали делать посредине короткой стены, а камин — напротив. Обработка боковых стен при этом еще не была одинаковой и, кроме того, еще не было найдено рациональное размещение окон: они располагались то на боковой стене, то на стене, противоположной входу, а то и на стене, где расположен вход. Затем строители нашли удачное место для окон. Они сделаны в той же стене, что и дверь, и освещают лучше всего стену с камином. Такое расположение окон выгодно во всех отношениях: входящий с улицы человек не так резко ощущает перемену освещенности, так как перед ним находится хорошо освещенная стена; если бы окна размещались напротив входа, то по контрасту с ними стены интерьера казались бы темными, тем более, что стена, освещенная лучше всего, находилась бы за спиной вошедшего. Боковое же положение окон нарушает продольно-осевое построение композиции интерьера.

Кунцацкая дома в селении Маза (рис. 45, 1) имеет по сравнению с предыдущим примером то преимущество, что ее боковые стены обработаны одинаково, хотя дверь здесь и помещена сбоку. Кунцацкая дома в селении Куруш (рис. 45, 2) имеет уже совсем регулярный план с ярко выраженной осью симметрии помещения. Однако на этом не закончился процесс выработки окончательного варианта планировки и общей композиции интерьера кунцацкой. Необходимо было установить пропорции комнат, вернее, определить окончательно, в центре какой (короткой или длинной) стены располагать дверь и камин, так как это изменяло и самый характер интерьера, вытянутого то в продольном, то в поперечном направлении. Победил в конце концов продольный вариант, при котором силь-

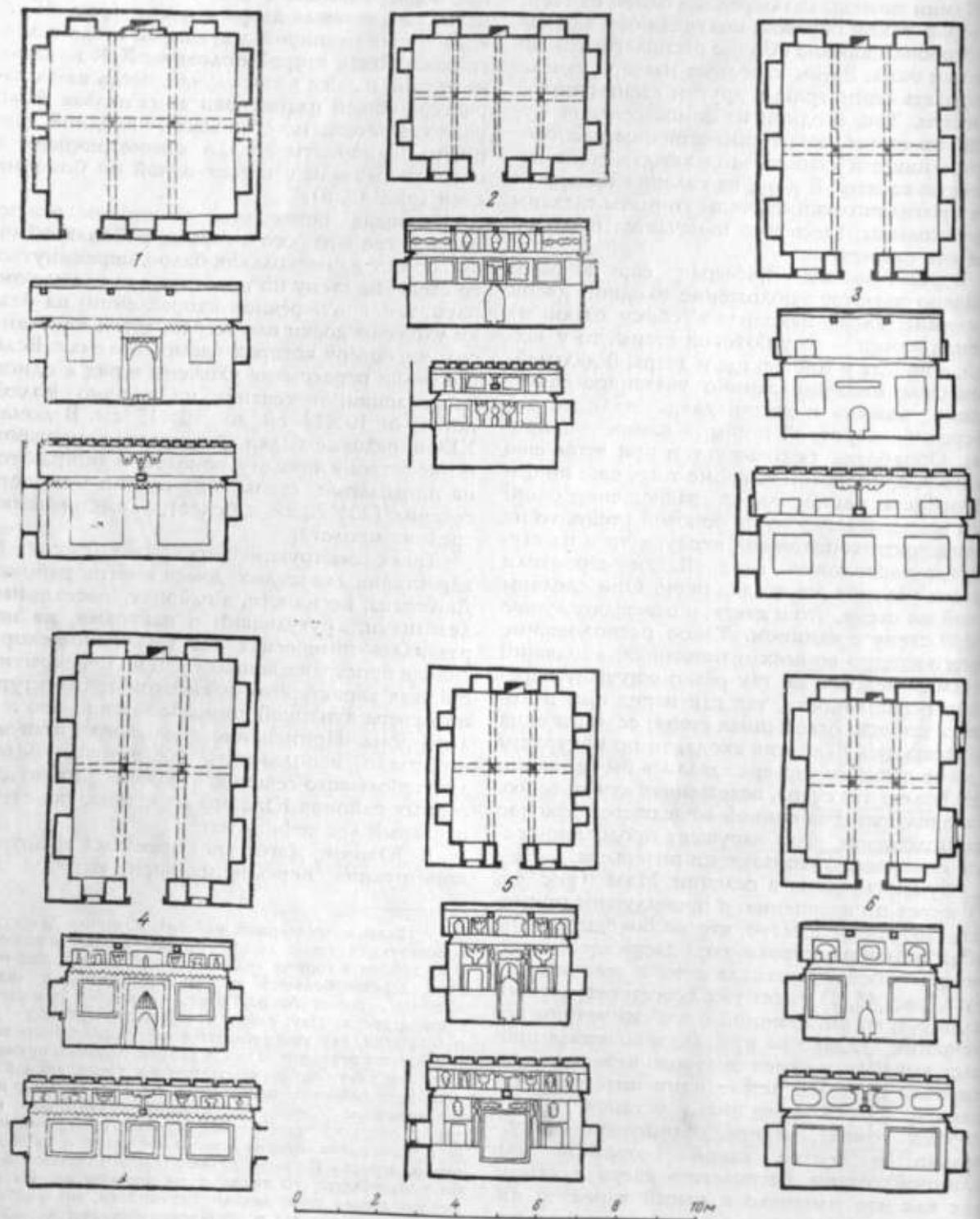
нее подчеркивалась ось симметрии всей комнаты, соединявшая дверь и камин (рис. 45, 3, 4, 5). Такая планировка кунцацкой стала в лезгинских домах второй половины XIX в. канонической, и даже в том случае, когда из-за характера общей планировки дома нельзя было разместить окна по сторонам от входной двери, план комнаты делали симметричным, а окна устраивали в нишах одной из боковых стен (рис. 45, 6).

Кунцацкая помещается во втором этаже, перекрытие которого в горных районах обычно состоит из нескольких балок, перекинутых со стены на стену по короткому пролету комнаты, т. е. в поперечном направлении; на балки уложены доски или жерди, затем настлана солома, поверх которой насыпана земля. Если все балки перекрытия уложены в ряд в одном направлении, то сечение их обычно колеблется от 10×12 см до 10×15 см. В домах XIX в. рядовые балки, как правило, уложены по короткому пролету комнаты и опираются на продольные стены и на прогон большого сечения (20×20 см и более), уложенный посредине пролета.

Такая конструкция перекрытия (рис. 46, 1) характерна для жилых домов многих районов Дагестана, но на юге, в районах, населенных лезгинами, рутульцами и цахурами, из нее развилась интересная конструктивно-декоративная пространственная система перекрытия, ставшая характерным элементом архитектуры интерьера кунцацкой комнаты лезгинского жилого дома. Применение большого прогона позволяло использовать для рядовых балок лес небольшого сечения, что очень удобно для горных районов Южного Дагестана, где строительный лес дефицитен²⁷.

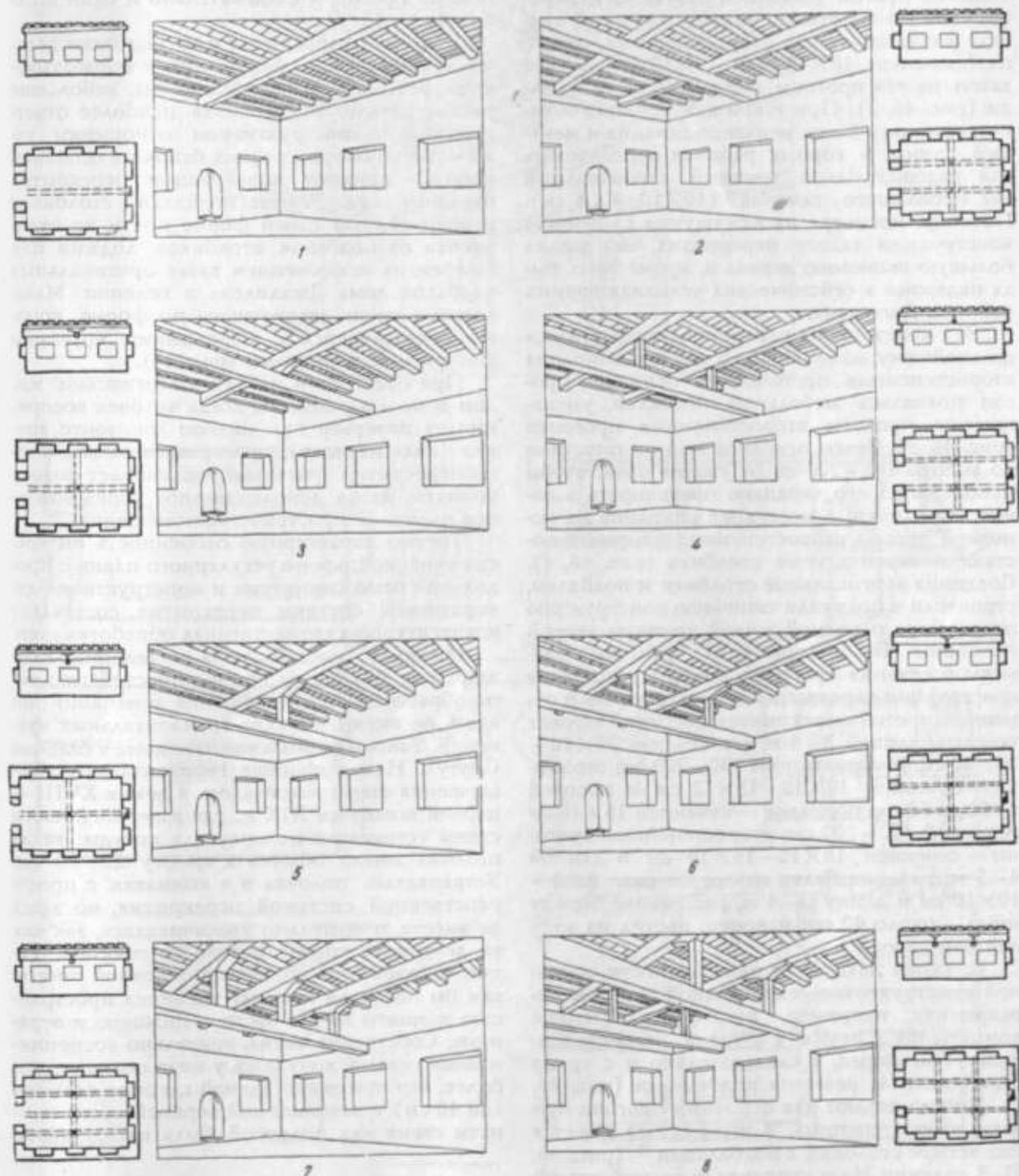
В Южном Дагестане появилась и другая конструкция перекрытия, при которой на

²⁷ Если в предгорных районах Южного Дагестана используются такие лесные породы дерева, как орех, бук, дуб, то в горных селениях использовали, как правило, деревья большей частью выращенные в садах. «Тополь, — пишет А. Б. Панек, — покупают на полях, рамы и двери. Иву, ясень и черешневое дерево — для перекрытий, иву употребляют и на дешевые рамы и на перекрытия верхнего этажа. Садовый тополь с прямыми стволами покупают на полях, рамы и двери, лесной тополь идет только на перекрытия, так как стволы у него искривленные. Тополь под названием «друзерх» считается очень крепким и употребляется на бревна нижнего перекрытия. Бревна эти делают также и из черешневого дерева... Из ясеня делают главным образом арбы, но употребляют его также и на перекрытия. Из грушевого дерева тоже делают перекрытия, но особенно рекомендуют его для изготовления боковых частей деревянных лестниц» (А. Б. Панек. Жилище лезгин, стр. 141).

45. Планы и разрезы кунацких:

1 — с. Маза; 2 — с. Куруш; 3 — с. Кара-Кюре; 4—5 — с. Куруш; 6 — с. Кара-Кюре

46. Конструкции перекрытия кунацких (перспективы, разрезы, планы).

Пояснение см. в тексте

большой прогон (сечением 20×20 см), перекинутый по короткому пролету комнаты, сначала укладывают два второстепенных прогона (сечением 18×12 или 15×10 см), и уже затем на эти прогоны опирают рядовые балки (рис. 46, 2). При такой конструкции можно применять балки меньшего сечения и меньшей длины, в горных районах использовать для рядовых балок местный строительный лес небольшого сечения (10×10 , 8×8 см). Поэтому, несмотря на кажущуюся сложность конструкции такого перекрытия, она давала большую экономию дерева и, кроме того, была надежнее в сейсмических условиях горных районов Дагестана.

Эта конструкция перекрытия подвергалась дальнейшему изменению. В местах опирания второстепенных прогонов на основной прогон появились небольшие подбалки, уменьшившие пролеты второстепенных прогонов (рис. 46, 3). Затем основной прогон опустили до высоты 180–200 см от уровня пола, чтобы использовать его верхнюю поверхность в качестве полочки; в местах же опирания на основной прогон второстепенных прогонов поставили вертикальные столбики (рис. 46, 4). Соединив вертикальные столбики и подбалки, строители и получили типичную конструкцию перекрытия парадной жилой комнаты второй половины XIX в. (рис. 46, 6). Обычные размеры и сечения прогонов, балок и столбиков конструкции перекрытия кунацкой таковы: основной прогон перекидывает короткий пролет комнаты длиной 3–4 м, его сечение 20×20 – 25×30 см, высота от пола 180–200 см; столбики — сечением 10×10 – 12×12 см и высотой от 20 до 50 см; подбалки — сечением 15×10 см и длиной 100–200 см; второстепенные прогоны — сечением 18×12 – 15×10 см и длиной 4–5 м; рядовые балки имеют сечение 8×8 – 10×10 см и длину 3–4 м, расстояние между ними — около 40 см; наконец, настил из жердей или досок.

Имеются некоторые разновидности основной конструктивно-декоративной системы перекрытия; например, встречаются жилые комнаты не с двумя, а с тремя второстепенными прогонами, а следовательно и с тремя столбиками и резными подбалками (рис. 46, 7). Иногда делают два основных прогона при двух второстепенных. В этом случае имеется уже четыре столбика с подбалками²⁸ (рис. 46, 8). В селении Маза сохранился старый жилой дом, где перекрытия имеют один второсте-

пенный прогон, а следовательно и один столбик (рис. 46, 5).

Столбики перекрытия и их подбалки делают, как правило, фигурными и обрабатываются резьбой. Эти, казалось бы, небольшие ответственные в конструктивном отношении узлы — точки опоры средних балок на основной прогон, — придают конструкции перекрытия парадный вид. Резные подбалки столбиков перекрытия по своей форме почти не отличаются от подбалок столбиков лоджии или галереи, за исключением разве оригинальных подбалок дома Джалилова в селении Маза, которые очень декоративны по форме, хорошо сочетающейся с небольшими круглыми фигурными столбиками (рис. 47).

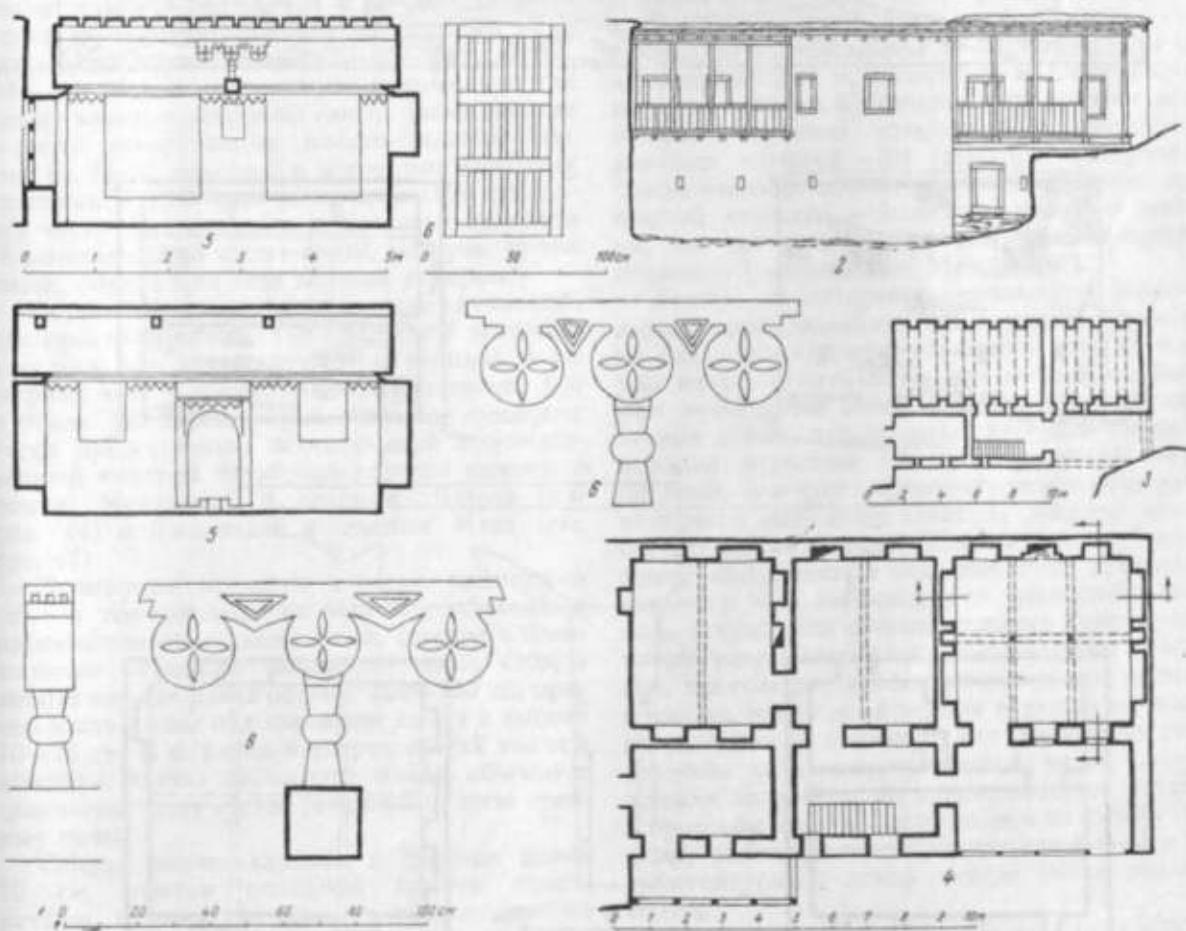
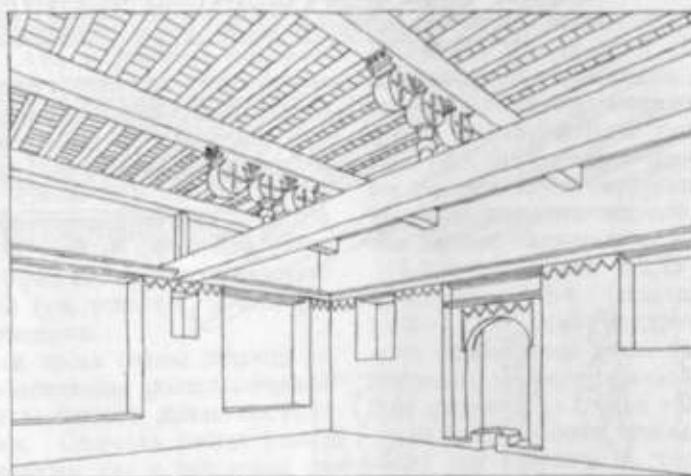
При отсутствии мебели в лезгинском жилом доме и в условиях, когда человек воспринимает интерьер при низком горизонте зрения (сидя на полу), пространственная система перекрытия зрительно увеличивает высоту комнаты, давая дополнительное горизонтальное членение пространства помещения.

Третью характерную особенность интерьера кунацкой, кроме регулярного плана с продольной осью симметрии и конструктивно-декоративной системы перекрытия, составляет архитектурно-художественная обработка стен.

Интерьер дома Казиева в селении Кочхюр (рис. 48)²⁹ дает пример простейшего типа обработки стен помещения кунацкой: они здесь не имеют никаких горизонтальных членений. Таковы стены в комнате дома в селении Смугол. Некое подобие горизонтального завершения стены встречалось в домах XVIII — первой половины XIX в., где в верхней части стены устраивали полочку для посуды; такая полочка имела обычно в высоту 20–30 см. Устраивалась полочка и в комнатах с пространственной системой перекрытия, но здесь ее высота значительно увеличивалась, так как ее делали на уровне основного прогона. Таким образом, низ полочки и основной прогон как бы отмечали границу членения пространства комнаты на две части — нижнюю и верхнюю. Собственно стена, зрительно воспринимаемая цельно, кончалась у низа полочки, тем более, что при значительной глубине полочки (до 40 см) и затемненной верхней части комнаты стена над полочкой была плохо видна,

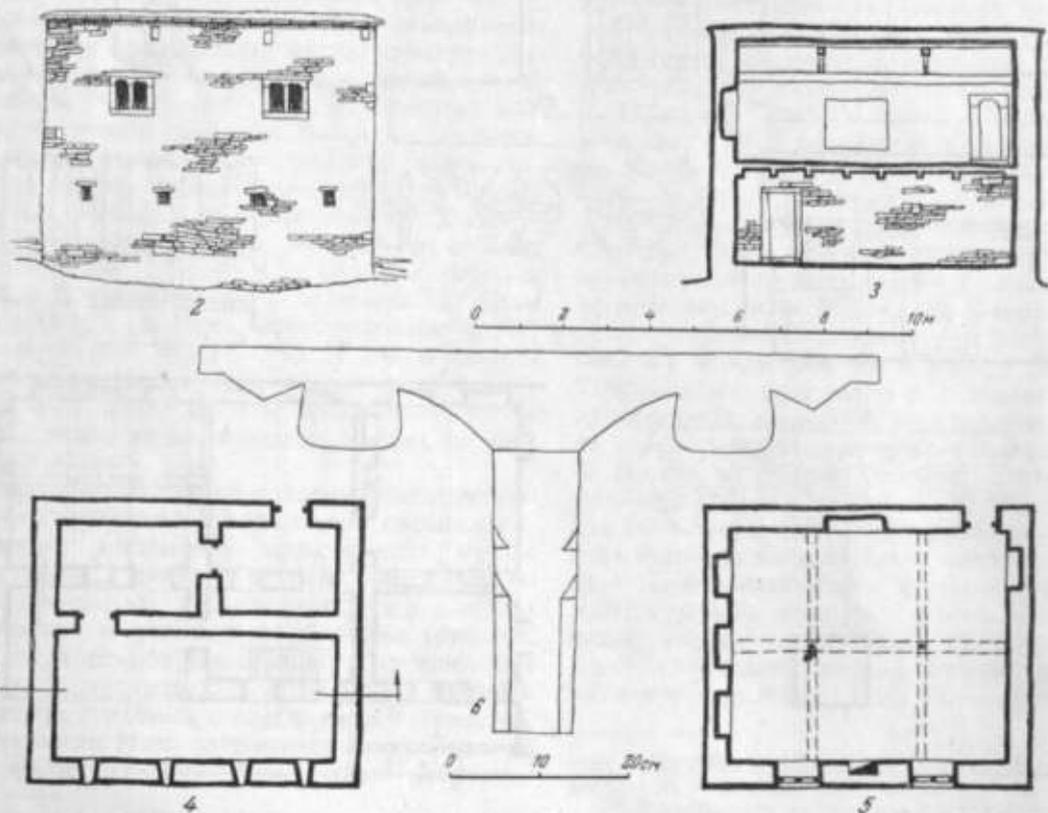
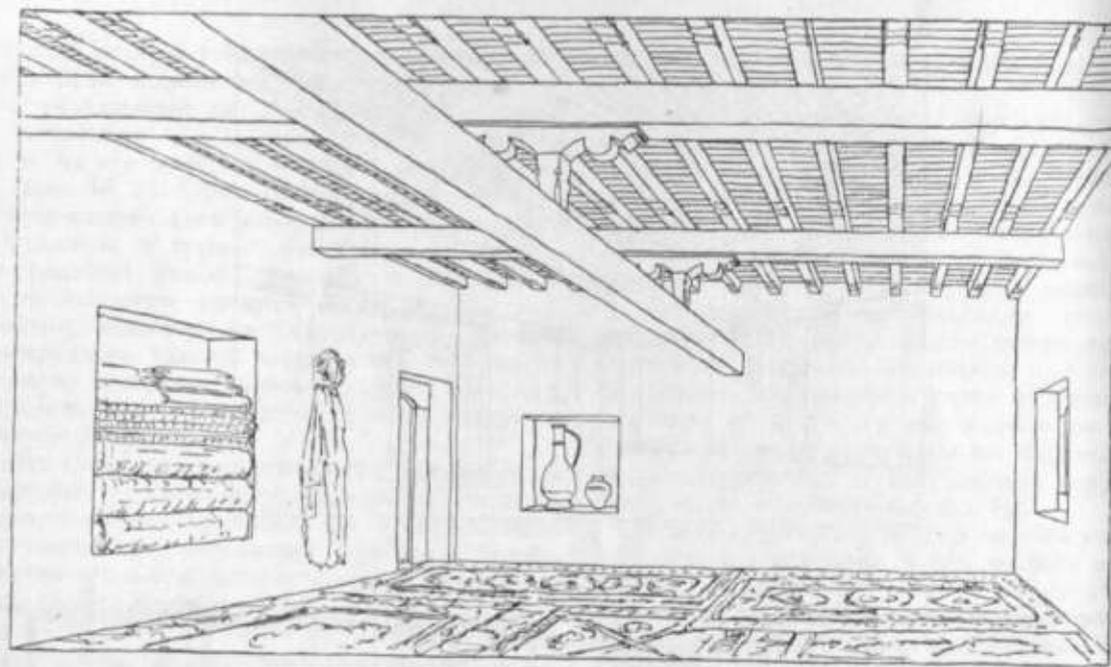
конец этого дома лежит камень с арабской надписью и датой 1299 г. хиджры (1881–1882 гг.).

²⁹ Перспективы интерьеров кунацкой, представленные на рис. 46, 47, 48, построены для горизонта зрения сидящего на полу человека.

47. Дом Джалилова в с. Маза:

1 — перспектива интерьера кунацкой; 2 — фасад; 3 — план первого этажа; 4 — план второго этажа; 5 — разрез; 6 — детали (окно, столбики перекрытия кунацкой)

48. Дом Казиева в с. Кочхюр:

1 — перспектива интерьера; 2 — фасад; 3 — разрез; 4 — план первого этажа; 5 — план второго этажа; 6 — столбик перекрытия.

особенно человеку, сидящему на полу. Естественно, поэтому, что строители рассматривали нижнюю часть стены как самостоятельный композиционный элемент, и почти во всех кунацких под полочкой устроен карниз в виде выкружки, завершающей нижнюю часть стены. Часть стены над полочкой при выносе последней, уменьшенной до 10–20 см, превратилась в своеобразный фриз или аттик над этим карнизом. Фриз этот декоративно обрабатывался нишами (см. рис. 45, 3) или фигурными лепными узорами.

Основная, нижняя часть стены обычно занята большими симметрично расположенными нишами, куда складывают днем постельные принадлежности. Сначала ниши размещались на разной высоте как в пределах одной стены, так и на нескольких стенах, затем их начали располагать на одинаковой высоте как от карниза стены, так и от пола, отделяя ничем не занятую нижнюю часть стены и создавая своеобразный цоколь (см. рис. 45, 6). Это еще более подчеркнуто в комнатах, где между нишами устроены слегка заглубленные в стену декоративные нишки-филенки (см. рис. 45, 4). И, наконец, в некоторых кунацких селениях Куруш (см. рис. 45, 2 и 5) цокольная часть стен отделена небольшим отступом от вышележащей части стены, которая, кроме ниши, обработана еще лепным декором.

Главный элемент композиции кунацкой, как правило, камин. По высоте он занимает всю нижнюю часть стены до карниза, а по ширине вместе с обрамлением достигает 1 м и более. По своим формам камин кунацких часто представляют значительный художественный интерес. Особенно хороши камин в домах Мехдиевой в селении Куруш (см. рис. 44) и Джалилова в селении Маза (см. рис. 47).

Пропорции комнаты, а также пропорции стен и соотношение их частей, разделенных горизонтальными членениями, сходны в большинстве кунацких развитого типа. Общая высота комнат равна обычно 280–300 см, причем часть стены над карнизом имеет в высоту 70–75 см, т. е. равна четверти общей высоты комнаты; такую же высоту имеет обычно и цокольная часть стены (от пола до низа стеновых ниш).

Общая высота карниза в среднем равна 20 см, причем основной прогон конструкции перекрытия бывает расположен на уровне карниза или непосредственно над ним.

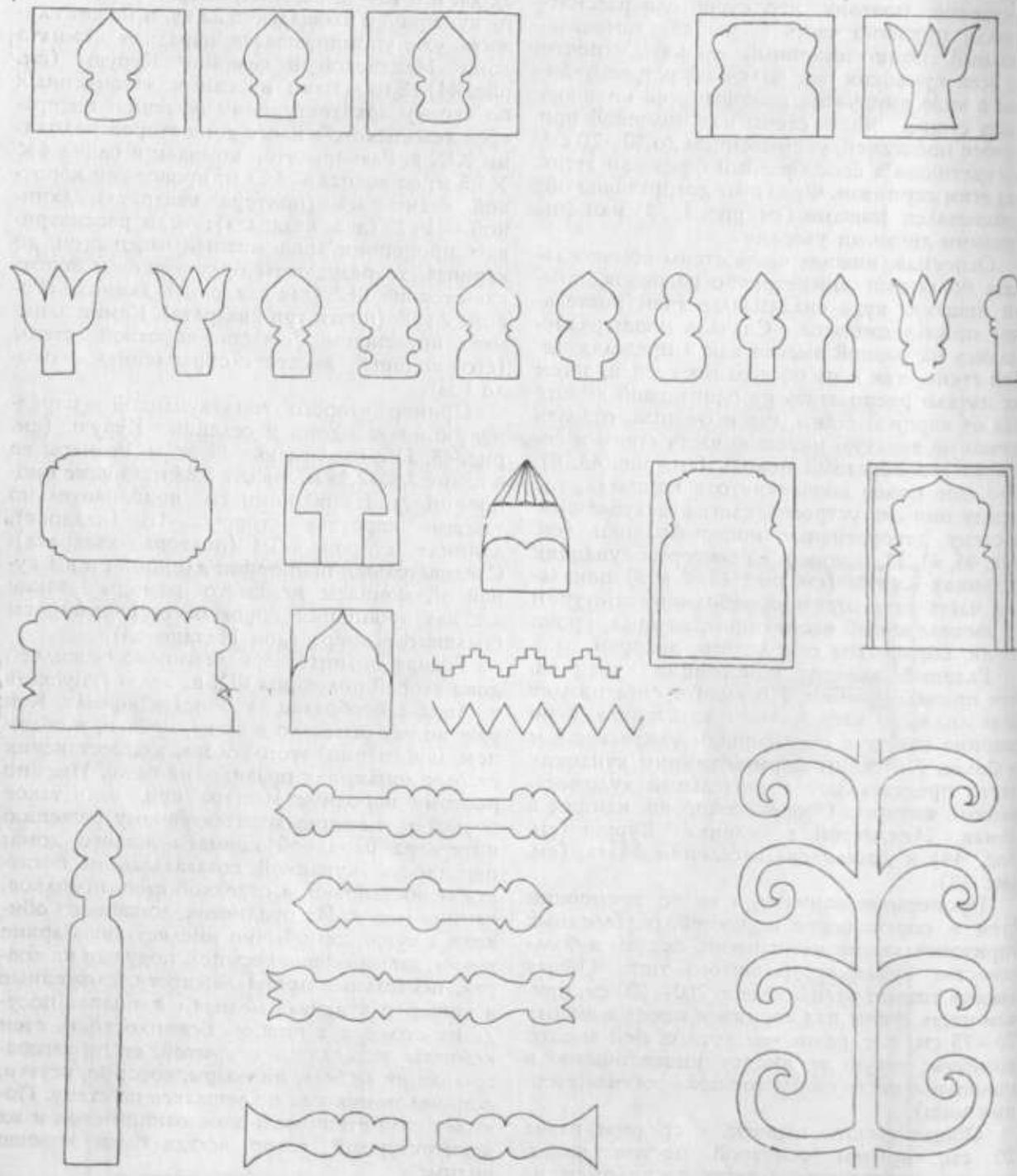
Пропорции стен кунацкой во многом зависят от размеров самой комнаты. Характерны в этом отношении пропорции стен комнат наи-

более часто встречающихся размеров: 20–22 кв. м и 10–12 кв. м. Примером первого типа кунацкой с площадью в 22 кв. м может служить уже упоминавшаяся парадная комната дома Мехдиевой в селении Куруш (см. рис. 44). Это — один из самых законченных по своему архитектурному решению интерьеров лезгинского жилого дома второй половины XIX в. Размеры этой комнаты в плане 4 × 5,5 м; ее высота — 2,75 м; пропорции короткой стены 3:4 (полтора квадрата), длинной — 1:2 (два квадрата); если рассматривать пропорции лишь нижней части стен, до карниза, то результаты будут таковы: короткая сторона 1:2 (два квадрата), длинная сторона 2:5,5 (почти три квадрата). Камин занимает по ширине $\frac{1}{4}$ часть короткой стены (его ширина, вместе с обрамлением, — около 1 м).

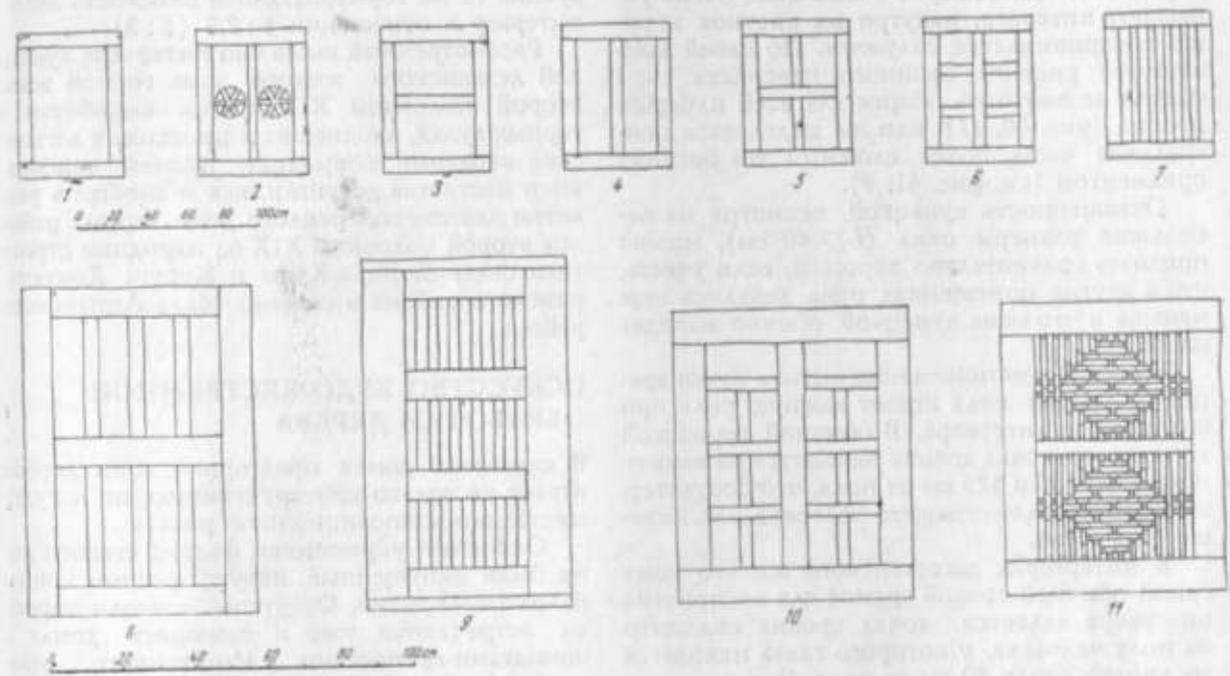
Пример второго типа кунацкой — парадная комната дома в селении Куруш (см. рис. 45, 5) с площадью в 11 кв. м. Размеры ее в плане 3,8 × 2,95 м, высота 2,85 м. Общие пропорции стен этой комнаты приблизительно таковы: короткая сторона — 1:1 (квадрат), длинная сторона — 3:4 (полтора квадрата). Следовательно, пропорции длинной стены кунацкой комнаты меньшего размера — такие же, как пропорции короткой стены комнаты большего размера (дом Мехдиевой).

Говоря об интерьере лезгинского жилого дома второй половины XIX в., нельзя упускать из вида своеобразие убранства комнат. Как уже не раз отмечалось выше, мебели, в обычном понимании этого слова, в дагестанских старых домах, как правило, не было. Именно поэтому народным мастера придавали такое большое значение архитектурному решению интерьера парадной комнаты жилого дома; парадность кунацкой создавалась не богатством обстановки, а отделкой стен, потолков, камин и т. д. Из предметов домашнего обихода в кунацкой обычно имелись лишь яркие ковры, закрывавшие весь пол, подушки на коврах, постельные принадлежности, сложенные в нишах, и красивая медная и глиняная посуда на полке и в нишах. Вся плоскость стен комнаты оставалась открытой, ее не загромождали ни мебель, ни ковры, которые, кстати, в прошлом никогда не вешались на стену. Поэтому симметричность композиции стен и их архитектурный декор всегда были хорошо видны.

Народные мастера украшали также стены кунацкой лепным глиняным декором в виде стилизованных цветов и фигурных нишек, причем декорировались не только верхние

49. Лепные детали интерьеров

50. Окна с наборными переплетами:

1-7 — схемы наиболее распространенных типов окон; 8 — с. Маза; 9 — с. Ихир; 10 — с. Фий; 11 — с. Кара-Кюре

части стен (над карнизом), но и средняя часть стены (между карнизом и цоколем). Разнообразные по форме лепные узоры фризов состоят из отдельных стилизованных цветов или фигурных нишек в прямоугольном обрамлении. Интересны также вытянутые по горизонтали или по вертикали декоративные элементы, заполняющие промежутки между нишами средней части стены. В более ранних домах встречаются лепные украшения в виде завитков, отходящих от вертикального ствола, — своеобразное стилизованное изображение дерева (рис. 49).

По цвету интерьер парадной жилой комнаты отчетливо членится на три зоны: пол покрыт яркими коврами; стены побелены, но в нишах лежат яркие постельные принадлежности, перекликающиеся по цвету с коврами; потолок — темный, из дерева (которое темнеет от дыма, попадающего в комнату при топке камина).

Остальные помещения жилого дома второй половины XIX в. по своему убранству обычно были гораздо скромнее кунацкой. Однако в некоторых домах богато отделялись также стены лоджии, в которую выходили дверь и окна кунацкой. Стены таких лоджий имеют карниз, фигурный фриз, ниши

и т. д. Все это делалось для того, чтобы украсить должным образом не только парадную комнату, но и подход к ней. Этой же цели служили и резные двери, ведущие из лоджии в кунацкую.

Освещается кунацкая обычно двумя окнами, расположенными по сторонам от входной двери и выходящими, как правило, в лоджию и на галерею. Размеры окон в среднем 40×60 см или 50×70 см в свету (рис. 50, 1). Оконное стекло в горах Дагестана во второй половине XIX в. не применялось, а в холодное время года и на ночь окна закрывались изнутри деревянными ставнями, в которых были сделаны небольшие отверстия, иногда фигурного очертания (рис. 50, 2). Такие окна часто имели переплеты в виде горизонтальных, вертикальных или перекрещивающихся перекладин (рис. 50, 3-6). Окна в кунацких старались украсить так, чтобы они парадно воспринимались не только с фасада (как, например, резные окна табасаранских домов), но и изнутри. Во многих домах второй половины XIX в. окна кунацких имеют переплеты в виде тонких вертикальных планочек, расположенных по высоте в один, два и три ряда (рис. 50, 7-10). Но наиболее парадные окна кунацких — это окна с наборным фигурным

переплетом (шебеке)³⁰. Такие окна очень украшают интерьер, изнутри их рисунок хорошо воспринимается силуэтом. По своей композиции рисунок оконного переплета типа шебеке может быть общим для всей площади проема (рис. 50, 11), или же выделяется центральная часть более сложным по рисунку орнаментом (см. рис. 41, 4).

Освещенность кунацкой, несмотря на небольшие размеры окна (60×40 см), можно признать сравнительно хорошей, если учесть, что в других помещениях окна делались еще меньше и что окна кунацкой обычно выходят на юг.

В небольшом помещении высота точки зрения от уровня пола играет важную роль при восприятии интерьера. В обычной городской комнате эта точка зрения находится на высоте примерно 160 и 125 см от пола, что соответствует высоте глаз стоящего человека или сидящего на стуле.

В интерьерах дагестанского жилого дома самой обычной точкой зрения для восприятия интерьера является точка зрения сидящего на полу человека, у которого глаза находятся на уровне около 80 см от пола. Это не могло не повлиять и на характер интерьера. Окна, например, помещаются всегда на таком уровне, чтобы в них можно было свободно смотреть сидя на полу, камни обрабатываются в виде своеобразных порталов и производят странное впечатление и кажутся немасштабными, если смотреть на них стоя; с низкой же точки зрения они кажутся и масштабными и даже монументальными. И так все части интерьера: конструкции перекрытия (которые как бы давят на человека, находящегося в стоячем положении, так как в этом случае они находятся буквально над головой), карниз стены (человеку, сидящему на полу он не кажется расположенным низко), ниши в стенах и т. д. При низкой точке восприятия зрительно увеличивается высота помещения и изменяются соотношения высот частей комнаты, находящихся выше и ниже уровня глаз. Если при высоте интерьера кунацкой в среднем в 280—300 см горизонтальная плоскость, находящаяся на уровне глаз человека, при положении стоя и сидя на стуле (160 и 125 см), делит интерьер по высоте на части с отношением приблизительно 1:1, то при низком горизонте

зрения та же горизонтальная плоскость делит интерьер в отношении 1:2,5 (1:3).

Рассмотренный выше тип интерьера кунацкой лезгинского жилого дома горной зоны второй половины XIX в. был выработан в горных аулах, входивших в прошлом в лезгинские «вольные общества», причем наибольшего мастерства достигли, как и вообще в развитии лезгинского жилого дома горных районов второй половины XIX в., народные строители селений Кара-Кюре и Куруш Докузпаринского района и селения Маза Ахтынского района.

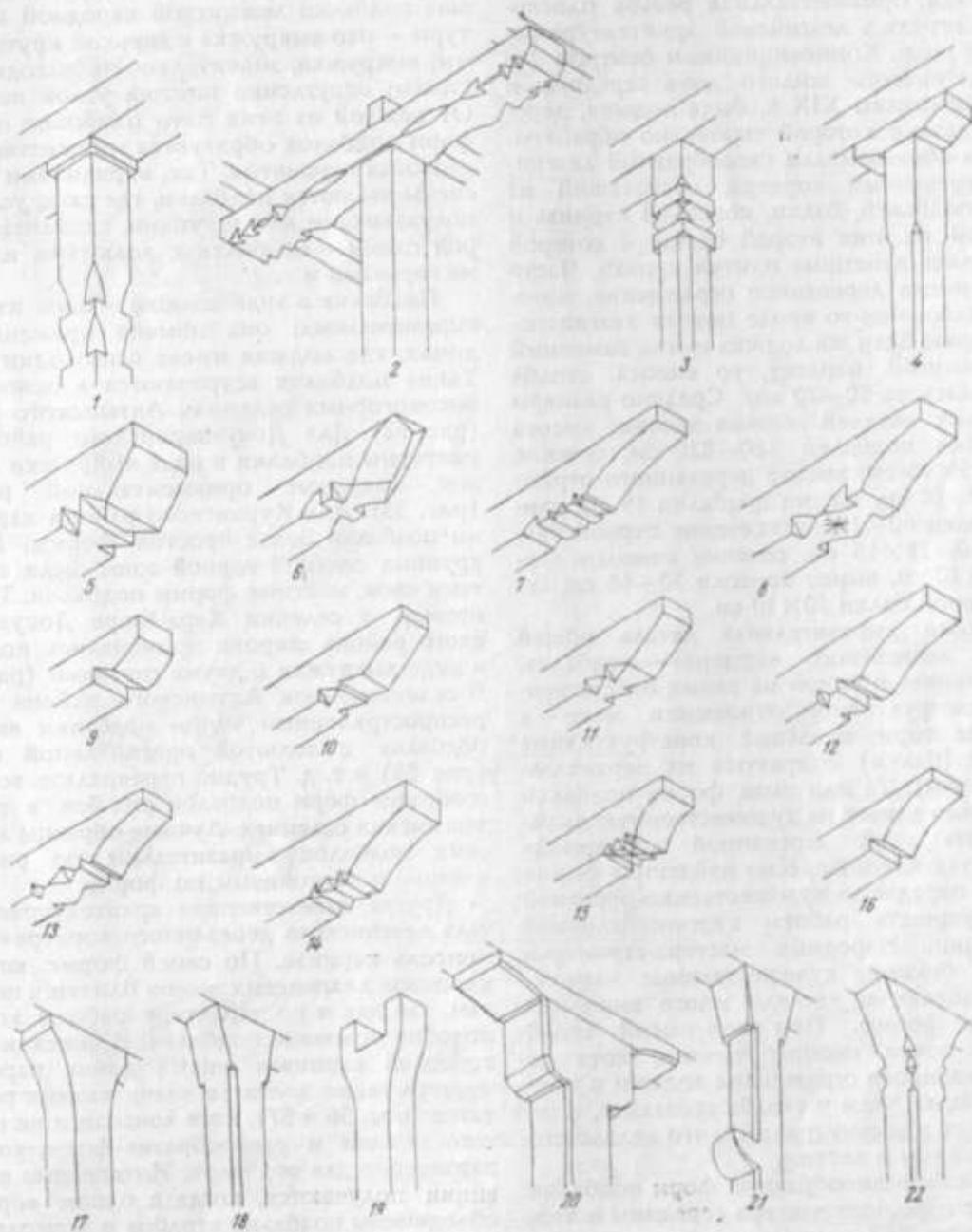
ИСКУССТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАБОТКИ ДЕРЕВА

В саманных домах предгорной зоны дерево играет не только конструктивную, но и художественно-композиционную роль.

Основным украшением фасада старого дома были выпущенные наружу резные концы балок перекрытия. Фигурные консоли карниза встречаются уже в саманных домах с комнатами-крепостями. Инструмент, употреблявшийся народными мастерами — топор, не позволял делать формы криволинейного очертания, поэтому концы балок обработаны системой треугольных вырубков (рис. 51, 5—16). Это создает стиль, характерный именно для лезгинских селений нижних предгорий. Несмотря на простоту декоративной обработки, консоли карнизов, венчающих гладкую, обмазанную глиной стену, не лишены выразительности. Столбики второго этажа галерей саманных домов обычно бывают квадратными в плане, небольшого сечения (рис. 51, 1, 3). Их декор очень прост и ограничивается все теми же треугольными вырубками. Подбалки встречаются редко (рис. 51, 2, 4). Столбы первого этажа галерей достигают внушительных размеров и стоят обычно комлем вверх (рис. 51, 17—22).

Расцвет искусства художественной обработки дерева в лезгинской народной архитектуре связан со строительством в горной зоне и приходится на вторую половину XIX в. В это время были окончательно выработаны и доведены до высокого художественного совершенства основные деревянные элементы фасада и интерьера жилого дома.

Фасад лезгинского жилого дома горной зоны не имел больших деревянных плоскостей, которые можно было бы покрывать орнаментальной резьбой. Народные мастера при художественной обработке конструктивно-необходимых деревянных деталей прежде всего

51. Деревянные детали саманных домов:

1—4 — подбалки столбиков галерей; 5—16 — консоли карниза; 17—22 — столбы первого этажа

³⁰ «Окна у домов, — пишет Н. Вучетич, — не имеют стекла, а закрываются изнутри ставнями; в более богатых домах, в отверстия окон вставляются рамы с сквозной резьбой, выкрашенные яркими цветами» (указ. соч., № 76).

стремились создать выразительную форму самой детали; орнаментальная резьба плоскостей не играла в лезгинской архитектуре решающей роли. Композиционным центром фасада лезгинского жилого дома середины и второй половины XIX в. была лоджия, деревянные детали которой тщательно обрабатывались и образовывали своеобразный лезгинский деревянный «ордер», состоявший из столба, подбалки, балки, консолей карниза и лежавшей на них второй балки, с которой свешивались каменные плитки кровли. Часто лоджия имела деревянное ограждение, которое являлось чем-то вроде цоколя лезгинского «ордера». Если же лоджия имела каменный или саманный парапет, то высота столба уменьшалась на 50—70 см. Средние размеры деревянных деталей лоджии таковы: высота столба без подбалки 180—220 см, сечение столба 15×15 см, высота деревянного ограждения 50—60 см, высота подбалки 15 см, длина подбалки 60—120 см, сечение первой балки 15×10—18×15 см, сечение консоли карниза 12×10 см, вынос консоли 50—60 см, сечение второй балки 10×10 см.

Наиболее выразительная деталь общей системы лезгинского «ордера» — подбалка, расположенная в одном из самых ответственных в конструктивном отношении мест — в точке, где горизонтальные конструктивные элементы (балки) опираются на вертикальные (столбы). Та или иная форма подбалки существенно влияет на художественную выразительность всей деревянной «ордерной» системы, так как интересно найденная форма подбалки передает в художественно-образной форме сущность работы стоечно-балочной конструкции. Народные мастера-строители понимали большие художественные возможности подбалки и уделяли много внимания поискам ее формы. При этом самый столб оставался почти необработанным, хотя от верха деревянного ограждения лоджии и почти до подбалки углы у столба срезались, и он превращался в восьмигранный, что делало его более стройным и легким.

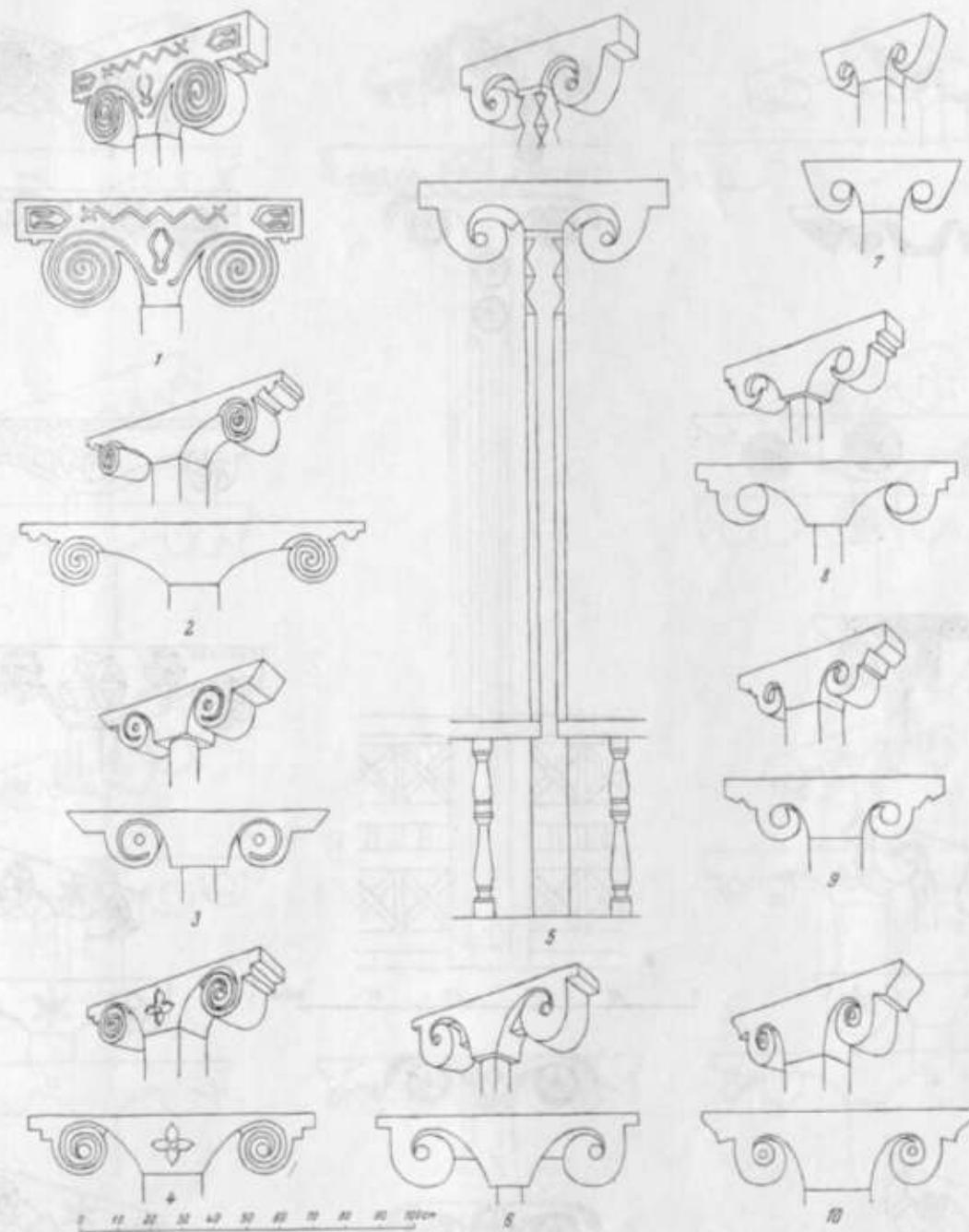
В создании разнообразных форм подбалок лезгинские народные мастера середины и второй половины XIX в. проявили большую изобретательность: сохранились сотни прекрасных образцов резных подбалок. При этом, несмотря на то, что формы их разнообразны, можно выделить наиболее характерные для лезгинской народной архитектуры типы подбалок. Два наиболее простых типа формы подбалок — это подбалка, подрезанная с обоих концов в виде выкружек, и подбалка в ви-

де короткого отрезка балки. Другие простейшие подбалки лезгинской народной архитектуры — это выкружка с гирькой крутой формы; выкружка, значительно не доходящая до столба; округление нижних углов подбалки. От каждой из этих пяти наиболее простых форм подбалок образуется множество более сложных вариантов. Так, вариантами первой схемы являются подбалки, где скос усложнен полуваликами или уступами, вариантами второй схемы — подбалки с волютами или двумя гирьками и т. д.

Подбалка в виде волюты — одна из самых выразительных; она обычно применяется в домах, где лоджия имеет всего один столб. Такие подбалки встречаются в основном в высокогорных селениях Ахтынского района (рис. 52). Для Докузпаринского района характерны подбалки в виде выкружки с гирькой, покрытые орнаментальной резьбой (рис. 53). Для Курахского района характерны подбалки более простой формы. В ряде крупных селений горной зоны были выработаны свои, местные формы подбалок. Так, например, в селении Кара-Кюре Докузпаринского района широко применялись подбалки в виде выкружки с двумя гирьками (рис. 54). В селении Хрюк Ахтынского района самым распространенным типом подбалки является подбалка с волютой оригинальной формы (рис. 55) и т. д. Трудно перечислить все многообразие форм подбалок столбов в горных лезгинских селениях. Лучшие образцы лезгинских подбалок выразительны по рисунку, изящны и тектоничны по форме.

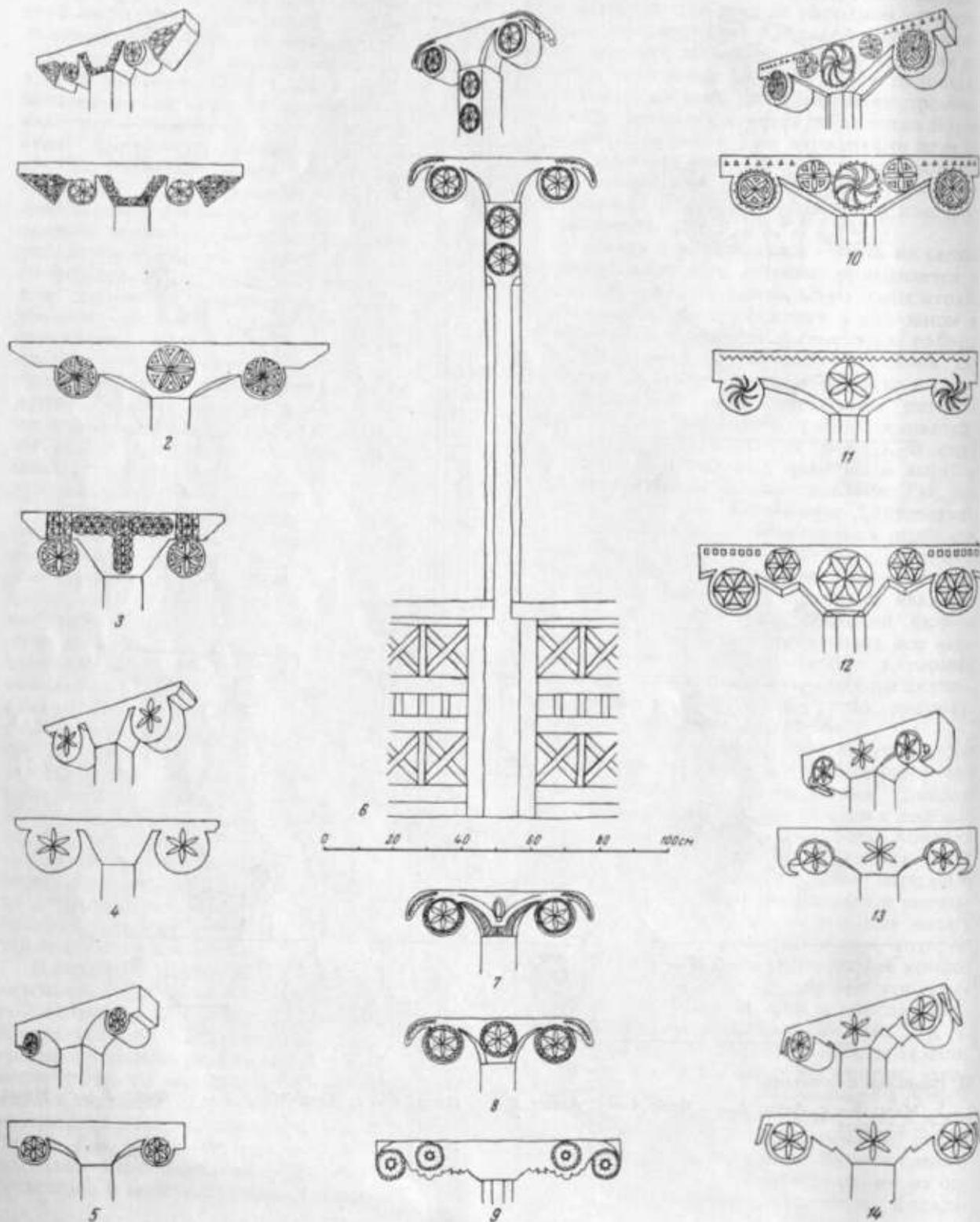
Другая ответственная архитектурная деталь лезгинского деревянного «ордера» — это консоль карниза. По своей форме консоли карнизов лезгинских домов близки к подбалкам, так как и по характеру работы консоль подобна половине подбалки. В поисках форм консолей карнизов жилых домов народные мастера также достигли значительных результатов (рис. 56 и 57), хотя консоли и не имеют того обилия и разнообразия форм, которое характерно для подбалок. Интересные композиции получаются, когда в одном «ордере» объединены подбалки столбов и консоли карнизов, одинаковые по форме (см. рис. 55).

Художественная выразительность лезгинского деревянного «ордера» во многом зависит от того, какое место он занимает в общей композиции фасада жилого дома. Так, в доме с небольшой лоджией единственный столб этой лоджии (если по пролету больше одного столба не требуется) становится одним из основных архитектурных элементов фасада.

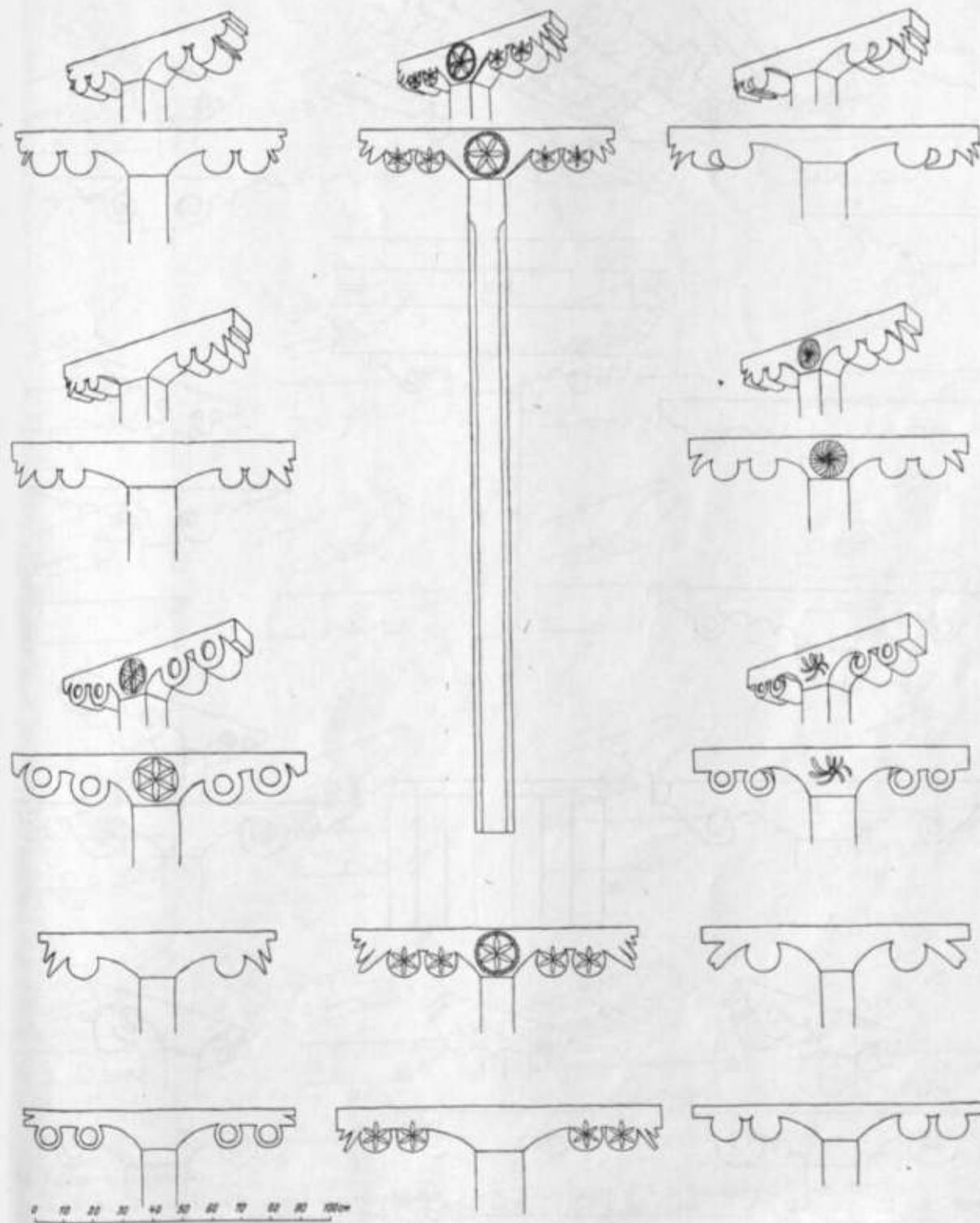
52. Подбалки с волютами:

1 — с. Мала; 2 — с. Ахты; 3 — с. Фий; 4 — с. Ахты; 5 — с. Ихир; 6 — с. Джиг-Жиг; 7 — с. Фий; 8 — с. Мала; 9—10 — с. Хрюк

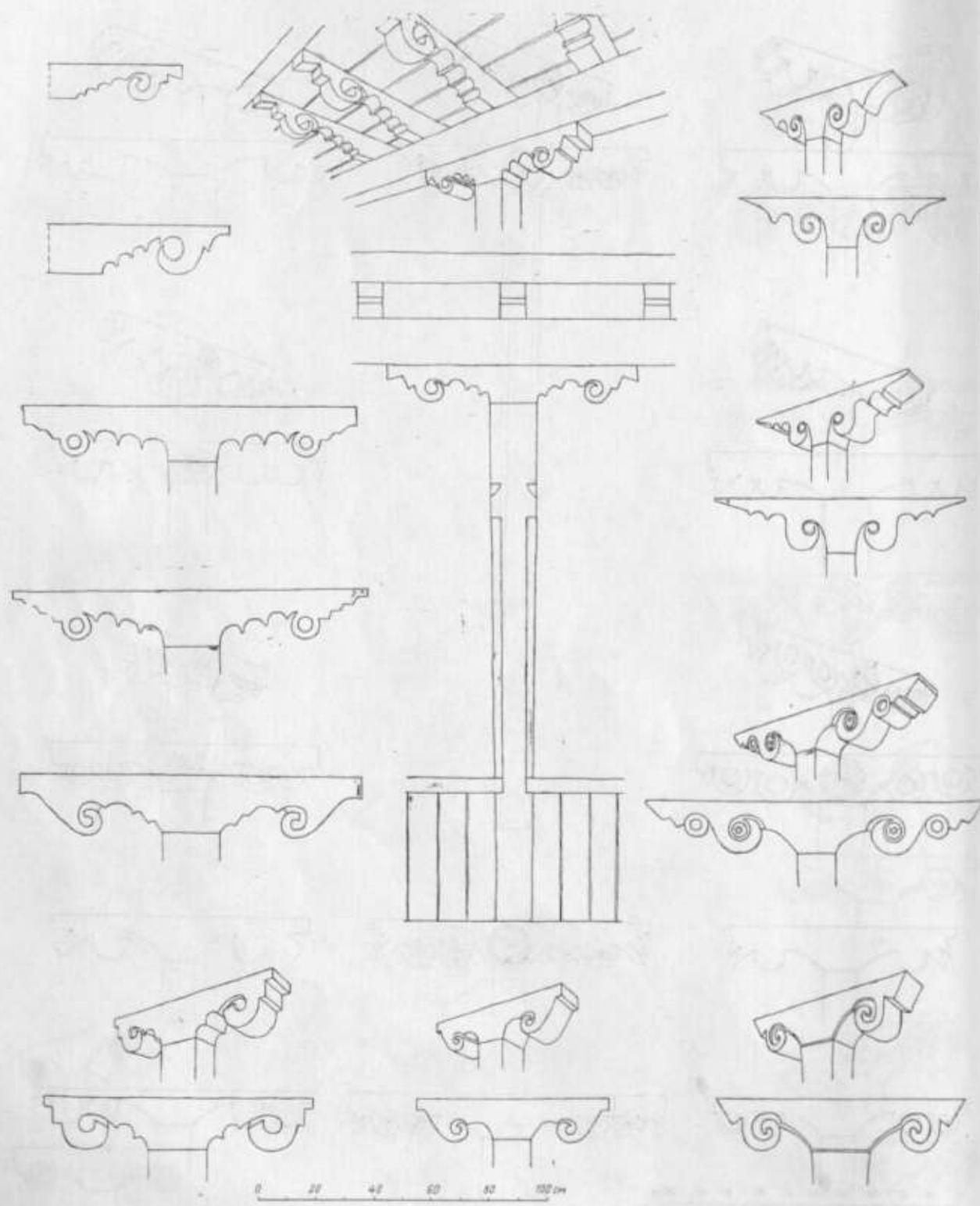

53. Подбалки с орнаментальной резьбой:

1-5 - с. Каладжух; 6-8 - с. Филя; 9 - с. Текипиркент; 10-12 - с. Куруш; 13-14 - с. Кара-Кюре

54. Подбалки с гирьками в с. Кара-Кюре

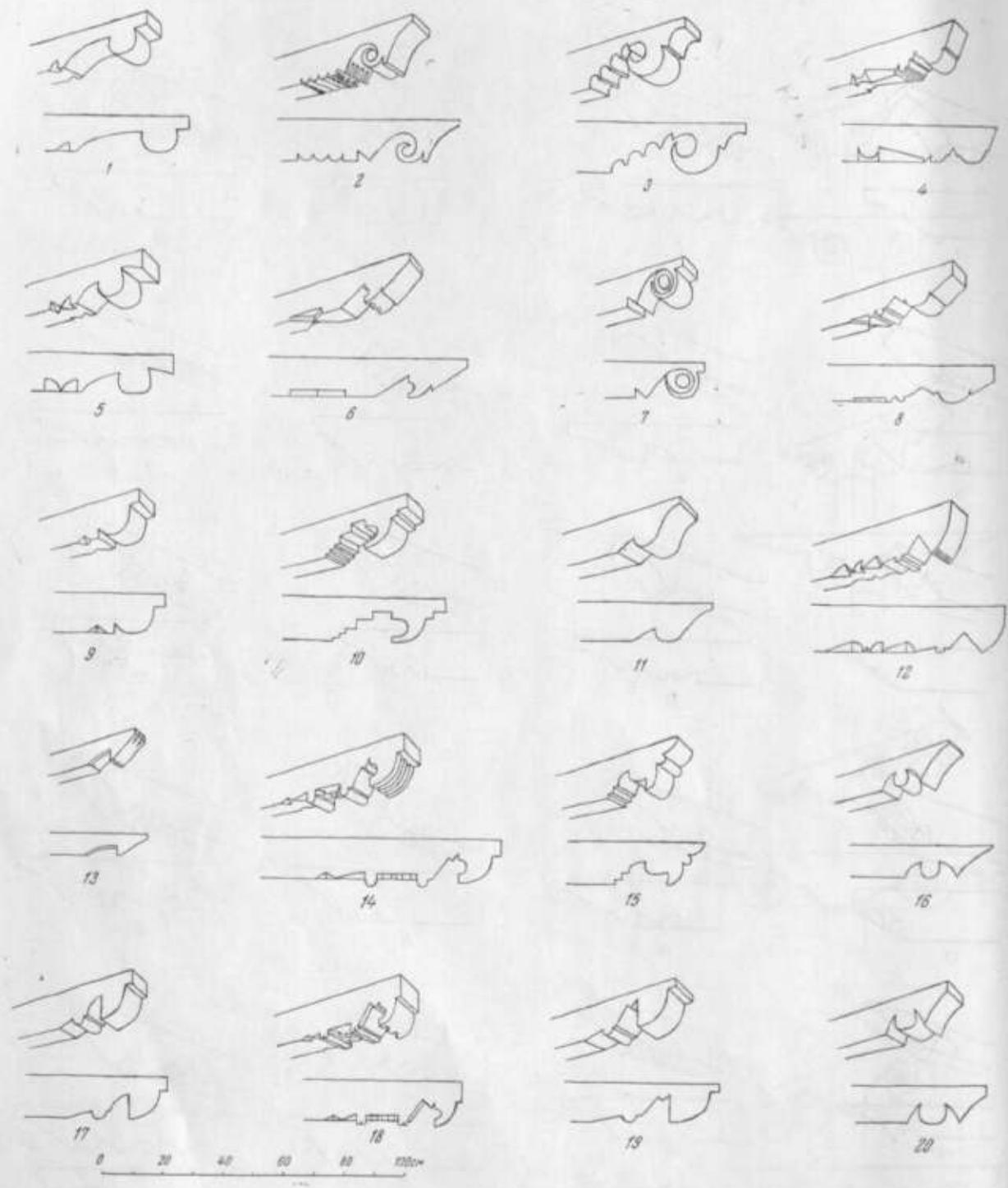
55. Подбалки и консоли карниза в с. Хрюк

56. Консоли карнизов:

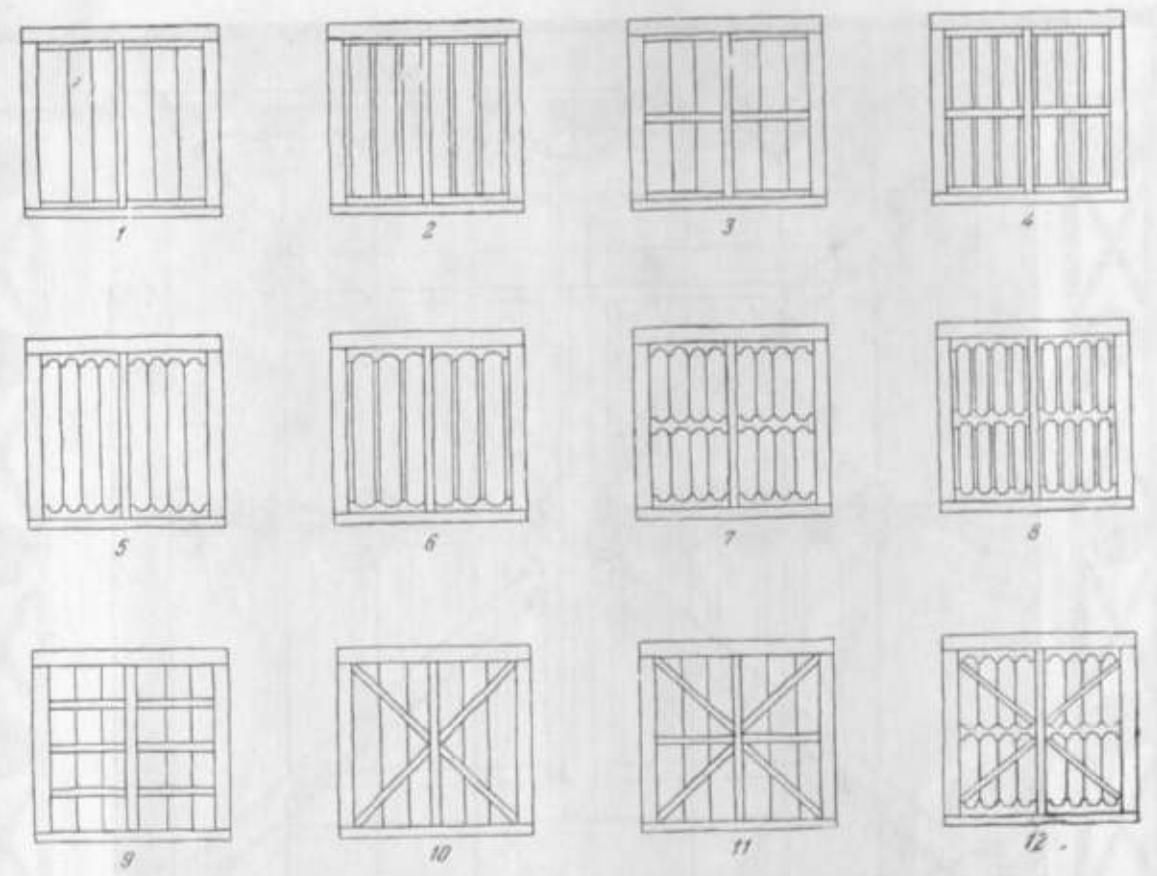
1 — с. Маза; 2 — с. Кара-Кюре; 3 — с. Каладжух; 4 — с. Кара-Кюре; 5 — с. Каладжух; 6 — с. Курах;
 7 — с. Каладжух; 8 — с. Кара-Кюре; 9 — с. Хрюк; 10 — 11 — с. Кара-Кюре; 12 — с. Кочхюр; 13 — с. Хрюк;
 14 — 16 — с. Кара-Кюре; 17 — с. Джиг-Жиг; 18 — с. Курах; 19 — с. Каладжух; 20 — с. Кара-Кюре

7 С. О. Хан-Магомедов

57. Консоли карнизов:

1 — с. Курах; 2 — с. Кочхюр; 3 — с. Хрюк; 4 — с. Куруш; 5 — с. Курах; 6 — с. Куруш; 7 — с. Фила; 8 — с. Кара-Коре; 9 — с. Курах; 10 — с. Маза; 11 — с. Хрюк; 12 — с. Каладжух; 13 — с. Усур; 14 — с. Куруш; 15 — с. Хрюк; 16 — с. Кочхюр; 17—19 — с. Куруш; 20 — с. Усур

58. Деревянные двери: варианты обработки створок
Полснения см. в тексте

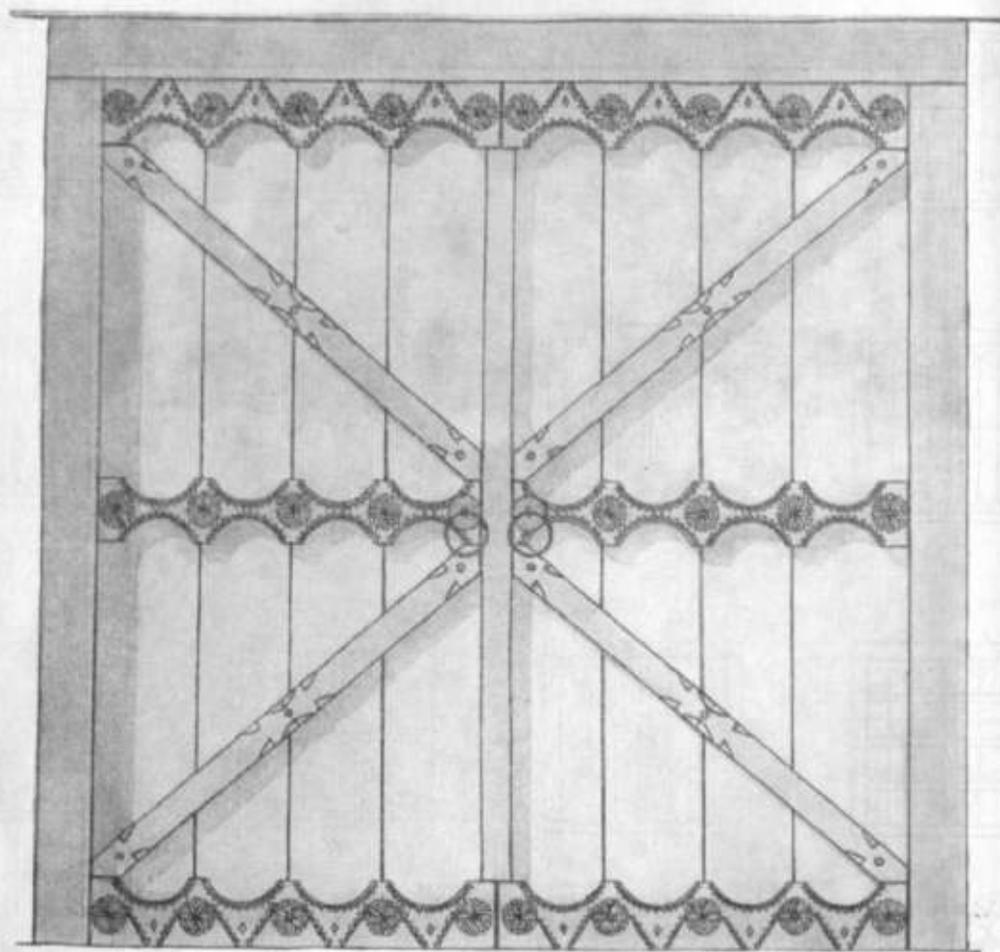
Лоджия в этом случае обычно имеет каменный парапет и со стороны фасада производит впечатление крупного проема, а столб имеет небольшую высоту (так как он стоит на каменном парапете) и со своей большой фигурной подбалкой, которой обычно придается выразительная форма, выглядит очень декоративно. Такие подбалки характерны для высокогорных селений Ахтынского района, где основным строительным материалом является камень.

Большая лоджия с несколькими столбами и деревянным парапетом играет совершенно другую роль в общей композиции фасада, который в этом случае как бы делится на два яруса: первый этаж — стена, второй этаж — стоечно-балочная система. Большая лоджия обычно имеет несколько столбов с одинаковыми или почти одинаковыми подбалками. Если в доме с малой лоджией столб с подбалкой представляет собой уникальный и наи-

более выразительный архитектурный элемент или даже служит композиционным центром фасада, то в домах с большой лоджией основным в композиции фасада является не отдельный столб, а вся ритмическая система одинаковых столбов. В домах с большой лоджией, независимо от того, расположена она в центре фасада или сбоку, имеет она четное число столбов или нечетное, центральный столб лоджии обычно никак не выделяется и все столбы обрабатываются одинаково (хотя подбалки у них могут быть и разными по форме).

Третий случай применения лезгинского «ордера» — это дома с навесным балконом²¹, причем все столбы балкона, как и в домах с

²¹ В лезгинских районах жилище дома с балконами существовали уже в середине XIX в. Об этом, например, сообщает Н. Вучетич: «При некоторых домах устраиваются даже балконы» (Газета «Кавказ», 1864, № 76).

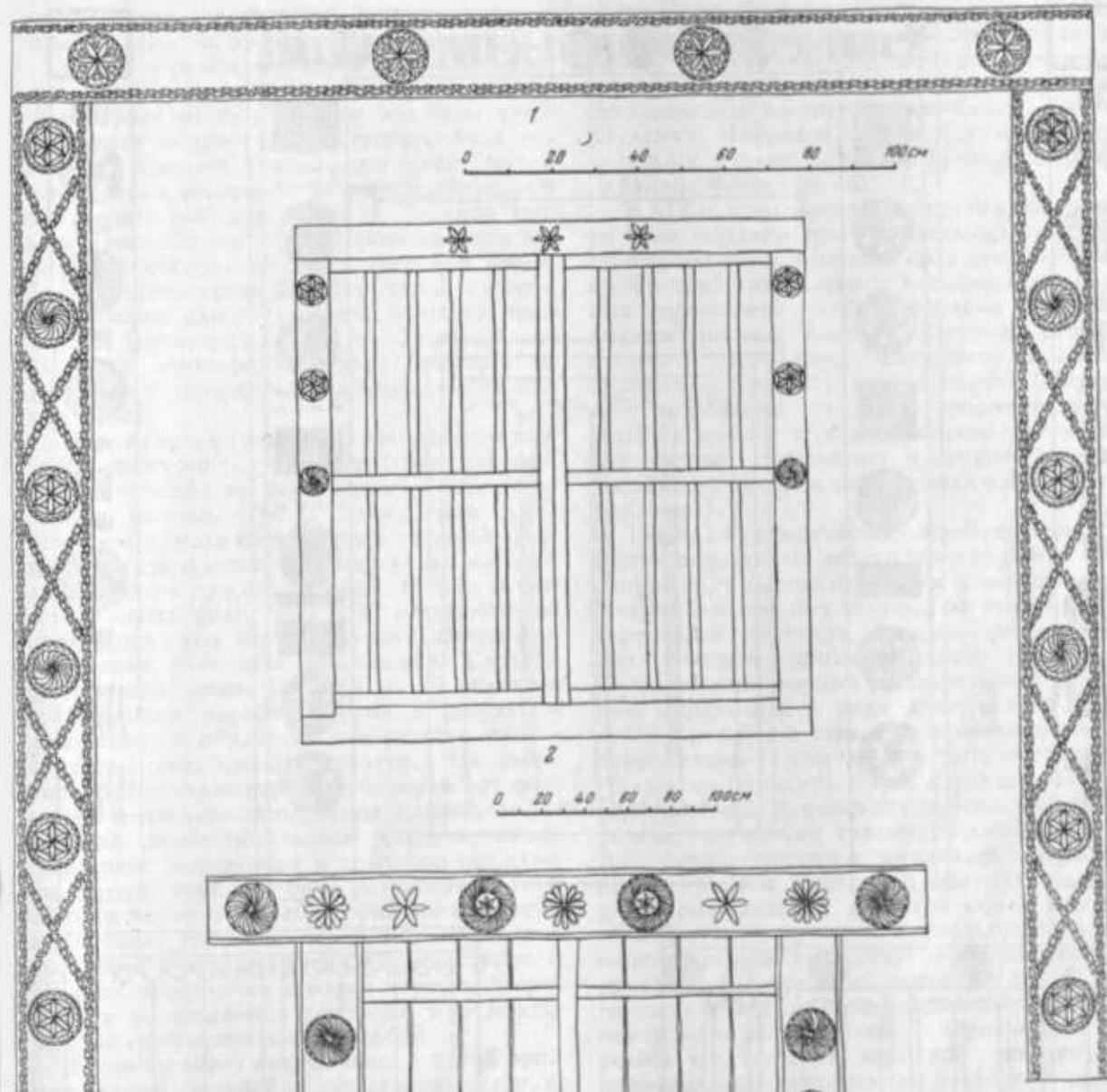
0 50 100 см

59. Деревянный портал в с. Гоган

большой лоджией, обычно обрабатываются одинаково. Правда, встречаются и такие дома, где столбы балконов обрабатываются в зависимости от их расположения относительно центра фасада. Интересный в этом отношении дом второй половины XIX в. сохранился в селении Ихир Ахтынского района (см. рис. 33). На втором этаже этого дома — балкон с пятью столбами, причем средний столб имеет крупную подбалку с волютами, крайние столбы совсем без подбалок, а подбалки промежуточных столбов — плоские, фигурные. Здесь видно стремление народного мастера выявить центр фасада постепенным усилением выразительности отдельных архитектурных элементов (столбов с подбалкой). Столбы с резными подбалка-

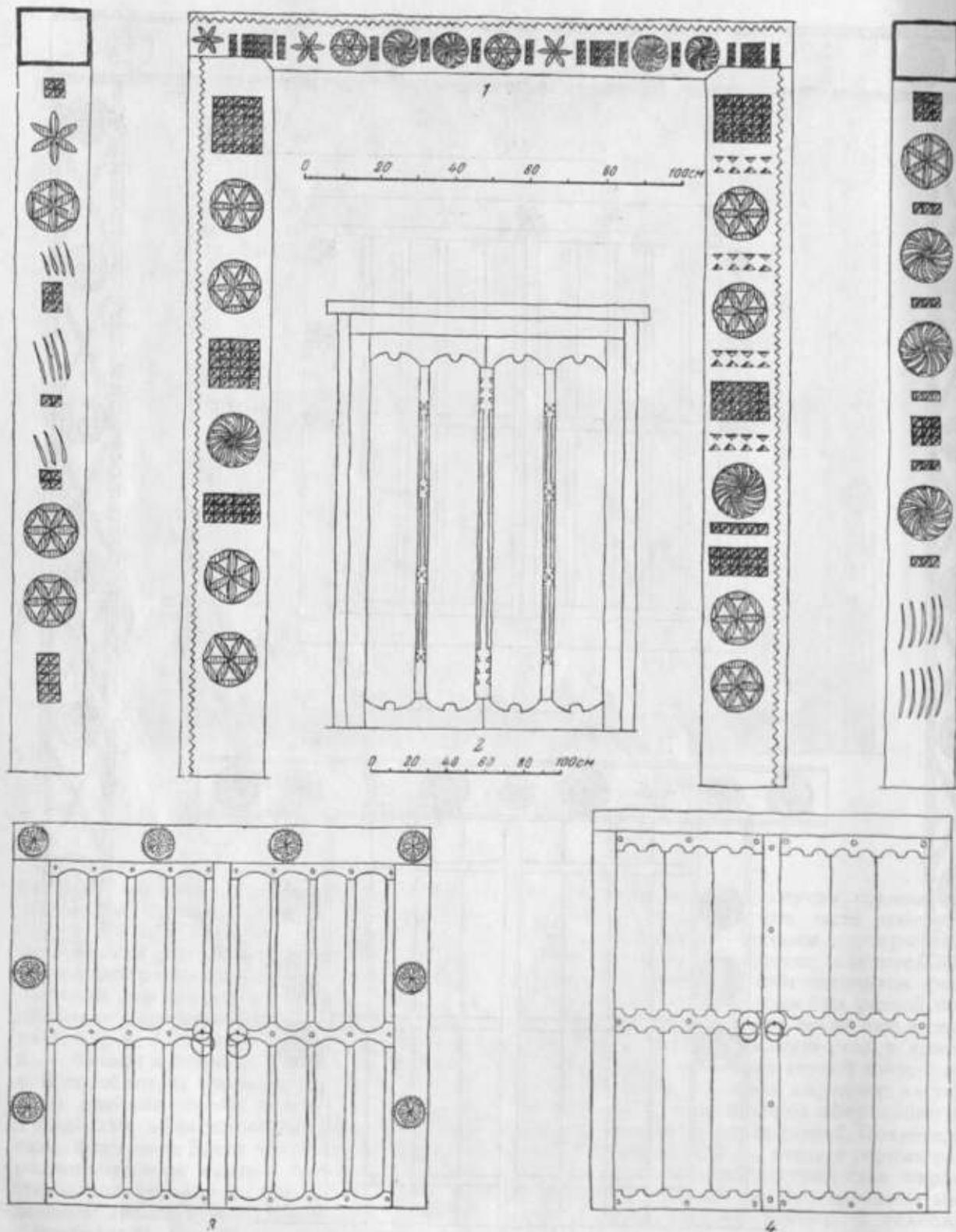
ми применялись также внутри лоджии или в интерьере кунацкой как часть конструктивно-декоративной системы перекрытия.

После «ордера» наиболее значительным деревянным архитектурным элементом фасада лезгинского жилого дома был резной портал. Входная дверь первого этажа еще в середине XIX в. играла большую роль в композиции фасада жилого дома горной зоны. В это время основное внимание народные мастера обращали на художественное оформление переплета створок входных дверей. Позднее, во второй половине XIX в., когда в горных районах с каменной архитектурой стал широко применяться арочный портал, народные мастера Докузпаринского района, в селениях которого не применялся арочный портал,

60. Резные деревянные порталы:

1 — с. Феля; 2 — с. Микрах; 3 — с. Кара-Кюре

61. Деревянные порталы:

1 — с. Хрюк; 2 — с. Кара-Кюре; 3—4 — с. Гоган

начала декоративно обрабатывать не только створки входных дверей, но и их коробки.

Таким образом, наряду с арочным порталом, в котором входная дверь в жилой дом (или ворота во двор), часто имеющая художественно обработанные створки, была обрамлена арочной нишей, появился другой тип портала, в котором дверь обрамлена резной деревянной коробкой. На сводной таблице (рис. 58) показаны основные типы переплетов створок входных дверей и ворот. Для удобства сравнения все типы створок изображены одного размера и одних пропорций (пропорции схем на таблице более близки к пропорциям ворот, ведущих во двор, чем к пропорциям входных дверей жилого дома).

Схема первая (рис. 58, 1) дает пример наиболее простого случая обработки створок: каждая створка сверху и снизу имеет поперечные планки. Третья схема (рис. 5, 3) показывает усложнение этой простой формы: появляются поперечные планки на середине высоты каждой створки. Вторая и четвертая схемы (рис. 58, 2 и 4) отличаются от предыдущих тем, что их створки имеют вертикальные элементы заполнения. Следующие четыре схемы (рис. 58, 5—8) являются усложнением первых четырех в результате декоративной обработки поперечных планок в виде своеобразных аркатур. На схеме рис. 58, 9 показан переплет, створки которого имеют несколько поперечных планок, а следующие схемы показывают створки, имеющие кроме поперечных и диагональные планки. Таковы наиболее распространенные типы створок ворот и дверей. Кроме того, встречаются более сложные переплеты двустворчатых ворот и входных дверей с одной створкой. Планки переплетов створок ворот и дверей иногда усложняются порезкой или покрываются орнаментальной резьбой.

Коробки ворот покрывались богатой орнаментальной резьбой в тех селениях, где не применялся арочный портал, т. е. в селениях с саманными домами (Докузпаринский район). Такие деревянные порталы с фигурными переплетами и резными коробками очень интересны в художественном отношении и представляют собой одно из значительных достижений лезгинской народной архитектуры XIX в.³² Ширина покрываемых резьбой деревянных плоскостей коробок колеблется от

³² В других районах Южного Дагестана, например, в табасаранских или агульских, резной деревянный портал имел арочный проем и большие плоскости коробки, покрытые орнаментальной резьбой «плетенкой».

10 до 20 см. Сама же резьба состоит обычно из отдельных орнаментальных рисунков квадратной или круглой формы. Наиболее интересные примеры резных деревянных порталов сохранились в селениях Кара-Кюре, Гоган, Каладжух, Микрах и Гапцах Докузпаринского района, а также в селении Хрюк Ахтынского района³³ (рис. 59—63).

В XIX в. в лезгинской народной архитектуре были созданы три значительных архитектурных элемента, основная сила художественного воздействия которых заключалась в резных деревянных деталях: система «ордера» лоджии (резные консоли карниза, резные столбы с подбалками, фигурные балясины ограждения лоджий), резной портал (фигурные переплеты створок, орнаментальная резьба коробок) и конструктивно-декоративная система перекрытия кунацкой (резные столбики с подбалками, резные балки и нащельники).

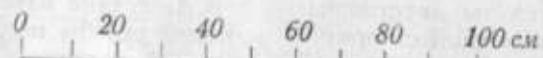
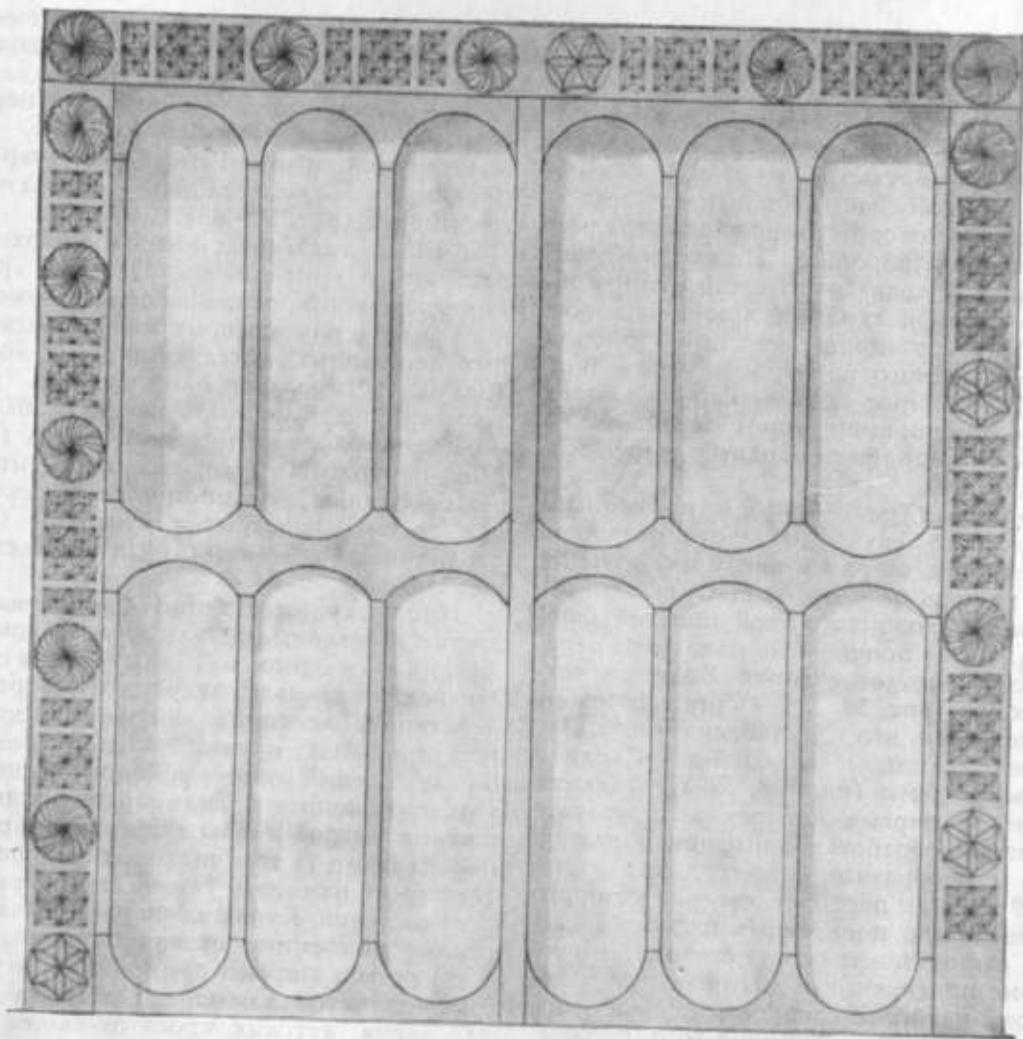
Иногда художественно обрабатывались и другие деревянные детали жилого дома. Так, например, в одном из жилых домов селения Микрах сохранилась ведущая на второй этаж деревянная лестница, боковые доски которой покрыты орнаментальной резьбой³⁴. В ряде селений горных районов можно встретить вырезанные в виде арки оконные коробки с резьбой и окна с фигурными резными переплетами (в том числе и типа «шебеке»). Нельзя не отметить также характерные для ряда селений Курахского района наборные резные подъемные ставни лоджий. Кроме того, резьба широко применялась в украшении предметов домашнего обихода — ларей для зерна, детских кроваток-люлек и т. п.

В Дагестане известно несколько видов орнамента резьбы по дереву: плетенка, геометрический, растительный, ноготки и т. д. В лезгинской резьбе по дереву основной вид орнамента — геометрический. Орнаментальная резьба в лезгинской народной архитектуре применялась в основном на столбах, подбалках, консолях карниза, воротах. В отличие, на-

По-видимому, такой тип портала в отдельных случаях заимствовался и лезгинскими мастерами. Так, в Ахтах одна из квартальных мечетей имеет резной деревянный портал с арочным проемом. Однако в отличие от табасаранских порталов коробка его покрыта резным растительным орнаментом, в который вkomпонована дата — 1307 г. хиджры (1889—1890 гг.).

³³ На одном из резных деревянных порталов в селении Гапцах на коробке имеется дата 1221 г. хиджры (1806—1807 гг.).

³⁴ Среди орнаментальной резьбы на боковой доске этой лестницы вырезана дата — 1278 г. хиджры (1861—1862 гг.).

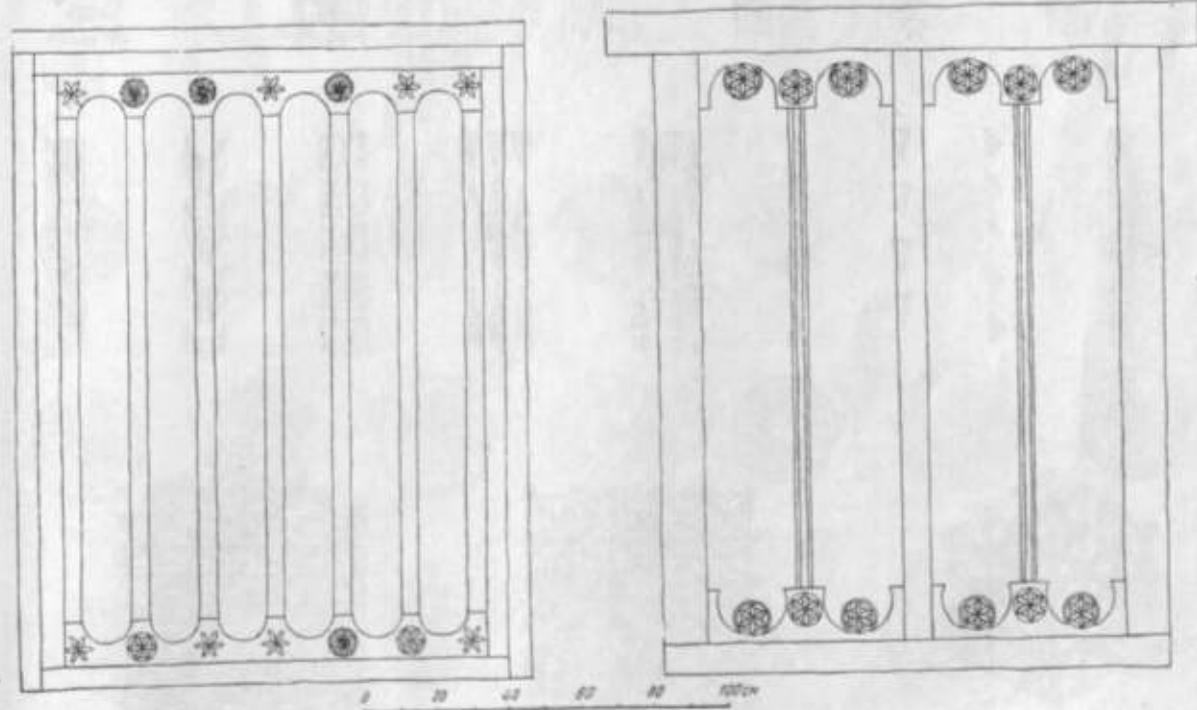
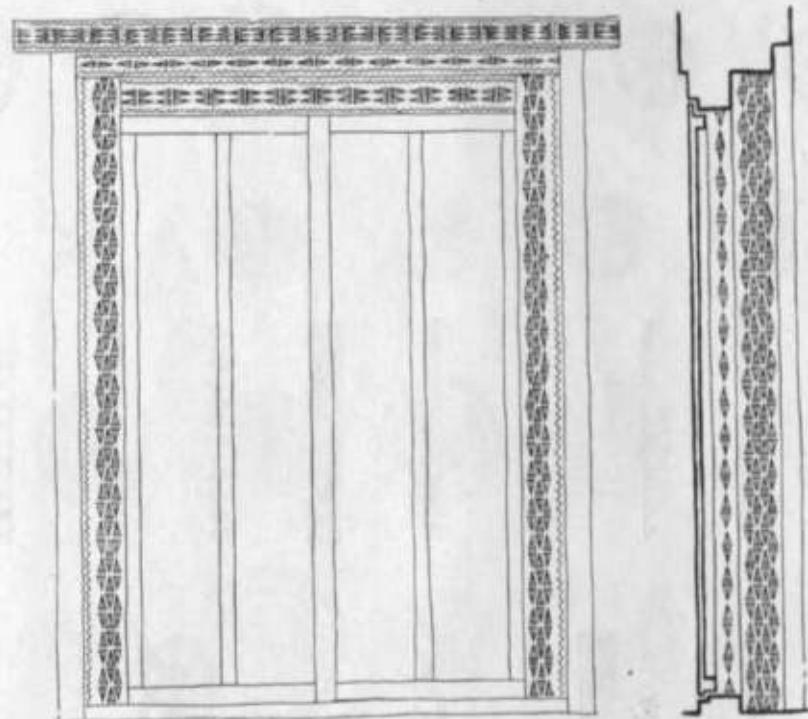

62. Деревянный портал в с. Кара-Кюре

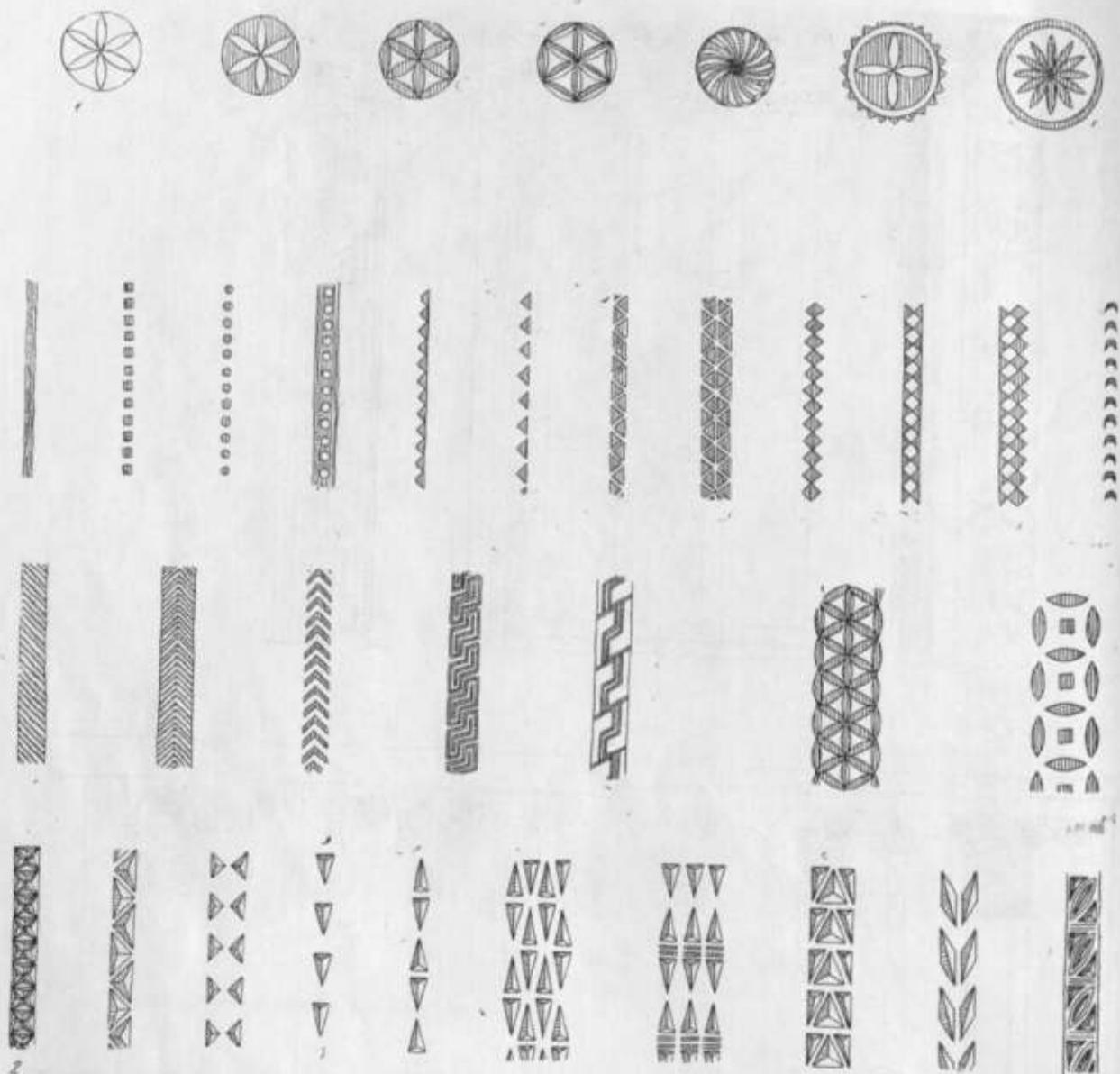
пример, от табасаранской народной архитектуры, где орнаментальной резьбой, как ковром, покрывались широкие плоскости коробок окон, в лезгинской архитектуре развился главным образом «штучный» орнамент в виде небольших орнаментальных розеток, украшающих то или иное важное в художественном отношении место деревянной детали (например, выкружку подбалки или консоли). По технике выполнения резьба обычно двухплановая, реже — контурная или коническая.

Рисунок орнаментальной розетки имеет много вариантов. Основными типами являются: четырех-, шести- или двенадцатилепестковая

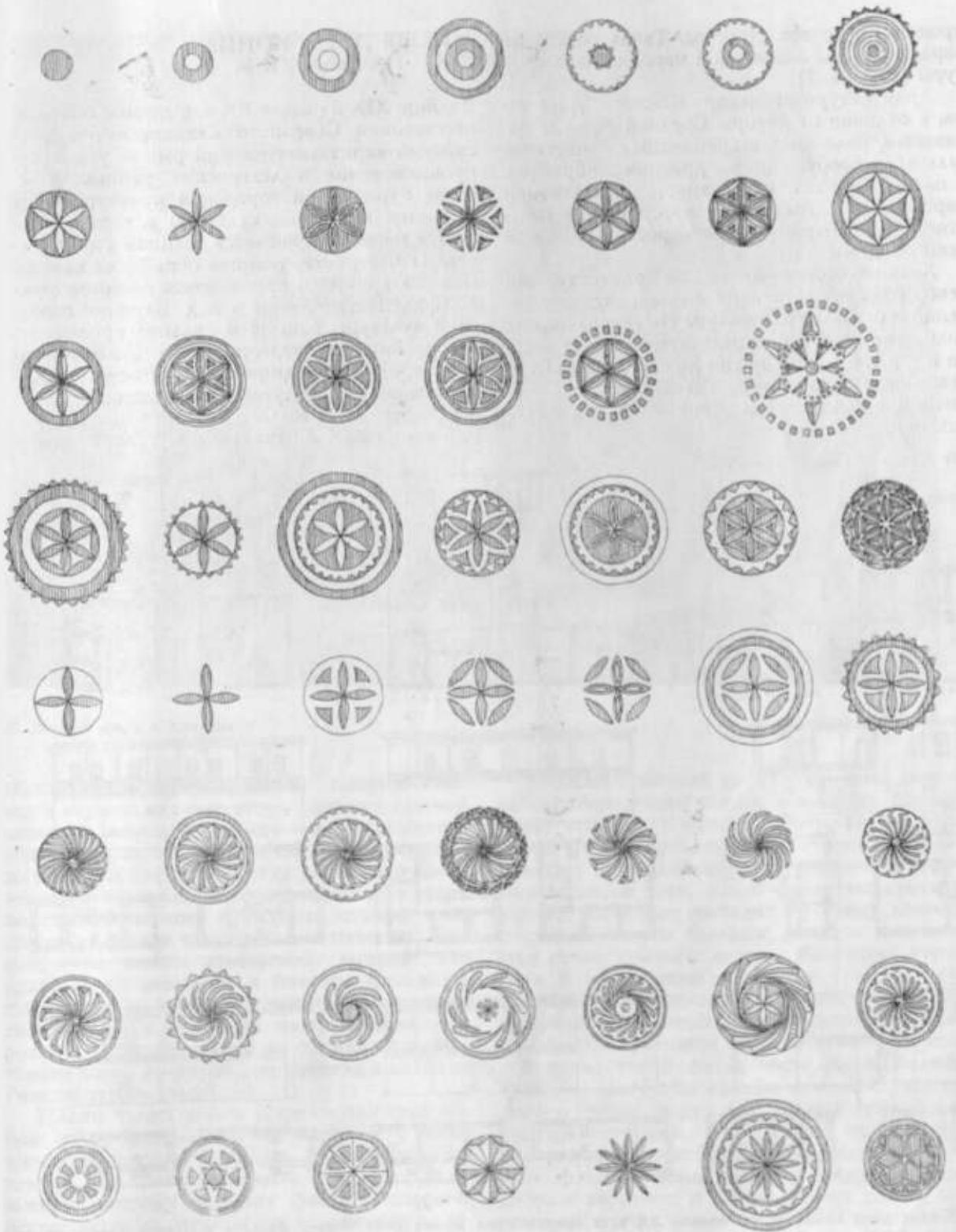
розетка, розетка со спиралевидными лепестками различной формы и розетка в виде концентрических поясков простого орнамента. Остальные варианты представляют собой усложнение и сочетание простейших типов, например, шестилепестковой розетки с концентрическими поясками и т. д. (рис. 64, 1; рис. 65). Реже применяется в лезгинской народной архитектуре орнаментальная резьба в виде поясков (линейный орнамент), состоящих из квадратов, кружочков, треугольников, ромбов и других простых геометрических фигур (рис. 64, 2). Еще реже встречается ковровая резьба, орнамент которой может быть

63. Деревянные порталы в с. Кара-Кюре

64. Орнамент резьбы по дереву:
 1 — розетки; 2 — линейный орнамент; 3 — плоскостной орнамент

65. Варианты орнаментальных розеток

продолжен во все стороны. Такая резьба не характерна для лезгинской народной архитектуры (рис. 64, 3).

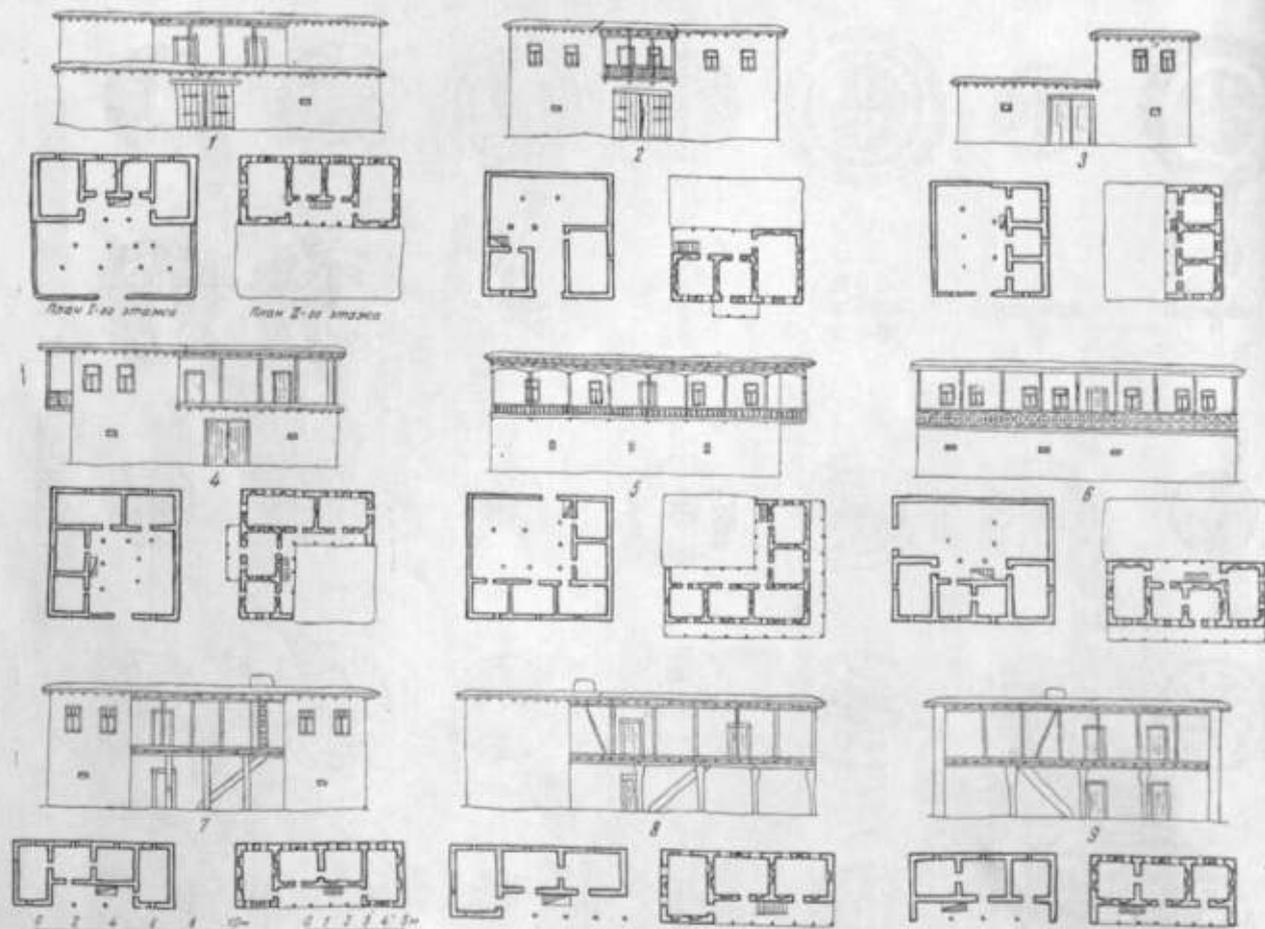
Архитектурный декор Южного Дагестана, в отличие от декора Средней Азии и Закавказья, мало имел закрепленных в монументальных сооружениях древних образцов, а постепенно изменялся вместе с развитием народной архитектуры, в которой, как известно, редко сохраняются постройки более чем вековой давности.

Хотя некоторое влияние на архитектурный декор ряда прилегающих к Азербайджану селений и оказала архитектура соседнего народа (окна типа шебеке, стрельчатые лепные ниши и т. д.), однако в целом до середины XIX в. лезгинская архитектура была глубоко самобытной, в ней нет тенденций эклектики и стилизации.

ЖИЛЫЕ ДОМА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

В конце XIX и начале XX в. в связи с быстрым втягиванием Северного Кавказа в общероссийский капиталистический рынок усилилось проникновение в лезгинские районы Дагестана буржуазной городской культуры. Под влиянием городской культуры в горах появляется мебель, улучшается техника строительства (в частности, техника обработки камня), начинают широко применяться оконное стекло, филленчатые двери и т. д. Влияние городской культуры раньше и сильнее проявилось в зоне нижних предгорий. Но влияние это не затронуло традиционной объемно-пространственной структуры жилого дома.

Общая схема жилого дома нижних предгорий конца XIX и начала XX в. такова: дом —

66. Жилые дома конца XIX — начала XX в. и современные жилые дома: схемы фасадов и планов (слева план первого этажа, справа план второго этажа). Пояснения см. в тексте

67. Жилой дом в с. Касумкент

двухэтажный, с несколькими помещениями как в первом, так и во втором этажах, причем схема планировки второго этажа обычно в общих чертах повторяет планировку первого; со стороны южного фасада дом имеет двухэтажную галерею, на которую выходят двери помещений первого и второго этажей, а на северном фасаде часто делается навесной балкон; окна жилых помещений выходят, как правило, на северный и боковые фасады; к галерее (т. е. южному фасаду) пристроен крытый двор с большими запирающимися воротами. Одним из наиболее ранних примеров такого дома является дом Бабаева в селении Гезеркент (см. рис. 6, 6).

Планы таких домов встречаются трех типов: «Г»-образные, «П»-образные и с помещениями, расположенными в ряд. Примечательно, что ориентация дома, при которой на южную сторону выходит фасад с галереей, осуществлялась неуклонно, независимо от того, как был расположен дом относительно улицы.

Комплекс жилого дома и крытого двора (пристроенного всегда к южному фасаду дома) составляет единый объем, всегда одинаково ориентированный по сторонам света. Поэтому внешний вид дома изменяется в зависимости от того, какой фасад выходит на улицу. Если дом выходит на улицу южной стороной, то его главным фасадом оказывается стена крытого двора с большими воротами и маленькими окошками (рис. 66, 1). Если же дом выходит на улицу северной стороной, то крытый двор оказывается за домом, а с улицы виден фасад с окнами на второй этаж; такой фасад часто имеет балкон (рис. 66, 2). Чтобы попасть в этом случае во двор с улицы, через дом делают проезд, закрытый воротами. И, наконец, если улица идет вдоль боковой стороны дома, то главным фасадом дома является стена крытого двора с воротами и боковая стена дома с окнами во втором этаже (рис. 66, 3). Возможен еще угловой вариант планировки жилого комплекса: крытый двор с двух сторон замы-

кается галереями дома (рис. 66, 4). В конце XIX — начале XX в. довольно широко были также распространены дома с сильно развитыми навесными деревянными балконами по северному и боковым фасадам (рис. 66, 5 и 6; рис. 67).

Дома в старом селении обычно стоят тесно (однако это относительная теснота, если сравнить ее с теснотой в горных селениях), так что приусадебных участков возле дома или совсем нет, или они очень малы. Вся жизнь семьи летом проходила на галерее жилого дома, в крытом дворике и на его крыше. Хозяйственные постройки были сведены к минимуму, и их почти полностью заменяли крытый дворик и первый этаж. В первом этаже находились помещения для скота, кладовые, зернохранилища и т. д.

Второй этаж жилого дома состоял из нескольких жилых комнат, одна из которых предназначалась для гостей (кунацкая). Комнаты, как правило, имели по два окна, выходящие на северный или боковой фасады; между этими окнами в стене устраивался камин, который уже не играл в интерьере той роли, какую в интерьерах старых домов играл угловой камин. Стенные камини различаются очертаниями проемов. Иногда над таким камином делают полочку или плоскую нишку, а перед камином устраивают небольшое возвышение (см. рис. 7, 4—6).

В горных районах, наряду с повышением общего культурного уровня населения, городская буржуазная культура способствовала упадку народных художественных ремесел, особенно в селениях, расположенных вблизи основных дорог. Именно в то время было утрачено замечательное искусство художественной обработки дерева; это больше всего отразилось на народной архитектуре тех районов Дагестана, где основным декоративным средством выразительности постройки была художественная обработка деревянных деталей. Жилые дома этих районов, построенные в конце XIX — начале XX в.³⁵, в этом отношении намного уступают домам середины и второй половины XIX в.

³⁵ В конце XIX — начале XX в. нередко дома больших зажиточных семей строились в виде каре с квадратным внутренним двором, на который выходила обходная галерея. Это, как правило, дома крупного торговца или ремесленника, причем в первом этаже такого дома делают магазины, кладовые или мастерские. Л. В. Панек описывает дома подобного типа, обследованные ею в Ахтах (построен в 1895 г.) и в Курахе (Л. В. П а н е к. Жилище лезгин, стр. 153—155). Дома такого типа обнаружены также в лакских районах.

В тех же районах, где, наряду с художественной обработкой дерева, большую роль в народной архитектуре играли каменные арочные формы, жилые дома конца XIX и начала XX в. сохранили в значительной степени традиционные приемы и формы, хотя утрата искусства художественной обработки дерева сказалась и здесь.

Характерны в этом отношении дома Зыгирбекова в селении Хрюк (рис. 68) и Магомедова в селении Курах,³⁶ сооруженные из хорошо обработанного камня и имеющие арочные порталы. В кладку фасада дома Магомедова вставлены резные камни, а на фасаде дома Зыгирбекова сделаны ряды арочных отверстий для птиц. Деревянные детали этих домов хорошо обработаны технически, но лишены декора: столбики галереи и балкона не имеют резных подбалок, консоли карниза также нерезные, вместо точеных деревянных балясин — дощатый барьер. Эти новые тенденции меньше проявились в народной архитектуре отдаленных горных селений; например, таких, как селение Маза Ахтынского района (рис. 69).

Под влиянием городской архитектуры в горах стали применять вместо полуциркулярной арки лучковую перемычку (например, портал жилого дома в с. Гапцах³⁷, входной проем и окна первого этажа в доме Галиева в Хрюке).

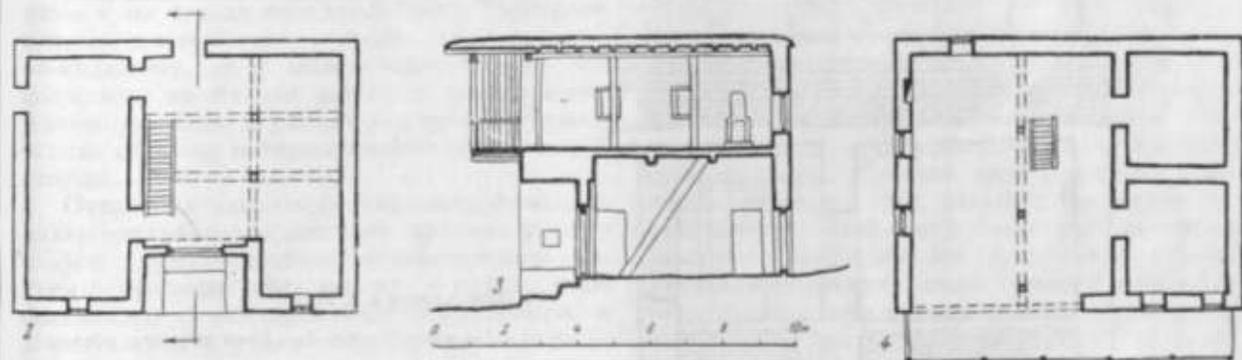
Все это привело к тому, что лезгинская народная архитектура конца XIX — начала XX в. в значительной степени утратила своеобразие³⁸, характерное для более раннего периода. Этот процесс можно проследить и в архитектуре других народов Дагестана, да и не только Дагестана.

Как же все-таки оценивать этот противоречивый процесс влияния городской культуры на народную архитектуру. Было ли это влияние только отрицательным? С одной стороны, действительно художественный уровень построек существенно понизился, пропали многие черты их национальной самобытности, все шире проникали в архитектуру

³⁶ В кладке главного фасада этого дома, справа от арки первого этажа имеется камень с орнаментальной резьбой и датой 1320 г. хиджры (1902—1903 гг.).

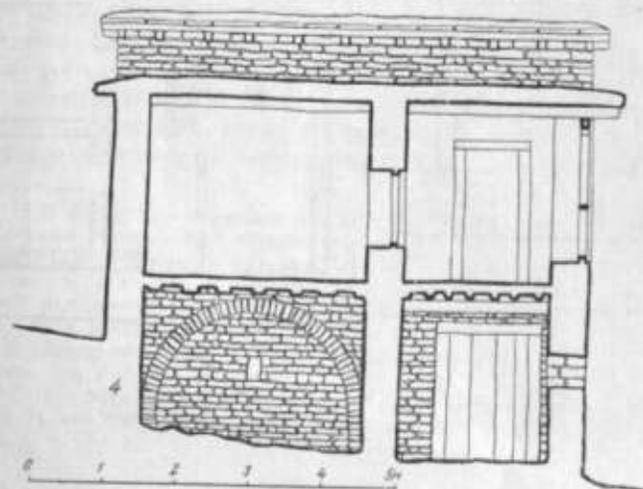
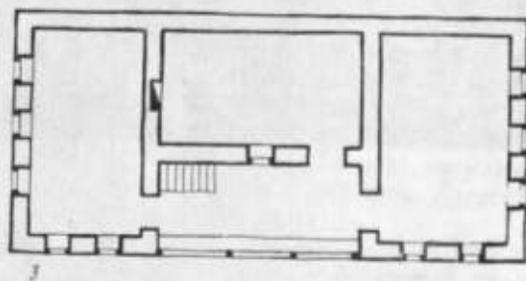
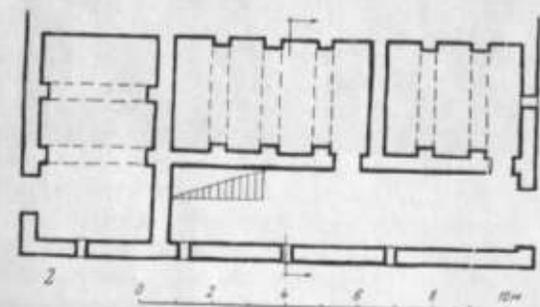
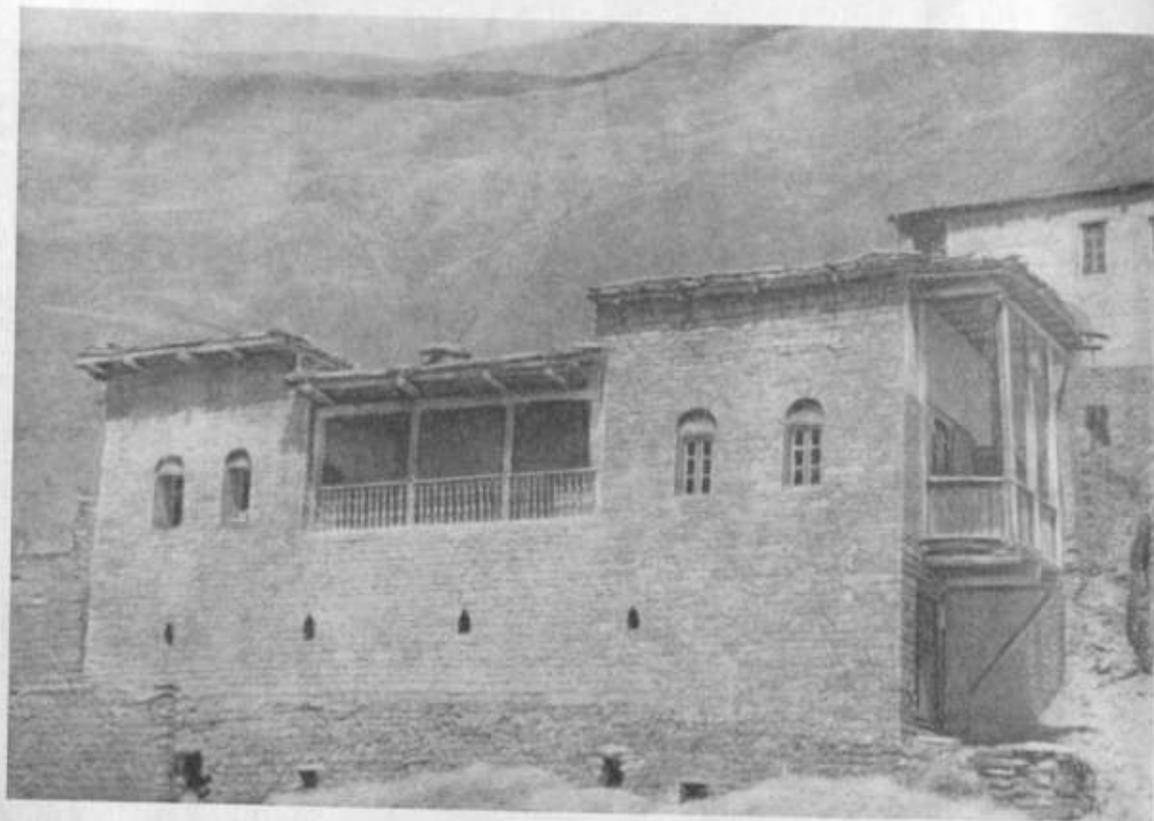
³⁷ Над дверным проемом этого портала в кладку вставлен камень с датой 1302 г. хиджры (1884—1885 гг.).

³⁸ Это отмечает и Курдов, посетивший в начале XX в. селение Мискинджа: «Мы остановились, — пишет он, — перед небольшим домиком в три окна с балконом, и, не будь у него плоской крыши, его смело можно было бы поставить в любой провинциальный русский городок» (Иллюстрированное приложение в газете «Кавказ», 1905, № 1, стр. 1).

68. Дом Зыгирбекова в с. Хрюк:

1 — общий вид; 2 — план первого этажа; 3 — разрез; 4 — план второго этажа

69. Дом Алиева в с. Маза:
1 — общий вид; 2 — план первого этажа;
3 — план второго этажа; 4 — разрез

эkleктика и стилизация. С другой стороны, в техническом, функциональном и культурном отношении в архитектуру и быт народов Южного Дагестана в этот период вошло много прогрессивного. Еще более быстрыми темпами этот процесс шел в годы Советской власти.

Строительство в сельских районах Южного Дагестана и сейчас в основном ведется силами местных мастеров строителей, без участия профессиональных архитекторов. Казалось бы, местные строители должны были бы стремиться сохранить традиционный архитектурный декор. А этого как раз и нет. По крайней мере, при обследовании 130 селений Южного Дагестана мы ни в одном из них не нашли новой постройки с традиционным декором. Лишь в одной области народного зодчества сохранился традиционный архитектурный декор — в каменных надгробиях, где до сих пор народные мастера создают превосходные орнаментальные композиции.

Новые социально-экономические условия усилили культурные связи народов Южного Дагестана. Если в середине XIX в. у каждого народа имелись свои типы жилого дома, со своими приемами композиции плана и фасада, со своими своеобразными архитектурными формами и орнаментом, то сейчас происходит процесс выработки общих приемов строительства с учетом всего лучшего, что создали в прошлом отдельные народы.

Для исследователя народной архитектуры (нам это неоднократно довелось испытать) часто бывает непонятно, почему жители старого дома не ценят его художественных достоинств. Однако в известной степени это объяснимо. Жители не воспринимают красоты старых домов, так как эти дома олицетворяют в их глазах отсталый быт. Художественные достоинства старого жилого дома, по-видимому, легче объективно оценить «со стороны», не будучи жильцом такого дома. В этом проявляется специфика архитектуры — тесная связь ее материальной и эстетической сторон.

Отказ под влиянием изменения функционально-технической основы архитектуры от старой художественно-композиционной системы приводит фактически к отказу и от связанного с ней архитектурного декора, и в результате к утрате кадров прикладников, специализировавшихся на выполнении этого декора. Такое умирание целой отрасли прикладного искусства может протекать болезненно, так как, если устаревшие конструк-

тивные и функциональные приемы заменяются более совершенными, то большую трудность представляют поиски соответствующего высокохудожественного архитектурного декора.

Во-первых, из всех видов прикладного искусства архитектурный декор является наименее самостоятельным. Он является «прикладным» в буквальном смысле этого слова и не может существовать отдельно от архитектурных произведений. Во-вторых, хотя архитектурный декор и имеет свои художественные закономерности, он в то же время является частью более сложной художественно-композиционной системы, определяющей построение архитектурной композиции здания. Причем отдельные элементы архитектурного декора занимают в этой системе вполне определенное место, выполняя тектонические или чисто декоративные функции. В-третьих, конкретные формы архитектурного декора всегда несут на себе стилевые черты определенного развития архитектуры.

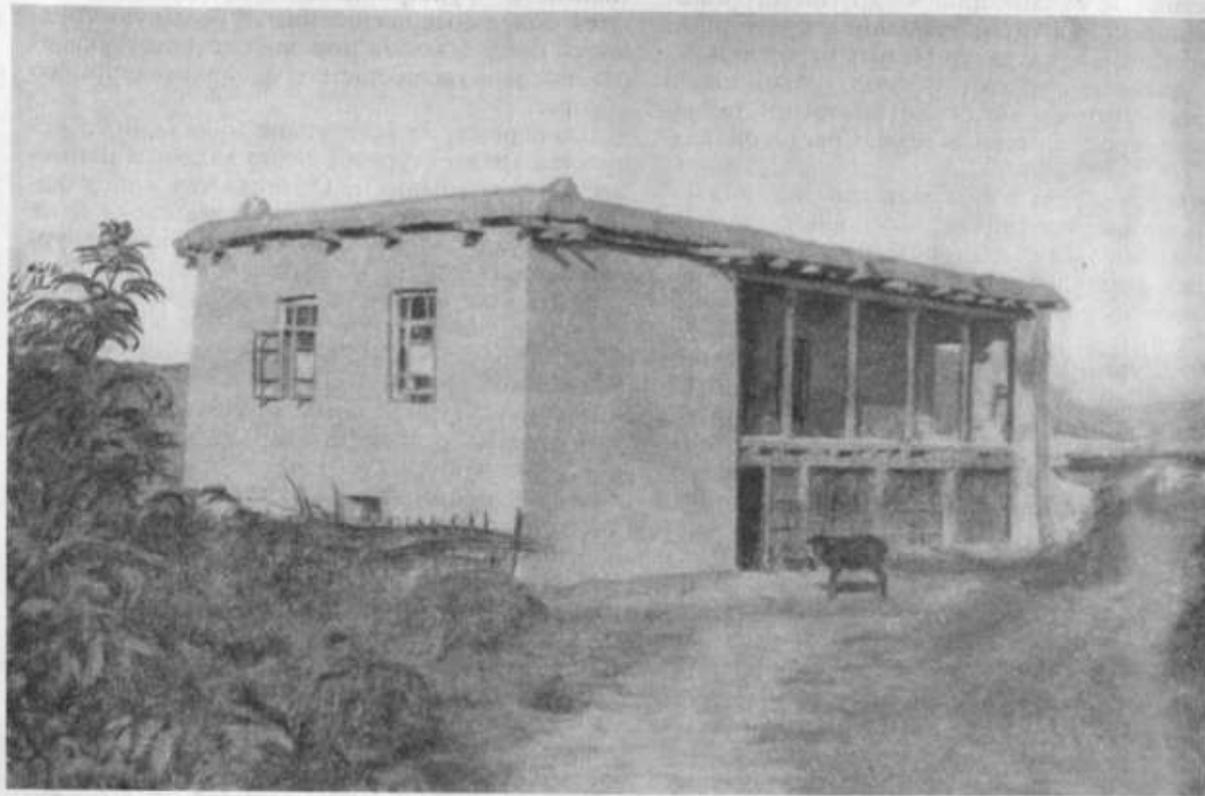
Сложность еще и в том, что художественно-композиционная система и связанный с ней архитектурный декор, возникнув на определенной функционально-конструктивной основе, могут в дальнейшем развиваться по своим закономерностям и применяться в чисто декоративных целях, «изображая» несуществующие конструктивные или функциональные элементы.

Вместе с тем было бы неправильным недооценивать те процессы, которые происходят в эстетике народной архитектуры в период быстрой ломки ее традиций под влиянием городской культуры.

СОВРЕМЕННЫЕ ЖИЛЫЕ ДОМА

В современных саманных жилых домах нижних предгорий продолжает развиваться старый тип жилого дома. С образованием колхозов отпала необходимость в большом личном хозяйстве, а следовательно, и в большом крытом дворе. Крытый двор все более уходит в прошлое. Это, казалось бы, чисто хозяйственное изменение повлекло за собой качественное изменение архитектуры дома. Устранение крытого двора привело к раскрытию самого выразительного в композиционном отношении южного фасада, с его галереями, богатой игрой светотени, резными столбиками и другими деталями.

Жилой дом из замкнутого, выходящего на улицу глухой стеной, превратился в отк-

70. Жилой дом в с. Исник

рытый и приветливый (рис. 70). Новые дома имеют большие окна и высокие потолки. В первых этажах современных домов наиболее распространены окна в виде вытянутого по горизонтали проема, имеющего деревянную коробку с вставленными в нее вертикально железными стержнями (три-четыре штуки) круглого сечения. Часто встречается и другой тип окна, в деревянную коробку которого вставлены две металлические полосы с отгибами в стороны в виде острых шипов (рис. 71). По конфигурации плана новые дома, как и старые, встречаются «Г»-образные, «П»-образные и прямоугольные (см. рис. 66, 7-9). У боковой стены дома часто устраивают небольшой навес над очагами, в которых пекут чуреки и лаваш, — это все, что осталось от когда-то громоздкого крытого двора.

Кроме галерей, широкое распространение в новых домах получили также навесные балконы, детали которых часто украшают резьбой, особенно если дом выходит на улицу северной или боковой стороной; в таких домах балконы с резными столбиками и ба-

лясынами могут занимать весь северный фасад или обходить вокруг дома по двум, а то и по трем сторонам. Много подобных домов с балконами имеется в селениях Шихикент и Касумкент. Современное селение зоны нижних предгорий характеризуется обилием галерей и балконов.

Советская власть неизменно изменила и самые отдаленные, в прошлом почти недоступные, горные аулы. Новая социалистическая культура и колхозный строй оказали большое влияние на быт горцев³⁹. Изменились планировка и внешний облик жилого дома. Новые дома стали открытыми и приветливыми, с большими окнами, обилием галерей, лоджий и балконов. Современное жилище горных районов — это обычно двухэтажный жилой дом с хозяйственными помещениями в первом этаже и жилым во втором.

Планировка второго этажа современного жилого дома отражает повывсившиеся запро-

³⁹ Дм. Трунов. В горах Дагестана. М., 1958, стр. 277.

сы колхозников. До революции различные по назначению помещения встречались в основном в богатых домах, в то время как бедняки имели чаще всего одну-единственную комнату, служившую одновременно и кладовой, и кухней, и мастерской кустара. В настоящее время большая часть домов имеет на втором этаже по несколько комнат различного назначения, среди которых спальня, кунацкая, кухня, кладовая, уборная и т. д.

Широкое распространение получил дом с большой лоджией, которая занимает по фасаду весь второй этаж или же часть его, причем такой дом часто имеет арочные окна и арочный портал. Распространен также тип дома с навесным балконом, имеющий несколько вариантов в зависимости от планировки помещений первого и второго этажей и композиции фасада. Интересен вариант со строго симметричной композицией фасада: в центре первого этажа — арочный входной портал, ведущий в коридор (откуда лестница ведет во второй этаж); по сторонам от него — небольшие узкие окна, освещающие хозяйственные помещения первого этажа; в центре второго этажа — небольшой балкон, а по бокам — окна жилых комнат. Вторым вариантом — это дом, у которого балкон занимает большую часть второго этажа, а первый и второй этажи не связаны между собой внутри дома; на второй этаж такого дома попадают по деревянной лестнице через балкон, куда выходят двери жилых комнат. Иногда балкон занимает весь второй этаж главного фасада или обходит вокруг дома.

В ряде горных селений существуют местные приемы устройства балконов современного жилого дома. Так, в селении Куруш углы балкона, который занимает весь главный и боковые фасады жилого дома, срезают под углом 45°; в селении Микрах кровля балкона делается наклонной и располагается ниже плоской кровли всего дома; в селении Гоган столбики балконов имеют оригинальные, вырезанные из дерева кронштейны в виде стилизованных лебедей, коней и т. д. Широко распространены в настоящее время в лезгинской народной архитектуре и жилые дома с галереями, особенно в селениях, расположенных в долине реки Самура. Галерея занимает центральную часть симметричного фасада или весь фасад дома.

В современных жилых домах используют достижения народных мастеров-строителей прошлого в области создания арочных форм. В горных районах, где основным строительным материалом служит камень, дома и те-

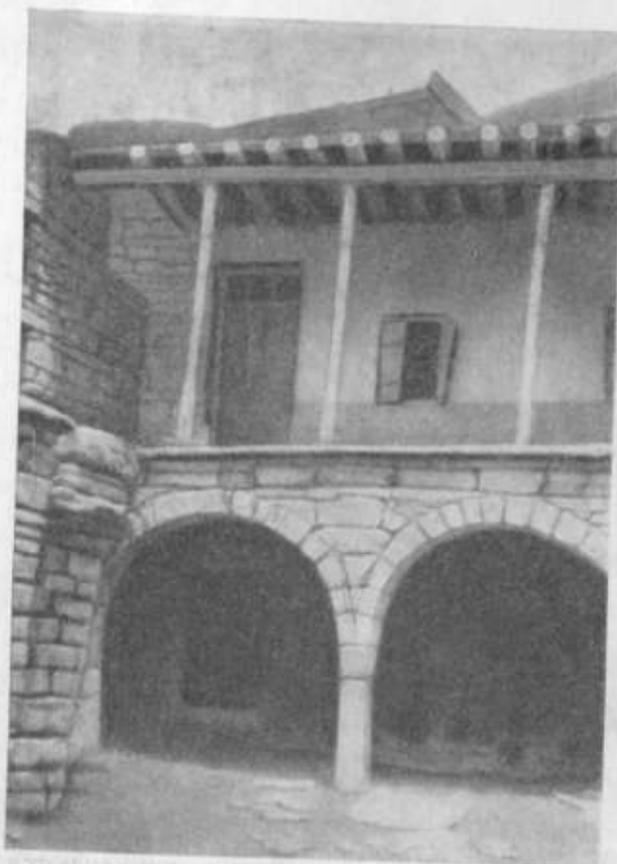

71. Окно первого этажа современного жилого дома в с. Исник

перь строятся с арочными конструкциями перекрытий и в них широко применяются арочные окна, арочные порталы, аркада, арочный декор.

Одним из наиболее интересных, с архитектурно-художественной точки зрения, типов современного жилого дома является дом, галерея которого имеет аркаду в первом этаже (рис. 72). Такие дома типичны для современного жилого строительства агульских селений, поэтому они встречаются главным образом в лезгинских селениях Курахского района (в частности, в Шимижуре), граничащих с селениями агулов.

Фасады домов с аркадой имеют четкое поэтажное членение, которое еще больше подчеркнуто применением двух различных тектонических систем — арочной в первом этаже и стоечно-балочной во втором. Внешний облик дома с двухэтажной галереей как бы наглядно отражает конструктивную основу домов горной зоны, первый этаж которых перекрыт арочными конструкциями, а перекрытия второго этажа балочные, иногда поддерживаемые деревянными столбами. Простейшим с композиционной точки зрения типом фасада жилого дома с двухэтажной галереей и аркадой по первому этажу является фасад,

72. Дом в с. Шимхиюр

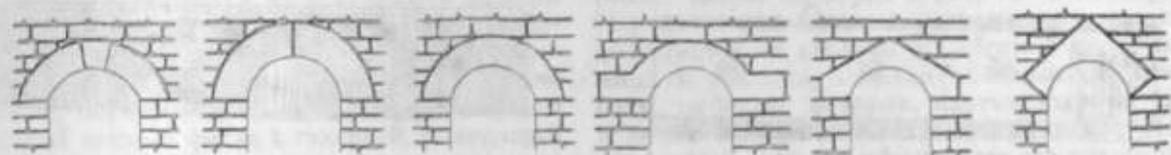
73. Окно жилого дома в с. Кочхиюр

оба этажа галереи которого ничем не ограничены с боков. Такой фасад может быть безгранично продолжен в обе стороны и является как бы частью бесконечной метрической системы. Имеются дома, где галерея второго этажа ограничена с одной или с двух сторон каменными стенками, что влечет за собой уширение крайних столбов аркады первого этажа. Фасад таких домов более закончен по композиции, особенно если аркада первого этажа галереи состоит из нечетного числа арок (3,5) и в центре композиции фасада дома оказывается не столб, а арка. Еще более законченный характер имеют композиции фасадов жилых домов, где галерея второго этажа ограничена с одной или с двух сторон широкими стенками.

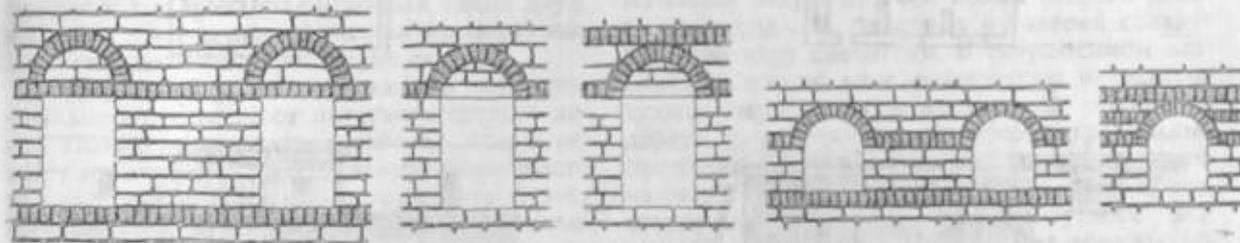
Встречаются современные жилые дома без лоджий, балконов и галерей, где основными средствами выразительности фасада являются арочные порталы, арочные окна (рис. 73) или окна с фигурными переплетами. Форма ароч-

ного проема вызвала подражание ей в архитектурном перекрытии. Интересно отметить, что арочные формы архитрава, т. е. проемы с ложными арками, встречаются чаще всего не в селениях горной зоны, где полуциркулярная арка имела широкое применение, а в селениях предгорной зоны или в тех горных районах, где арка как конструкция в прошлом не применялась и где народные мастера-строители восприняли чисто декоративную сторону арочной формы. Так, например, окна современных жилых домов в селениях бывшего магала Чиле (Докузпаринский район) часто имеют перемычку из одного камня, вырезанную в форме арки⁴⁰; иногда такие перемычки делают из двух или трех больших камней (рис. 74). В одном из этих селений (с. Филя)

⁴⁰ В с. Филя в одном из жилых домов арочный проем перекрыт каменной перемычкой лучковой формы, причем на камне имеется дата 1334 г. хиджри (1915—1916 гг.).

74. Арочные перемычки в с. Филя

75. Арочные окна в с. Филя

применен интересный декоративный прием обогащения фасадов жилых домов: на фоне желтовато-коричневых стен резко выделяются арочные обрамления окон и соединяющие их горизонтальные пояски, выложенные из серовато-зеленого камня (рис. 75).

В настоящее время все больше домов строится из хорошо обработанного тесанного камня, что повышает их художественные достоинства.

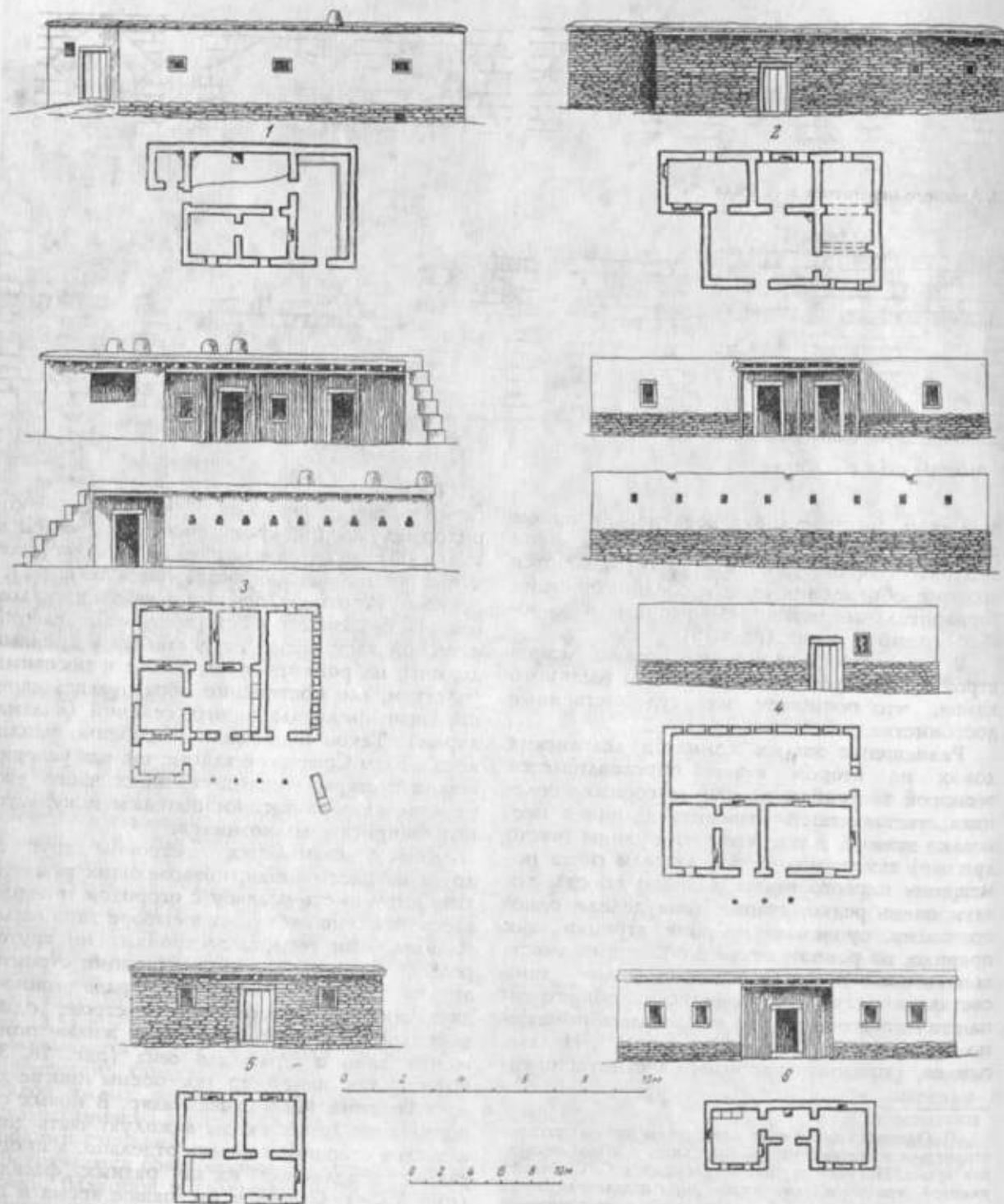
Размещение жилых комнат в лезгинских домах на втором этаже обуславливается теснотой застройки в старых горных селениях, заставлявшей возводить здания в несколько этажей, и тем, что узкие улицы (часто крытые) почти полностью лишали света помещения первого этажа. Однако иногда, хотя и очень редко, старые дома делали одноэтажными, причем такие дома строили, как правило, на ровном месте с обширным участком земли. Эти одноэтажные жилые дома составляют как бы разновидность общего типа старого дома, только жилье здесь помещено не над хлевом, а рядом с ним⁴¹. Нельзя, однако, признать удобным в санитарно-ги-

гиеническом отношении то, что в общий коридор, служащий, кроме того, еще кухней и кладовой, выходит как двери жилых комнат, так и помещения для скота (рис. 76, 1 и 2).

Как уже отмечалось выше, еще в прошлом веке часть хозяйств из старых горных селений с тесной застройкой переселялась в речные долины, на ровные места, ближе к посевным участкам, где постепенно образовались своеобразные филиалы горных селений («казмаллары»). Такое переселение особенно усилилось в годы Советской власти, так как условия жизни в старых тесных селениях часто уже не отвечают возросшим бытовым и культурным запросам колхозников.

Дома в казмаларах построены друг от друга на расстояниях, позволяющих каждому хозяйству иметь усадьбу с огородом и садом; здесь ничто не связывает в выборе типа жилого дома — ни теснота застройки, ни крутой рельеф. В таких условиях народные строители часто отказываются от традиционного двухэтажного жилого дома и строят одноэтажный дом, располагая рядом жилые помещения, хлев и сарай для сена (рис. 76, 3). Именно так, например, построены многие дома в селении Микрах-Казмалар. В новых одноэтажных домах входы в жилую часть дома и в хлев стараются делать отдельно, а иногда даже располагают их на разных фасадах (рис. 76, 4). Строят в настоящее время и небольшие одноэтажные дома, состоящие лишь из жилых помещений (рис. 76, 5 и 6), причем, если дом расположен на крутом склоне, то его возводят на каменном цоколе, чтобы сте-

⁴¹ Одноэтажные жилые дома стали широко распространяться в лезгинских районах лишь в самое последнее время. Поэтому трудно согласиться с С. С. Агашириновой, что лезгинские жилые дома издавна делались на два основных типа: одноэтажный и двухэтажный (С. С. Агаширинова. Очерки материальной культуры лезгин..., стр. 259). Одноэтажный дом когда-то, по-видимому, предшествовал двухэтажному, но затем был вытеснен им и уже не являлся одним из основных типов, хотя такие дома и продолжали строить.

76. Одноэтажные жилые дома (фасады, планы):

1 — с. Мака; 2 — с. Смугул; 3 — с. Микрах-Казмалар; 4 — с. Микрах-Казмалар (1940 г.); 5 — с. Смугул (1938 г.); 6 — с. Гапцах (1940-е годы)

ны жилых помещений на всю высоту находились выше уровня земли. Один из таких домов построен недавно в том же селении Микрах-Казмалар. Дом расположен на крутом склоне, обращенном к северу; поэтому его главный южный фасад с галереей, выходящий на улицу, получился одноэтажным, в то время как северный фасад — двухэтажный, и с его стороны устроен вход в первый этаж, предназначенный для скота. В этом доме удачно сочетаются старая, традиционная схема двухэтажного жилого дома и полная изоляция жилых комнат от помещений для скота.

Интерьер современного жилого дома значительно отличается от интерьера старого дома. Появилась городская мебель, ковры вешают на стену. Сидят в новых домах часто уже на стульях. Повышение горизонта зрения потребовало больше пространства над головой сидящего человека и традиционная конструкция перекрытия была упразднена; ненужным стало и горизонтальное членение стены карнизом; камин уже не играет той

роли, какую он играл в старом интерьере. Парадность комнаты в современных домах достигается не столько обработкой стен, камин и потолка, сколько обстановкой комнаты, мебелью, коврами, картинами и т. д. В домах появилось электричество, радио. Изменяется быт горца, повышается его культура. Все это повлияло и на характер интерьера жилого дома.

Внешний облик современного жилого дома более открытый, чем облик старого дома. Обилие лоджий, балконов и галерей создает богатую игру светотени. В современном лезгинском жилом доме совершенно не используются приемы художественной обработки дерева, выработанные мастерами-строителями прошлого. Правда, в некоторых домах встречаются резные деревянные детали, но прототипом для такого рода архитектурных элементов чаще всего служат плохие образцы городской архитектуры конца XIX — начала XX в., а не высокохудожественные образцы народного зодчества прошлого.

ИНЖЕНЕРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

ДОРОГИ И ПОДПОРНЫЕ СТЕНКИ

В горных районах Дагестана всегда имели большое значение дороги, связывавшие отдаленные селения между собой, а также с торговыми и политическими центрами. В предгорных районах дороги как таковые в прошлом не сооружались, потому что в этом не было необходимости ни по условиям рельефа, ни по виду преобладавшего транспорта. В горах же приходилось на значительных участках строить проезжие пути. Большой частью сообщение между отдельными горными селениями осуществляется по речным долинам и ущельям, реже — через горные перевалы. В первом случае дороги идут, как правило, вдоль одного из склонов речной долины.

Ф. И. Гене, описывая в 1830-х годах пути сообщения в горном Дагестане, писал, что горцы «смело проходят по таким местам, которые для нас кажутся совершенно неприступными, но невзирая на то, жители западной части Дагестана зимою не могут пользоваться всеми сообщениями, возможными для них в летнее время, по причине глубоких снегов и жестоких метелей»¹.

Несмотря на сложные природные условия сообщение между селениями в горных районах было хорошо налажено. Это отмечает, например, Н. Воронов, который писал, что «естественные преграды, положенные здесь природою для разобщения людей», не мешают горцам общаться «не в пример легче, чем, например, живущие в наших равнинных или степных деревнях русские поселяне», хотя «здесь всякий переход из аула в аул, от общества в общество — своего рода подвиг,

риск и во всяком случае большой труд, а между тем, общение замечательное»².

В тех местах, где склон становится слишком крутым, его с одной стороны дороги подрезают, а с другой — часто сооружают подпорные каменные стенки. Если склон становится еще более крутым, то дорогу вырубают прямо в скале. Наконец, в тех случаях, когда дорога идет вдоль ущелья с почти отвесными обрывами, в скале пробивают достаточно глубокие отверстия на расстояниях около 1 м друг от друга и вставляют в них короткие бревна. По этим консолям делают настил из жердей, на который укладывают сплетенные из прутьев маты. Иногда всю эту конструкцию засыпают в гору, устраивали лестницы из каменных плит.

«Забота о дорогах, — пишет Х. М. Хашаев, — была обязанностью сельской общины, ремонт дорог или устройство новых дорог начинали по решению джамаата (сельского схода — С. Х.)... Следы старых дорог остались на многих скалах и утесах, напоминающая о титанической работе наших предков, которые, борясь с суровой природой, прокладывали дороги для выхода на широкие просторы плоскостного Дагестана, Северного Кавказа и Закавказья»³.

Внутри горных селений также часто приходилось искусственно сооружать дороги, идущие вдоль крутых склонов. В таких случаях строили подпорные стенки. В качестве примера можно привести подпорную стенку из селения Маза (рис. 77), в которой устроены разгрузочные арки (глубиной 70 см, пролетом 250—290 см).

¹ Н. Воронов. Из путешествия по Дагестану. — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 3, 1870, стр. 19.

² Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, стр. 110.

77. Подпорные стенки в с. Маза

¹ Ф. И. Гене с. Сведения о горном Дагестане. 1835—1836 г. — В кн.: «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», М., 1958, стр. 347.

Общая длина этой подпорной стенки более 20 м, высота до 4,5 м.

Иные конструкции применены при сооружении дороги в селении Кочкюр. Там полотно дороги поддерживается не сплошной подпорной стенкой, а отдельными контрфорсами, на которые сверху уложены последовательно: бревна, каменные плиты и слой земли. Есть такие подпорные стенки и в с. Маза. Иногда сплошные контрфорсы заменяются отдельно стоящими каменными столбами, но такая конструкция встречается редко.

Подпорные стенки в Дагестане (в том числе и в лезгинских районах) устраивались также и при «строительстве» полей. «Часто можно было видеть, — пишет К. М. Курдов, — на отвесном откосе горы искусственные подпоры из камня, в виде стены, а поверх их колышущееся поле, и все это устроено после нескольких лет упорной работы при помощи только лопаты и заступа. Сначала втаскиваются наверх камни, и из них складываются подпоры; когда это готово, надо удобрить почву, и вот начинается адски тяжелая работа: нагружаются ослы с корзинами через спину черноземом, и сам горец им в помощь, набрав в ведра чернозема, втаскивает его по крутой тропинке наверх; подобная операция продолжается до тех пор, пока все ровное пространство на откосе, укрепленное подпорами, не будет удобрено более или менее порядочно. Наконец, поле готово, засеяно, начинает показываться уже и первая травка, а там заколосится и хлеб. С благоговением взирает горец на плоды от трудов рук своих, и в его душе воскресают надежды на лучшее будущее. Но вот пронесется гроза с ливнем над злополучным местом; вода сделала свое дело: от цветущего поля остались только жалкие остатки разрушения, все смыто вниз, в долину»⁴.

МОСТЫ И АКВЕДУКИ

В условиях сильно пересеченной местности и при большом количестве горных рек неотъемлемой частью дорожного строительства в Дагестане является сооружение мостов, в строительстве которых (так же, как и дорог) обязаны были участвовать все жители селений или «вольного общества»⁵.

⁴ Иллюстрированное приложение к газете «Кавказ», 1905, № 1, стр. 1.

⁵ Р. Г. Маршаев. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного общества»... — Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. III. Махачкала, 1957, стр. 113.

Мосты строили на горных дорогах, где они служили транспортным целям, а также внутри селений, здесь мосты имели большое значение и в обороне аулов.

Как отмечалось выше, арочные конструкции в горных районах Дагестана стали широко применяться лишь в XIX в., хотя их появление следует отнести к значительно более раннему периоду. Народные мастера-строители далекого прошлого не применяли для строительства мостов арочные формы.

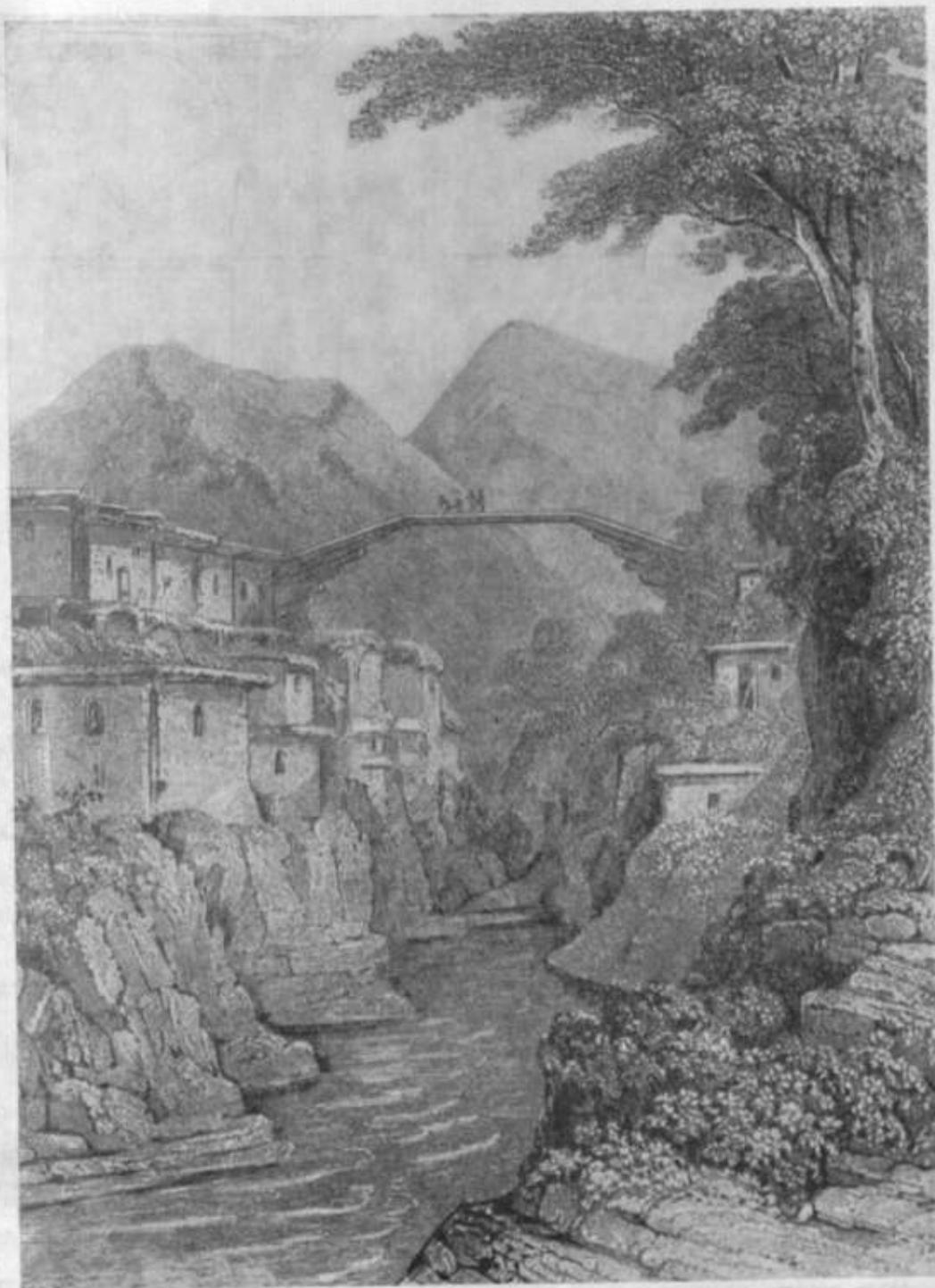
При сооружении мостов требовалось, как правило, перекрывать глубокие горные ущелья одним пролетом, без промежуточных опор. В Дагестане еще в глубокой древности была выработана оригинальная конструкция деревянного моста, позволяющая перекрывать одним пролетом реки и ущелья шириной до 20 м. Конструкция такого моста состояла из двух встречных консолей и перекинутых между ними балок. Консоли представляли собой сложные сооружения из 5—10 рядов толстых бревен, выпущенных друг над другом под углом 20—25° к горизонту. Ряды были разделены между собой поперечными прокладками. Заделка консолей на опорах осуществлялась путем закрепления их в вырытых на берегах ямах, заваленных сверху камнями.

Сейчас таких деревянных мостов сохранилось мало. Однако еще в прошлом веке подавляющее большинство мостов в горных районах Дагестана было деревянными. На одной гравюре XIX в. (рис. 78) изображен такой мост в ауле Ахты (через реку Ахты-Чай). Мост имеет значительный пролет (около 15 м) и господствует над прилегающей к нему жилой застройкой. Мост на этом месте существовал и в XVIII в. В отношении к 1796 г. «Описании южного Дагестана» Ф. Ф. Симоновича говорится, что селение Ахты «лежит по обеим сторонам реки Ахты-Чая, ...посредством моста чрез Ахты-Чай имеет сие место (селение — С. Х.) взаимное сообщение»⁶. В первой половине XIX в., как сообщает Ф. И. Гене, почти у каждого селения, расположенного в бассейне Самура, имелись «небольшие худо построенные деревянные мостики»⁷.

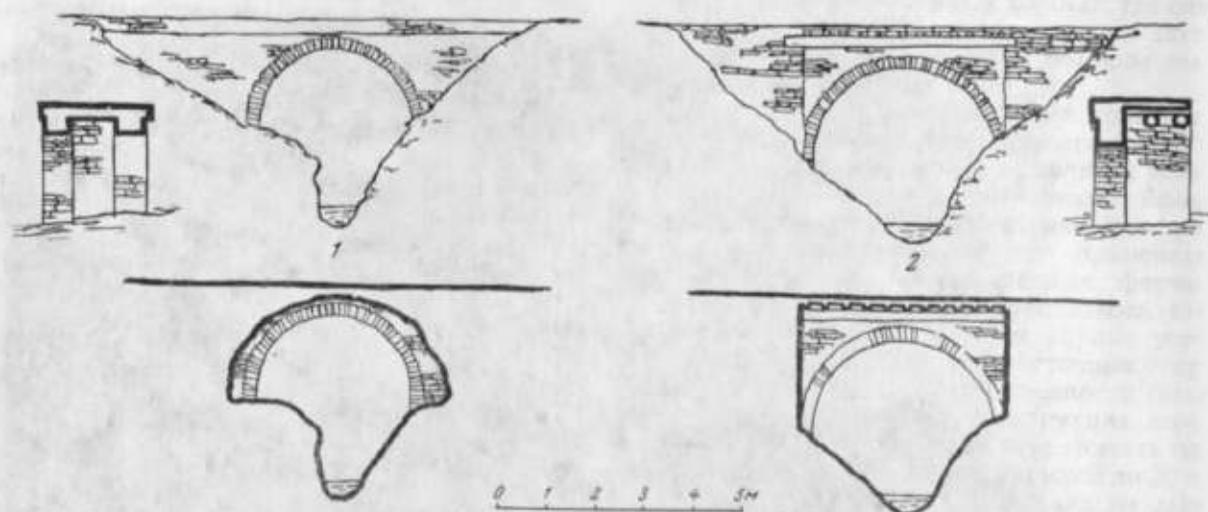
По аналогии с междуэтажными арочными перекрытиями, конструкции некоторых каменных мостов состоят из двух параллельных арок, по которым и устроен настил из каменных балок и плит. Именно такую конструкцию имеет мост в селении Маза (рис.

⁶ «История, география и этнография Дагестана» М., 1958, стр. 150.

⁷ Там же, стр. 342.

78. Мост в с. Ахты (гравюра XIX в.)

79. Мосты в с. Маза (фасады, продольные и поперечные разрезы).
Пояснения см. в тексте

79, 1), пролет которого равен 3,5 м, а общая ширина настила — 2,15 м. Другой мост в том же селении Маза имеет только одну арку, параллельно которой на мостовые устои уложены две бабки круглого сечения (рис. 79, 2).

Каменные мосты с одной или двумя параллельными арками теперь встречаются редко. Сейчас наиболее распространена конструкция мостов, где пролет перекрыт единой аркой-сводом. Такие мосты в большом количестве строились уже в XIX в. и продолжают строиться в настоящее время в селениях и на горных дорогах Дагестана (в том числе и в районах, населенных лезгинами).

Арочный пролет моста обычно имеет полуциркулярное очертание, однако (хотя и сравнительно редко) встречаются мосты со стрельчатым сводом (мост в Курахе — пролет 9 м).

Большая часть мостов имеет весьма скромные размеры, их пролет обычно равен 3—6 м. Есть мосты и с меньшими пролетами (селение Урсун). Нередко мосты украшаются декоративным карнизом на каменных консолях или традиционной прямоугольной нишкой вокруг арочного пролета (рис. 80). Однако встречаются мосты и более значительных размеров, многие из которых являются выдающимися произведениями строительного искусства народных мастеров.

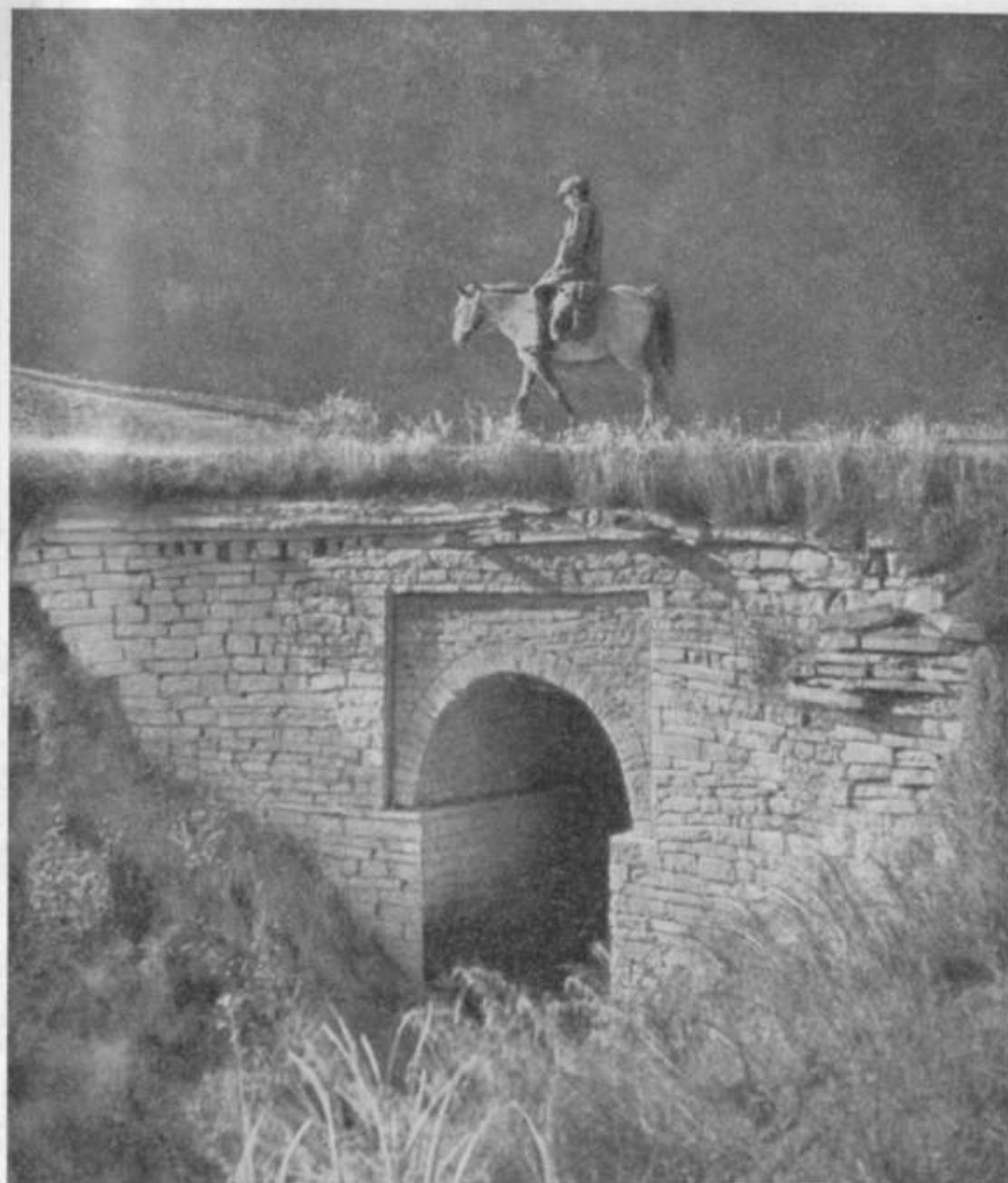
Один из таких мостов вблизи селения Мискинджи описывает в своей статье

К. М. Курдов, посетивший лезгинские районы в начале нашего века: «Через несколько времени показался огромный каменный мост, перекинутый на скалах через ущелье... Меня поразила прочность и солидность постройки: видно было, что здесь много положено труда, денег и изобретательности. Внизу с страшной силой мчит поток... при сильных ливнях, как мне передавали, были случаи, что вода шла поверх моста, а мост все-таки стоит...»⁸.

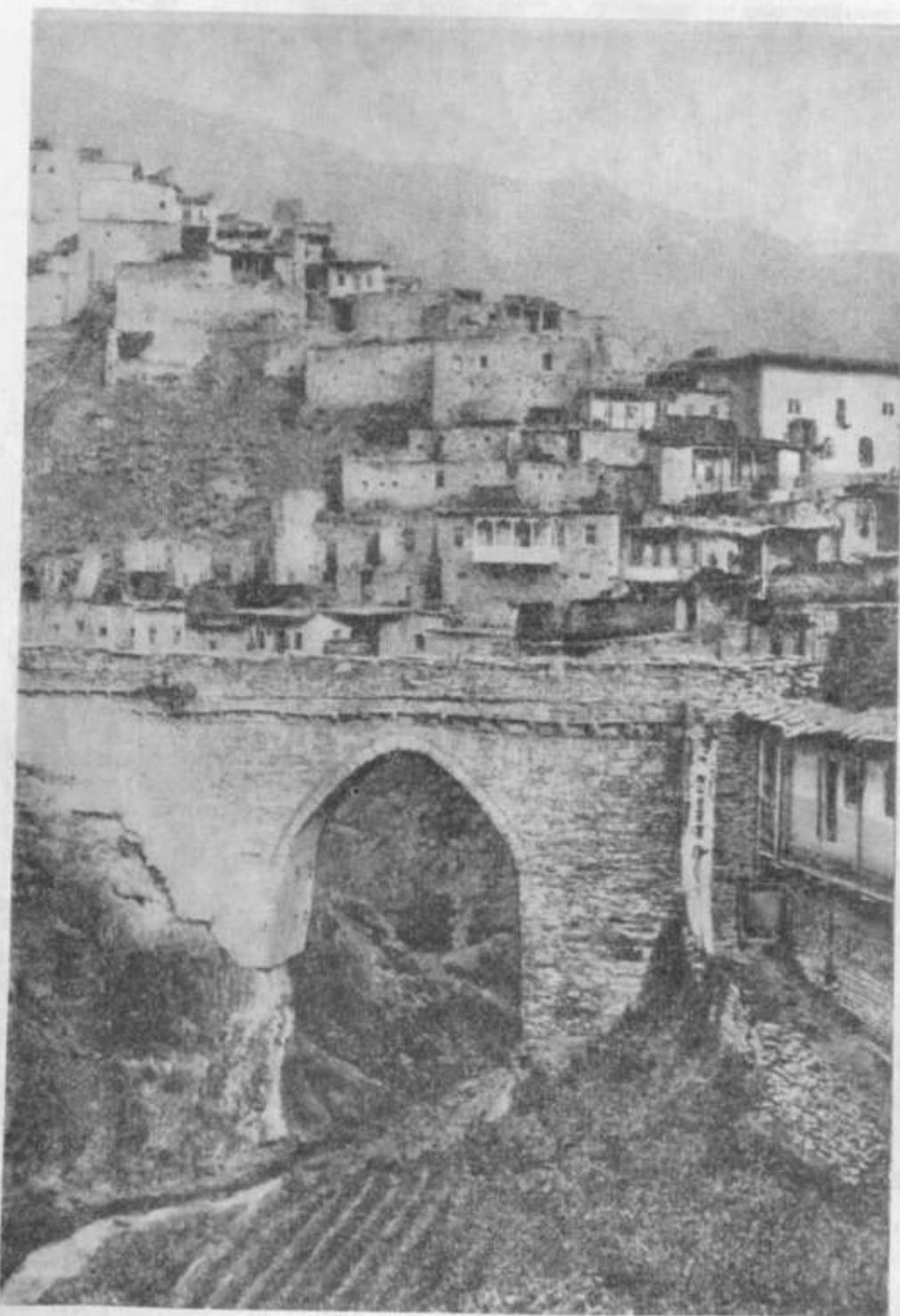
Крупные арочные мосты сохранились в аулах Кочхюр и Ахты. Старая часть селения Кочхюр окружена горными речками, через которые перекинуто шесть арочных мостов, построенных еще в прошлом веке. Арки одних из этих мостов имеют правильное полуциркулярное очертание, арки других — более сложной формы, приближающейся к стрельчатой (рис. 81). Наибольший интерес представляет мост, у въезда на который сооружен небольшой мавзолей, составляющий с мостом единую композицию. Общая высота этого моста 8 м, пролет 3,5 м, ширина более 3 м. Фасад моста украшен поясками, карнизом на каменных консолях и декоративной нишкой (рис. 82).

В 1920-е годы в селении Ахты, на месте, где раньше существовал деревянный мост (рис. 78), мастером Идрисом Шамхаловым из селения Кака был сооружен каменный

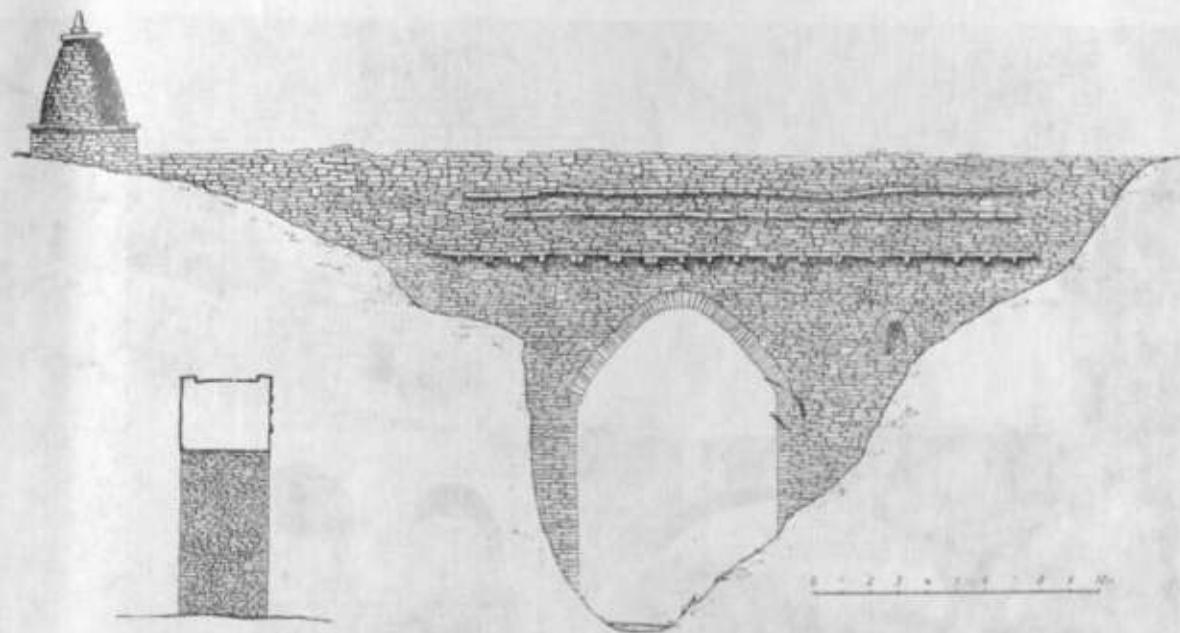
⁸ К. М. Курдов. Указ. соч., стр. 2.

80. Мост на дороге между селениями Филя и Гапцах

81. Мост в с. Кочхюр

82. Мост в с. Кочхюр

мост, являющийся замечательным произведением народной лезгинской архитектуры (рис. 83). Л. Б. Панек сообщает, что тщательная обработка камня с помощью зубила и молотка (из такого камня выстроен ахтынский мост) получила в лезгинских районах распространение лишь с 1910 г. и что Идриса Шамхалова научил этому искусству бакинский мастер Бейдулла Эмир Алиев⁹. Пролет моста равен 14,4 м, высота около 11 м, ширина — почти 5 м. Мост сложен из хорошо обработанного песчаника на известковом растворе. Красив по очертанию и пропорциям арочный пролет моста, строго полуциркулярный по форме и обрамленный своеобразным архивольтом.

Монументальность этого рекордного по пролету для Южного Дагестана арочного моста умело подчеркнута сопоставлением основной арки с декоративным аркатурным поясом, оформляющим внешнюю сторону парапета. Детали этого аркатурного пояса

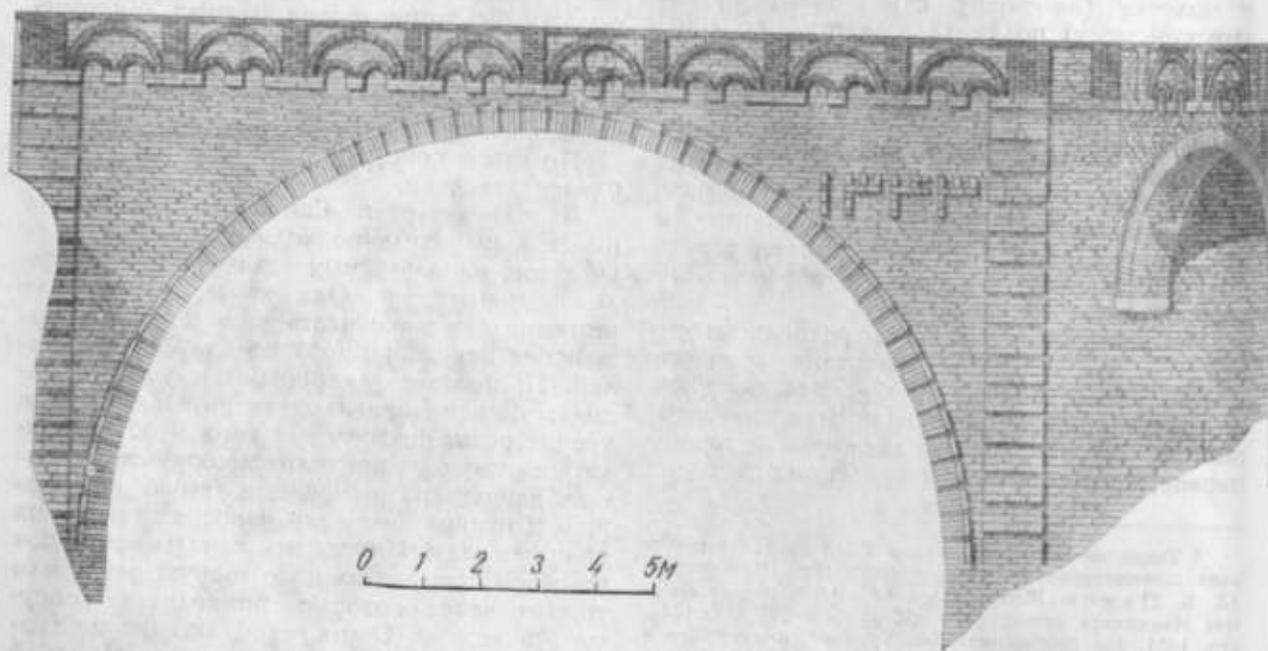
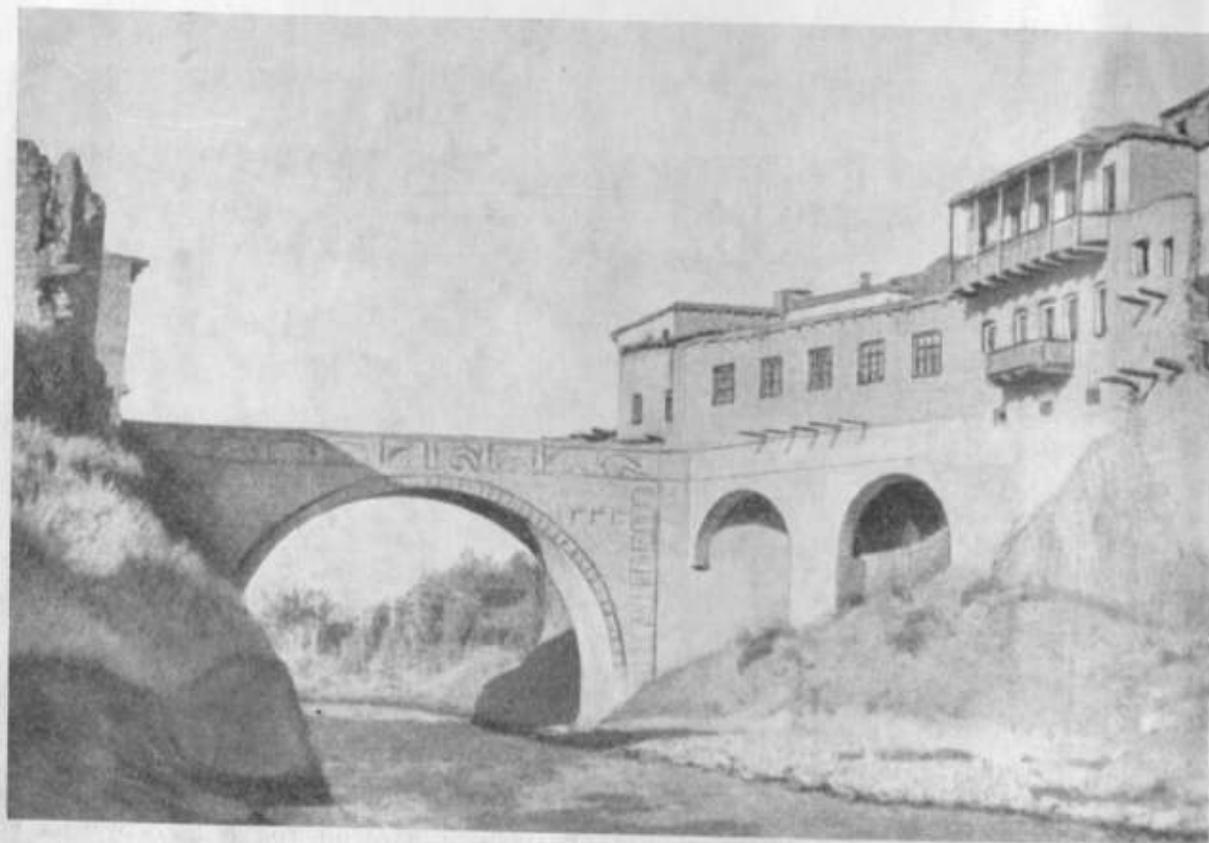
выполнены из кирпича и хорошо выделяются на светло-охристом фоне основной кладки. На одном из фасадов моста выложен рельефной кладкой год его сооружения (в мусульманском летоисчислении)¹⁰. В 1939 г. к мосту была пристроена арочная конструкция, на которой возведено одноэтажное здание. По формам и обработке эта пристройка подвязана к мосту и составляет с ним единую композицию.

По своей конструкции к арочным мостам близки акведуки.

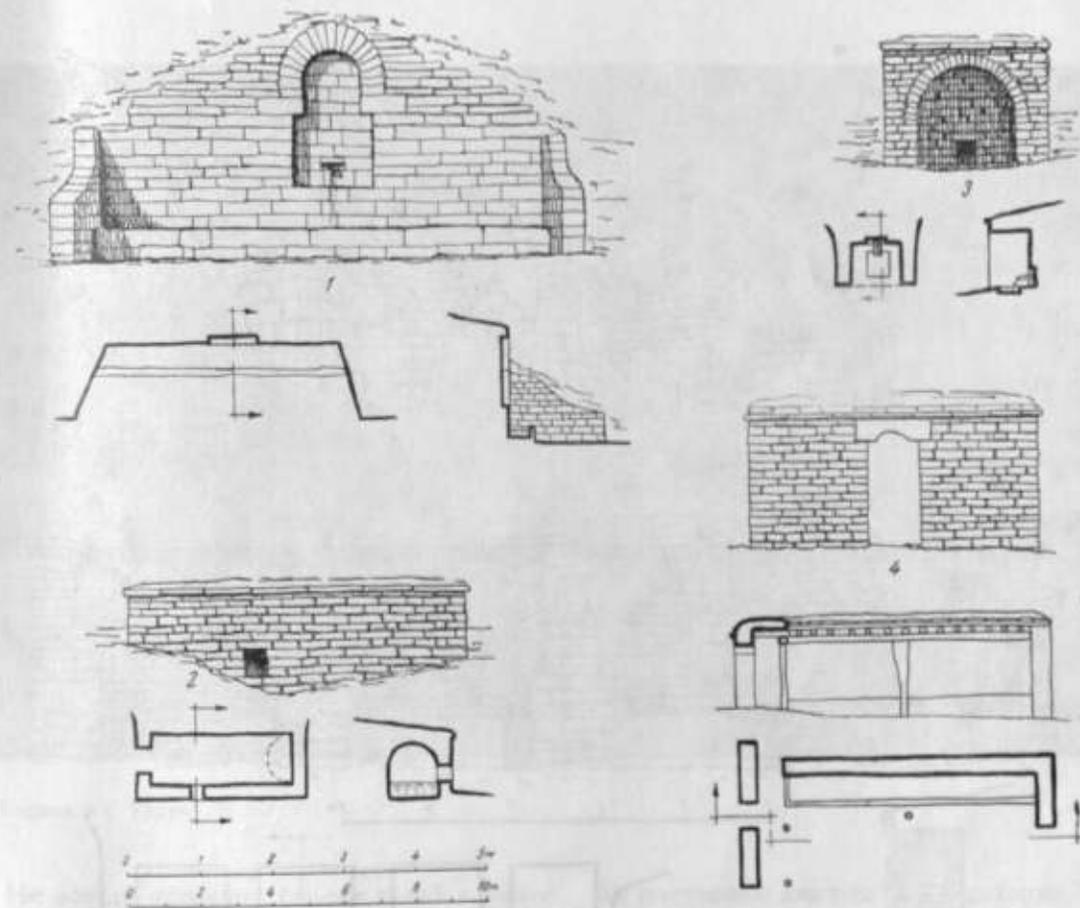
В долинах реки Самур и ее притоков имеется значительное количество земельных участков, используемых для нужд земледелия и садоводства. Однако местный климат не позволяет выращивать здесь хорошие урожаи без искусственного полива садов и полей. Пригодные для обработки участки находятся, как правило, значительно выше уровня реки, поэтому для того, чтобы доставить к ним воду, приходится сооружать длинные каналы, начинающиеся выше по течению и подводящие воду непосредственно на поля и в сады. Иногда эти каналы встречаются на своем пути небольшую горную речку или ущелье, через которое приходится сооружать акведуки. Один такой акведук построен близ селения Ахты и представляет собой

⁹ Такая же обработка камня была известна в Курахе потомственной семье каменотесов Шахсеновых (Л. Б. Панек. Жилище лезгин. — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», т. IV, 1948, стр. 140). По сообщению Дм. Трунова, имеющийся в Ахтах железобетонный мост (с сегментными фермами) построен в 1915 г. итальянскими инженерами Джирсом и Дебернарди (Дм. Трунов. В горах Дагестана. М., 1958, стр. 302).

¹⁰ 1343 г. хиджри (1924—1925 гг.).

83. Мост в с. Ахты:
1 — общий вид; 2 — фасад

84. Родники (фасады, планы, разрезы):
1 — с. Юхари-Мака; 2 — с. Мака; 3 — с. Кочюр; 4 — с. Фила

однопролетную арочную конструкцию с открытым желобом для воды.

В 1941 г. за селением Хрюк был построен акведук, общая длина которого превышает 20 м, а высота достигает 8 м. Акведук имеет два арочных пролета, один из которых (8,5 м) перекрывает русло горной речки, другой (1,8 м) — пешеходную тропинку. Ширина канала для воды, расположенного в верхней части акведука, равна 85 см, глубина — 1 м.

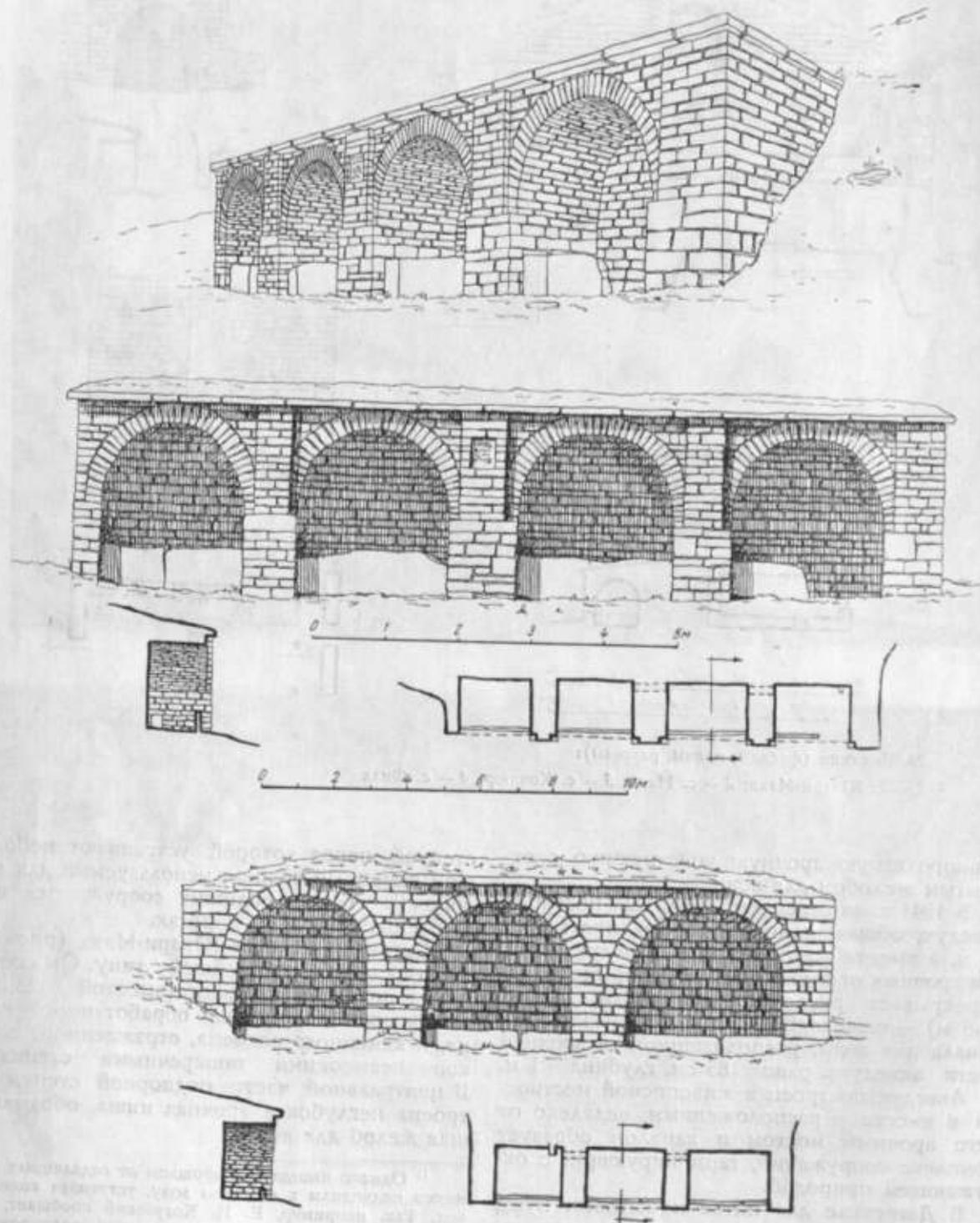
Акведук построен в живописной местности и вместе с расположенным недалеко от него арочным мостом и каналом образует комплекс сооружений, гармонирующий с окружающей природой.

В Дагестане для питья и бытовых нужд используется обычно вода горных источников. Склон горы в месте естественного выхода грунтовых вод укрепляется подпорной

стенкой, перед которой устраивают небольшой каменный водоем, используемый для водопоя¹¹. Такие родники сооружаются как в селениях, так и на дорогах.

Родник в селении Юхари-Мака (рис. 84, 1) относится к простейшему типу. Он состоит из подпорной стенки (высотой до 3 м), выложенной из хорошо обработанного камня, и каменного водоема, огражденного с боков невысокими поперечными стенками. В центральной части подпорной стенки устроена неглубокая арочная ниша, обрамляющая желоб для воды.

¹¹ Однако иногда и в прошлом от отдаленных родников подводили к селению воду, устраивая водопровод. Так, например, Е. И. Козубский сообщает, что «у сел. Каладжух развалины древнего водопровода» («Дагестанский сборник», вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 162).

85. Два родника в с. Микрах: перспектива, фасады, планы, разрезы

86. Родник в с. Урсун

Не всегда источник бывает такой мощности, которая позволяла бы устраивать желоб с постоянной струей воды. Иногда вода просачивается из склона горы небольшими струйками. В этих случаях устраивают крытый сводчатый водоем, где скапливается и отстаивается вода. В фасадной стенке такого водоема оставляют отверстие, через которое и достают воду, а сбоку делают дверь для очистки водоема (рис. 84, 2).

Родники в Дагестане — это своеобразный женский клуб, где женщины в ожидании своей очереди обсуждают домашние дела и делятся новостями. Поэтому часто перед подпорной стенкой родника устраивают навес, в тени которого можно посидеть и отдохнуть. Навесы бывают двух типов: на столбах (каменных или деревянных) или в виде аркады.

В селении Кочхюр в месте выхода на поверхность источника с содовой водой, используемой хозяйками для выпечки хлеба (чурек), сооружен небольшой родник. Перед его подпорной стенкой устроена квадратная в плане ниша, перекрытая полуциркульным сводом (рис. 84, 3).

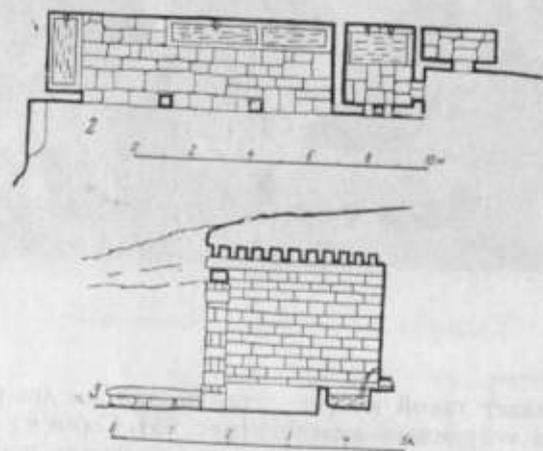
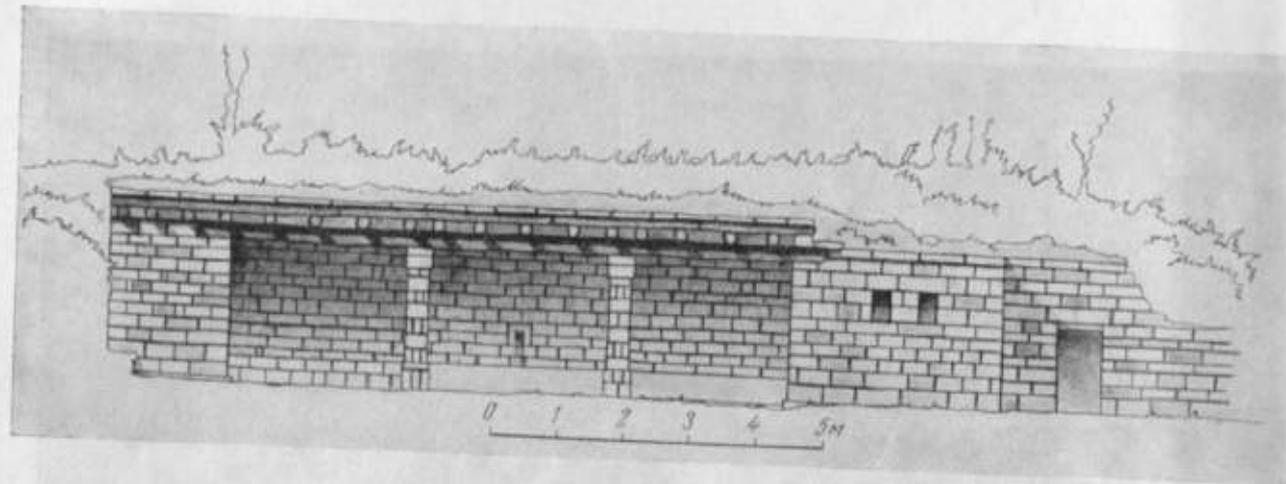
Часто перед передней стенкой родника делают не один, а несколько сводов. Именно

так построены два родника в селении Микрах (рис. 85). Один из них имеет три свода, перекинутые между контрфорсами, поддерживающими подпорную стенку. Глубина сводов — 1,35 м, высота — 2 м. Под сводами устроены водоемы, соединенные между собой прямоугольными отверстиями в контрфорсах. Контрфорсы, на которые опираются своды, расширяются кверху и незаметно переходят в кривую арку. Родник выложен из грубо обработанного камня и завершается простым карнизом в виде выпущенного над кладкой фасада ряда камней.

Второй родник состоит из четырех перекрытых сводами секций. Его общие размеры: длина — 12 м, высота — 2,5 м, глубина сводов — более 1,5 м. Со стороны фасада арки сводов обрамлены традиционными прямоугольными нишами¹².

Встречаются родники, где аркада не представляет собою сводов, перекрывающих отдельные отсеки, но отделена от задней подпорной стенки, т. е. в таких источниках пять арок опираются на отдельно стоящие

¹² В кладку центрального простенка вставлен камень с надписью и датой 1294 г. хиджры (1875 г.).

87. Родник-бани в с. Курах:
1 — фасад; 2 — план; 3 — разрез

столбы, а между подпорной стеной и аркадой образуется единое перекрытое пространство.

Один из самых крупных лезгинских родников находится в селении Урсун (рис. 86). Он имеет пять различных по размерам и форме арок сводов, что придает сооружению особую живописность, тем более, что его фасад вогнутый в плане и с уступом. Родник, видимо, строился в три этапа: он состоит как бы из трех поставленных рядом родников (каждый со своим водостоком), один из которых одноарочный, а два других — двухарочные. Общая длина всего сооружения 19 м, высота 2,2 м, глубина лоджий (вместе с водоемом) от 1,2 до 1,85 м. Между арками в кладке фасада родника консольно выпущенные каменные крючья для привязывания лошадей.

Как уже отмечалось, существуют родники, где навес опирается не на арки, а на столбы. Такой родник сооружен в центре селения Филя. Перед его подпорной стеной устроен навес, поддерживаемый тремя деревянными столбами и поперечными стенками, в одной из которых, выходящей на главную улицу селения, устроен дверной проем, перекрытый большим камнем, вырезанным в форме пологой арки (см. рис. 84, 4).

В 1935 г. в селении Курах был сооружен большой родник (рис. 87), состоящий из трех частей: собственно источника воды, перекрытого навесом на каменных столбах; небольшого предназначенного для мытья закрытого помещения (2,55×2,40), в полу которого устроен бассейн, и уборной. Под навесом источника помещаются два больших

водоема и каменная скамья, а в стену вделаны железные кольца для привязи.

В горах Южного Дагестана довольно часто встречаются горячие источники серной воды, которую местные жители используют для лечения ревматизма и других болезней¹³. Над такими источниками сооружаются своеобразные бани с бассейнами или деревянным корытом, причем этим постройкам в прошлом часто придавали и религиозный смысл. Три таких постройки над сернистыми источниками сохранились вблизи аула Экендиль. Они представляют собой небольшие прямоугольные в плане помещения с навесом перед входом.

Из сооружений, связанных с использованием воды горных рек, можно назвать еще водяные мельницы. Это небольшие сооружения на берегах рек однокамерные постройки. Вода подводится к мельнице по начинаю-

¹³ Одними из наиболее известных целебных источников являются ахтынские. Они пользовались широкой популярностью и в прошлом (Н. К. З-в. Военно-Ахтынская дорога и Самурский округ. — Газета «Кавказ», 1864, № 2), причем один из авторов сообщает даже, что ахтынские «горячие серные минеральные воды... в VI веке... уже были известны персам, которые построили близ них бани и крепостцу» (А. Десмон. Исторические сведения о Самурском округе. 1839 г. — В кн.: «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», стр. 363). В настоящее время на базе этих источников создан курорт.

щелуясь выше по течению реки небольшому отводному каналу, и затем (используя разницу уровней в канале и реке) вода по деревянному желобу подается внутрь мельницы. «Над рекою Ахтычаем, — пишет Н. Вучетич, — несколько водяных мельниц. Устройство лезгинских мельниц совершенно особое от устройства водяных мельниц в России. Колесо мельницы утверждается горизонтально на вертикальной оси»¹⁴.

Водяная мельница, расположенная недалеко от селения Шимихюр, представляет собой небольшое сложное из необработанного камня сооружение с квадратной камерой внутри и навесом со скамейкой перед входом. В центре внутреннего помещения стоит квадратный каменный столб, на который опираются каменные балки. Чтобы удобнее опереть балки на столб и сократить перекрываемый ими пролет, на столб сверху положена большая каменная плита. Все перекрытие мельницы выполнено из камня, что весьма практично в сооружении, связанном с водой.

Такие мельницы (в том числе и старые) встречаются часто в Курахском районе, причем многие из них стоят близко друг от друга (например, на реке вдоль дороги между селениями Хпедж и Шимихюр).

¹⁴ Газета «Кавказ», 1864, № 75.

КУЛЬТОВЫЕ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

МЕЧЕТИ И МИНАРЕТЫ

Мусульманская религия была принесена в Дагестан арабами. Вместе с религией появились и характерные для нее типы зданий: мечеть, минарет, мавзолей.

Культовых сооружений доисламских религий в лезгинских районах не сохранилось. Однако по аналогии с другими горными районами Дагестана можно предположить, что и здесь могли быть христианские храмы. Косвенным подтверждением этого может служить сообщение Е. И. Козубского о том, что в «мечети сел. Курах камень с греческой надписью»¹. А. Пастухов пишет: «Курушцы сообщают, что прежде они были христиане, но в конце XVII столетия были обращены в мусульманство»². На надписи из селения Курах, датированной XIV в., упоминается о монастыре лезгинского селения Цилинг³.

Гасан Аскадари в своей книге «Асари Дагестан» сообщает, что арабский военачальник Маслама бен Абдул-Малик построил в первой половине VIII в. ряд мечетей в горном Дагестане, в том числе в лезгинских аулах Кочхюре, Ахта и Кара-Кюре⁴. А. Гасанов (переводчик этой работы) не согласен с этим утверждением Гасана Алкадари. В своих примечаниях он пишет: «Вероятно, кое-где (например, в Дербенте, в предгорьях Кюринского округа, Табасаране, Кай-

таге и вообще на плоскости) арабы действительно построили мечети. Но чтобы они в VIII в. могли это сделать в Акуше, в Хунзахе, Кумухе, или даже в Ахта, этому трудно поверить. Все это они могли сделать на 2–3 века позже»⁵. Это мнение А. Гасанова подтверждается и некоторыми новыми историческими исследованиями⁶.

Традиции дагестанской архитектуры (в том числе и лезгинской) оказали свое сильное влияние на каноничный для Востока тип здания мечети. Особенно это относится к горным районам, где наглядно видно влияние народного зодчества (и в первую очередь жилища) на архитектуру мечети.

Как уже отмечалось, каждое лезгинское селение имело свою мечеть. В крупных аулах было по несколько мечетей⁷, причем одна из них считалась главной, и перед ней обычно размещалась центральная площадь. Наиболее распространенный тип мечети — это одноэтажное здание с единым внутренним помещением и галереей перед южным фасадом. Примером такой мечети может служить мечеть в селении Касумкент (рис. 88). Ее внутреннее помещение имеет площадь свыше 100 кв. метров (13×8). Перекрытие мечети поддерживается двумя рядами столбов с фигурными подбалками, на которые опираются основные прогоны сечением 30×23 см. По прогонам уложены рядовые балки (14×12 см). Высота внутренних столбов (вместе с подбалками) — 3,10 м.

¹ «Дагестанский сборник», вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 161.

² См. «Землеведение», кн. II, М., 1894, стр. 40.

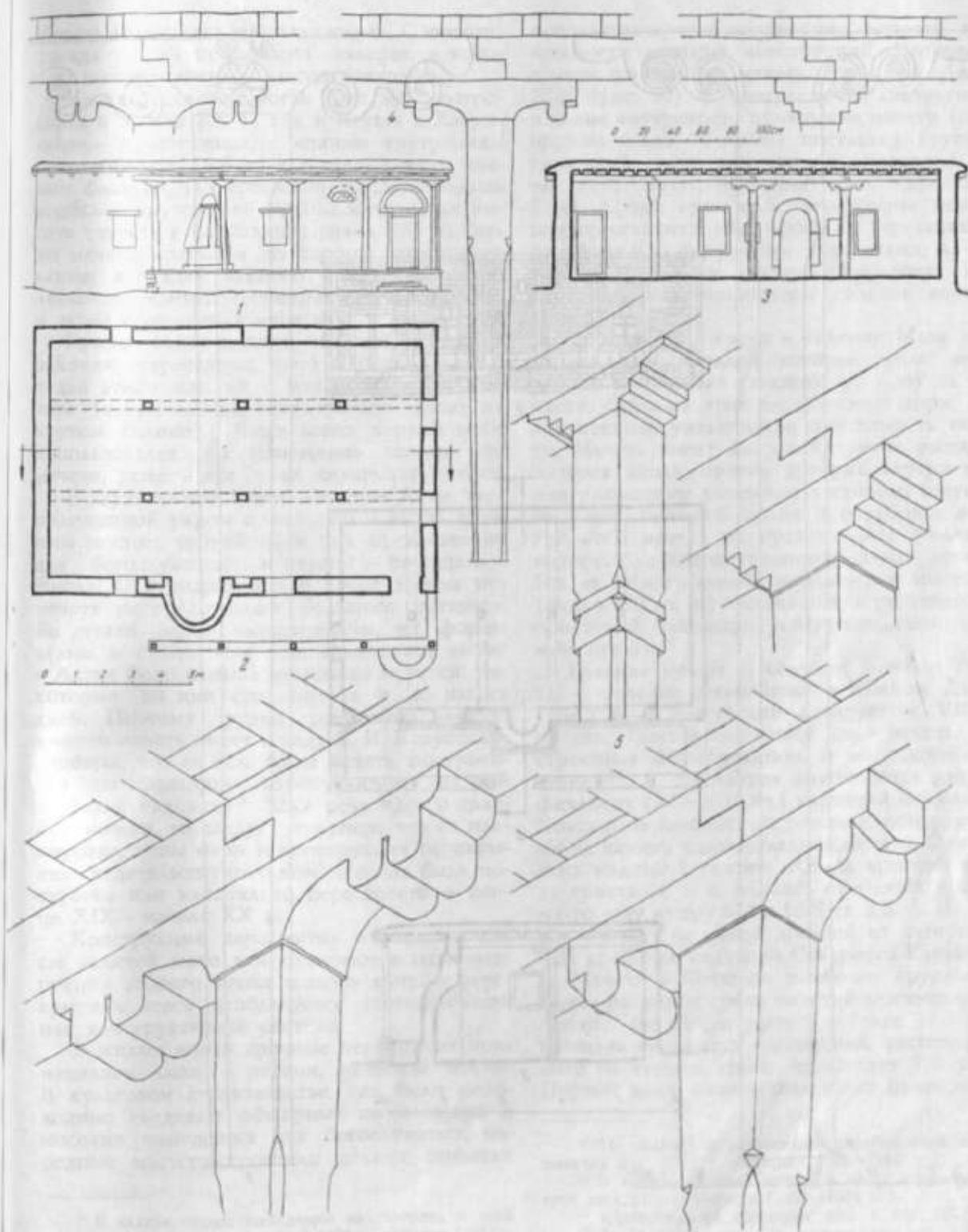
³ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок... — «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. XVII, М.—Л., 1951, стр. 375.

⁴ Гасан Алкадари. Асари Дагестан. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. 46. Тифлис, 1926, стр. 30.

⁵ Там же, стр. 181.

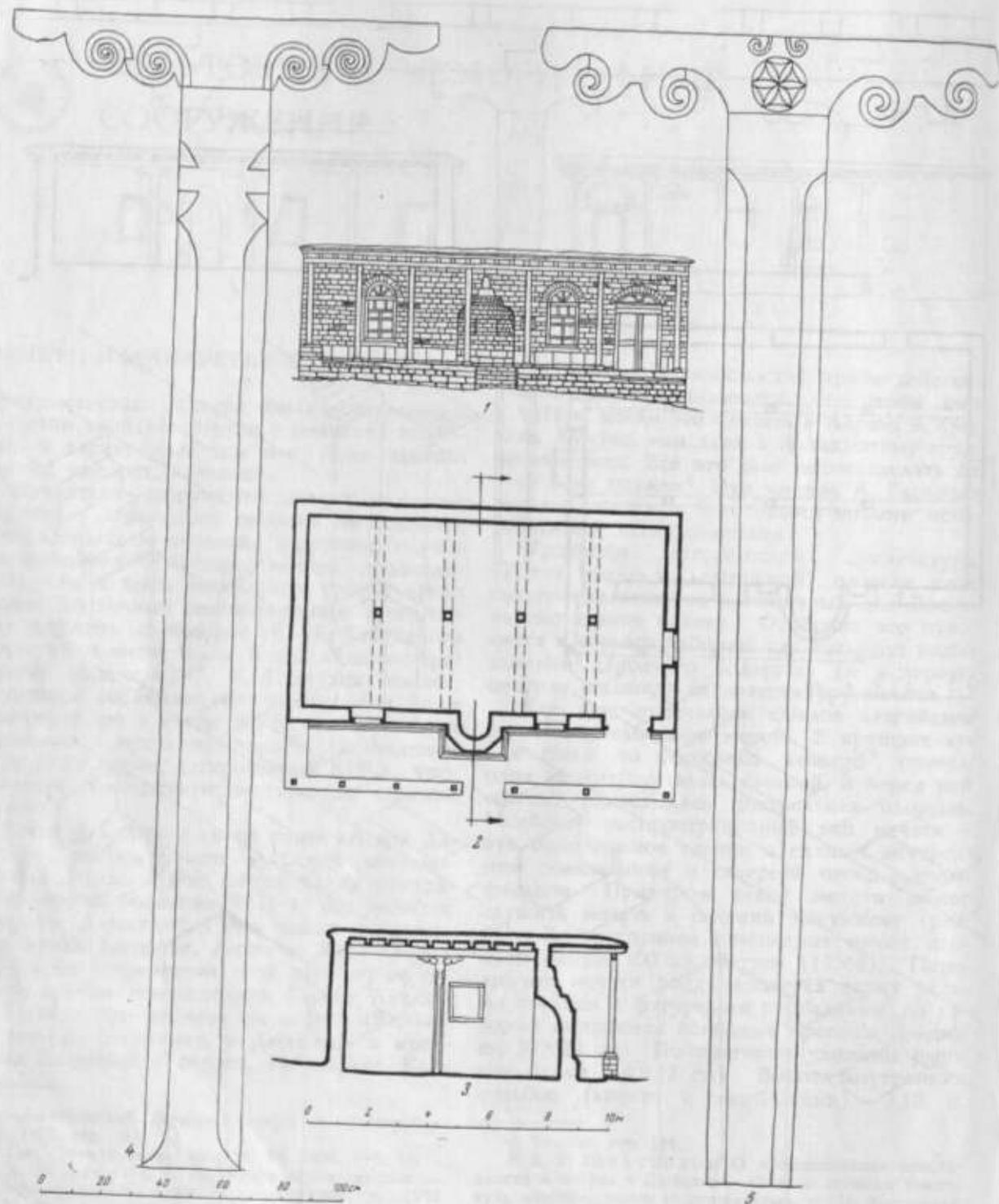
⁶ А. Р. Шихсаидов. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. III. Махачкала, 1957, стр. 71.

⁷ Например, в селении Ахты раньше было 13 мечетей (сообщение Н. Вучетича в газете «Кавказ», № 76), а в Куруше — 5 (А. Пастухов. Указ. соч., стр. 40).

88. Мечеть в с. Касумкент:

1 — фасад; 2 — план; 3 — разрез; 4—5 — внутренние и наружные деревянные столбы

89. Мечеть в с. Гоган:

1 — фасад; 2 — план; 3 — разрез; 4—5 — внутренние столбы

Мечеть освещается шестью окнами. С южного фасада к ней пристроена галерея, в которую выходят дверь и выступ михраба.

Мечеть в селении Гоган (рис. 89), построенная в начале XX в., как и мечеть в Касумкенте, — одноэтажная, с единым внутренним помещением (12×6 м) и галереей перед южным фасадом. Интересны по формам резных подбалок внутренние столбы мечети; их высота (вместе с подбалкой) равна 3,85 м. Стены мечети сложены из хорошо отесанного камня; в кладку южного фасада заложено несколько камней с орнаментальной резьбой и датой сооружения мечети⁸.

Кроме одноэтажных мечетей, в горных районах встречаются, хотя и редко, мечети в два этажа или же с полуподвальным этажом (в том случае, когда мечеть стоит на крутом склоне). Чаще всего первый этаж использовался как помещение школы при мечети, реже — как склад имущества мечети.

В двухэтажной мечети селения Ахты, расположенной рядом с описанным выше арочным мостом, второй этаж был предназначен для богослужений, в первом — помещалась школа. С художественной точки зрения эта мечеть не представляет большого интереса. Ее детали мало выразительны, их формы вялые и сухие. Как уже отмечалось выше, в Ахтах было раньше несколько мечетей; некоторые из них сохранились и до наших дней. Поэтому трудно установить, какую именно мечеть имеет в виду Е. И. Козубский, сообщая, что «в сел. Ахты мечеть, построенная по преданию Абу-Муслимом; на ней арабские надписи»⁹. Если речь идет о главной мечети, то следует отметить, что ее планировка, типы окон и конструкция перекрытия свидетельствуют о том, что она была построена или капитально перестроена в конце XIX — начале XX в.

Конструкции перекрытия описанных выше мечетей мало чем отличаются от конструкций второго этажа жилого дома; в перекрытиях здесь используется стоечно-балочная конструктивная система.

В жилых домах арочные перекрытия применялись лишь в первом, нежилом этаже. В культовом строительстве, где было необходимо создавать обширные по площади и высокие помещения для богослужения, народные мастера-строители делают попытки

использовать при сооружении мечетей возможности арочных конструкций. Интересна в этом отношении мечеть в селении Джиг-Жиг (рис. 90). В центре почти квадратного в плане внутреннего помещения мечети (площадью около 70 кв. м) поставлен круглый каменный столб, на который опираются пять двух полуциркульных арок (пролетом 3 м). Кроме этих арок, перекрытия мечети поддерживаются еще четырьмя деревянными столбами¹⁰ с фигурными подбалками, на которые опираются основные прогоны. Интерьер мечети производит сильное впечатление.

Перекрытие мечети в селении Маза поддерживается аркадой, которая делит внутреннее помещение (высотой до 4 м) на две части. Одна из этих частей имеет хоры, что значительно увеличивало вместимость мечети. Мечеть имеет два симметрично расположенных входа, против которых внутри здания размещены каменные лестницы, ведущие на хоры. Внешний облик и обработка деталей этой мечети не представляют большого интереса с художественной точки зрения. Но ее значительный по размерам интерьер (около 120 кв. м) отличается торжественной простотой благодаря монументальным формам аркады¹¹.

Главная мечеть в селении Кочхюр (рис. 91) — одна из древнейших в Южном Дагестане. Е. И. Козубский датирует ее VIII в. «В сел. Кочхюре, — пишет он, — мечеть, построенная Абу-Муслимом, о чем надпись на стене»¹². Л. И. Лавров опубликовал ряд куфических (XI—XIII вв.) надписей из селения Кочхюр, некоторые из которых обнаружены им на камнях кладки главной мечети. Одна из этих надписей гласит: «Стала крепкой в году триста...», т. е. надпись относится к какому-то году между 912 и 1009 гг. н.э. Л. И. Лавров считает ее самой древней из датированных арабских надписей Северного Кавказа¹³.

Мечеть в Кочхюре наиболее крупная по своим размерам среди мечетей лезгинских селений. Ее общая высота — более 11,5 м, а площадь основного помещения, расположенного на втором этаже, превышает 170 кв. м. Первый этаж мечети был занят помещением

¹⁰ На одном из деревянных столбов этой мечети имеется дата 1313 г. хиджры (1895—1896 гг.).

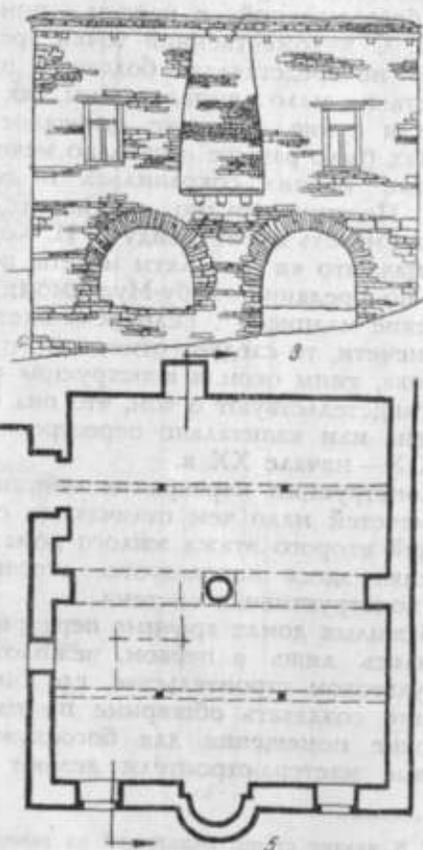
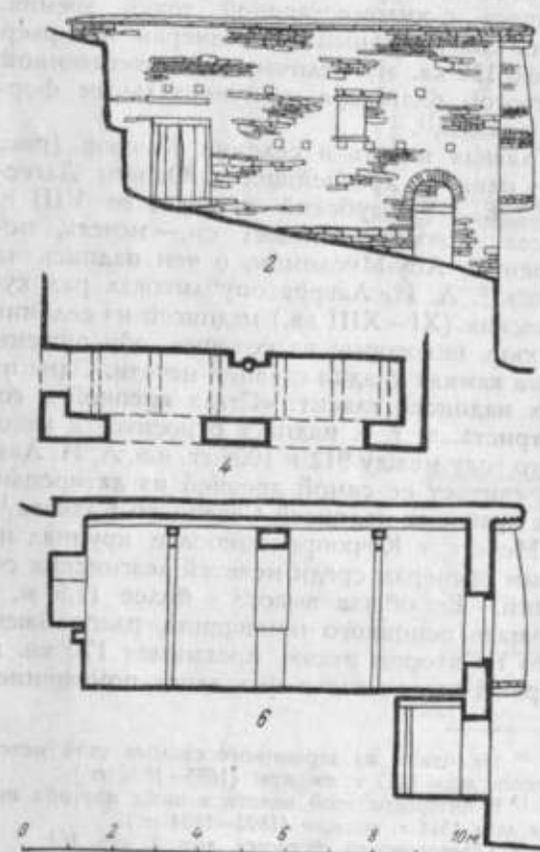
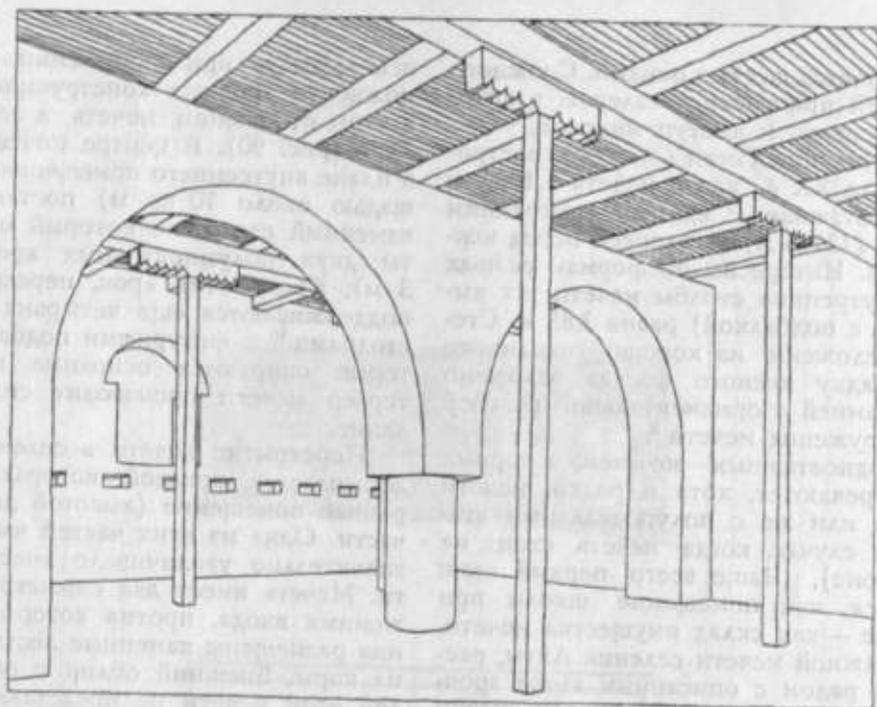
¹¹ В интерьере этой мечети в нише михраба имеется дата 1311 г. хиджры (1893—1894 гг.).

¹² «Дагестанский сборник», вып. 1, стр. 161.

¹³ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. — «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. XVIII, стр. 325.

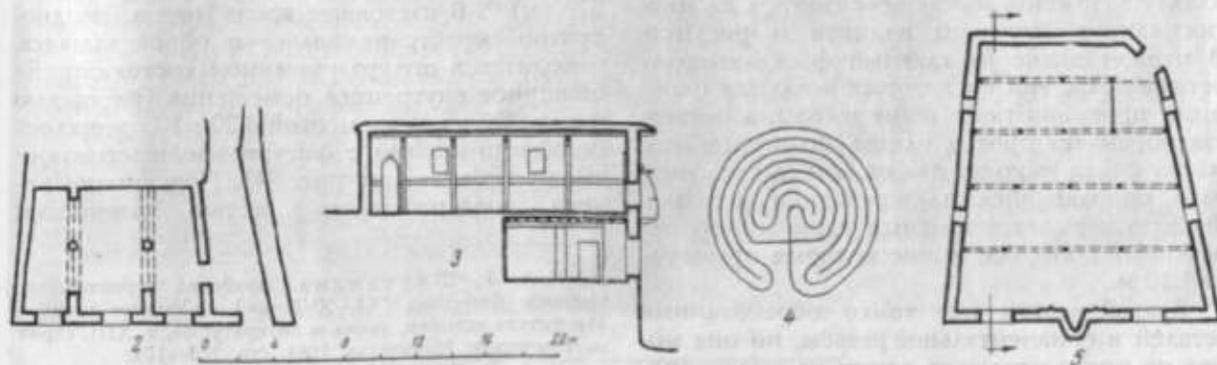
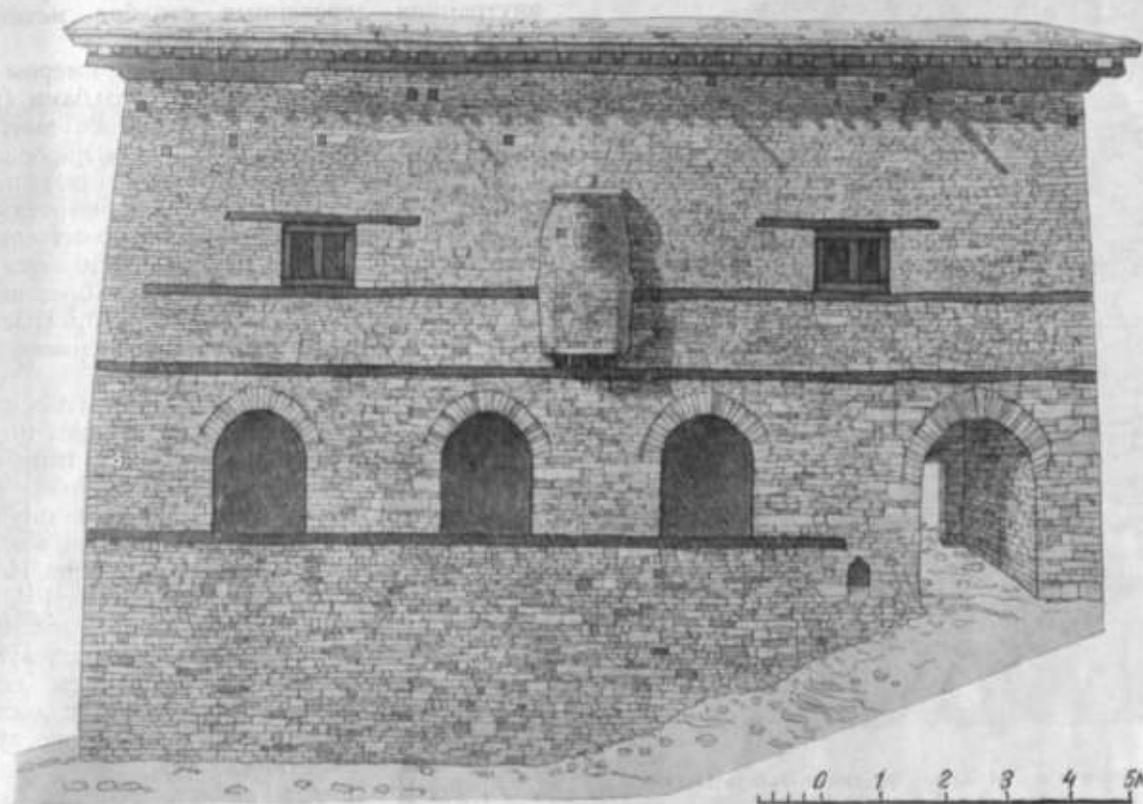
⁸ В кладке стены, выходящей на галерею, в этой мечети имеется камень с датой 1330 г. хиджры (1911—1912 гг.).

⁹ «Дагестанский сборник», вып. 1, стр. 162.

90. Мечеть в с. Джиг-Жиг:

1 — перспектива интерьера; 2-3 — фасады; 4 — план первого этажа; 5 — план второго этажа; 6 — разрез

91. Мечеть в с. Кочхюр:

1 — фасад; 2 — план первого этажа; 3 — разрез; 4 — рисунок в кладке фасада; 5 — план второго этажа

92. Мечеть в с. Хпедж — фрагмент фасада (михраб)

школы (70 кв. м) и проходом улицы. Наибольший интерес представляет главный фасад мечети, стена которого выложена из грубо обработанных камней разной величины. В ее кладку заложены деревянные связи, а на многих камнях высечены надписи и рисунки. В первом этаже на главный фасад выходят четыре арки, три из которых являются оконными проемами помещения школы, а четвертая обрамляет проход улицы. Во втором этаже на фасад выходят два окна и выступ михраба, опирающийся на деревянные консоли. Фасад завершается мощным карнизом на деревянных консолях, вынос которых превышает 1,10 м.

В этой мечети нет тонко обработанных деталей и орнаментальной резьбы, но она может по праву считаться одним из выдающихся произведений лезгинской архитектуры, в котором строителям удалось простыми средствами создать величественное и подлинно монументальное сооружение.

Как одно из самых значительных зданий аула дагестанская мечеть часто украшалась богатой орнаментальной резьбой. Особое внимание уделялось художественной обработке внутренних деревянных столбов мечети и входной двери.

Мечеть в Хпедже является примером мечети с резными внутренними столбами (рис. 92). Это мечеть закрытого типа. Ее северная стена укреплена каменными контрфорсами, завершающимися консолями, которые напоминают по форме машикули оборонительной башни. Перекрытие обширного молитвенного помещения (9,9×12,8 м) поддерживается четырьмя рядами деревянных столбов, шесть из которых представляют собой прекрасные образцы народного искусства художественной обработки дерева.

Мечеть, по-видимому, неоднократно перестраивалась и возобновлялась, однако по характеру кладки стен и по самому типу здания она является одной из древнейших лезгинских мечетей. А. Р. Шихсаидов опубликовал арабскую надпись из Хпеджа, в которой сообщается, что мечеть построена Ибрахимом в 847 г. хиджры (1443—1444 гг.)¹⁴.

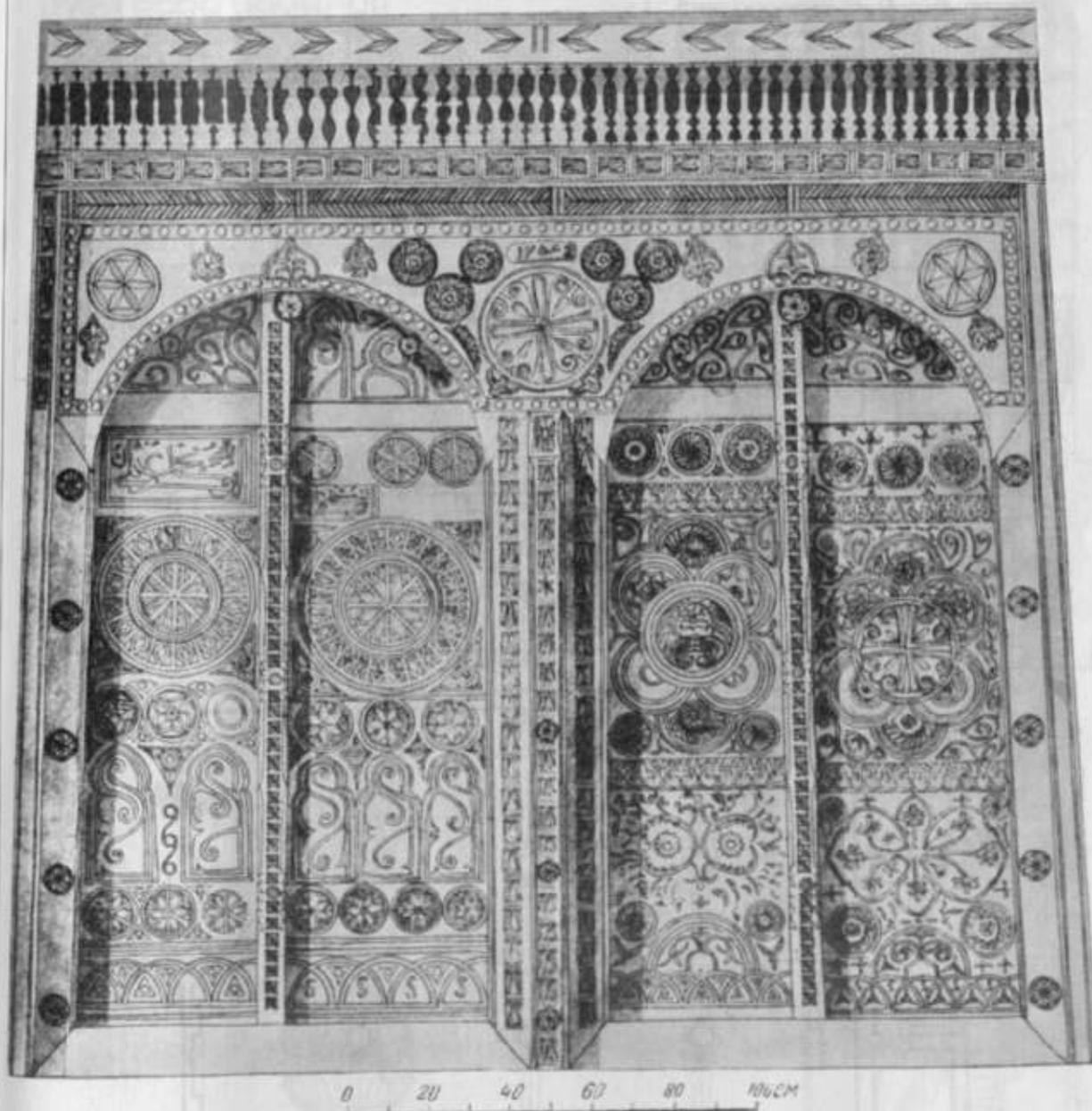
Мечеть в селении Кара-Кюре (рис. 93—96), одном из древнейших лезгинских аулов, является выдающимся произведением дагестанской архитектуры. Ее строители достигли виртуозного мастерства в искусстве художественной обработки дерева.

А. Р. Шихсаидов пишет, что на базах внутренних столбов мечети имеются трудные для чтения надписи, выполненные «вычурным куфическим письмом, бытовавшим в X—XI вв.»¹⁵ П. М. Дебиров сообщает о местной легенде, согласно которой мечеть в Кара-Кюре построена в 368 г. хиджры (978—979 гг.)¹⁶. В настоящее время мечеть, неоднократно перестраивавшаяся и обновлявшаяся, находится в полуразрушенном состоянии. Ее обширное внутреннее помещение (площадью около 300 кв. м и высотой 4,20 м) освещалось большими окнами с фигурными переплетами типа «шебеке» (см. рис. 94). Перекрытие мечети поддерживалось шестью каменными

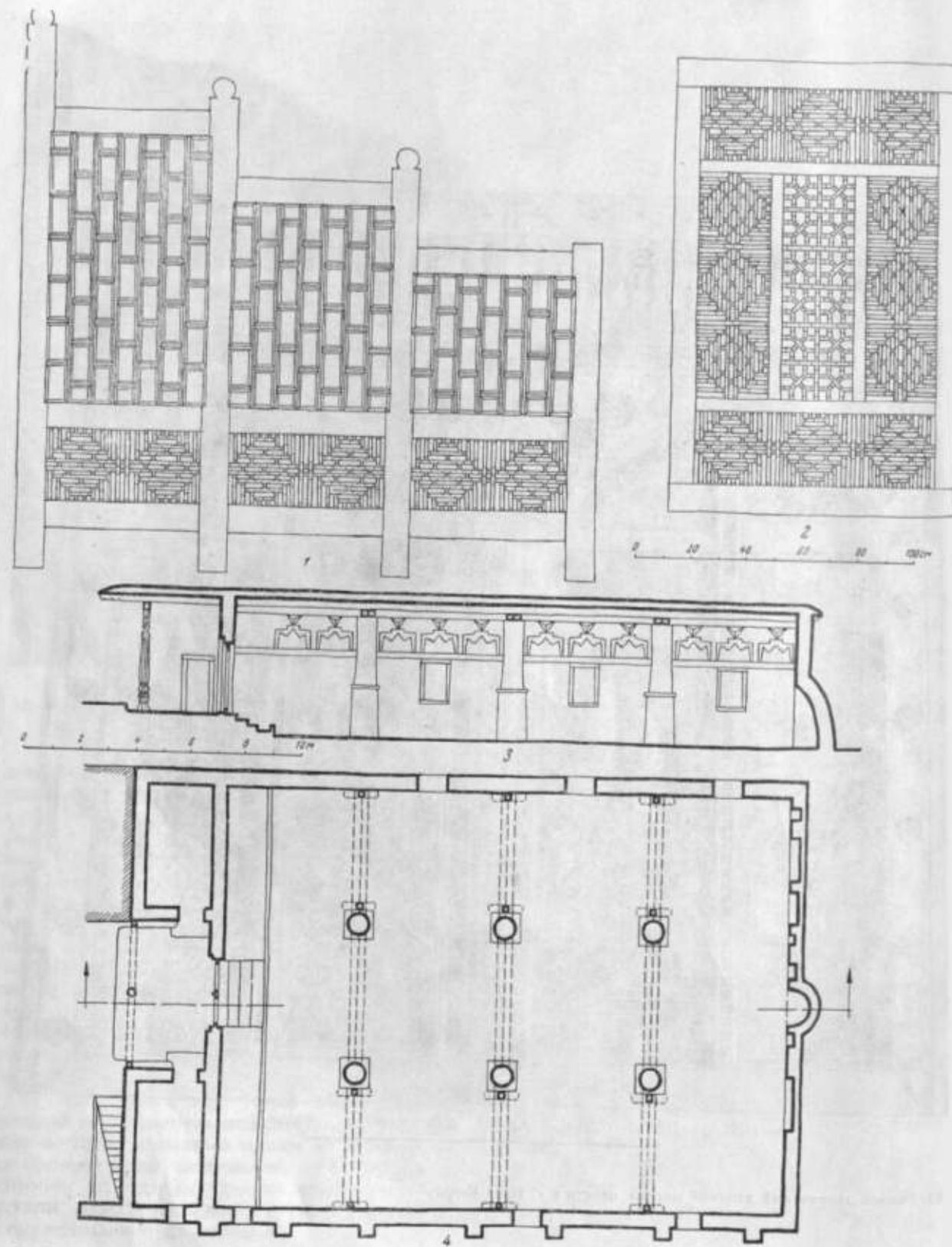
¹⁴ А. Р. Шихсаидов. Арабские строительные надписи Дагестана (XI—XVII вв.). — «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. XIII, серия историческая, Махачкала, 1964, стр. 123—124.

¹⁵ А. Р. Шихсаидов. Распространение ислама в южном Дагестане в X—XV вв. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. VI, Махачкала, 1959, стр. 138.

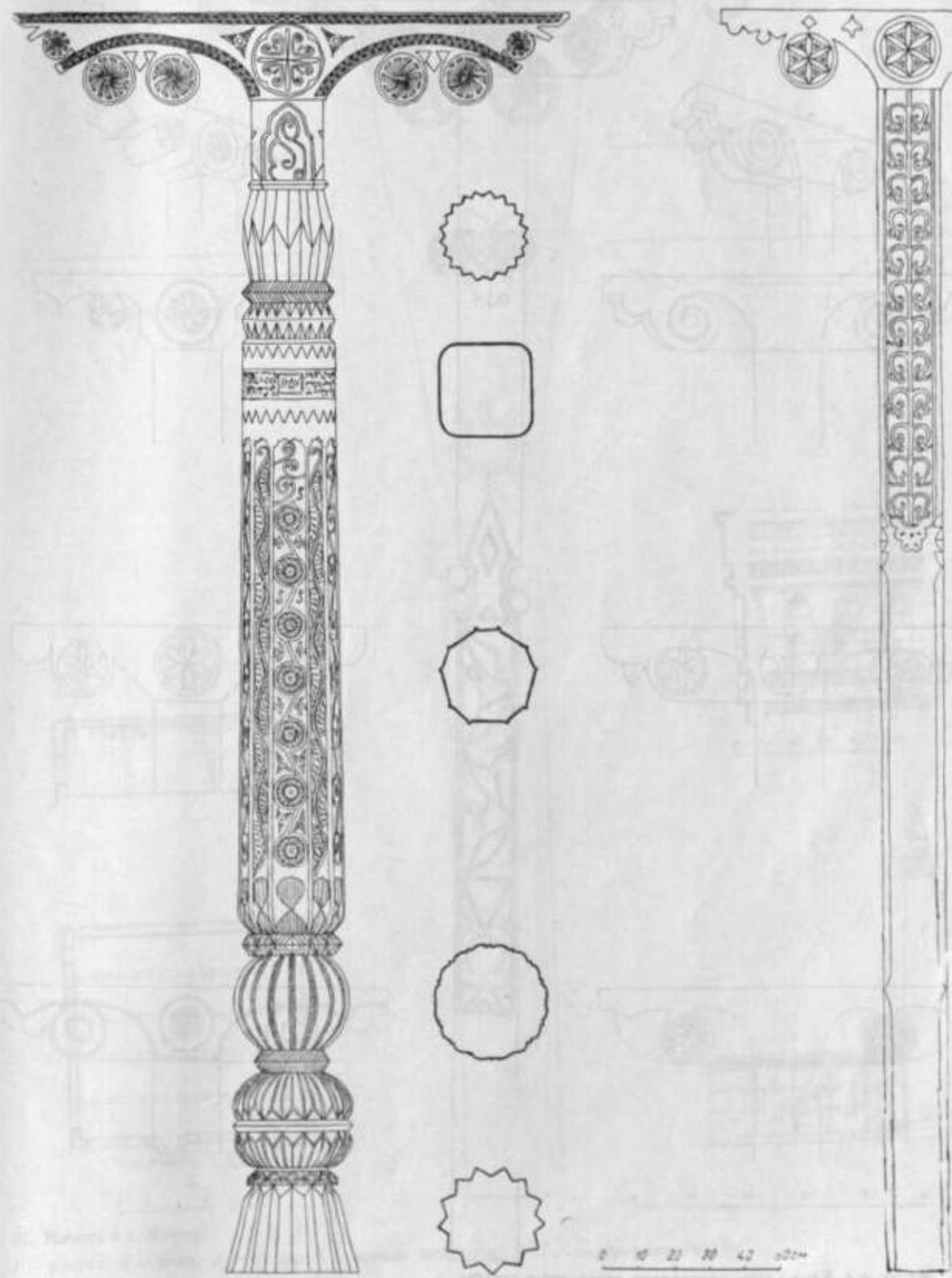
¹⁶ П. М. Дебиров. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966, стр. 17.

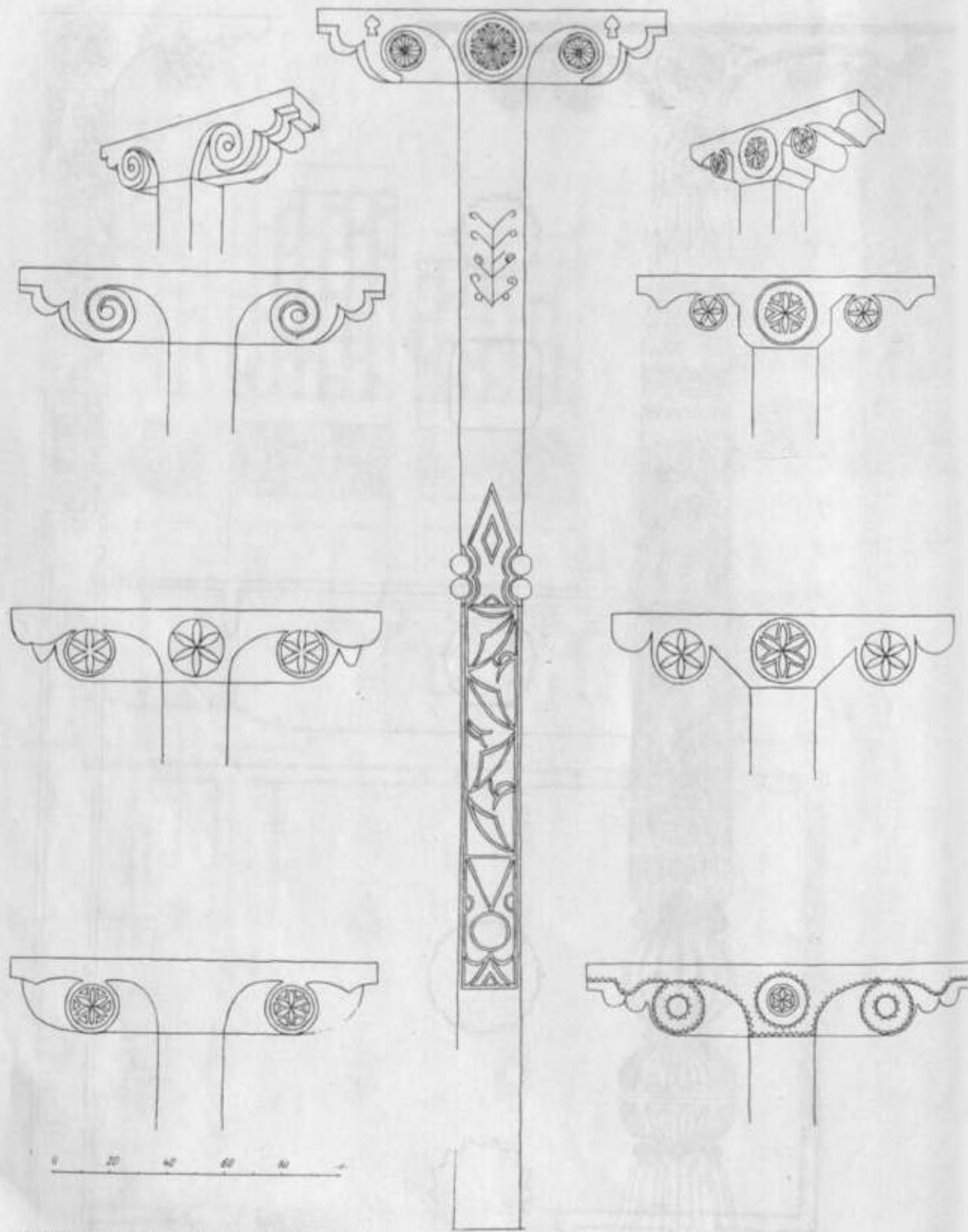
93. Резной деревянный входной портал мечети в с. Кара-Кюре

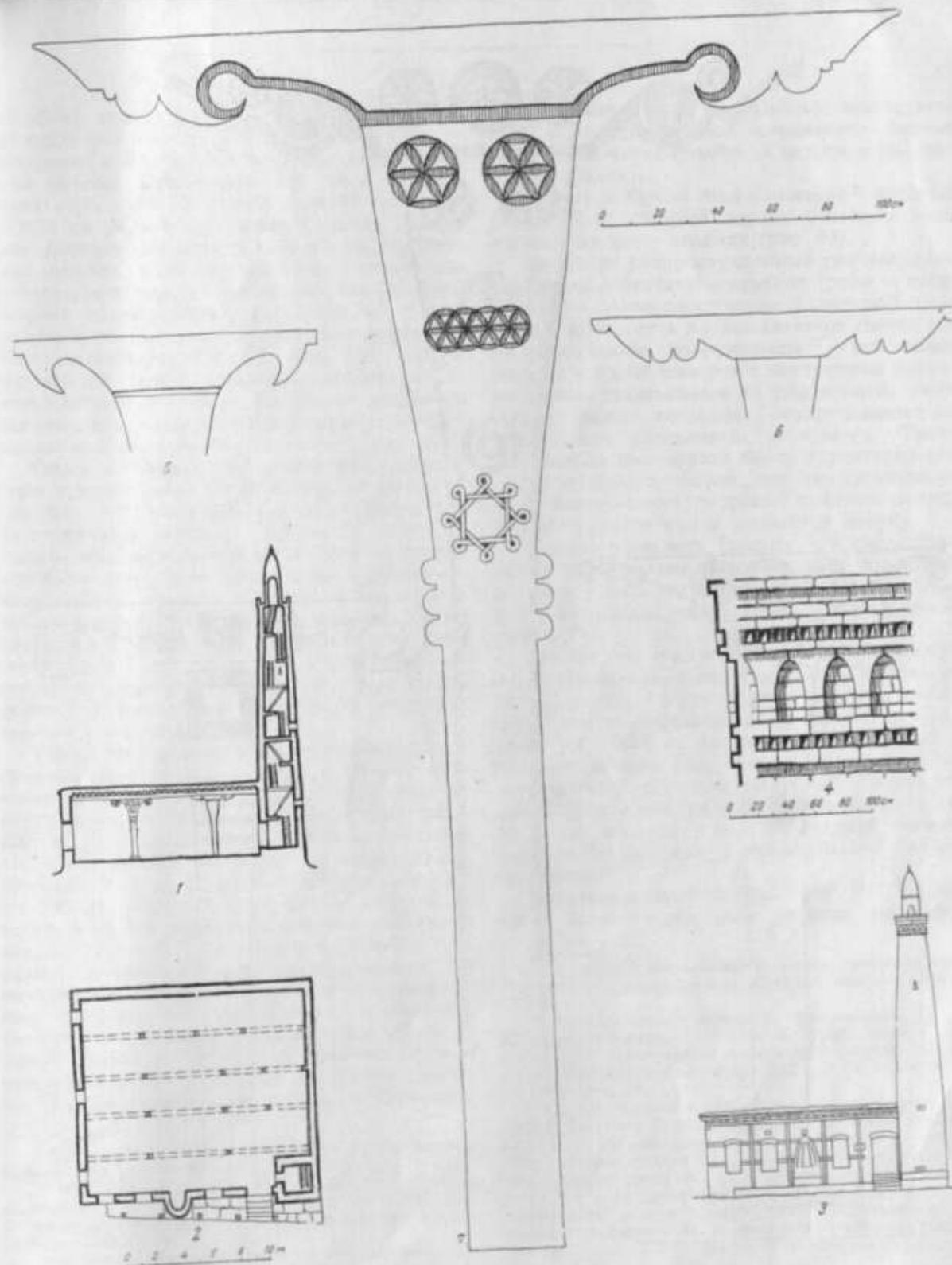
94. Мечеть в с. Кара-Кюре:
1 — деревянная кафедра; 2 — наборная рама (типа «шебеке»); 3 — разрез; 4 — план

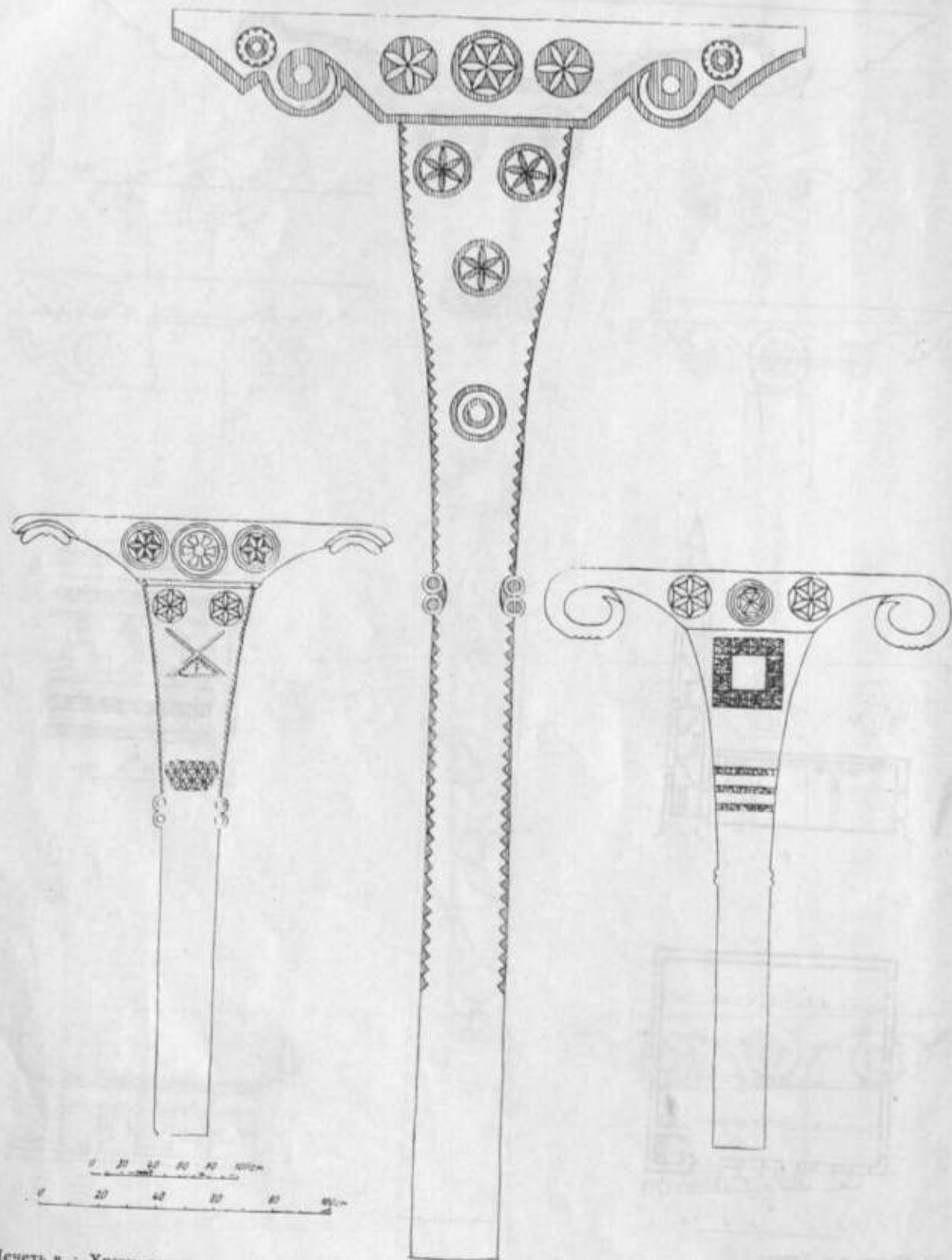
95. Мечеть в с. Кара-Кюре: наружные деревянные столбы

96. Мечеть в с. Кара-Кюре: внутренние деревянные столбы

97. Мечеть в с. Хрюк:
1 — разрез; 2 — план; 3 — фасад; 4 — карниз минарета; 5-7 — внутренние столбы

98. Мечеть в с. Хрюк: внутренние деревянные столбы

столбами, внизу квадратного (1×1 м), а сверху круглого сечения. Столбы частично оштукатурены, и их нижняя часть покрыта сложным лепным орнаментом. На этих столбах лежат три пары прогонов, каждый сечением 27×25 см. Кроме каменных столбов, основные прогоны опираются еще на 12 деревянных столбов, подбалки которых поставлены поперек прогона (чтобы на них можно было опереть одновременно два прогона). Сами столбы и их фигурные подбалки покрыты орнаментальной резьбой (см. рис. 96). Резной деревянный столб, поддерживающий навес перед входом в мечеть, по форме необычен для лезгинской архитектуры и отдаленно напоминает среднеазиатские столбы (см. рис. 95)¹⁷.

Также необычен для лезгинской архитектуры и деревянный входной портал мечети¹⁸ (см. рис. 93), он имеет два полуциркульных по очертанию входных проема (с резными створками), объединенных вместе с резной коробкой в единую композицию, слегка суживающуюся кверху. Общие размеры портала: высота — 2,6 м, ширина понизу — 2,6 м, поверху — 2,5 м; высота дверных проемов в свету равна 1,8 м. Несмотря на относительно скромные размеры портал благодаря своим формам и пропорциям производит монументальное впечатление.

Таким же уникальным произведением лезгинской архитектуры является и мечеть в селении Хрюк¹⁹ (рис. 97—98). Перекрытие ее внутреннего помещения (площадью свыше 200 кв. м) опирается на мощные деревянные столбы²⁰, высота которых (с подбалками) превышает 4 м, а длина подбалок доходит до 3,20 м (при сечении 42×31 см). Если вспомнить, что верующие обычно сидели на коврах на полу, то можно представить себе, каким величественным представлялось им внутреннее помещение мечети с парящими под потолком внушительными подбалками (каждой из которых придана своя неповторимая форма). Интересно отметить, что и орнаментальная резьба на внутренних столбах и подбалках мечети в селении Хрюк сде-

¹⁷ В орнаментальную резьбу этого столба вkomпнована дата 1257 г. хиджры (1841—1842 гг.).

¹⁸ Над порталом в кладке стены имеется камень с надписью и датой 1256 г. хиджры (1840—1841 гг.). В орнаментальной резьбе деревянной коробки самого портала имеется та же дата.

¹⁹ В кладке главного фасада мечети (в стене, выходящей на галерею) имеются два камня с надписями и датами 1243 г. хиджры (1827—1828 гг.) и 1341 г. хиджры (1922—1923 гг.).

²⁰ На одном из столбов в резьбе имеется дата 1247 г. хиджры (1831—1832 гг.).

лана крупно и лишь на наиболее ответственных в композиционном отношении местах (в верхней части столбов, в центре и на концах подбалок).

Мечеть в Хрюке имеет минарет²¹ высотой более 22 м, который играет большую роль в ансамбле всего селения (рис. 99).

Наиболее распространенный тип минарета в Южном Дагестане — круглое (реже — квадратное) в плане сооружение с винтовой лестницей. Минарет в Хрюке является своего рода уникальным сооружением²² — это квадратный в плане минарет с внутренним пространством, разделенным на ряд этажей, сообщение между которыми осуществляется по приставным деревянным лестницам. Такая внутренняя планировка более характерна для оборонительных башен, где предусматривалась возможность обороны каждого этажа. Минарет значительно утончается кверху.

Карниз минарета (высота 128 см) состоит из ряда мелких декоративных поясков и полочек и широкого аркатурного фриза. Вытянутый куполок минарета завершается белым камнем²³.

Сейчас во многих лезгинских селениях не сохранились минареты. Так, например, нет минарета в крупнейшем ауле Ахты. Однако, по сообщениям авторов, посетивших этот аул в XIX в., мы знаем, что в Ахтах у главной мечети был «высокий минарет (из желтоватого тесанного камня)»²⁴. На рисунках XIX в. с изображением общего вида аула Ахты имеется в районе главной мечети высокая квадратная в плане башня без завершения²⁵.

Минарет в селении Фий (рис. 100) по высоте почти в два раза меньше минарета в Хрюке.

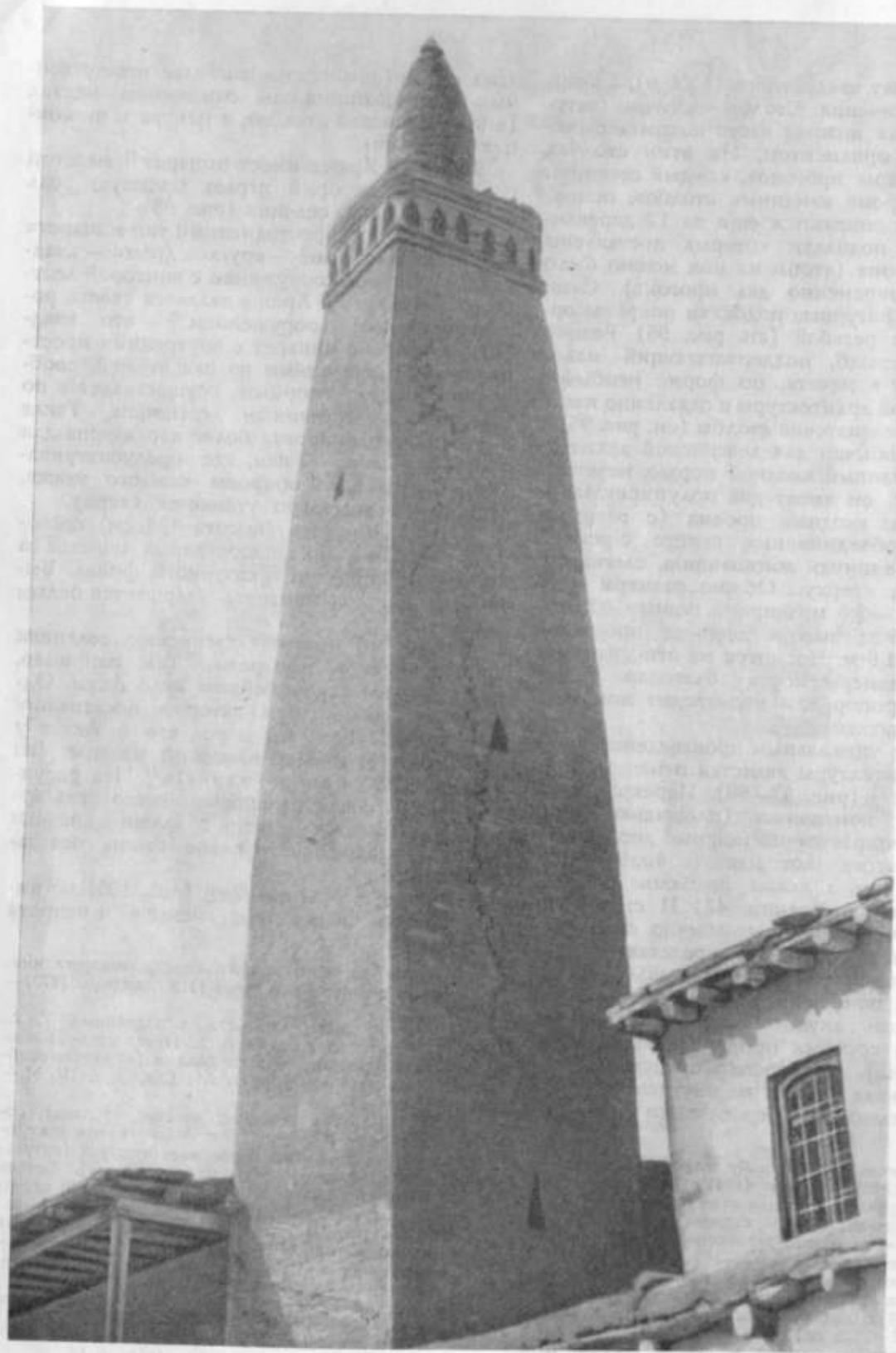
²¹ В нижней части южного фасада минарета имеется камень с надписью и датой 1112 г. хиджры (1701—1702 гг.).

²² Рисунок этого минарета, выполненный Т. А. Юленчук, помещен в статье А. Б. Панек «Работа южного отряда Дагестанской экспедиции». («Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», т. IV. М.—Л., 1948, стр. 55).

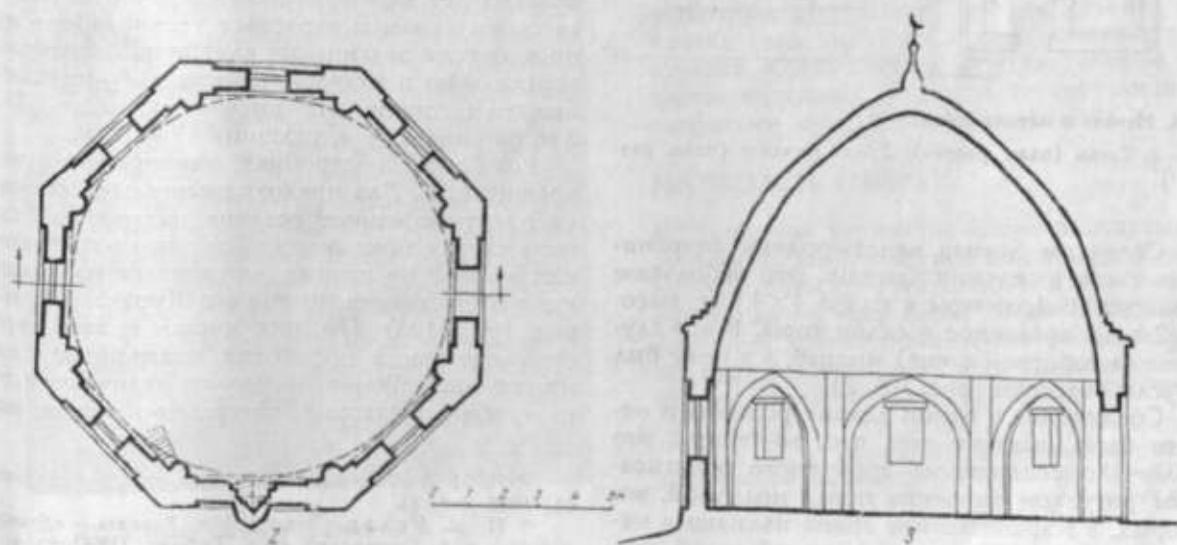
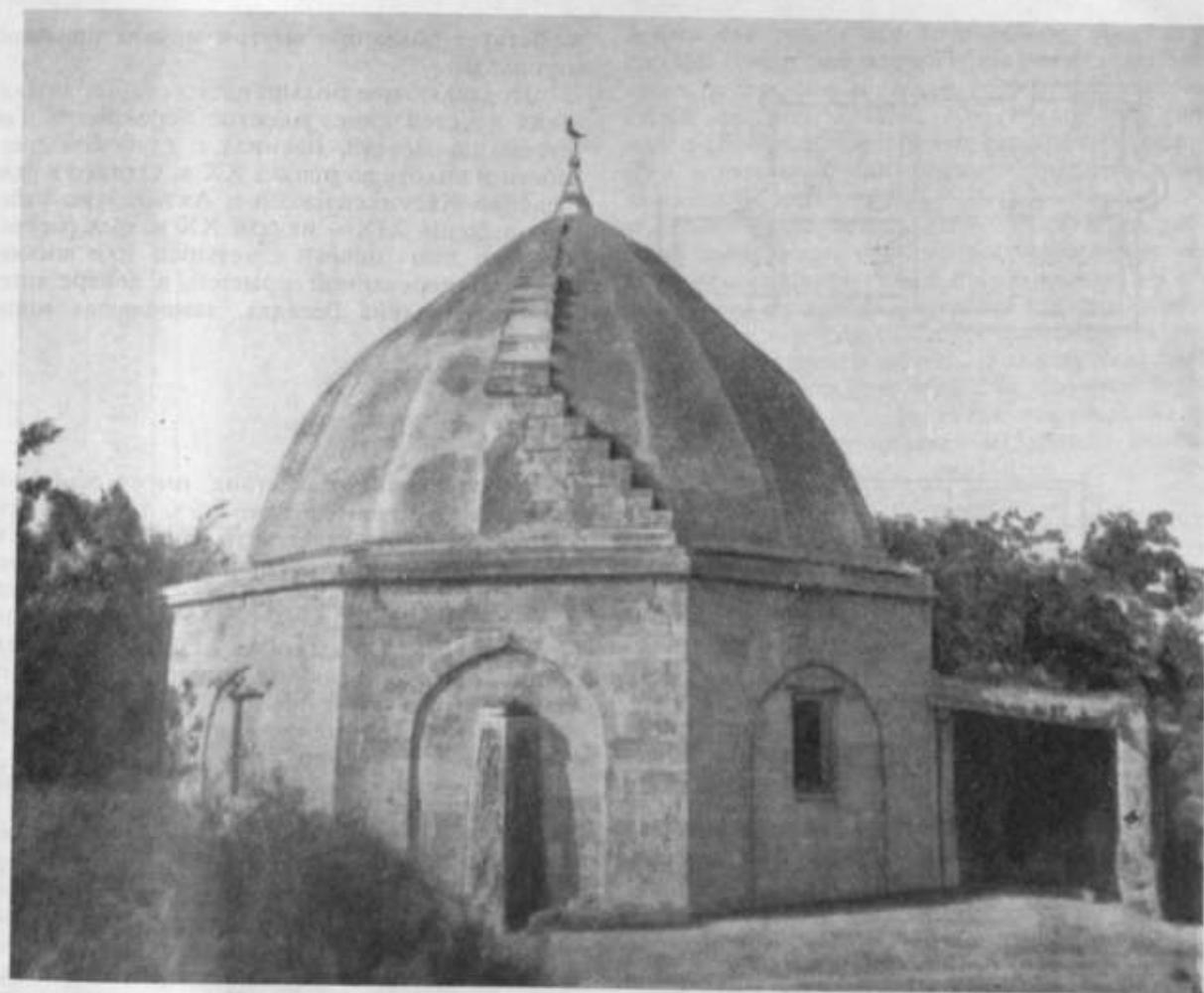
²³ А. И. Лавров сообщает местное предание, согласно которому Рутул и Хрюк долгое время враждовали из-за белого камня, венчавшего минарет (рутульский минарет близок по форме хрюкскому). Камень неоднократно переходил из аула в аул, но затем кто-то догадался в целях прекращения кровной вражды изготовить его точную копию и тайно установить ее на одном из минаретов (А. И. Лавров. Рутульцы в прошлом и настоящем. — «Кавказский этнографический сборник», III. М.—Л., 1958, стр. 118—119).

²⁴ Об этом пишет Н. Вучетич. — Газета «Кавказ», 1864, № 75.

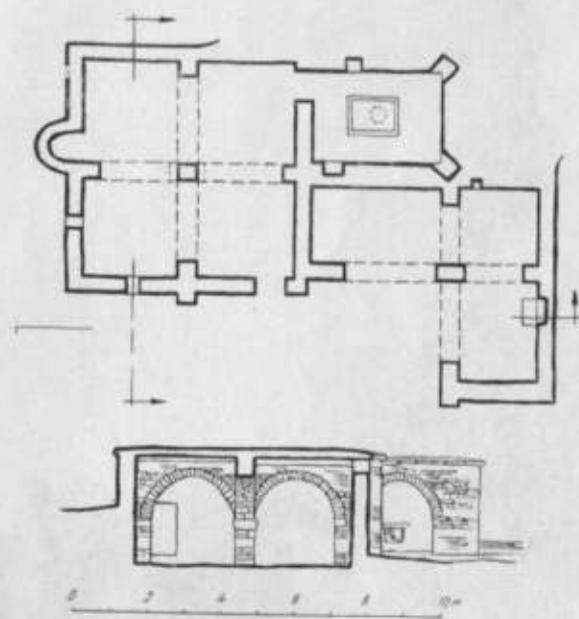
²⁵ Музей архитектуры им. А. В. Щусева, № Е-3759; «Русский художественный листок», 1851, № 15.

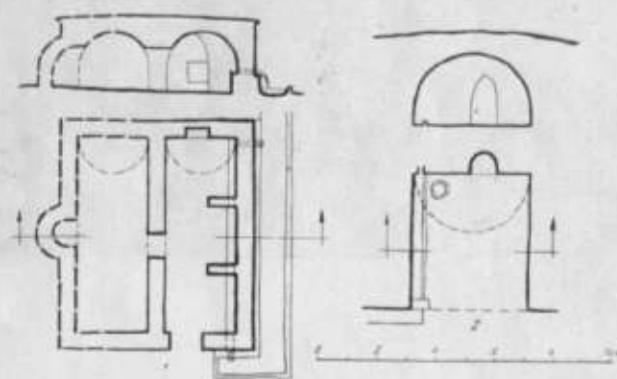
99. Минарет мечети в с. Хрюк

102. Мечеть в с. Юхари-Стал:
1 — общий вид; 2 — план; 3 — разрез

103. Мечеть-родник в с. Курах (разрез, план)

104. Мечети с источниками:

1 — с. Гогая (план, разрез); 2 — с. Кочхюр (план, разрез)

Сводчатая летняя мечеть-родник сохранилась также в селении Кочхюр. Это небольшое помещение (размеры в плане 4×4,6 м, высота 2,4 м), врезанное в склон горы. В его глубине (в торцевой стене) михраб, а в полу был круглый бассейн (рис. 104, 2).

Соединение в одном здании родника и мечети было вызвано тем, что, во-первых, это облегчало совершение требуемого религиозным ритуалом омовения перед молитвой, во-вторых, в жаркое летнее время наличие в мечети источника с холодной горной водой спо-

собствует созданию внутри мечети приятной прохлады.

Подавляющее большинство старых лезгинских мечетей имеет плоское перекрытие. Так строились мечети, начиная с глубокой древности и вплоть до начала XX в. Однако в ряде селений Касумкентского и Ахтынского районов в конце XIX — начале XX в. был распространен тип мечети с четырех или восьмигранной деревянной крышей, в центре которой установлена беседка, заменявшая минарет.

НАДГРОБИЯ

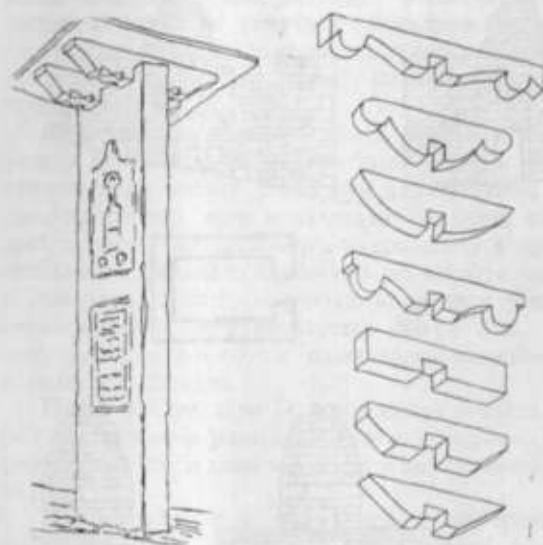
Каждое селение Дагестана имеет обширное кладбище, и чем древнее аул, тем большую площадь оно занимает. Это, в частности, объясняется тем, что распространенные в Дагестане каменные надгробия могут стоять веками, не разрушаясь от времени. Древнейшие мусульманские надгробия в Дагестане представляют собой полые внутри саркофаги слегка стрельчатой формы. Они устанавливались на могиле в направлении восток-запад²⁹. Такие надгробия сохранились, например, в Куркенте, где по преданию жил арабский правитель Кюринских земель³⁰.

Обычное лезгинское надгробие состоит из каменной плиты, лежащей над могилой, и вертикально поставленного камня, на котором высечены даты жизни умершего, различные изображения (на мужских могилах — конь, кинжал, на женских — кувшин, бусы и т. д.) и орнаментальный узор. По прошествии нескольких лет каменная плита обычно заносится слоем земли и зарастает травой. Поэтому практически лезгинские кладбища состоят из вертикально поставленных камней — надгробных памятников. Их высота достигает 2,5—3 м, ширина до 1 м, толщина 15—20 см.

Резьба на надгробиях, как правило, раскрашивается. Для предохранения этой росписи от атмосферных осадков надгробный камень сверху покрывается каменным колпаком или плитой на резных деревянных консолях, как это, например, принято в Курахском районе (рис. 105). По пропорциям и характеру орнаментальной обработки надгробные камни горных районов несколько отличаются от надгробий предгорий, которые во многом по-

²⁹ П. М. Деби́ров. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966, стр. 34.

³⁰ П. К. Усла́р. Этнография Кавказа. — «Языковедение», т. 6. Кюринский язык. Тифлис, 1896, стр. 4.

105. Надгробия в с. Курах:

рисунок надгробного камня (1315 г. хиджры — 1897—1898 гг.) и различные типы деревянных консолей

106. Надгробные камни в с. Орта-Стал

добны табасаранским надгробиям. Для надгробий предгорий характерны более приземистые пропорции и применение геометрического орнамента (рис. 106); надгробия горных районов имеют более стройные пропорции и покрыты, как правило, растительным орнаментом.

Близки по своему внешнему виду к надгробным памятникам и каменные стелы. Одна из них, относящаяся к XIV в., сохранилась в селении Курах и используется в настоящее время в качестве столба, поддерживающего навес перед входом в мечеть. Это каменная плита (из песчаника) высотой 2 м, шириной 50 см и толщиной 15 см. На стеле зафиксированы границы территориальных владений селения Курах (по-видимому, «вольного общества», главным аулом которого был Курах).

Текст надписи гласит: «Этой горы Курах: от мельницы Хибэтара до ровной местности [у] Пукуна и до Хаджиева камня, и до вершины Кул-Кула, и до горы Архита, и до моста Хараджа, и до тока Друштула и до вершины горы Хбюка. Это [же] лишние поддья со стороны юга: от Кулан-вира до Т-р-к-р-кила, выше Кимихюра и до речки под Тителем, и до Мугун-Курского ослиного стойла около монастыря Цилинги. В году 757 г.»³¹ Это соответствует 1356 г.

Представляет интерес упоминание в надписи таких типов сооружений, как мельница (по-видимому, водяная), мост, ток, стойло. Эта надпись свидетельствует, что многие лезгинские селения горной зоны существовали уже в XIV в.

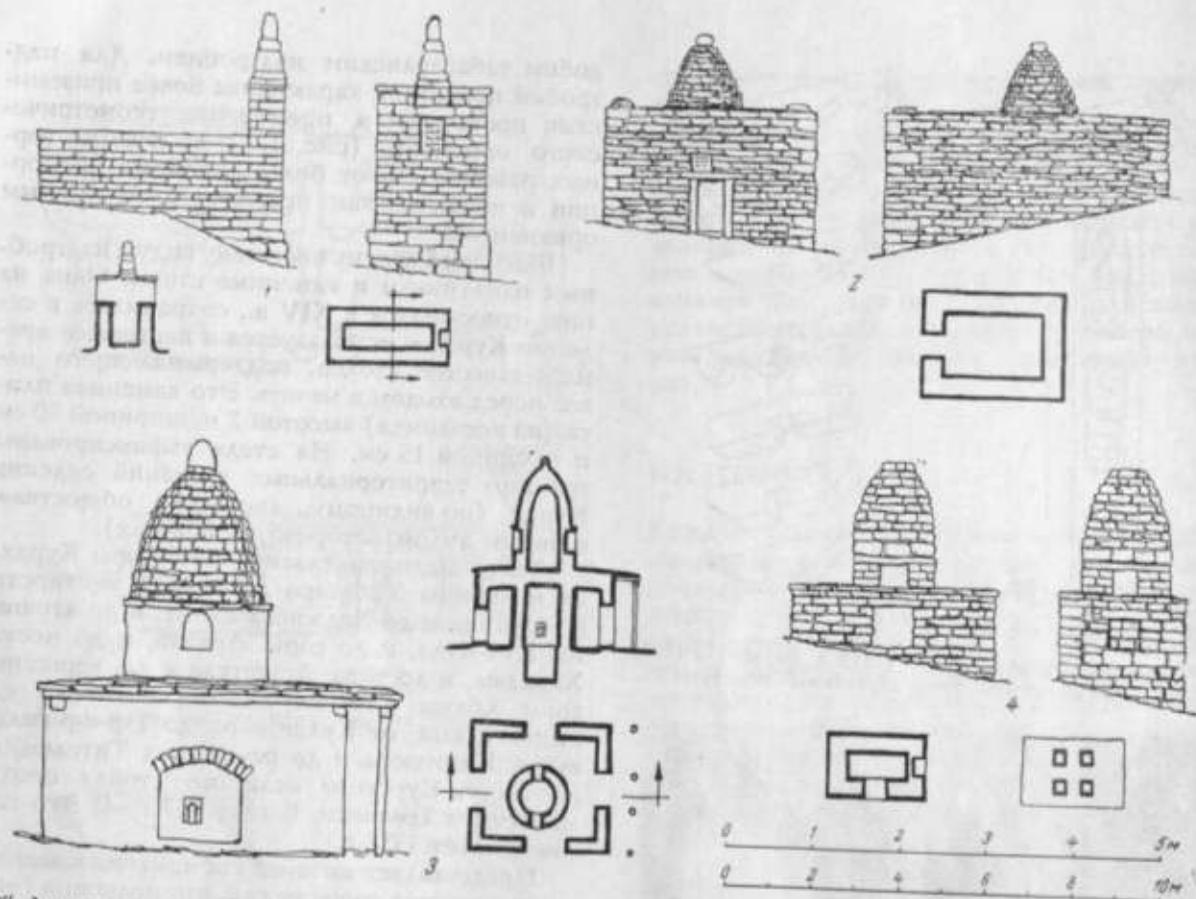
Интересно также и то обстоятельство, что кроме орнамента на стеле имеются рисунки животных (лев, птица, лошадь, дракон) и человека (всадник), что свидетельствует о живучести в лезгинском художественном творчестве народных традиций, не считающихся с запретами мусульманской религии.

МАВЗОЛЕИ (ПИРЫ)

В Дагестане термином «пир» обозначают сооружение, поставленное над могилой уважаемого («святого») человека³² или в память о нем (если он умер не на родине); пирами называют и другие почитаемые («святые») места, куда религиозные люди ходили на поклонение. «Религия лезгин, — пишет Л. Б. Па-

³¹ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции, т. XVII, стр. 375—377.

³² Такие могилы украшаются жертвенными тряпочками (Л. И. Лавров. Лезгины, стр. 118).

107. Лезгинские надгробия (фасады, планы, разрезы):
1 — с. Смугул; 2 — с. Куруш; 3 — с. Юхари-Мака; 4 — с. Ахты

нек, — представляет собой переплетение древних, домусульманских верований с более поздними мусульманскими. В каждом квартале селения имеются мечети, но наряду с ними всюду почитаются могилы прославившихся какими-либо чудесами святых (пиров)³³.

Простейшим типом пира является развитое надгробие, примером которого может служить пир в селении Смугул³⁴ (рис. 107, 1). Оно отличается от обычного надгробия тем, что могила обнесена каменным парапетом (высотой около 1 м). Стенка парапета, соответствующая вертикально стоящему камню (в обычных надгробиях), сделана выше, и наверху сложен из круглых камней невысокий обелиск. В фасадной стене пира в нише укреплен ка-

мень с надписью и датой. Общие размеры пира в плане $2,8 \times 1,3$ м. Такие пиры являются как бы переходным типом от простого надгробия к мавзолею.

Пир в с. Микрах тоже еще нельзя назвать мавзолеем в полном смысле этого слова (рис. 108). Это компактное, прямоугольное в плане сооружение, завершающееся плоским покрытием, но не имеющее внутреннего помещения.

Пир в с. Куруш (см. рис. 107, 2) — это уже мавзолей простейшего типа. Он сложен из грубо обработанного камня, завершается своеобразным «куполом» неправильной формы и имеет внутреннее помещение, куда ведет небольшая дверь. Общие размеры пира: в плане — $2,45 \times 3,30$ м, высота — до 2,5 м (вместе с «куполом»).

Наиболее распространенным типом мавзолея (пира) в лезгинской архитектуре явля-

ются небольшие квадратные³⁵ в плане сооружения с куполом тннутых пропорций, расположенные внутри селения, за селением (обычно на возвышенном месте), на кладбище или при дороге.

Простейшим типом такого «мавзолея» является замещающий надгробный камень миниатюрный памятник с глухим «куполком». Таков, например, пир в селении Гельхен, который состоит из низкого квадратного в плане цоколя и превышающего его по высоте почти в три раза глухого «куполка». Общая высота гелхенского пира немногим более 2 м. Высоту до 2 м имеют и памятники-«мавзолеи» в селении Хпедж.

Пиры в Кочкюре (сохранилось четыре пира) по форме и размерам ближе к купольным мавзолеям, но и они не имеют внутренней камеры.

Характерны для мавзолеев с внутренней камерой пиры селения Курах. Всего в ауле пять пиров, часть из которых расположена в самом селении, а другие размещены на окружающих его склонах гор.

Один из этих пиров (рис. 109, 110), высотой более 5 м, разделен внутри по высоте на два помещения, каждое из которых имеет свой вход. Нижняя камера имеет в плане неправильную форму, верхнее помещение занимает внутреннее пространство купола. Мавзолей стоит на одном из отрогов хребта и доминирует над селением. Его выразительный силуэт хорошо виден на большом расстоянии, а побеленный купол четко выделяется на фоне синего южного неба.

Второй пир с. Курах (рис. 109, 110), построенный в первой половине XIX в.³⁶, менее интересен по своему внешнему облику; его купол имеет неправильную форму и неудачные пропорции, но в то же время устройство внутреннего помещения этого пира более характерно для лезгинского мавзолея: оно квадратное в плане и не разделено по высоте на две части.

Среди большого количества лезгинских пиров-мавзолеев с квадратным основанием и круглым в плане куполом выделяются своими размерами и формой мавзолеи в селениях Орта-Стал, Штуа и Микрах.

Мавзолей в Орта-Стале (рис. 111) расположен внутри селения. Он сложен из хорошо

³³ Е. И. Козубский сообщает, что «около сел. Гильяр и Кирки (Магарамкентский район — С. Х.) могилам шейхов (четырёхугольный склеп из камня)» («Дагестанский сборник», вып. 1, стр. 161).

108. Пир в с. Микрах

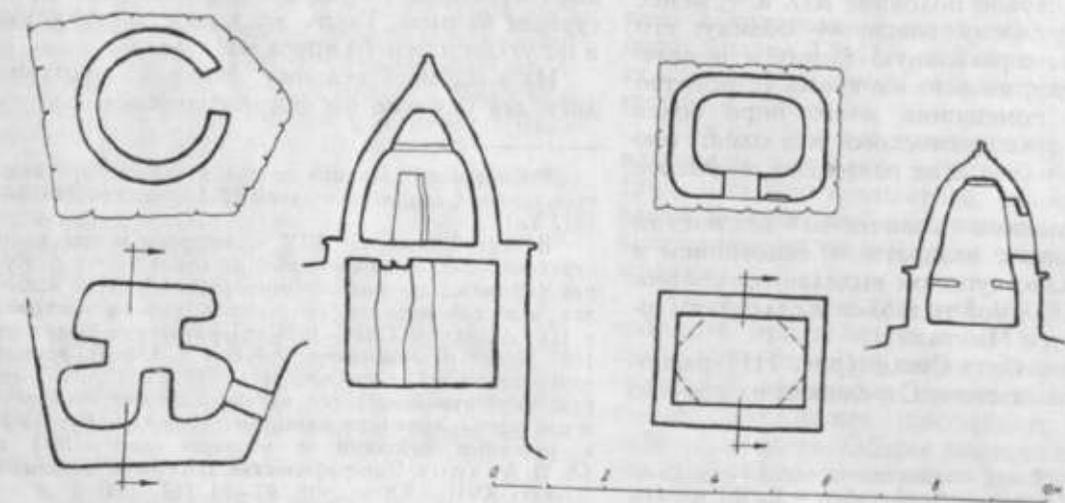
отесанного крупного камня на известковом растворе³⁷. Квадратное в плане помещение ($2,97 \times 2,95$ м), в котором находятся две могилы, перекрыто высоким куполом, имеющим выразительный силуэт и завершающийся фигурным камнем. Такие же камни поставлены и по углам нижнего яруса мавзолея.

На кладбище селения Микрах сохранились два близкие по форме мавзолея, соору-

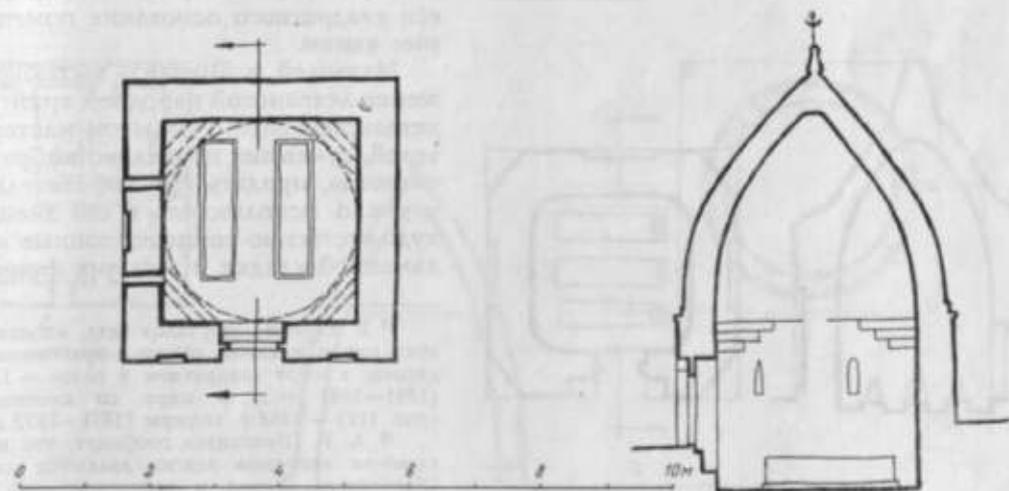
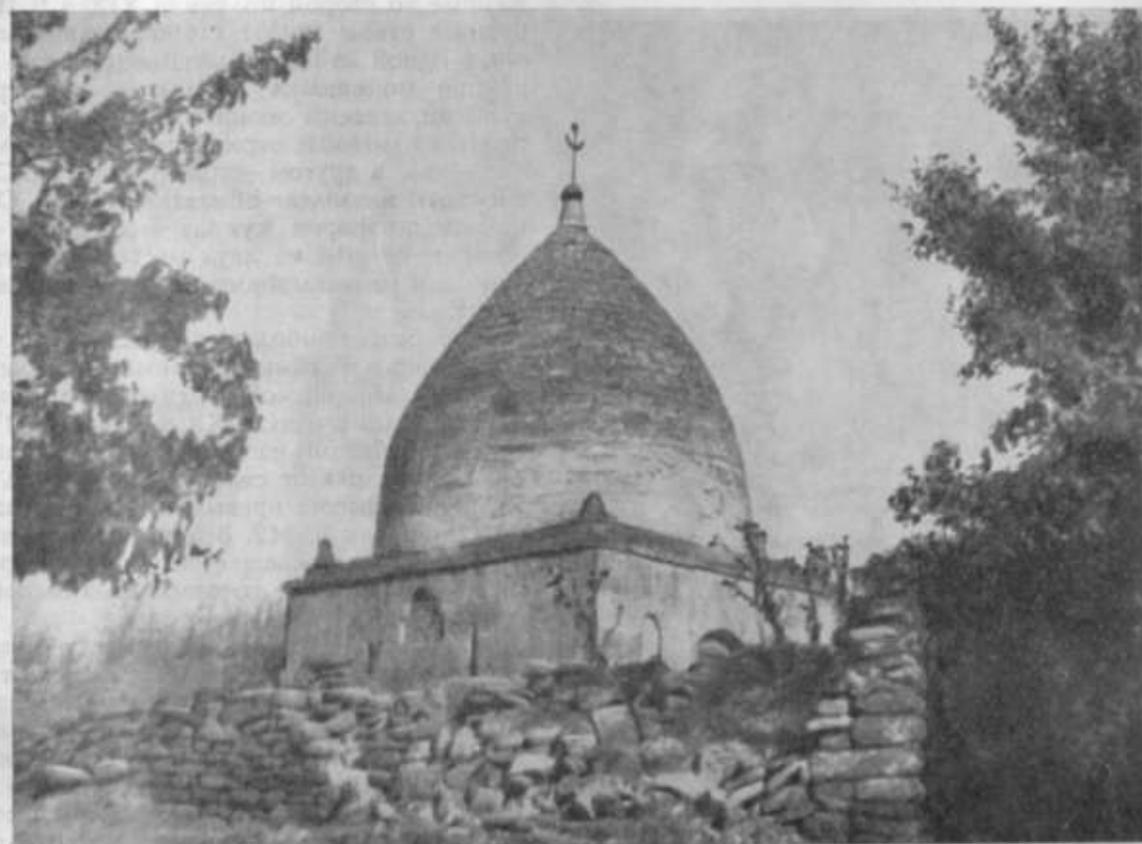
³⁴ Справа от входного проема в кладке пира имеется камень с надписью и датой 1252 г. хиджры (1836—1837 гг.).

³⁵ В первой половине XIX в. построен и еще один курахский пир, расположенный на левом берегу р. Курах-Чай, ниже селения. На помещенной в стене мавзолея арабской надписи сообщается, что он построен в 1240 г. хиджры (1824—1825 гг.) на могиле 39 воинов (во главе с начальниками Чубаном и Акаем), убитых неверными в 1227 г. хиджры (1812—1813 гг.). Л. И. Лавров, опубликовавший эту надпись, считает, что речь в ней идет о сражении казкумухского хана Сурхая II с русскими войсками и уточняет дату — 1811 г. (Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII—XX вв., стр. 93—94, 162—163).

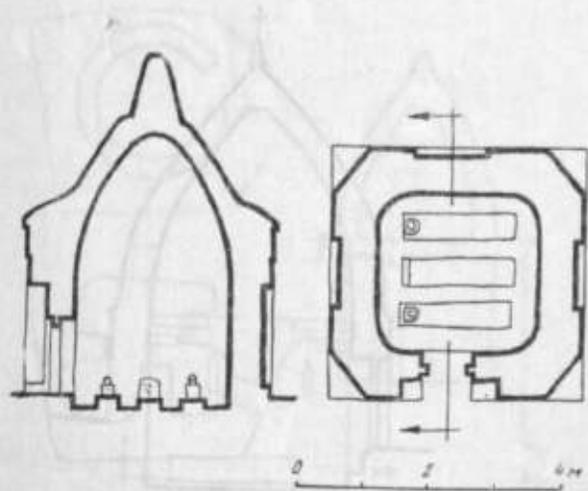
³⁷ По рассказам стариков мавзолей был капитально перестроен в 1332 г. хиджры (1913—1914 гг.).

109—110. Мавзолеи (пиры) в с. Курах: общие виды, разрезы, планы (нижней камеры и купола)

111. Мавзолей в с. Орта-Стал: общий вид, план, разрез

112. Мавзолей в с. Микрах: общий вид, разрез, план

женные во второй половине XIX в.³⁸ Их наружные стены имеют глубокие арочные ниши, в одной из которых помещен вход. Внутренние помещения мавзолеев, перекрытые куполом, лишены оконных проемов; в них находятся каменные саркофаги: в одном мавзолее — два, в другом — три (рис. 112). Снаружи стены мавзолеев обмазаны глиной. Оригинальны по форме купола этих пиров — они состоят как бы из двух частей, собственно купола и поставленного на его вершине обелиска.

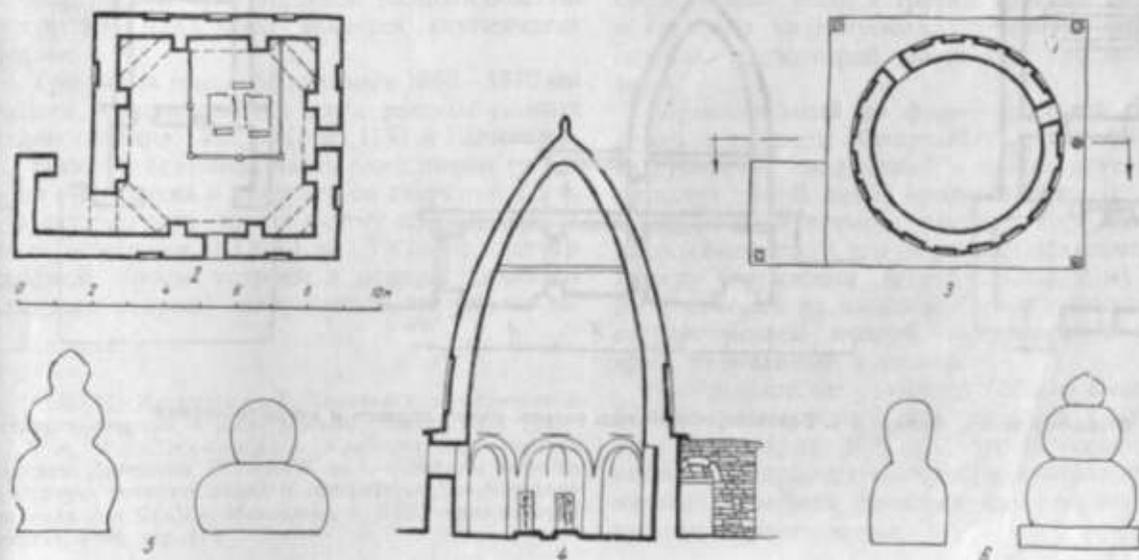
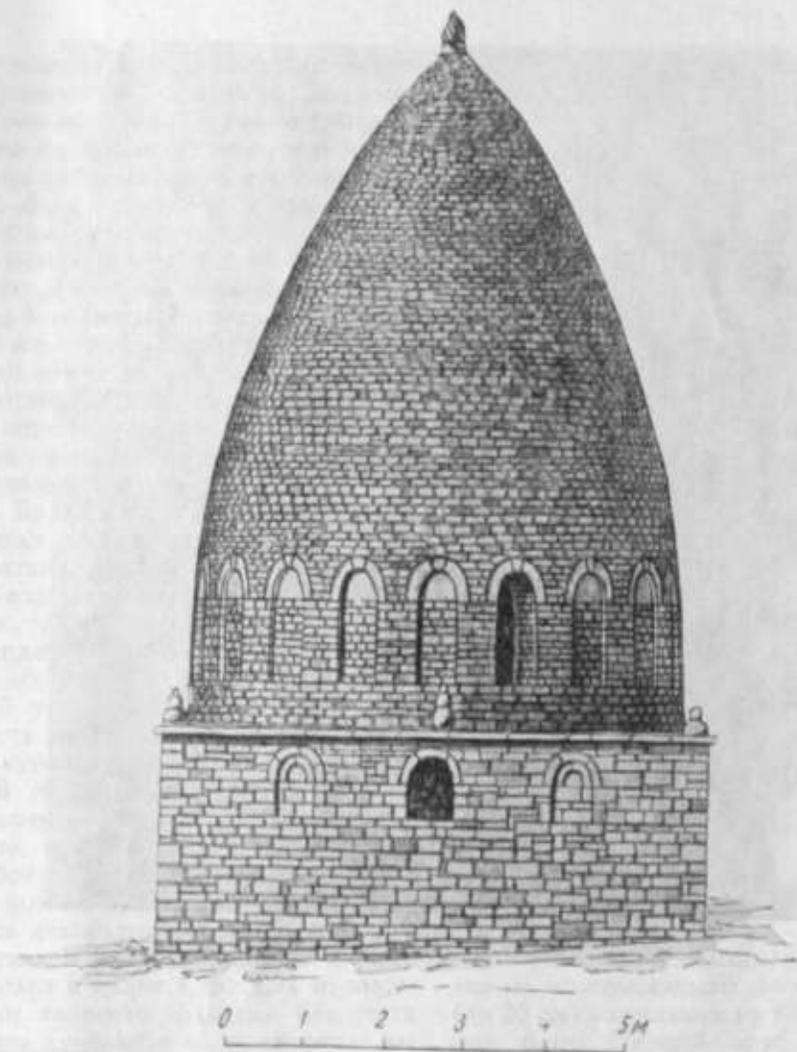
Одним из наиболее интересных и в то же время одним из самых крупных по размерам³⁹ во всей дагестанской архитектуре является построенный в начале XX в. мавзолей Гасана Эфенди, стоящий на высокой горе в нескольких километрах от селения Штул (рис. 113). Его общая высота превышает 11 м, а размеры в плане равны 6,8×7. Внутреннее помещение этого мавзолея освещается четырьмя арочными окнами, два из которых расположены в нижней части купола.

Рационально с технической точки зрения сделан в штульском мавзолее переход от квадратного основания к куполу: углы квадратного основания перекрыты арками, опирающимися на восемь выступов; получившийся восьмигранный перекрыт в свою очередь по углам каменными балками, и уже на этом шестнадцатигранныке возведен купол круглый в плане. Фасады мавзолея сложены из хорошо отесанного камня и обработаны декоративными арочными нишками. На вершине купола мавзолея, а также по углам и в центрах сторон его квадратного основания помещены фигурные камни.

Мавзолей в Штуле — выдающееся сооружение лезгинской народной архитектуры, свидетельствующее о большом мастерстве строителей, сумевших правильно выбрать место для мавзолея, придать ему выразительную форму и умело использовать в его внешнем облике художественно-композиционные возможности каменной кладки и арочных форм.

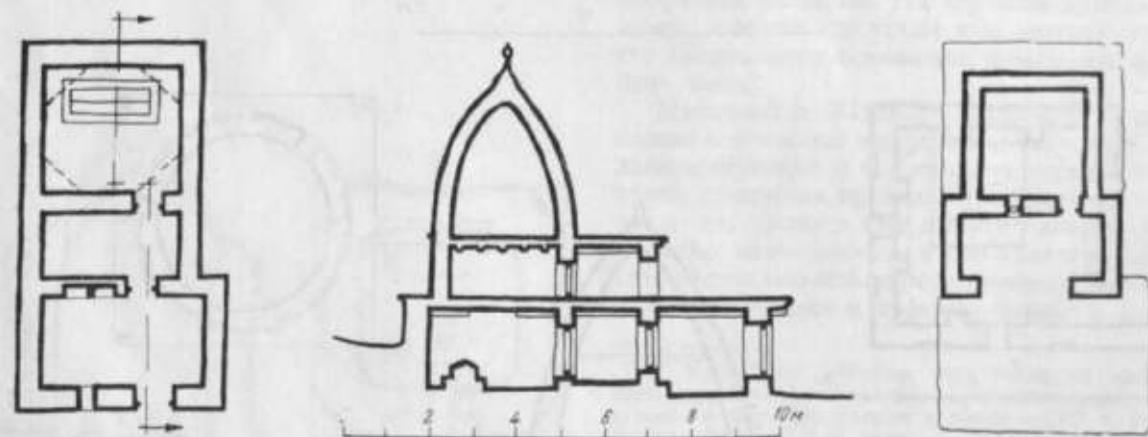
³⁸ В глубине порталов над входными проемами этих пиров имеются камни с арабскими надписями и датами: в пире квадратном в плане — 1309 г. хиджры (1891—1892 гг.), в пире со скошенными углами (рис. 112) — 1288 г. хиджры (1871—1872 гг.).

³⁹ А. Р. Шихсаидов сообщает, что наиболее почитаемыми «пирами» лезгин являются находящаяся на Шалбуздаге могила и расположенный близ селения Лгар («Пиркенд») Ахтынского района мавзолей религиозного деятеля XIII в. шейха Мир Сулеймана. Этот мавзолей неоднократно возобновлялся, о чем свидетельствует надпись, датированная 1200 г. хиджры (1786 г.) (А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 160—161).

113. Мавзолей близ с. Штул

1 — фасад; 2 — план; 3 — план купола; 4 — разрез; 5—6 — детали (фигурные камни)

114. Мавзолей шейха Ахмада в с. Гельхен: общий вид, разрез, планы первого и второго этажей

Наряду с различными вариантами основного типа купольного каменного мавзолея (квадратный низ и круглый в плане купол) в аулах Южного Дагестана встречаются и другие типы купольного мавзолея, отличающиеся от основного более сложной объемно-пространственной композицией.

Одним из наиболее крупных и почитаемых пиров Южного Дагестана является мавзолей шейха Ахмада в селении Гельхен (рис. 114), упоминаемый и в одной из статей Е. И. Козубского, который отмечает, что этот пир известен как помогающий «от засух»⁴⁰. Действительно, этот пир был местом паломничества. Сюда издалика приходили верующие и совершали ритуальные обряды в надежде вызвать дождь и т. д. Брали воду из родника вблизи пира и выливали ее в речку — считалось, что, когда эта «святая» вода достигнет моря, пойдет дождь. В кладке мавзолея камень с арабской надписью, где сообщается, что он построен в 1031 г. хиджры (1622 г.)⁴¹.

По своим абсолютным размерам гельхенский мавзолей уступает только шульскому. Основная часть мавзолея имеет три этажа и завершается куполом, со стороны главного фасада к ней пристроены еще два отсека: один двухэтажный, другой — одноэтажный. Таким образом, мавзолей имеет ступенчатую (со стороны боковых фасадов) и одновременно ярусную композицию. В кладке купола мавзолея — два декоративных пояса, а на его вершине поставлен фигурный камень. Общие размеры мавзолея в плане 4,75 × 8,32 м; высота (со стороны главного фасада — без учета того, что задняя купольная часть частично заглублена в склон горы) — более 7 м.

Еще одной оригинальной разновидностью покрытия мавзолеев является ступенчатая форма.

Три таких пира, датируемых 1860—1870-ми годами, сохранились в двух расположенных рядом селениях Урсун (рис. 115) и Шимижур.

Нижняя основная часть этих пиров (у одного она близка к квадрату со стороной 2,3 м, а у двух других имеет форму прямоугольника с размерами 2,3 × 3,1 и 1,7 × 2,7 м, причем входной проем устроен в центре одной из длинных сторон) завершается трехступенчатой

115. Мавзолей в с. Урсун

той композицией, каждый ярус которой отделен от нижележащего сильно выступающими (до 20 см) карнизами из тонких (5 см) каменных плит. Первый ярус этого «купола» — прямоугольный в плане, второй — имеет округленные углы, а третий круглый в плане и сделан в виде купола, усеченного круглой плитой, на которой поставлен круглый камень.

Оригинальный по форме мавзолей обследован в селении Юхари-Мака (рис. 107, 3). Его нижний квадратный в плане ярус представляет собой нечто вроде галереи (с проемами во всех четырех стенах), окружающей расположенную в его центре цилиндрическую камеру (наружный диаметр более 2 м). Над этой камерой на плоской крыше первого яруса расположен второй квадратный в плане ярус, увенчанный куполом.

Небольшой по размерам (общая высота — 2,7 м) трехъярусный пир стоит на кладбище аула Ахты (рис. 107, 4). Его декоративный «купол» опирается на четыре квадратных каменных столбика, стоящих на плоском перекрытии первого яруса.

⁴⁰ Е. И. Козубский. Заметки о памятниках и остатках старинных в Дагестанской области, стр. 161.

⁴¹ А. Р. Шихсаидов. Арабские строительные надписи Дагестана (XI—XVII вв.). — «Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР». Махачкала, т. XIII, серия историческая, 1964, стр. 119.

Многие пиры огораживали каменной оградой. Иногда такой огороженный участок бывает минимальных размеров, причем между оградой и стенами самого пира оставляются лишь узкие проходы — щели, а сама ограда воспринимается фактически как часть мавзолея. Например, таковы ограды двух пиров в селении Хпедж, почти примыкающие к наружным стенам мавзолеев; из-за них (высота ограды одного пира 1,6 м, длина стороны — 4,1 м) видны лишь купола. А в ауле Кочхюр один из пиров не только окружен каменной оградой, но и покрыт навесом.

Мавзолеи в аулах Южного Дагестана обычно ставят на выигрышных в композиционном отношении местах — на вершине хол-

ма, на склоне горы, при дороге и т. д. Труднее бывает композиционно выделить небольшое здание мавзолея, если он по тем или иным причинам расположен внутри селения, среди его плотной застройки. Но и в этом случае мастера-строители находят оригинальные объемно-пространственные решения, «подключая» мавзолей к более крупному сооружению и превращая его в своеобразный композиционный акцент.

Небольшой мавзолей в ауле Кочхюр сооружен при въезде на арочный мост через горную речку и образует вместе с мостом единую архитектурно-художественную композицию (см. рис. 82), причем оба сооружения явно выигрывают от такого объединения.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

(Лезгинское зодчество и некоторые вопросы теории)

В настоящее время, когда индустриальное строительство по типовым проектам стало основой развития архитектуры, большое значение приобретает изучение исторического опыта массового строительства прошлого. Народная архитектура как раз и является массовой по самой своей природе, поэтому изучение ее опыта и принципов работы мастеров может иметь большое значение для выработки правильного подхода ко многим творческим проблемам современного строительства.

Народные мастера органически сочетали функциональные, художественные, конструктивные и экономические требования, предъявляемые к тому или иному зданию. Приемы и принципы народного зодчества складывались веками, в них заключен опыт многих поколений, причем сохранялось лишь то, что выдерживало проверку временем. Именно поэтому они имеют большую объективную ценность. Это относится и к лезгинской архитектуре, которая практически в прошлом не вышла из стадии народного зодчества.

Многому можно научиться у народных строителей в области учета климатических условий и быта, применения местных строительных материалов, использования рельефа местности и т. д. Сейчас многие творческие и теоретические проблемы архитектуры оказались тесно связанными с вопросами типизации и стандартизации. Освоение опыта старых мастеров и в этом вопросе может помочь правильно подойти к целому ряду проблем. Типизация жилых домов имеет многовековую историю, причем стремление к типизации жилого дома отчетливо обнаруживается в строительстве, обслуживавшем трудящиеся классы, в том числе и в народном жилище.

Материал по народной архитектуре Южного Дагестана позволяет проследить различные этапы сложения в XIX в. таких «типовых»

жилых домов в отдельных районах. Первый этап хорошо иллюстрируется примером лезгинского народного жилища горной зоны (Курахский, Ахтынский и Докузпаринский районы). Здесь в XIX в. фактически были созданы уже все предпосылки для появления «типового» жилого дома, так как его отдельные элементы уже стали общепринятыми. Это двухэтажный жилой дом, в первом этаже которого помещается коридор с лестницей на второй этаж и помещение для скота, а на втором — лоджия и две комнаты (кунацкая и жилая). Однако единой каноничной планировки дома и композиции его фасада не было выработано. К стадии «типизации» было близко в этих районах лишь объемно-планировочное решение кунцацкой комнаты, наиболее интересные образцы которой сохранились в селениях Маза, Куруш и Кара-Кюре.

Второй этап выработки «типового» жилого дома можно проиллюстрировать на примере жилого строительства в крупном лакском селении Кули.

Когда готовы все основные предпосылки для появления единого типа дома, но все же имеется большое количество вариантов его решения, могут быть различные причины, влияющие на выбор одного из лучших вариантов и канонизации его на какой-то период. Здесь может сыграть роль и такое, казалось бы, незначительное на первый взгляд обстоятельство, как обязательное требование (по обычному праву) строить выделяемым из хозяйства нескольким сыновьям дома, в деталях повторяющие дом отца, или строительство большей части домов в данном селении одним и тем же мастером или строительной артелью.

Трудно сказать, какая причина повлияла на появление в XIX в. в Кули нескольких совершенно одинаковых жилых домов и был ли это единый тип жилого дома для всего селе-

ния. До настоящего времени в Кули сохранилось четыре таких дома. Это трехэтажный жилой дом, расположенный (как и все селение) на очень крутом рельефе и в окружении примыкающих к нему других жилых домов. Все этажи дома имеют вход непосредственно с улицы, а его фасад оказывается свободным от соседней застройки лишь в своей верхней части, которая хорошо видна с дальнего расстояния (вся застройка селения представляет собой как бы единое ступенчатое сооружение). В каждом этаже такого дома расположено одно помещение: в первом — для скота, во втором — зимнее жилье (и одновременно кладовая), в третьем — летнее жилье. В центре обеих жилых комнат стоит столб (в третьем этаже с фигурной подбалкой), поддерживающий прогон перекрытия.

О «типовом» фасаде жилого дома из селения Кули можно говорить лишь по отношению к его верхней трети, возвышающейся над окружающей застройкой. Верхняя часть фасада сложена из хорошо отесанного камня и отделена от нижней, сложенной из рваного камня, прямоугольной полочкой. На фасад выходят два окна с выступающими из кладки стены арочными обрамлениями. Завершается фасад сложным карнизом с деревянными прокладками, консолями и полочкой.

Третий этап «типизации» жилого дома можно проиллюстрировать на примере цахурского селения Цахур, где в XIX в. был выработан каноничный тип одноэтажного жилого дома¹. «Типовой» дом Цахура состоял из жилой комнаты, небольшой прихожей и кухни; на его фасад (стена из мелкого необработанного камня с деревянной прокладкой) выходил выступ камин, два окна и прямоугольный портал в нише. Подобная планировка дома стала почти стандартной. Если два женатых брата строили общий одноэтажный жилой дом с одним входом, то в таком доме оказывались объединенными две стандартных ячейки. Если же из-за недостаточных размеров участка родственные семьи строили на крутом рельефе двухэтажный жилой дом, то он представлял собой как бы поставленные друг на друга два жилых дома с одной и той же стандартной ячейкой (со входами с разного уровня).

Наконец четвертый, последний этап «типизации» жилого дома в условиях Южного Дагестана можно проиллюстрировать на при-

мере двухэтажного табасаранского жилого дома середины XIX в.² (первый этаж — хлев, второй — четыре жилых помещения). Жилые дома с каноничной конструкцией, планировкой и композицией фасада встречаются в десятках табасаранских селений Хивского и Табасаранского районов, а также в ряде лезгинских селений Касумкентского района, входивших в прошлом в табасаранское феодальное владение. Такой тип дома считался, по-видимому, общепринятым, и от его канонического решения не отходили даже в том случае, когда необходимо было построить дом большей или меньшей вместимости, чем обычный. В первом случае к каноничному плану дома добавляли еще две комнаты, сохраняя «типовую» композицию фасада. Во втором случае, наоборот, площадь дома уменьшали на две комнаты. Лишь в редких случаях шли на нарушение композиции фасада, уменьшая дом за счет его боковой части.

Приведенные выше примеры показывают, какой сложный путь проходит народная архитектура прежде, чем создаются условия появления «типового» жилого дома, в котором оказываются сконцентрированными опыт и талант нескольких поколений народных мастеров строителей. Этот опыт представляет интерес и в связи с тем, что народное жилище, как социальный тип жилого дома, по целому ряду существенных признаков близко в принципе (а не по форме) к нашему современному жилому дому.

В чем же близость народного жилища к современному жилому дому? Во-первых, в том, что оно строится самим народом для себя. Следовательно, степень удобства определяется не соображениями получения прибыли, а исходит из особенностей бытового уклада, природно-климатических условий и материальных возможностей. Во-вторых, современный жилой дом и народное жилище в своей основной массе рассчитаны на массового потребителя с одинаковым социальным положением. В-третьих, они выполняют лишь функцию жилища (в то время как жилище господствующих классов выполняло одновременно и ряд функций общественных зданий). Речь, разумеется, идет только о принципиальной близости самих типов современных жилых домов и народного жилища. Уровень развития производительных сил и запросы потребителя в народном зодчестве прошлого и в нашем обществе существенно отличаются; об-

щим здесь является лишь самая специфика жилого дома, которая проявляется по-разному, в зависимости от конкретных исторических условий. Именно социальное равенство массового потребителя (мы имеем в виду основную крестьянскую массу в феодальной деревне, где имущественное расслоение еще не приобрело резкого характера) и позволило в народном зодчестве выработать в каждой местности единый широко распространенный тип жилого дома с каноничными планом и фасадом.

Известная типологическая близость народного жилища и современного жилого дома позволяет сравнивать их композиционную роль в ансамбле жилой застройки, состоящей из однотипных домов, и специфику их архитектурного образа.

И для народного жилища, и для современного типового жилого дома характерна рациональность планировки и конструкции, простота и скромность внешнего облика, единообразие (но не обязательно однообразие) в архитектурно-художественной обработке. Однако нельзя не отметить, что самый процесс выработки типа жилого дома в обоих случаях различен. В народной архитектуре профессиональное совершенство канонического типа жилого дома — планировочное, конструктивное, художественное — объясняется его распространенностью, т. е. тем, что над его созданием работали поколения мастеров многих селений. В современной же архитектуре, наоборот, широкое распространение того или иного типового проекта должно определяться его совершенством.

Различен и характер творчества зодчих. В народной архитектуре, сооружая новый дом, мастер воспроизводил общераспространенный тип жилища, лишь в небольших пределах видоизменяя его с целью приспособления к конкретным потребностям определенной семьи и придания его облику своеобразия. Современный же архитектор заново создает типовой проект с учетом новейших научно-технических достижений, причем, принятый в качестве типового, этот проект используется многократно без изменений.

В большой работе по отбору всего того лучшего и проверенного практикой, что может быть использовано в типовом проекте, советским архитекторам может помочь богатый опыт народного зодчества, где этот процесс отбора шел многие годы и где были выработаны определенные принципы этого отбора. Народное зодчество — это определенная стадия развития архитектуры, предполагающая

наличие целого ряда специфических условий: традиционность, ограниченность узким кругом тем (или форм), коллективность творчества и т. д.

Под народной архитектурой обычно понимают жилые, хозяйственные и другие сельские постройки, созданные народными мастерами-строителями без участия профессиональных архитекторов. Причем в народном зодчестве зачастую заказчик, архитектор, строитель и потребитель не отделены друг от друга. Характерная для народного зодчества строгая преемственность дает возможность его мастерам создавать выдающиеся в художественном отношении произведения, в которых как бы сконцентрированы талант и опыт многих поколений безвестных мастеров. Труд народного зодчего во многом напоминает работу ремесленника, которая характеризуется усвоением традиций узкого мастерства и постепенным их развитием. Тщательно изучив все приемы, выработанные до него, народный мастер строго придерживается традиции, варьируя эти приемы в очень ограниченных пределах. Поэтому достоинства произведений народной архитектуры меньше, чем в профессиональной архитектуре, зависят от степени одаренности того или иного мастера и в значительной степени определяются принципами создания художественного образа, характерными для народной архитектуры. Основное в этих принципах — это конструктивная или функциональная обусловленность практически всех архитектурно-художественных элементов (за исключением чисто символических). В подлинно народном зодчестве, как правило, отсутствуют элементы стилизации, которая в профессиональной архитектуре проявляется в стремлении использовать из опыта прошлого не только общие творческие принципы и композиционные закономерности, но и сами архитектурные формы, возникшие на иной функционально-конструктивной основе.

В народном зодчестве архитектурный элемент редко служит чисто декоративным средством. Для подлинного народного зодчества неприемлемо «украшение архитектуры архитектурой». Стремясь усилить художественную выразительность здания (желая украсить постройку), народный мастер не добавляет к фасаду или интерьеру чисто декоративные детали, а берет ту или иную конструктивно или функционально необходимую деталь и доводит ее форму до художественного совершенства (или декоративно обрабатывает ее, например, используя

¹ С. О. Хан-Магомедов. Архитектура цахуров. — «Архитектурное наследие», № 13, М., 1961, стр. 38—40.

² С. О. Хан-Магомедов. Жилище табасаран. — «Советская этнография», № 4, 1951, стр. 202—203.

орнамент). Следовательно, в народном зодчестве архитектурные формы не применяются для изображения конструктивного или функционального элемента, которого на самом деле в здании нет. Степень художественной выразительности и декоративности фасада или интерьера определяется здесь большей или меньшей художественной обработкой функционально или конструктивно необходимых элементов.

Это наглядно можно проследить на примере народного жилища Южного Дагестана. Так, фасады «типовых» табасаранских домов XIX в. отличаются друг от друга именно степенью художественной обработки деревянных деталей. Например, фасад дома Абдулаева в селении Зизик³ прост по композиции, но в то же время достаточно выразителен и хорошо отражает внутреннюю планировку дома и его конструктивный скелет. На фасад выходят заложённые в кладку стен деревянные прокладки, которые, помимо своей конструктивной роли (придают большую устойчивость дому в условиях сейсмички; кроме того, на них опираются оконные коробки и балки перекрытий), служат еще и элементами архитектурной композиции. Карниз дома поддерживается деревянными консолями, которые представляют собой выпущенные наружу концы основных прогонов перекрытия. Таким образом, композиция фасада дома Абдулаева создается общими пропорциями дома и взаиморасположением конструктивно и функционально необходимых элементов — дверь, окна, деревянные прокладки, консоли карниза.

Хорошо подчеркнута различие строительных материалов, из которых сложен дом; все деревянные части тщательно обработаны и смазаны нефтью (для предохранения от гниения), поэтому они хорошо выделяются на фоне грубо обработанной каменной кладки светло-охристого цвета. На фасаде дома Абдулаева мы не видим ни одной архитектурной детали, предназначенной специально для украшения. Народный мастер сумел здесь простыми средствами — правильным расположением, умелой обработкой и выразительной формой конструктивно необходимых элементов, удачно найденными пропорциями — создать подлинно художественную композицию фасада жилого дома.

³ Жилые дома лезгин селений группы Дере-Кам (в том числе и селение Зизик) рассмотрены в кн.: Г. Н. Любимова и С. О. Хан-Магомедова. Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956.

Дом Абдулаева — это жилище рядового крестьянина. Подобные дома были характерны в XIX в. для большинства жилых построек табасаранских аулов (и ряда соседних с ними лезгинских аулов, к которым, кстати, относится и селение Зизик). Сооружение такого дома при наличии местных строительных материалов (камень, обилие леса в этом районе) не представляло особых трудностей, тем более, что существовал местный обычай помогать односельчанину при постройке жилища. Однако в архитектуре дагестанского народного жилища уже в XIX в. нашло отражение имущественное неравенство жителей аула. Тем не менее тип дома оставался общим, так как имущественное различие, как ни было оно порой резким, проявлялось, как правило, в рамках одного класса — крестьян.

Дома феодалов — беков, ханов — разумеется, уже значительно отличаются от крестьянских. Дома же зажиточных крестьян выделялись среди других построек аула только тем, что кладка их фасадной стены состояла из тесанного камня (причем отдельные камни покрывались резьбой), а деревянные детали (окна, двери, консоли карниза, деревянные прокладки) художественно обрабатывались и покрывались орнаментальной резьбой. Стоимость такой орнаментальной резьбы часто была выше затрат на постройку самого дома. В этих условиях наличие на фасаде художественно обработанных деталей становилось своеобразной вывеской материального положения хозяина дома. Эту роль архитектурного декора в народном зодчестве нельзя недооценивать. Например, именно отношение к декору как к мерило богатства хозяина дома вызывало в архитектуре почти любого народа развитие прежде всего трудоемких форм декора.

В качестве характерного примера жилища богатого крестьянина можно назвать дом Курбанова в табасаранском селении Цудук. Его конструкции, планировка и композиция фасада ничем существенным не отличаются от дома Абдулаева. Но входная дверь и окна покрыты прекрасной орнаментальной резьбой («плетенка»). Особенно выделяется по своей художественной обработке трехпроемное окно второго этажа. Кладка фасада состоит из тесанного камня, причем некоторые камни резные.

Архитектура народного жилища обычно настолько органична, что в ней невозможно найти что-нибудь лишнее — ни в композиции фасада, ни в интерьере.

В качестве примеров интерьера дагестанского жилища, где функционально и конструктивно необходимые элементы объединены в художественную композицию, можно привести дома Ибрагимова из цахурского селения Мишлен и Каузова из селения Цахур, построенные также в XIX в. Интерьер старого цахурского дома складывается из самых необходимых элементов. Народные мастера-строители максимально использовали потенциальные возможности каждого функционально необходимого элемента жилой комнаты: так была создана система ларей для зерна, оформляющая обычно одну из боковых стен; была создана и своеобразная композиция из дверей кладовых и ниш, которые вместе с антресолями и столбиками оформляют другую стену (противоположная стена обычно занята окнами и камином). Большую роль в архитектуре интерьера играет и оригинальная конструктивно-декоративная система перекрытия жилой комнаты. Деревянные части интерьера обычно от дыма очага становились темно-коричневого цвета. Они резко выделялись на фоне побеленных стен, а глинобитные полы покрыты яркими коврами. Металлическая и глиняная посуда и яркие постельные принадлежности складывались в нишах.

Подобный интерьер цахурского дома был создан, по-видимому, еще в XVII—XVIII вв. в домах, где жила большая родовая семья и, следовательно, требовалась большая жилая комната. Позднее, в XIX в., такой интерьер получил дальнейшее развитие уже в богатых домах и сохранился вплоть до конца XIX — начала XX в.

Дом Каузова в селении Цахур построен в конце XIX в. На примере этого дома особенно наглядно видно, как разумно и умело народные мастера предусматривали в интерьере все потребности семьи. Жилая комната этого дома относительно большая по своим размерам: ее площадь — 33 кв. м. Планировка и общая композиция комнаты традиционны; все ее стороны (стены) обработаны в одинаковой степени, поэтому трудно сказать, какая стена интерьера — главная в его композиции. Здесь нет сложных по форме, обильно украшенных орнаментальной резьбой деталей; деревянные части интерьера просты, без излишней вычурности.

Выходящая на фасад стена основной жилой комнаты прорезана двумя большими окнами (110×75 см), между которыми расположен простой по форме камин с небольшой деревянной полочкой над отверстием очага.

По бокам камин, под окнами, низ которых на 165 см выше уровня пола, в стене устроены ниши для посуды. Камин, окно и ниши расположены почти симметрично по отношению к центральной оси стены.

Стена, противоположная фасадной, как обычно, занята входами в кладовые и антресолями. Кладовые предназначены: одна — для муки, другая — для молока. Ниши между дверями в кладовые используются для хранения различных мелких вещей. Антресоли отгорожены от комнаты невысоким деревянным парапетом с четырьмя столбиками, на фигурные подбалки которых опирается балка перекрытия. В задней стене антресолей устроены две большие ниши. Антресоли предназначались для хранения продуктов: сыра, масла, мяса. Под антресолями на стене — полка для посуды.

Обе боковые стены комнаты заняты ларями для зерна, и лишь третья часть одной из стен оставлена свободной — там находится входная дверь. С этой стороны над ларями устроены деревянные антресоли с таким же деревянным парапетом, как у антресолей над кладовыми; над самой дверью имеется небольшая полка для мелких вещей. Вторая боковая стена не имеет антресолей над ларями, на ней почти под самым потолком укреплен деревянная полка на плоских резных деревянных консолях. Перекрытие комнаты поддерживается двумя основными прогонами круглого сечения (диаметром 35 см). Под самым потолком укреплены две длинные жерди (диаметром около 10 см), на которые вешают сушеное мясо.

Каждая деталь интерьера дома Каузова свидетельствует о стремлении создать наиболее удобное жилище. Здесь предусмотрены: кладовые, полки, ниши, антресоли, лари для зерна, крюки для мяса, камин и т. д. И все эти утилитарные, необходимые для хозяйства семьи элементы мастера-строители объединили в единый архитектурный организм, найдя каждому из них свое место. Здесь проявилась та народная мудрость, у которой многому могут поучиться современные архитекторы.

Таким образом, для подлинно народной архитектуры характерна органичная связь функционально-конструктивной основы здания и его художественного образа. Если же элементы стилизации появляются в народной архитектуре, т. е. если в постройках начинают применяться архитектурные детали, не оправданные конструктивно или функционально, то это обычно свидетельствует об

упадке народного зодчества или же о том, что детали заимствованы из другой (чаще городской) архитектуры. Такое положение было характерно, например, для русской народной архитектуры Поволжья (XIX в.), в постройках которой использовались многие чисто декоративные архитектурные элементы, не связанные с функционально-конструктивной структурой жилого дома. Эти элементы (фронтоны, пилястры, карнизы, балконы и т. д.) были заимствованы народными строителями из городской архитектуры периода русского классицизма (конец XVIII — начало XIX в.). Использование архитектурных элементов классицизма в качестве чисто декоративных средств повлияло и на старье (выросшие на местной основе) формы народного жилища: появились, например, ложные резные ставни, превратившиеся в декоративное обрамление окна.

Одной из наиболее сложных и, пожалуй, наименее разработанных творческих проблем советской архитектуры является проблема национальных особенностей архитектуры.

Правильное понимание этой проблемы связано с оценкой характерного для каждого этапа развития соотношения национального и интернационального в архитектуре.

В прошлые годы многие советские архитекторы рассматривали проблему национальных особенностей архитектуры главным образом с точки зрения освоения наследия прошлого. Это было характерно и для практики советской архитектуры Дагестана, где отношение к проблемам национальных особенностей и освоения наследия прошлого менялось в зависимости от изменения направленности в общем развитии советской архитектуры.

Уже в 1920-е годы Дагестан не остался в стороне от той творческой борьбы, которая шла в советской архитектуре между архитекторами-новаторами, входившими в Объединение современных архитекторов (так называемыми конструктивистами), и сторонниками использования классического и национального наследия. Показательно столкновение творческих принципов этих двух основных архитектурных направлений того периода в конкурсе на проект Дома советов Дагестанской АССР в Махачкале (1926 г.).

Один из лидеров конструктивизма М. Я. Гинзбург создал проект подлинно современного здания, в котором были учтены и местные климатические условия и последние научно-технические достижения. «При решении проблемы национальной архитектуры, — писал М. Я. Гинзбург в статье, посвященной

этому проекту, — должны быть учтены все предпосылки, определяющие современное лицо национальных советских республик: 1) предпосылки многовекового бытового и климатического характера, характера, определяющего индивидуальное национальное лицо республики; 2) предпосылки нового социального уклада, новых форм строящейся жизни и завоеваний современной техники, являющиеся общими и едиными для всего СССР, предпосылки, определяющие нарастающие новых общесоюзных сил строящегося социализма». Гинзбург писал, что «не выдерживает никакой критики восхождение старых архитектурных декоративных форм того или иного национального стиля...»⁴.

В теории и практике конструктивистов 1920-х годов закладывалось правильное отношение к проблеме национального и интернационального в архитектуре. Национальные особенности современной архитектуры конструктивисты видели не во внешнестилистических элементах традиционного национального декора, а прежде всего в функциональном соответствии сооружения требованиям местного быта и климата. Вместе с тем архитекторы старались исходить из новых форм социалистического быта.

Уже в 1920-е годы зарождается и другое понимание проблемы национальных особенностей, приведшее в дальнейшем к серьезным ошибкам в творчестве советских архитекторов. Сторонники этого направления считали, что новые национальные особенности архитектуры в республиках следует искать, «органически» сочетая композиционные принципы классики с традиционными архитектурными формами.

По такому пути пошел, например, автор осуществленного проекта Дома советов в Махачкале (сейчас в этом здании помещается Сельскохозяйственный институт) — архитектор И. В. Жолтовский. На фасадах этого пятиугольного в плане здания, композиция которого навеяна итальянской виллой Капраролой (ренессанс), в качестве «национальных форм» применены «восточные» стрельчатые арки.

В дальнейшем, в 1930-е — 1950-е годы, в национальных республиках было создано большое количество зданий, где обнаруживается подобный подход к выявлению в советской архитектуре национальных особенностей. Причем в тех республиках, где архитек-

⁴ М. Я. Гинзбург. Национальная архитектура народов СССР. — «Современная архитектура», 1926, № 5—6, стр. 113—114.

турное наследие прошлого было сравнительно хорошо изучено, архитекторы использовали в новых зданиях традиционные национальные архитектурно-декоративные формы прошлого (например, в Армении).

В тех же республиках, где памятники архитектуры не были выявлены и изучены, архитекторы в поисках «национальных особенностей» использовали или рисунки на кошме, орнамент вышивки и т. д., или же применяли некие общие «восточные» формы (стрельчатые арки, сталактиты).

Именно в таком положении оказались архитекторы Дагестана, архитектурные памятники которого стали систематически обследоваться лишь в послевоенные годы. Это приводило к тому, что архитекторы пытались использовать в своих проектах орнамент, применяющийся на ювелирных изделиях кубачинских мастеров (например, во фризе общежития областной партшколы в Махачкале — арх. Ш. И. Керимов и Г. М. Шейхов).

Интересно также в связи с этим проследить историю проектирования и строительства Дворца культуры в молодом дагестанском городе Каспийске.

Первый проект Дома культуры был создан еще в 1937 г. архитектором К. Афанасьевым, который в тот период (как и многие наши архитекторы) увлекался классикой. Нас сейчас, разумеется, не может удовлетворить стилистическая характеристика облика Дома культуры, данная в этом проекте. Однако нам представляется принципиально правильными поиски тех архитекторов, которые, проектируя для национальных республик, не пытались создать некий «национальный» стиль, а стремились к национальному своеобразию в пределах определенного стилистического единства, характерного для того или иного этапа развития советской архитектуры. Это относится и к построенному в 1939 г. зданию гостиницы «Дагестан» в Махачкале (арх. Гримм).

К. Афанасьев и Гримм не применяли в своих проектах деталей и форм, свойственных дагестанской архитектуре прошлого, однако, им, на наш взгляд, удалось создать проекты во многом отвечающие национальным особенностям дагестанской архитектуры, ибо эти особенности проявляются прежде всего не в отдельных архитектурных формах, заимствованных из прошлого, а в планировке здания, в его связи с окружающей природой, в учете местных климатических условий и т. д. Именно эти особенности и были выявлены в этих проектах — внутренний дворик или глубокий курдонер с фонтаном, двухъярусная галерея,

связь двора через аркаду с приморским парком и т. д.

К сожалению, война прервала строительство Дома культуры в Каспийске. Лишь в 1954 г. были возобновлены работы по его сооружению, причем, ростовский архитектор В. Симонович создает новый вариант проекта Дома культуры.

В проекте В. Симоновича можно видеть принципиально иной подход к проблеме национальных особенностей дагестанской архитектуры. В нем прежде всего обращено внимание на чисто внешние формы и приемы, якобы характерные для дагестанской архитектуры. В то время, когда архитектор В. Симонович начинал работу над проектом Дома культуры, не было еще специальных печатных работ, посвященных дагестанской народной архитектуре прошлого, и в первом варианте проекта его автор, заботясь о «национальном колорите», использовал такие «восточные мотивы», как стрельчатые арки и сталактиты. В результате вместо современного общественного здания Дом культуры по этому варианту представлял собой грубую стилизацию в каком-то «мавритано-мусульманском» стиле.

После опубликования в 1954 г. новых материалов по народной архитектуре Дагестана, которые показали, что для дагестанской архитектуры прошлого характерна не стрельчатая, а полуциркулярная арка, что сталактиты не применялись в дагестанском народном зодчестве и т. д. В. Симонович коренным образом «переработал» свой проект, заменив все стрельчатые арки полуциркулярными. По этому проекту и был выстроен Дом культуры, однако его новая «стилистическая характеристика» опять имеет очень мало общего с современной национальной архитектурой Дагестана.

Национальные особенности архитектуры нельзя понимать как простое возрождение форм и приемов прошлого; они должны быть прежде всего современны и гармонично сочетаться с удовлетворением материальных потребностей народа, правильным учетом природно-климатических и бытовых местных условий, достижениями строительной техники и современными эстетическими идеалами советских людей.

Демократическая и социалистическая культура каждого народа одновременно интернациональна и национальна, т. е. имеет черты, сближающие и объединяющие ее с культурой других народов, и особенности, отличающие ее, придающие ей своеобразие, известную

неповторимость. В связи с этим важно отметить, что термины *национальные особенности*, *национальные отличия* и *своеобразие* архитектуры данного народа определяют различные понятия.

Национальные особенности — это такие черты, которые присущи только архитектуре данного народа, в них находят отражение особенности психического склада нации.

Национальные отличия — это хотя и объективная, но весьма непостоянная величина, так как сами эти отличия во многом зависят от того, с архитектурой какого народа сравнивается данная архитектура. Например, национальные отличия лезгинской архитектуры будут резко ощутимыми при сравнении ее с русской архитектурой, наглядно выявлены при сравнении с азербайджанской и уже менее ярко внешне выражены при сравнении с агульской архитектурой.

Своеобразие архитектуры данного народа включает в себя общую характеристику черт архитектуры того или иного народа в определенный период. В характеристику своеобразия архитектуры входит и соотношение национальных особенностей и интернациональных черт.

Причем, если говорить о том, что вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры, то, по-видимому, таким вкладом могут быть прежде всего интернациональные черты, которые в силу целого ряда исторических условий получили развитие в культуре именно данного народа.

Общие черты, сформировавшиеся в архитектуре того или иного народа, могут носить и зональный характер. Так было, например, в архитектуре Южного Дагестана. Выработанные мастерами-строителями отдельных народов планировочные, конструктивные или композиционные приемы постепенно становились затем характерными для всей архитектуры лезгинской группы народов.

На общий процесс развития архитектуры и на выработку типов зданий определяющее воздействие оказывают исторические и общественно-экономические условия. Общность законов социально-экономического развития позволяет объяснить общие закономерности развития архитектуры всех народов, не связывая от ее национальных особенностей, а также объяснить общее в формах и типах поселений и зданий разных народов в определенные эпохи.

Национальные же особенности порождаются как раз не общностью, а исторически сложившимся своеобразием всей совокупности

местных условий: социально-экономических, природно-климатических, своеобразием психического склада нации и т. д.

У истоков каждой национальной архитектуры стоит народное зодчество, т. е. архитектура трудящихся масс. В дальнейшем влияние народной архитектуры на развитие общенациональной архитектуры может измениться и стать менее значительным. Высоко оценивая народное зодчество и его неоценимый вклад в национальную архитектуру любого народа, важно отделять в нем прогрессивные элементы от консервативного и отсталого, отражающего подневольную жизнь крестьян и низкий уровень развития техники.

Развитие любой национальной архитектуры происходит не изолированно от развития архитектуры других народов. Пожалуй, только на самой низшей стадии своего развития архитектура того или иного народа может не испытывать влияния другой архитектуры. Однако даже народное зодчество (в том числе и лезгинское), где очень устойчива традиционность форм и приемов, и то не развивается под влиянием только лишь местных условий. В ходе исторического развития архитектуры отдельных народов постепенно менялось соотношение национального и интернационального (общечеловеческого).

Стремление не замыкаться в кругу своих узко национальных традиций характерно и для развития народного зодчества, особенно в конце XIX—XX вв. Так, например, анализируя архитектуру отдельных народов Южного Дагестана, можно заметить, что наиболее ярко национальное различие их архитектуры проявилось в середине XIX в. В последующие десятилетия, по мере проникновения в горы городской культуры и усиления культурного взаимодействия между отдельными народами (в частности, и в результате прекращения междоусобных войн), наметился процесс преодоления национальной замкнутости архитектурных традиций отдельных народов. Особенно интенсивно процесс усиления межнациональных (общедагестанских) и интернациональных черт в народной архитектуре Южного Дагестана протекает в советский период.

В архитектуре отдельных народов Южного Дагестана постепенно отмирают те узко-местные традиции, которые были порождены ремесленным способом строительства, отсутствием необходимых строительных материалов, отсталыми формами быта. В то же время лучшие достижения архитектуры отдельных народов получают более широкое распростра-

нение и становятся общими для всей архитектуры Южного Дагестана (рациональная организация жилищно-хозяйственного комплекса, применение арочных конструкций, кладка из тесанного камня, широкое использование галерей, балконов, лоджий и т. д.).

Решающую же роль в ускорении процесса развития интернациональных тенденций в архитектуре Дагестана играют, конечно, социалистические преобразования в городе и деревне, влияющие на быт советских людей и их материальные и культурные запросы, а также коренным образом меняющие техническую базу строительства.

Большое влияние на формирование национальных черт, национального своеобразия архитектуры того или иного народа оказывают местные условия. Под местными условиями нами понимаются все своеобразные условия развития данной нации. Это прежде всего своеобразие социально-экономических условий, которое характеризуется рядом моментов: исторически сложившейся специализацией производства данной страны или народа (например, кустарные промыслы в Дагестане), соотношением различных производственных укладов (в рамках господствующих производственных отношений), характером социальной структуры общества, своеобразием государственных форм управления («вольные общества» в горных районах Лезгинистана) и т. д. Все эти условия, взятые в сложном специфическом единстве, предопределяют в архитектуре ряд неповторимых черт.

Значительную роль в формировании национальных особенностей архитектуры играют и природно-климатические условия.

Существенное влияние на формирование национальных особенностей архитектуры оказывают также субъективные факторы, такие, как своеобразие психического склада наций и др.

По формам проявления все местные условия, оказывающие влияние на формирование и развитие национальных особенностей архитектуры, можно условно разделить на три группы: общие, особенные и единичные.

Общими местными условиями, действующими, как правило, относительно постоянно, являются природно-хозяйственные условия, образующие ту конкретную среду, в которой и происходит развитие архитектуры народа. К ним относятся: климат, местные строительные материалы, природное окружение, профиль хозяйства, традиции производства и др.

Климат (температурный режим, осадки, ветры и т. д.) влияет, как известно, на плани-

ровку зданий, толщину стен, систему отопления, форму и конструкцию кровли и т. д. Это хорошо видно на примере лезгинского народного зодчества.

Большую роль в развитии национальных особенностей архитектуры играют местные строительные материалы, влияющие на конструкции сооружений, фактуру и цвет стен, характер обработки архитектурных элементов и т. д. Особенно сильно влияние местных строительных материалов сказывается в условиях низкого уровня развития производительных сил, в частности строительной техники. Если сравнить, например, народную архитектуру России, Дагестана и Средней Азии, то можно наглядно увидеть, какую роль в сложении национальных особенностей сыграл основной местный строительный материал (в русской народной архитектуре — дерево, в Дагестане — камень, в Средней Азии — кирпич). Конечно, с развитием строительной техники зависимость архитектуры от местных строительных материалов уменьшается. Однако их влияние на национальные особенности архитектуры сказывается и в условиях индустриализации строительства (особенно в сельских районах). Разумеется, климат и местные строительные материалы сами по себе не являются частью национальных особенностей архитектуры. Однако они оказывают влияние на выработку того национального критерия оценки произведений архитектуры, который в конечном счете и определяет национальные особенности.

Архитектура любого народа неотделима от природного окружения. Разве можно себе представить, например, дагестанский аул на равнине или русскую деревню в горах? Рельеф местности влияет не только на планировку и внешний облик селения города, но и на тип отдельных зданий. Так, например, распространение в горных районах Дагестана двухэтажных жилых домов во многом объясняется тем, что в условиях крутого рельефа значительная часть первого этажа оказывается неудобным для жилья, поэтому в нем, как правило, располагаются хозяйственные помещения.

Рельеф горных районов Южного Дагестана повлиял и на особенности восприятия застройки аулов и отдельных сооружений, и на их объемное решение, и на ярусность композиции селений. Аулы можно видеть с самых различных точек зрения (сверху, снизу, с другой стороны ущелья и т. д.), причем постройки воспринимаются обычно не силуэтно, а объемно. Это не в последнюю очередь повлияло и на отношение к форме завершения

зданий. Плоская кровля, придающая прямоугольную геометричность (кубичность) постройкам, хорошо контрастирует с природным окружением. Она определяет ступенчатость композиции всего аула, для которого характерна ярусность построения. Эта ярусность не только чисто композиционная особенность, она связана и с вертикальным зонированием застройки. Если рассматривать издали «фасад» аула, расположенного на склоне горы, то условно можно выделить такие вертикальные зоны размещения отдельных типов сооружений. Внизу расположены мосты через горные речки, выше — родники и кладбища, затем — оборонительные стены и башни, над ними — ряды жилой застройки, в центральной части которой выделяется крупное здание мечети (часто с минаретом), непосредственно над аулом расположена цитадель (крепость, башня), на окружающих аул отрогах — пиры и мавзолеи. При этом оборонительные башни и минареты композиционно связывают по вертикали несколько ярусов застройки.

Планировка помещений, размеры оконных проемов, устройство лоджий, эркеров и балконов зависят и от таких природных условий, как освещенность. Освещенность определяет в то же время условия зрительного восприятия сооружений и архитектурных элементов: на Севере в условиях рассеянного освещения и облачного неба большое значение имеет силуэтное восприятие сооружений; на юге глубокие и четкие тени хорошо подчеркивают даже небольшие детали и плоскостную резьбу, — именно такая резьба и характерна для лезгинской архитектуры. Колорит природного окружения также сказывается на использовании цвета и цветовых соотношений в архитектуре.

Значительную роль в формировании национальных особенностей архитектуры, особенно в народном зодчестве, играет профиль хозяйства (охота, рыболовство, животноводство, земледелие, садоводство) и зависящий от него образ жизни народа (оседлый, кочевой, полукочевой). Эти условия оказывают часто решающее влияние на тип поселений, на планировку, конструкции и внешний облик жилых и хозяйственных построек. Так, с отгонным овцеводством связано появление такого характерного для Лезгинстана типа поселения, как казмалир, а различие сельского хозяйства в предгорьях и в горах привело к различной организации жилищно-хозяйственного комплекса (земледелие — крытый двор, скотоводство — строительство хлезов и сараев для сена).

Архитектура испытывает также влияние технических и художественных традиций местных промыслов и ремесел; важны также местные приемы обработки строительных материалов. Это особенно характерно для народного зодчества, где местные промыслы тесно связаны с кустарными методами строительства обрядами традициями и приемами.

Особенными местными условиями, воздействующими в течение определенного исторического периода, являются специфические черты исторического развития нации, характерные именно для данного народа и оказывающие определенное влияние на формирование национальных особенностей архитектуры.

Сюда относятся, например, такие социально-экономические особенности, как конкретные формы государственности, влияющие на выработку типов общественных зданий, войны и союзы с другими народами и т. д. Для формирования национальных особенностей архитектуры данного народа не безразлично также, с какими из соседних народов в ту или иную эпоху было наиболее развито у него культурное общение и в какой степени в этот период была развита и своеобразна архитектура этих соседних народов. По отношению к лезгинской архитектуре можно отметить влияние азербайджанской архитектуры, а также архитектуры других народов Дагестана и Кавказа в целом. В то же время сама лезгинская архитектура влияла на строительство в аулах соседних народов.

Влияние более передовой культуры другого народа бывает, как правило, плодотворно, и культура, подвергшаяся такому влиянию, не теряет своей национальной самобытности. Если это влияние совершается не насильственным путем и не связано с подавлением своеобразия культуры, оно способствует ее расцвету и появлению новых самобытных черт. Однако нельзя не учитывать и влияния культуры завоевателей, особенно, если их культура находится на более высоком уровне (например, влияние арабской культуры на развитие культуры Дагестана после завоевательных походов арабов в VII и VIII вв.).

К особенностям исторического развития народа относятся и конкретные формы исповедуемой им религии, а также насильственное распространение или добровольное принятие новой религии, выработанной в других условиях. Религия несла с собой новые традиции и ограничения, новые типы культовых сооружений. Если сравнить, например, находящиеся почти в одинаковых природно-хозяй-

ственных условиях горные районы Грузии и Дагестана, то можно заметить, что религиозные различия (христианство в Грузии и ислам в Дагестане) оказали известное влияние на национальное своеобразие архитектуры их народов. Так, в Дагестане были широко распространены такие типы культовых сооружений, как мечеть, минарет, мавзолей, а в Грузии — церковь, монастырь. Эти типы культовых сооружений, хотя и принесенные в свое время извне в архитектуру этих народов, вместе с новой религией, имеют вместе с тем свои национальные особенности и в известной степени влияют на жилую архитектуру и на архитектурный декор (запрет в мусульманской религии изображать человека — отсюда развитие орнаментальной резьбы и т. д.).

Единичными, относительно кратковременно действующими условиями, влияющими на формирование национальных особенностей архитектуры, являются различные случайные и субъективные факторы. Например, своеобразие творчества того или иного зодчего. Архитектура любого народа (особенно народное зодчество) характеризуется преемственностью функциональных, конструктивных и композиционных приемов, архитектурных форм и деталей, выработанных трудом многих поколений.

Однако отдельные наиболее талантливые архитекторы часто ломают старые традиции, создавая новые приемы и формы. Их лучшие достижения закрепляются традицией, входя неотъемлемой составной частью в архитектуру данного народа. Это неистощимый родник народного гения, непрерывно пополняющий зодчество каждого народа новыми самобытными чертами.

Иногда такие «новшества» в архитектуре могут появиться лишь под влиянием личного вкуса строителя или заказчика, и впоследствии даже при самом тщательном исследовании не удается найти закономерных причин появления данной черты национального своеобразия архитектуры. Это говорит о том, что в формировании национальных особенностей архитектуры, кроме объективных и закономерных факторов, участвуют и субъективные и случайные факторы. Именно своеобразием таланта отдельных народных мастеров можно объяснить формы художественно обработанных деревянных деталей, характерные, например, для ряда горных лезгинских селений — Кара-Кюре, Хрюк и др.

В национальной культуре проявляются особенности психического склада нации (национального характера), который вырабаты-

вается из поколения в поколение в результате неодинаковых условий существования и своеобразия местных условий.

Местные условия (общие, особенные и единичные) в сочетании, характерном только для данного народа, влияют на сложение национальных особенностей архитектуры, которые в свою очередь наряду с местными условиями способствуют выработке у народа определенных вкусов, представлений и критериев оценки произведений архитектуры.

Национальный характер нельзя рассматривать как нечто неизменное, раз навсегда данное. Психический склад нации изменяется вместе с изменениями социально-экономических и других условий жизни народа, отражением которых он и является. Поэтому к творческому освоению национального культурного наследия надо подходить осторожно, ибо далеко не все, что было создано в прошлом и что сохраняет объективную художественную ценность, отражает черты современного психического склада нации.

Особое внимание в этой связи необходимо уделять изучению народного зодчества, которое, обслуживая широкие массы людей любой нации, в каждый данный момент более полно, чем памятники архитектуры многовековой давности, отражает современный национальный характер народа.

Национальный характер нельзя рассматривать и как нечто физиологическое, присущее человеку от рождения. Особенности психического склада нации зависят прежде всего от условий жизни народа, формируются окружающей обстановкой. Следовательно, общность психического склада людей одной национальности зависит не столько от их племенной близости, сколько от одинаковости условий, в которых они живут.

В процессе исторического развития в архитектуре того или иного народа были выработаны свои конструктивные и планировочные приемы, закономерности объемно-пространственной композиции, свои архитектурные детали и т. д., которые в свою очередь повлияли на представления людей данной нации об архитектуре. Следовательно, не только местные условия и сформировавшийся под их влиянием национальный характер влияют на становление национальных особенностей архитектуры, но и сами эти особенности архитектуры, появившись под влиянием тех или иных местных условий, формируют и психический склад нации, что проявляется и в своеобразии восприятия масштабности зданий, тектоники, колорита и др., т. е., если можно так выразиться,

в «национальном вкусе» при оценке достоинств произведений архитектуры.

Разумеется, каждая из черт национальных особенностей архитектуры имеет свои рациональные истоки, но с течением времени она стала привычной и ее роль уже не сводится к ее рациональным корням. Здесь так же, как и при восприятии языковых идиом, действует «потухшая» образность. Национальные особенности органично влияют на процессы творчества и восприятия тогда, когда их не замечают, не акцентируют на них внимания, а это возможно лишь в том случае, если архитектор и потребитель глубоко чувствуют своеобразие своего родного искусства.

Полноценное восприятие эстетических качеств произведений архитектуры предполагает не только наличие у воспринимающего развитого художественного вкуса, но и предъявляет целый ряд других требований. Так, например, необходима определенная широта вкуса и знакомство с искусством данного народа, чтобы правильно оценить художественные достоинства, в частности, произведений народного зодчества. Необходимо также знать и особенности функционального использования зданий и их конструкций и т. д. Короче говоря, надо, оценивая художественные достоинства архитектуры того или иного народа, учитывать тот критерий оценки, который существует у его непосредственных потребителей, так как каждое произведение архитектуры создается в определенных исторических, социальных и национальных условиях. Причем архитектор или народный мастер-строитель, создавая архитектурное произведение, исходит из художественных требований и эстетических критериев своих современников.

В работах по истории архитектуры это существенное обстоятельство часто не учитывается, когда дается оценка произведений архитектуры далекого прошлого или другого народа. Рассмотрим на ряде примеров из лезгинской народной архитектуры, к чему может привести недооценка местных особенностей восприятия художественного облика построек.

Выше уже говорилось о том, что композиция интерьера кунацкой рассчитана на точку зрения сидящего на полу человека. Однако, чтобы полноценно воспринимать такой интерьер, совсем недостаточно просто сесть на пол. Необходимо, чтобы восприниматель ощущал естественность своей позы, т. е. чтобы он привык сидеть на полу. Но городскому человеку мешают и привычка ощущать

пол как поверхность, по которой только ходят, и целый ряд ассоциаций, связанных с назначением отдельных элементов оборудования жилых комнат. Так, часто в интерьерах кунацких лезгинских домов, где все осталось по-старому, стоит у стены стол, на котором лежат книги, стоит приемник и т. д., а стульев в комнате нет, так как сидят (и едят) все равно на полу. И вот в таком помещении, где единственной мебелью является стол, городскому человеку, привыкшему смотреть на стол сверху, трудно непринужденно чувствовать себя, сидя на полу, так как все время помнишь, что за столом обычно сидят и что находишься где-то ниже воображаемой плоскости, делящей комнату на «низ» и «верх». Местные же жители не ощущают такого неудобства.

Другой пример. В городском строительстве архитектор, стремясь придать особую монументальность зданию, часто облицовывает его фасад «рваным» естественным камнем. Такое здание в городе зрительно производит впечатление монументальности и повышенной прочности по сравнению со зданиями, стены которых имеют обычную гладкую облицовку. Поэтому многим впервые попавшим в горные районы Дагестана, как правило, жилые дома, сложенные из необработанного камня, кажутся более «монументальными», они производят впечатление более «крепких» по сравнению с домами из тесанного камня. Но на горцев дом из необработанного камня отнюдь не производит впечатления монументального и тем более крепкого. Они знают, что кладка его стен не отличается большой прочностью, так как камни не подогнаны один к другому и связаны лишь глиняным раствором. Наоборот, дом из тесанного камня, который городскому жителю кажется чем-то «нетипичным» для аула, для горца наоборот представляется олицетворением прочности и монументальности.

Сложности восприятия эстетических достоинств произведений дагестанской народной архитектуры обнаруживаются и в оценках масштабности композиции жилого дома. Как известно, восприятие реальных размеров здания во многом зависит от наличия в его композиции таких элементов, размеры которых соизмеримы с человеком — двери, окна, высота этажа и т. д., причем размеры этих элементов в городской архитектуре являются даже известным масштабным модулем, к которому привыкает каждый человек. Если с таким городским привычным модулем подходить к оценке масштабности жилых до-

мов Южного Дагестана, то обнаруживается, что многие дома кажутся крупнее, чем они есть на самом деле, особенно если рассматривать их с относительно большого расстояния и если вблизи дома нет в данный момент объектов, которые могут помочь правильно оценить его реальные размеры (люди, животные, предметы быта и т. д.).

Возникает соблазн приписать этот эффект увеличения зрительных размеров дома сознательному стремлению народных мастеров сделать дом более «монументальным». На деле же оказывается, что в дагестанской архитектуре существует свой масштабный модуль, к которому местные жители привыкли, — двери, окна и высота этажей в дагестанских домах значительно меньше, чем в городских. Но даже осознав это, трудно все же сразу отделаться от впечатления «монументальности», которое оставляет «типовой» табасаранский дом XIX в. Городскому человеку, привыкшему к иному масштабному модулю, зрительно такой дом все равно кажется более крупным и за счет формы своих окон, и за счет горизонтальных членений, и особенно за счет «величественного» портала с арочным проемом, высота которого на деле оказывается немного больше 1,5 м. Местные же жители не воспринимают дом более крупным, так как они, например, прекрасно чувствуют реальные размеры входного портала, в который надо входить согнувшись.

Вот из таких нюансов восприятия художественного облика здания, связанных с глубоким пониманием и значением его функции и конструкции, и складываются национальные особенности критерия эстетической оценки произведений архитектуры.

Говоря о самобытности лезгинской народной архитектуры, необходимо особо подчеркнуть сложность условий, в которых она развивалась. Лезгинские районы Дагестана различны в природном, хозяйственном и климатическом отношении и никогда в прошлом не составляли единого политического целого. Это, конечно, во многом усложнило развитие народного лезгинского зодчества и, в частности, помешало созданию единого типа жилого дома, единых конструктивных и художественно-композиционных приемов. Поэтому даже в период расцвета лезгинской архитектуры прошлого, во второй половине XIX в., фактически имелось несколько различных «архитектурных школ», отличающихся друг от друга планировочными, конструктивными и художественными приемами. Так, саманная архитектура нижних предгорий

существенно отличается от архитектуры горных районов, которая в свою очередь сама делится на несколько местных «школ».

Однако в лезгинской народной архитектуре можно выделить основную линию развития, которая во многом и определила самобытность планировочных и конструктивных приемов и художественную ценность лезгинского народного зодчества.

Сравнивая достижения лезгинских народных мастеров-строителей того или иного района, той или иной группы селений, можно без труда заметить, что наибольшую ценность представляют произведения мастеров ахтынских селений⁵ (Ахтынский и Докузпаринский районы). Эти селения меньше подвергались нападением иноземных захватчиков, не подчинялись власти соседних феодалов, издавна входили в национальные политические образования — Самурские «вольные общества» (Ахты-Пара, Алты-Пара, Докуз-Пара) — и были расположены на компактной, однородной в природном, хозяйственном и климатическом отношении территории.

Архитектура лезгинского жилого дома прошла сложный путь развития. В середине XIX в. в результате социально-экономических изменений был создан новый тип жилого дома. В это же время сложились и все основные конструктивные и художественные приемы лезгинской народной архитектуры того периода. Эти постройки представляют наиболее значительный интерес из всего наследия лезгинской народной архитектуры прошлого.

Большим достижением лезгинской народной архитектуры прошлого является создание типа жилого дома с лоджией.

Исключительный художественный интерес представляет архитектура интерьера кунацкой этого жилого дома, которая не имеет аналогий в зодчестве других народов Кавказа и является одним из самых замечательных и самобытных достижений лезгинской народной архитектуры.

Народные лезгинские мастера создали замечательное искусство художественной обработки дерева, которое входит ценным вкладом в сокровищницу культурного наследия народов Дагестана. В лезгинской архитектуре были выработаны в XIX в. такие ценные

⁵ Эти территории, по-видимому, и были местом сложения лезгинской народности, откуда лезгини расселились в предгорные районы Дагестана и Азербайджана (С. С. Агаширинова. Поселения лезгин., стр. 236).

в художественном отношении архитектурные элементы, как деревянный «ордер» лоджии жилого дома, резной портал, конструктивно-декоративная система перекрытия интерьера, внутренние резные столбы мечетей, орнаментальная резьба по дереву.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что лезгинские мастера умели создавать высокохудожественные архитектурные элементы, затрачивая минимум художественных средств, но распределяя их в самых ответственных местах. Отсюда то впечатление логичности, простоты и тектоничности, которое производит памятники лезгинской народной архитектуры, чему во многом способствует и умеренное применение орнаментальной резьбы.

Больших успехов достигли народные мастера и в искусстве умелого сочетания в одной постройке различных строительных материалов (самана, камня, дерева) и конструктивных систем (арки, деревянного столба).

На примере лезгинской народной архитектуры хорошо видно, какое большое, определяющее влияние оказывают социально-экономические условия на развитие народного жилища.

Пережитки патриархально-родовых отношений привели к появлению в прошлом типа дома для большой семьи с общим жилым помещением и единым хозяйством. Взаимоотношения жителей горных селений при наличии пережитков патриархально-родовых отношений, общность интересов при защите родного аула от нападения врагов, слабое имущественное расслоение и т. д. оказывали влияние и на архитектурный облик жилого дома того времени: дом снаружи представлял собою суровую, крепостного характера, постройку, и лишь интерьер его жилой части приобретал характер жилья.

Распад патриархально-родовых отношений, рост имущественного неравенства привел к выработке нового типа дома для отдельной хозяйственно самостоятельной семьи (малой семьи), а рост культуры под влиянием города способствовал дальнейшей дифференциации помещений жилого дома. Имущественное расслоение горного аула и появление новых отношений между его жителями, основанных на экономической зависимости беднейшей части горцев от местных богатеев, оказали большое влияние на архитектуру жилого дома, внешний облик которого начинает отражать имущественное положение своего хозяина. Новые требования, предъявленные к народным мастерам-строителям, привели к раз-

витию трудоемкого искусства художественной обработки дерева, оплачивать которое были в состоянии лишь зажиточные слои горцев. Появляются уникальные по своей художественной ценности постройки с обилием резных деревянных деталей.

Лезгинская народная архитектура (прежде всего в области строительства жилищ) на протяжении веков накопила богатейший опыт учета местных климатических условий, быта, использования местных строительных материалов и т. д. Однако, высоко оценивая достижения народных мастеров, нельзя забывать, что расцвет лезгинского народного зодчества в прошлом был связан с низким уровнем развития строительной техники (с ремесленным трудом) и что ему присущ консерватизм.

По мере распространения на селе современных методов строительства в сельской архитектуре постепенно сужается, а в дальнейшем еще больше будет сужаться сфера использования фольклора. Это процесс, безусловно, прогрессивный, и не следует его искусственно затормаживать, стремясь «возродить» отдельные традиционные приемы. Лишь недостаточным внедрением новой строительной техники в сельскую архитектуру Дагестана объясняется сохранение там кустарных методов строительства.

Разумеется, в отдельных случаях и сейчас в горных районах Южного Дагестана могут создаваться (и создаются) местными мастерами интересные произведения народной архитектуры, однако, художественная ценность таких построек во многом зависит от характера использования местных (узких) традиций (т. е. от степени их фольклорности) и в конечном счете связана с кустарными методами строительства.

Расцвет лезгинского народного зодчества был обусловлен в прошлом как определенным уровнем развития строительной техники, так и определенной ограниченностью эстетического критерия.

Это отразилось не только в конструкциях сооружений и в их функциональных особенностях, но и в примерах архитектурной композиции зданий и характере художественной обработки деталей.

Разве возможны при современном уровне строительной техники многие приемы народного зодчества? Конечно, нет. Но опыт народных мастеров учит искусству использовать реальные возможности и местные условия, выявлять потенциальные художественные возможности, казалось бы, простейших функциональных и конструктивных решений.

ЛИТЕРАТУРА

- Абсаляев Н. Заметки о домашнем быте дагестанских горцев. — Газета «Кавказ», 1867, № 50—51.
- Агаширинова С. С. Поселения лезгин в XIX — начале XX вв. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. VI. Махачкала, 1958.
- Агаширинова С. С. Очерки материальной культуры лезгин в конце XIX — начале XX вв. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. IV. Махачкала, 1958.
- Алкадари Гасан Асари Дагестан. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. 46. Махачкала, 1926.
- Бакланов Н. Б. Архитектурные памятники Дагестана, вып. I. А., 1935.
- Вашкиров А. С. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931.
- Вашкиров А. С. Резьба по камню и дереву в Дагестане. — В сб. «Художественная культура Советского Востока», М.—Л., 1931.
- Вашкиров А. С. Деревянные двери дагестанского аула Кала-Коррейш. — «Труды секции археологии Института истории и искусствознания», 2. М., 1928.
- Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью, ч. II. Казань, 1850.
- Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I—II. М., 1823.
- Воронов Н. Из путешествия по Дагестану. — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 3. Тифлис, 1870.
- Вучетич Н. Четыре месяца в Дагестане. — Газета «Кавказ», 1864, № 75—77.
- Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960.
- Гайдаров Р. О названиях лезгинских аулов. — «Ученые записки Дагестанского государственного университета», т. XIII. Махачкала, 1963.
- Ган К. Ф. Путешествие по высочайшим местам Дагестанской области летом 1902 года. — «Известия Кавказского отдела Русского географического общества», т. XVI, № 4. Тифлис, 1903.
- Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (лето 1898 года). — «Собрание материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXXI. Тифлис, 1902.
- Генко А. Н. Ахтинские тексты. — «Доклады АН СССР», 1926.
- Гольдштейн А. Ф. Жилой дом в народной архитектуре кумыков. — «Сборник научных сообщений по строительству и архитектуре Дагестанского государственного университета». Махачкала, 1967.
- Дебиринов П. М. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966.
- Дебиринов П. М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.
- Десинев А. Р. Исторические сведения о Самурском округе, 1839 г. — «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» М., 1958.
- З.-А. Поездки г. Беккера по Южному Дагестану. — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IX. Тифлис.
- З.-в. Н. К. Военно-ахтинская дорога и Самурский округ. — Газета «Кавказ», 1864, № 2.
- Иосселиани П. Путевые записки по Дагестану (в 1861 году). Тифлис, 1862.
- Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. — «Материалы по археологии Дагестана», т. I. Махачкала, 1959.
- «История Дагестана», т. I. М., 1967, т. II. М., 1968; т. III. М., 1968.
- Ихлов М. М. Кубинские лезгин. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. II. Махачкала, 1957.
- Калоев Б. А. Поселения и жилища агулов. — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XXIII. М., 1955.
- Кильчевская Э. В. От изобразительности к орнаменту. М., 1968.
- Кильчевская Э. В. и Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.
- Кобычев В. П. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. — «Труды Института этнографии», новая серия, т. LXXIX. М.—Л., 1962.
- Козубский Е. И. Заметки о памятниках и остатках старинных в Дагестанской области. — «Дагестанский сборник», вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902.
- Комаров А. В. Списки населенных мест Дагестанской области. — «Сборник статистических сведений о Кавказе», т. I. Тифлис, 1869.
- Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.
- Котович В. М. К истории дагестанского поселения и жилища на ранних этапах медно-бронзового века. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. XII, серия историческая. Махачкала, 1964.
- Краббе К. К. Замечания о Докузпаре, Ахта и Рутуле (до 1835 г.). — «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» М., 1958.
- Кузнецов Н. И. В дебрях Дагестана (1911 г.). — СПб., 1913.
- Курдов К. М. Высочайшее селение Кавказа. — Иллюстрированное приложение к газете «Кавказ», 1905, № 1.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ¹

- Лавров А. И. Лезгинь.— Сб. «Народы Дагестана». М., 1955.
- Лавров А. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв. М., 1966.
- Лавров А. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII—XX вв. М., 1968.
- Любимова Г. Н. Култывые постройки агульских селений горного Дагестана.— «Памятники культуры», № 3. М., 1961.
- Любимова Г. Н. и Хан-Магомедов С. О. Хозяйственные постройки табасаран.— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», XIV. М., 1952.
- Любимова Г. Н. и Хан-Магомедов С. О. Народная архитектура Южного Дагестана. Табасаранская архитектура. М., 1956.
- Магомедов Р. М. Происхождение названия Лезгинистан.— «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. IX. Махачкала, 1961.
- Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX вв. Махачкала, 1957.
- Маршаев Р. Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII—начале XIX в.— «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. III. Махачкала, 1957.
- Месляк С. Кюринский округ. Казмаляр.— «Плановое хозяйство Дагестана», Махачкала, 1929, № 1.
- Мовчан Г. Я. Из архитектурного наследия аварского народа.— «Советская этнография», 1947, № 4.
- Мовчан Г. Я. Предварительные заметки о типологии жилищ народов Нагорного Дагестана.— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. IV. М., 1948.
- Муичаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1961.
- Никольская З. А. Из истории аварских жилищ.— «Советская этнография», 1947, № 2.
- «Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.» М., 1965.
- Панек А. Б. Работа южного отряда Дагестанской экспедиции.— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», IV. М., 1948.
- Панек А. Б. Жилище лезгин.— «Материалы по этнографии Грузии», вып. IX. Тбилиси, 1957.
- Пастухов А. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шах-Даг.— Журнал «Землеведение». М., 1894, кн. II.
- Сайдов М. С. О распространении Абу Муслимом ислама в Дагестане.— «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. II. Махачкала, 1957.
- Саркисов А. В. и Иманов М. Н. Некоторые типы народного жилья Кубинского и Кусарского районов.— «Памятники архитектуры Азербайджана». М.— Баку, 1946.
- «Тарихи Дербент-Наме». Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898.
- Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.— Л., 1959.
- Усейнов М., Бретаницкий А., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963.
- Хан-Магомедов С. О. Народное жилище Южного Дагестана.— «Советская этнография», 1951, № 1.
- Хан-Магомедов С. О. Жилище табасаран.— «Советская этнография», 1951, № 4.
- Хан-Магомедов С. О. Народная архитектура Дагестана.— «Архитектура СССР», 1954, № 4.
- Хан-Магомедов С. О. Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана.— «Архитектурное наследство», № 11. М., 1958.
- Хан-Магомедов С. О. Дербент. М., 1958.
- Хан-Магомедов С. О. Архитектура цахуров.— «Архитектурное наследство», № 13. М., 1961.
- Хан-Магомедов С. О. Ханский дворец в Дербенте.— «Памятники культуры», № 3. М., 1961.
- Хан-Магомедов С. О. Стены и башни Дербентской крепости.— «Архитектурное наследство», № 17. М., 1963.
- Хан-Магомедов С. О. Народное жилище Южного Дагестана и некоторые вопросы национальных особенностей советской архитектуры.— «Искусство Дагестана». Махачкала, 1964.
- Хан-Магомедов С. О. Раннесредневековая горная стена в Дагестане.— «Советская археология», 1966, № 1.
- Хан-Магомедов С. О. Медресе комплекса Джума-мечети в Дербенте.— «Архитектурное наследство», № 17. М., 1967.
- Хан-Магомедов С. О. Оборонительные сооружения Южного Дагестана.— «Архитектурное наследство», № 18. М., 1969.
- Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.
- Шнеллинг Е. М. Кубанцы и их культура. М.— Л., 1949.
- Шихсаидов А. Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан.— «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. III. Махачкала, 1957.
- Шихсаидов А. Р. Распространение ислама в Южном Дагестане в X—XV вв.— «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. VI. Махачкала, 1959.
- Шихсаидов А. Р. Арабские строительные надписи Дагестана (XI—XVII вв.).— «Ученые записки Института истории, языка и литературы», т. XIII, серия историческая. Махачкала, 1964.
- Юшков С. В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания).— «Ученые записки Свердловского гос. пед. института», вып. 1, 1938.

1. Селение Фила
2. Селение Кара-Кюре
3. Часть селения Куруш
4. Часть селения Буткент
5. Конструкция каминя нового жилого дома в с. Испик
6. Развитие саманного жилого дома: дом Рыфиева в с. Зухрабкент; дом Сафихановой в с. Зухрабкент; дом Магомедова в с. Испик; дом Меджидовой в с. Ашага-Стал; дом Гаджикеримовой в с. Юхари-Стал; дом Бабаева в с. Гезербент
7. Каминь и печи саманных домов: угловые каминь старых домов; каминь новых домов; печь (тоцдыр) для выпечки чуреков; печь (хар) для выпечки лаваша
8. Дома для большой семьи: с. Фий, фасад, план первого и второго этажей, разрез; с. Фий разрез и план; с. Маза, разрез и план; с. Смугул, разрез и план
9. Дом Гаджикеримовой в с. Юхари-Стал
10. Дома для малой семьи (фасады, планы первого и второго этажей) в с. Курах, с. Фий, с. Ихир, с. Джиг-Жиг
11. Типы домов XIX в. (фасады, планы первого и второго этажей) в с. Маза, с. Куруш, с. Ахты, с. Смугул
12. Дом Нороевой в с. Куруш
13. Жилой дом в с. Маза
14. Дом Таджикова в с. Курах: фасад, план первого этажа, план второго этажа, столб лоджии, разрез
15. Дом Куджаева в с. Маза: общий вид, фасад сарая для сена, генплан участка; план второго этажа жилого дома
16. Типы домов с лоджиями (фасады, планы первых и вторых этажей) в с. Кочхор, с. Шинихюр, с. Курах, с. Маза, с. Фила, с. Куруш
17. Схемы фасадов и планов вторых этажей домов с лоджиями
18. Дом Латифова в с. Маза: фасад, план первого этажа, план второго этажа, разрез
19. Дом Аскерова в с. Фий: фасад, план первого этажа, план второго этажа
20. Арочные конструкции перекрытия
21. Жилой дом в с. Маза
22. Дом Гаджиева в с. Джиг-Жиг
23. Арочные окна и порталы (схемы)
24. Дом Гюляметова в с. Маза: реконструкция фасада, план первого этажа, план второго этажа
25. Дом Медкеримовых в с. Маза: фасад, план первого этажа, план второго этажа, разрез
26. Дом Шейдаева в с. Маза: фасад, план первого этажа, план второго этажа, столб лоджии
27. Дом Ризаева в с. Маза: фасад, план первого этажа, план второго этажа
28. Дом Раджабова в с. Фий
29. Дом Раджабова в с. Фий: реконструкция фасада, план первого этажа, план второго этажа, разрез, детали
30. Резной каминь в кладке фасада жилого дома в с. Фила
31. Жилой дом в с. Хрюк: фасад, план второго этажа, план первого этажа
32. Дом Омарова в с. Хрюк: фасад, план первого этажа, план второго этажа, генплан участка
33. Жилой дом в с. Ихир: фасад, разрез, план первого этажа, план второго этажа, детали лоджии
34. Сарай для сена с. Маза (общий вид, разрез, фасад, план), с. Маза (фасад), с. Джиг-Жиг
35. Дом Кабибовой в с. Фила: фасад; план первого этажа, план второго этажа; разрез
36. Дом Баширова в с. Куруш: фасад, план первого этажа, план второго этажа, разрез, детали лоджии
37. Дом Шахвелдова в с. Куруш: фасад, окно, столб лоджии, план первого этажа, план второго этажа, разрез
38. Дом Загидова в с. Каладжух: разрез кунацкой, столбик перекрытия кунацкой и консоли карниза, резные ворота, фасад, план первого этажа, план второго этажа
39. Дом Бабировой в с. Куруш: фасад, план первого этажа, план второго этажа, детали лоджии

¹ Чертежи, рисунки и фотографии выполнены автором.

40. Дом Курбанова в с. Кара-Кюре: перспектива, фасады, план первого этажа, план второго этажа, разрез кунацкой, резные деревянные детали лоджии, резная дверь, столбик перекрытия кунацкой
41. Дом Наметулаева в с. Кара-Кюре: фасад, план первого этажа, план второго этажа, деревянные детали (окно, дверь, столбик перекрытия кунацкой, консоль карниза), разрез кунацкой
42. Дом Джабарова в с. Куруш: фасад, разрез кунацкой, план первого этажа, план второго этажа
43. Саманные сараи для сена: в с. Микрах (перспектива, фасад, разрез, план), с. Мака (перспектива, план), с. Текипиркент (фасад, план), с. Кара-Кюре (фасады, план разрез), с. Гоган (фасады, план)
44. Дом Мехдиевой в с. Куруш: перспектива интерьера кунацкой, разрез кунацкой, фасад, план первого этажа, план второго этажа, столб лоджии, окно, столбик перекрытия кунацкой, консоль карниза, столбик перекрытия жилой комнаты
45. Планы и разрезы кунацких: в с. Маза, с. Куруш, с. Кара-Кюре
46. Конструкция перекрытия кунацких (перспективы, разрезы, планы)
47. Дом Джалилова в с. Маза: перспектива интерьера кунацкой, фасад, план первого этажа, план второго этажа; разрезы: детали (окно, столбики перекрытия кунацкой)
48. Дом Казиева в с. Кочхюр: перспектива интерьера, фасад, разрез, план первого этажа, план второго этажа, столбик перекрытия
49. Лепные детали интерьеров
50. Окна с наборными переплетами: схемы наиболее распространенных типов окон, в с. Маза, с. Ихир, с. Фий, с. Кара-Кюре
51. Деревянные детали саманных домов: подбалки столбиков галерей, консоли карниза, столбы первого этажа
52. Подбалки с волютами: в с. Маза, с. Ахты, с. Фий, с. Ихир, с. Джиг-Жиг, с. Хрюк
53. Подбалки с орнаментальной резьбой в с. Каладжух, с. Филя, с. Текипиркент, с. Куруш, с. Кара-Кюре
54. Подбалки с гирьками в с. Кара-Кюре
55. Подбалки и консоли карниза в с. Хрюк
56. Консоли карнизов: в с. Маза, с. Кара-Кюре, с. Каладжух, с. Курах, с. Хрюк, с. Кочхюр, с. Джиг-Жиг
57. Консоли карнизов: с. Курах, с. Кочхюр, с. Хрюк, с. Куруш, с. Филя, с. Кара-Кюре, с. Маза, с. Каладжух, с. Усуг
58. Деревянные двери: варианты обработки створок
59. Деревянный портал в с. Гоган
60. Резные деревянные порталы: в с. Филя, с. Микрах, с. Кара-Кюре
61. Деревянные порталы: в с. Хрюк, с. Кара-Кюре, с. Гоган
- 62—63. Деревянные порталы в с. Кара-Кюре
64. Орнамент резьбы по дереву: розетки, линейный орнамент, плоскостной орнамент
65. Варианты орнаментальных розеток
66. Жилые дома конца XIX — начала XX в. и современные жилые дома: схемы фасадов и планов (план первого этажа, план второго этажа)
67. Жилой дом в с. Касумкент
68. Дом Зыгирбекова в с. Хрюк: общий вид, план первого этажа, разрез, план второго этажа
69. Дом Алиева в с. Маза: общий вид, план первого этажа, план второго этажа, разрез
70. Жилой дом в с. Испик
71. Окно первого этажа современного жилого дома в с. Испик
72. Дом в с. Шимишюр
73. Окно жилого дома в с. Кочхюр
74. Арочные перемычки в с. Филя
75. Арочные окна в с. Филя
76. Одноэтажные жилые дома (фасады, планы): с. Мака; с. Смугул, с. Микрах-Казмалар, с. Гапцах
77. Подпорные стенки в с. Маза
78. Мост в с. Ахты (гравюра XIX в.)
79. Мосты в с. Маза (фасады, продольные и поперечные разрезы)
80. Мост на дороге между селениями Филя и Гапцах
81. Мост в с. Кочхюр
82. Мост в с. Кочхюр
83. Мост в с. Ахты: общий вид, фасад
84. Родники (фасады, планы, разрезы): с. Юхари-Мака, с. Мака, с. Кочхюр, с. Филя
85. Два родника в с. Микрах: перспектива, фасады, планы, разрезы
86. Родник в с. Урсун
87. Родник-бани в с. Курах: фасад, план, разрез
88. Мечеть в с. Касумкент: фасад, план, разрез, внутренние и наружные деревянные столбы
89. Мечеть в с. Гоган: фасад, план, разрез, внутренние столбы
90. Мечеть в с. Джиг-Жиг: перспектива интерьера, фасады, план первого этажа, план второго этажа, разрез
91. Мечеть в с. Кочхюр: фасад, план первого этажа, разрез, рисунок в кладке фасада, план второго этажа
92. Мечеть в с. Хледж — фрагмент фасада (михраб)
93. Резной деревянный входной портал мечети в с. Кара-Кюре
94. Мечеть в с. Кара-Кюре: деревянная кафедра, наборная рама (типа «шебеке»), разрез, план
95. Мечеть в с. Кара-Кюре: наружные деревянные столбы
96. Мечеть в с. Кара-Кюре: внутренние деревянные столбы
97. Мечеть в с. Хрюк: разрез, план, фасад, карниз минарета, внутренние столбы
98. Мечеть в с. Хрюк: внутренние деревянные столбы
99. Минарет мечети в с. Хрюк
100. Минарет в с. Фий: общий вид, план и карниз
101. Башня в с. Нютюг: план, фигурный камень арочной перемычки входа, фрагмент фасада, разрез
102. Мечеть в с. Юхари-Стал: общий вид, план, разрез
103. Мечеть-родник в с. Курах (разрез, план)
104. Мечети с источниками: в с. Гоган (план, разрез), с. Кочхюр (план, разрез)
105. Надгробия в с. Курах: рисунок надгробного камня (1315 г. хиджры — 1897—1898 гг.) и различные типы деревянных консолей
106. Надгробные камни в с. Орта-Стал
107. Лезгинские надгробия (фасады, планы, разрезы): в с. Смугул, с. Куруш, с. Юхари-Мака, с. Ахты
108. Пир в с. Микрах
- 109, 110. Мавзолей (пир) в с. Курах: общие виды, разрезы, планы (нижней камеры и купола)
111. Мавзолей в с. Орта-Стал: общий вид, план, разрез
112. Мавзолей в с. Микрах: общий вид, разрез, план
113. Мавзолей близ с. Штул: фасад, план, план купола, разрез, детали (фигурные камни)
114. Мавзолей шейха Ахмада в с. Гелькев (общий вид, разрез, планы первого и второго этажей)
115. Мавзолей в с. Урсун

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЛЕЗГИНИСТАН (историко-географический очерк)	9
ПОСЕЛЕНИЯ ЛЕЗГИН	17
НАРОДНОЕ ЖИЛИЩЕ	27
Жилые дома конца XVIII — начала XIX в.	27
Жилые дома середины XIX в.	33
Жилые дома второй половины XIX в.	49
Интерьер парадной жилой комнаты (кунацкой)	79
Искусство художественной обработки дерева	90
Жилые дома конца XIX — начала XX в.	108
Современные жилые дома	113
ИНЖЕНЕРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ	120
Дороги и подпорные стенки	120
Мосты и акведуки	122
КУЛЬТОВЫЕ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ	134
Мечети и минареты	134
Надгробия	152
Мавзолей (пиры)	153
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ (лезгинское зодчество и некоторые вопросы теории)	163
ЛИТЕРАТУРА	177
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	179

Селим Омарович Хан-Магомедов

Лезгинское народное зодчество

*Утверждено к печати
Институтом истории искусств Министерства культуры СССР*

Редактор издательства *Ф. И. Гринберг*
Художник *Э. А. Эрман*
Технический редактор — *В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 8/XII-1968 г. Подписано к печати 4/VII-1969 г.
Формат 84 × 108^{1/16}. Печ. л. 11,5 Усл. печ. л. 19,32
Уч.-изд. л. 19,5 Тираж 2000 экз. Т-09643
Бумага № 1. Тип. зак. 1484

Цена 1 р. 23 к.

Издательство «Наука»,
Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-ая типогр. изд-ва «Наука» Москва, Г-99, Шубинский пер., 10